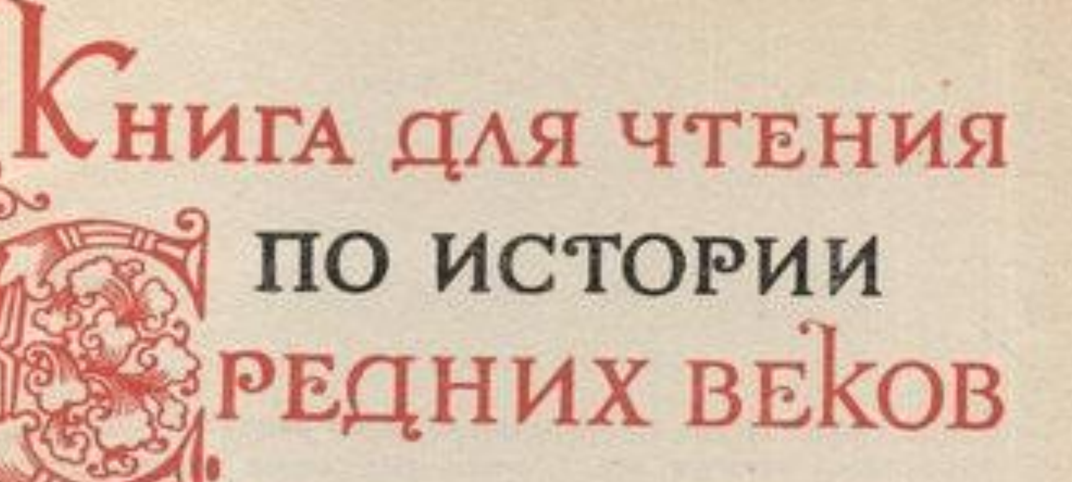

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. С. Д. СКАЗКИНА

Часть третья

ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва 1953

В фигурные скобки {} здесь помещены
номера страниц (окончания) издания-оригинала.
Файлы ist6.jpg—ist412.jpg — это файлы рисунков на соответствующих их номерам страницах книги.

Книга для чтения

ПО ИСТОРИИ

Средних веков

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. С. Д. СКАЗКИНА

Часть третья

ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР**
Москва 1953

«Книга для чтения по истории средних веков» (ч. III) под редакцией члена-корреспондента Академии наук СССР С. Д. Сказкина охватывает позднее средневековье и предназначена для учащихся средней школы.

Книга для чтения содержит 21 очерк, в которых популярно излагается история народных движений, культура эпохи Возрождения, даются характеристики прогрессивных деятелей данного времени. Книга может служить как для самостоятельного чтения учащихся, так и для кружковых занятий.

Книга снабжена рисунками и картами. {2}

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редакции 3
Новые времена — новые люди — *С. Д. Сказкин* 5
Изобретение книгопечатания — *О. В. Филиппова* 27
Путешествие Афанасия Никитина — *Ф. А. Коган-Бернштейн* 42
Первое кругосветное путешествие — *Г. И. Трайнина* 51
Томас Мюнцер — *А. Я. Гуревич* 76
Томас Мор — *М. А. Барг* 97
Восстание английских крестьян под руководством Роберта Кета — *В. Ф. Семёнов* 116
Трик — забастовка французских печатников в XVI в. — *А. И. Дробинский* 126
Жан Кальвин и его учение — *А. Д. Эпштейн* 143
Альба и Гёзы — *А. Н. Чистозвонов*. 162
Народные движения в Южных Нидерландах — *А. Н. Чистозвонов* 177
Орден иезуитов — *А. Д. Эпштейн* 199

Николай Коперник — *Н. Н. Гюрджан* 221
Франсуа Рабле — *Ф. А. Коган-Бернштейн* 236
Бенвенуто Челлини — *М. Л. Абрамсон* 253
Великий гончар — *Е. С. Пестковская* 268
Город Солнца — *Г. И. Трайнина* 289
Джордано Бруно — *Е. С. Пестковская* 309
Тридцатилетняя война — *А. Д. Эпштейн* 329
Французское посольство в Москве — *Г. Г. Жордания* 369
Русское государство и Западная Европа в XV—XVII в. в. — *В. А. Александров* 386

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый нашим юным читателям третий выпуск «Книги для чтения по истории средних веков» даёт материал для изучения позднего средневековья, эпохи разложения феодализма и развития в недрах пока ещё господствующего феодального способа производства элементов капиталистического хозяйства. Мы, авторы и редакторы, попытались в ряде статей в доступной форме изложить существо тех важных изменений, которые происходили в хозяйстве и обществе Европы с конца XV в., и показать значение их для всех сторон исторического процесса. Вводная статья объясняет переход от феодального хозяйства к капиталистическому и в общих чертах даёт представление о значении этого основного факта в истории культуры, намечая основные черты того движения, которое получило в истории название «гуманизма» и «Возрождения» («Новые времена — новые люди»). Ряд статей посвящён событиям, стоящим на грани новых времён и способствовавшим ускорению процесса капиталистического развития хозяйства и общества (изобретение книгопечатания, первое кругосветное путешествие) и народным движениям, связанным с появлением новой формы эксплуатации (восстание Роберта Кета, «Трик», Альба и гёзы, народные движения в Южных Нидерландах). Гуманизм и Возрождение представлены рядом колоритных фигур деятелей и мыслителей этой эпохи. Сборник завершают статьи, посвящённые Тридцатилетней войне и роли Русского государства в международных событиях XVI—XVIII вв.

В выборе тем, характеризующих ту или другую сторону исторического процесса эпохи, в особенности в характеристике представителей гуманизма и Возрождения, мы не стремились обязательно дать отдельные статьи, рассказывающие о жизни и деятельности наиболее крупных из них. Ранний итальянский гуманизм, например, представлен у нас только статьёй о Боккаччо — писателе, хорошо отразившем в своих новеллах жизнь своих современников (см. II часть «Книги для чтения по истории средних веков», Учпедгиз, 1951).

О Данте и Петрарке мы ограничились лишь их общей характеристикой в статье «Новые времена — новые люди». Наоборот, мы считали необходимым показать деятелей и мыслителей этого времени, наиболее оправдывающих характеристику их Энгельсом — как людей менее всего страдавших буржуазной ограниченностью и пролагавших новые пути в политике и в науке (Томас Мюнцер, Томас Мор, Кампанелла, Коперник, Джордано Бруно, Бернар Палисси). Такое предпочтение вполне, с нашей точки зрения, оправ-{3}дывается задачами идейно-политического воспитания и понятно в сборниках, которые не могут, да и не должны освещать весь материал параллельно учебнику. К тому же учитель всегда может указать заинтересовавшемуся ученику большую литературу и о Данте и о Петрарке, о Леонардо да Винчи и других великих художниках, так же как и о Колумбе и других мореплавателях и путешественниках XVI—XVII вв. Наибольшая трудность, стоявшая перед авторами и редакторами этого сборника, заключалась в том, чтобы дать посильное для наших юных читателей объяснение с точки зрения марксистско-ленинской методологии чрезвычайно сложных явлений и процессов этого периода в истории средневековья, подвести читателей к марксистско-ленинскому пониманию исторического процесса, заставить их не только представлять прошлое, но и осмысливать его как процесс всемирно-исторического развития. В какой мере эта задача разрешена в нашей книге, судить не нам, мы можем утверждать лишь одно, что именно эта задача больше всего заботила и воодушевляла нас в нашей работе. В редактировании этой части принимали участие Г. И. Трайнина и А. Д. Эпштейн.

Действительный член Академии педагогических наук и член-корреспондент Академии наук СССР профессор
С. Д. СКАЗКИН.
{4}

НОВЫЕ ВРЕМЕНА —
НОВЫЕ ЛЮДИ

ЗАРОЖДЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ФЕОДАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

XV век был на исходе. Это было беспокойное время. Только что отшумели крестьянские восстания, и европейские сеньёры-феодалы со страхом смотрели на деревни — не начнутся ли там снова мятежи. Волновались города. На их окраинах в тесных улицах и переулках теснились жалкие лачуги, где жила беднота, голодная и недовольная. Она тоже всегда была готова восстать против заправил города, богатеев, купцов и цеховых мастеров, которые взваливали на плечи бедноты все тяжести налогов и всевозможных повинностей. И крестьянские восстания и восстания городской бедноты были следствием важных перемен в хозяйстве и обществе Европы и прежде всего в европейском городе. Города чем дальше, тем всё больше становились центрами торговли и промышленности.

Во время крестовых походов разбогатели на торговле с Востоком итальянские города: Генуя, Венеция, Пиза, Флоренция и др. Несколько позже стали богатеть связанные с ними южно-немецкие города: Аугсбург, Нюрнберг, Регенсбург, Ульм. Стали подниматься также города, которые не были связаны с восточной торговлей. Знаменитые города Фландрии — Гент, Ипр, Брюгге — славились по всей Европе изделиями своей шерстяной и суконной промышленности. Обширную транзитную торговлю вели северные немецкие города, рассыпанные по побережью Балтийского и Немецкого морей и по рекам, впадавшим в эти моря.

Во всех этих городах развивалось ремесло и торговля, появлялись богатые купцы и мастера-ремесленники, и в тех странах, где королевская власть была слаба, как в Италии или Германии, многие города превратились в самостоятельные республики. Во главе таких городов стояли богатые купцы и заправилы богатых ремесленных цехов. Города нуждались в продовольствии, в продуктах сельского хозяйства, и крестьяне стали продавать на {5} городских

Файл ist6.jpg

Собор во Флоренции. *Брунеллеско.*

рынках излишки своих продуктов. Феодалы-сеньёры завидовали богатой и привольной жизни купцов и не прочь были сами жить так же, как купцы. Но для этого нужны были деньги. На деньги можно было купить всё: пёстрые ткани, привозившиеся с Востока, золотом тканную парчу, драгоценные камни, золото и слоновую кость из далёкой Индии и благовонные мази, которыми любили натирать себя благородные дамы. Но откуда достать деньги? У сеньёров был только один источник доходов: крестьянская работа да пошлины с городской торговли. И теперь, когда крестьяне стали возить в город свои продукты и получать за них звонкую монету, сеньёры стали требовать от своих крепостных и зависимых крестьян, чтобы они вместо барщины и оброков уплачивали своим господам за всё чистыми денежками. Сеньёры готовы были даже отпускать крестьян на волю, пускать их в город на заработки, лишь бы крестьяне платили им, сеньёрам, деньги и за выкуп на свободу и за землю, в случае если крестьянин продолжал оставаться в деревне и по-прежнему хотел крестьянствовать. Сеньёры стремились при этом получать с крестьян возможно больше денег. Деньги — это богатство, а каждый сеньёр в деревне, каждый купец в городе {6} хотел быть богатым. Жадность овладела всеми. «Упрямая жадность угашает цвет разума и производит опустошение в умах и сердцах», — писал ещё в начале XIV в. знаменитый итальянский поэт Данте. И вот в деревне и в городе богатые всячески нажимают на бедняков-трудящихся, стараясь выжать у них последнюю копейку. Сеньёры требуют от крестьян всё больше денег и доводят их до того, что крестьянам становится невмоготу. И крестьяне восстают против угнетателей.

Не лучше дело обстояло в городах. Богатые купцы стали постепенно подчинять своей власти ремесленников. Прежде ремесленник — портной, башмачник или ткач — сидел в своей лавочке-мастерской и работал с одним-двумя подмастерьями и несколькими учениками. Те-

перь всё переменилось. Богатые купцы закупали оптом сырьё, шерсть, шёлк, хлопок и раздавали затем это сырьё мастерам. Даже орудия производства, станки, например, тоже теперь доставлялись мастерам купцами. Весь готовый продукт мастера должны были сдавать тем купцам, которые снабжали их сырьём и инструментами, а купцы старались при этом платить мастерам и подмастерьям как можно меньше за работу и наживаться на чужом труде.

Особенно заметны были новые порядки в разжившихся на торговле с Востоком богатых итальянских городах. Здесь мелкие ремесленники уже в XIV в. попали в зависимость от богатых купцов и принуждены были влачить жалкое существование на нищенскую заработную плату. Купцы превращались в настоящих {7} предпринимателей-капиталистов, выжимав-

Файл ist7.jpg

Фасад со стороны парка палаццо Питти во Флоренции.
Бартоломео Амманати.

ших все соки из трудового народа. И чем больше становилось бедняков, чем больше было желающих получить работу, тем меньше можно было платить беднякам за труд, тем скорее богатели капиталисты. Так постепенно в недрах феодального строя стал складываться новый хозяйственный порядок — капиталистический. При феодальном строе сеньёр брал с крестьянина в деревне или с ремесленника и купца в городе продукты или деньги, потому что он был сеньёр, потому что он был силен, потому что он считал, что земля принадлежит ему. Он говорил — и это подтверждала церковь, — что такой порядок установлен самим богом и не подлежит отмене. Теперь наряду с сеньёром-феодалом появился новый эксплуататор — купец-предприниматель. Пользуясь тем, что бедняков становилось всё больше, богатый купец-предприниматель нанимал таких бедняков за гроши и старался получить от них возможно больше работы. К феодальной эксплуатации теперь присоединилась эксплуатация капиталистическая. Стремление к богатству толкало людей того времени на самые рискованные предприятия. Золота жаждали все, золото готовы были искать в неизведанных ещё землях и странах, за золотом готовы были пускаться в далёкие и страшные путешествия, за золото готовы были продать свою душу дьяволу. Золото искал склонившийся над ретортой алхимик, старавшийся добыть тот «философский камень», при помощи которого, как он думал, можно превратить в серебро и золото любую материю. Золота спрашивал европеец, едва его нога вступала на вновь открытый им берег.

Рост торговли и промышленности в городах толкал людей на новые открытия и изобретения. В городах увеличивалось количество населения, кипела ожесточённая классовая борьба между богатыми и бедными, между предпринимателями-капиталистами и рабочими. Жизнь становилась всё более сложной, работа требовала всё больше навыков, разносторонних знаний. Между городами и целыми государствами шла теперь оживлённая торговля, совершенствовались пути сообщения, развивалось искусство мореплавания. С XIII в. люди начали пользоваться компасом и отваживались теперь уходить далеко от берегов в открытое море. Португальские моряки на своих маленьких, но быстроходных парусных каравеллах в поисках золота открыли в XV в. западное побережье Африки, и в 1497—1498 гг. один из них — Васко да Гама, — обогнув Африку с юга, дошёл до далёкой «страны чудес» — Индии. А незадолго до того, в 1492 г., генуэзский моряк Христофор Колумб на службе у испанского короля, плывя на запад, дошёл до берегов нового материка — Америки, хотя до конца своей жизни он так и не догадался, что совершил великое открытие целой новой части света. Он умер в 1506 г., думая, что открыл новый путь к Азии вокруг земли.

Промышленность и торговля, далёкие путешествия и мореплавание требовали от людей совсем других качеств, чем жизнь фео-{8}далов, которые проводили время в борьбе друг с другом или занимались грабежом своих и чужих подданных. Новые времена — новые люди. И этими новыми людьми были буржуа-капиталисты.

ПОЯВЛЕНИЕ НОВОЙ НАУКИ И ИСКУССТВА

Погоня за наживой и богатством, жадность и отвага, жестокость и хитрость — таковы были свойства этих новых людей. Буржуа наживали своё богатство при помощи чужого труда,

старались изобрести такие орудия производства, которые сделали бы труд более производительным, чтобы получить от рабочего побольше готовых товаров. Они заинтересованы были в том, чтобы эти товары стоили дешевле, потому что чем они дешевле будут производить эти товары, тем больше будут покупать у них, а не у их конкурентов. И для того чтобы улучшить своё производство, они принуждены были обращаться к сведущим людям практики и науки, которые могли бы помочь предпринимателю-капиталисту сделать труд производительнее, а обработку сырого материала, превращаемого в товар, более быстрой и дешевой. Вот почему купцу, капиталисту и промышленнику оказались нужными люди, изучающие природу и её законы, изобретатели, мыслители, учёные.

Многие из этих учёных, открыв один раз самую великую книгу, какая вообще существует на земле, книгу природы, так увлеклись её чтением, что уже не пожелали больше закрыть её. Они не только думали, как устроить новые ткацкие станки, как построить новые корабли, чтобы они могли ходить под парусами не только по ветру, но и против ветра, они не только изобрели много других нужных и полезных вещей, но и стали постепенно проникать в тайны природы, чтобы подчинить её себе и заставить её силы служить людям. Вместо «священного писания», которое до сих пор было единственным авторитетом, небылицы и нелепости которого люди должны были признавать непреложной истиной, всё большее значение приобретали изучение природы и наука, построенная на опыте.

Великий художник Леонардо да Винчи (1452—1519) занимался одновременно механикой и биологией, мечтал о том, чтобы создать летательный аппарат.

Знаменитый врач и естествоиспытатель Парацельс (1493—1541), внимательно изучая химические свойства материи, высказал догадку, что все процессы в организме суть химические процессы и на этом основании впервые создал учение о лекарствах как средствах вмешательства и помощи человеческому организму в его борьбе с болезнями. Он, правда, ещё сохранял веру в лженауку алхимию и разные средневековые предрассудки, но в то же время он сделал много полезных открытий, изучая непосредственно природу. {9}

Файл ist10.jpg

Автопортрет Леонардо да Винчи. *Масло.*

Испанский врач Михаил Сервет (1511—1553) впервые открыл, что кровь у человека и животного движется по кровеносным сосудам, и это открытие, которое сочеталось у Сервета с другими смелыми мыслями, отрицавшими нелепости религии, послужили основанием для осуждения его как еретика и его сожжения в Женеве по приказу женевского реформатора Кальвина.

На основе наблюдений над природой развиваются и теоретические знания. Лука Пачьоли (1445—1514) написал большое сочинение по арифметике и геометрии, математик Джеронимо Кардано (1501—1576) развивал дальше алгебру. Большие открытия были сделаны в области астрономии. Польский учёный Коперник (1473—1543) установил, что не Солнце вращается вокруг Земли, а, наоборот, Земля вращается вокруг Солнца. Его последователь Иоганн Кеплер (1571—1630) впервые дал точно математическое выражение законов движения планет вокруг Солнца. Другой последователь Коперника, механик и астроном Галилео Галилей (1564—1642) изобрёл телескоп и с его помощью установил, что на Луне есть горы, у Юпитера есть спутники, подобные нашей Луне, что Млечный путь представляет собою колоссальное скопление звёзд. Эти открытия произвели огромное впечатление на современников, но в то же время вызвали и ярость мракобесов. Католическая церковь, покровительница суеверий, невежества и темноты, заставила Галилея отречься от теории Коперника (в 1616 г.).

Природа зачаровала человека. Новый человек любовался красотой природы, крепким телом и упругими мышцами юноши, изяществом женского лица, улыбкой ребёнка. Всё это новые художники хотели передать так, как они это видели.

Такое отношение к изображаемым предметам мы называем реализмом в искусстве, и в этом отношении новое искусство резко отличалось от искусства раннего и среднего средневековья. Прежние художники в соответствии с господством богословия во всём средневековом мировоззрении интересовались почти исключительно религиозными сюжетами и служили прежде всего {10} церкви. Архитекторы строили храмы, живопись и скульптура служили изображению святых или событий библейской и евангельской истории. Художник при этом мало

заботился о правильном изображении предмета. Его интересовала по преимуществу идея изображения: восхваление подвига святого или мученика, стремление представить величие бога

Файл ist11.jpg

Собор св. Петра в Риме.

или безмерное милосердие богоматери — одним словом, нечто такое, чего он не мог наблюдать в действительности. В угоду своей идее художник поэтому часто искажал действительность, пренебрегая правилами перспективы и анатомии, старался подчеркнуть «неземное», божественное выражение лица соответствующими жестами, и это {11} приводило его нередко к тому, что он неправильно изображал человеческое тело.

Совсем по-иному творили художники Возрождения. Архитекторы Возрождения строили не только храмы, но и просторные светлые жилища, да и самый храм они строили так, чтобы в нём было больше воздуха и света, в то время как в готических соборах средневековья, — высоких и с узкими, едва пропускавшими солнечный свет окнами, — всегда царил полумрак.

Файл ist12.jpg

Автопортрет Рафаэля. *Масло.*

Знаменитый итальянский художник Рафаэль (1483—1520), так же как и средневековые художники, любил изображать богоматерь с младенцем, но с его картин на нас глядят просто красивые женщины, в которых нет уже ничего «небесного». Его изображения перестали быть иконами и превратились в картины. Создавая на евангельский сюжет свою знаменитую «Тайную вечерю», гениальный художник и учёный Леонардо да Винчи делал многочисленные зарисовки живых людей, своих современников. Он долго, говорят, не мог найти подходящего человека, с которого он мог бы нарисовать Иуду Предателя, покамест не обрёл его в настоятеле одного монастыря. Атлетические фигуры героев библии (Моисей, Давид), изваянные великим скульптором и художником Возрождения Микеланджело Буонарроти (1475—1564), отразили могучий закалённый в жизненных несчастьях дух самого художника. Люди этого времени были людьми большой предприимчивости и большого характера, любили хвастать тем, что своим богатством и положением они обязаны не титулам или происхождению, а собственным усилиям, Им нравилось поэтому, чтобы их изображали на картинах. Портрет сделался распространённым жанром искусства. Все великие художники XV и XVI вв. (Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микеланджело, Тициан, Велáскес и др.) были великолепными портретистами.

В своих сочинениях — в стихах и прозе — новые писатели и поэты изображали радость и страдание человека. Они старались показать, что человек обладает неисчерпаемыми силами духа, что он, как существо разумное, имеет возможность безгранично постигать тайны природы и своего собственного существования. Они {12} первые поставили человека в центре своего внимания и изучения. Стали интересоваться всем, что нужно и важно человеку. В противоположность старому церковному взгляду на человека как на существо греховное и поэтому существо, которое смиренно должно непрестанно молить у бога прощения, новые люди заявляли, что нет греха в том, что человек пользуется всеми радостями жизни и наслаждается её

Файл ist13.jpg

Микеланджело Буонарроти. *Масло.*

Дж. Вазари.

дарами. Вместо бога, вокруг которого сосредоточивало интерес средневековье и кем занималась «наука наук» средневековья — богословие, новые люди поставили человека, стали интересоваться человеческими, а не божественными делами. Они стали называть себя гуманистами от латинского слова humanus — гуманус, что значит «человеческий». Они искали в прошлом образцов для своего искусства, науки, философии и нашли их в великом искусстве и науке древних, особенно греков.

Людям этого времени казалось, что они возродили замечательную культуру древней Греции, и своё время поэтому они называли Возрождением. Гуманисты были тонкими знатоками латинского и греческого языков, но писали они не только на этих языках. Будучи в большинстве случаев выходцами из среды горожан, они хорошо знали народные говоры, и своими

сочинениями, написанными на народных языках, положили начало новой литературе, доступной для всех; не так было раньше, когда учёные писали только по-латыни и читать их сочинения могли только учёные. Создавая литературу на народных языках, гуманисты сослужили великую службу буржуа-предпринимателям и новому хозяйству. Язык — важнейшее средство общения людей друг с другом. Говорящие на одном языке люди сознают свою близость, причисляют себя к одному и тому же народу, а когда страна начинает жить, как одно хозяйство, когда люди одной страны постоянно обмениваются продуктами своего труда и для такого обмена начинают пользоваться одним и тем же языком, — тогда люди этой страны становятся единой нацией и стремятся создать единое национальное государство.

Люди Возрождения интересовались всем окружающим миром. {13} Среди них было много писателей, поэтов, художников, скульпторов, архитекторов, учёных, изобретателей. Это

Файл ist14.jpg

Мона Лиза. *Масло. Леонардо да Винчи.*

были смелые, предприимчивые люди, они много путешествовали, знали много языков, старались всё узнать. Но таковы были только лучшие люди этого времени. Не нужно забывать, что наряду с великими писателями и художниками, учёными и изобретателями — а их было не так уж много — продолжали существовать феодалы-эксплуататоры и прибавились к ним капиталисты-эксплуататоры. А таких было множество. И как ни содействовали новые люди — буржуа-капиталисты — оживлению торговли и промышленности и настоящей, основанной на опыте науке и великому реалистическому искусству и литературе, сами они были жадны и коварны, разоряли людей, жестоко эксплуатировали бедняков.

Только в нашей стране и в странах, в которых устанавливается социалистическое общество, человек может стать действительно хорошим. Только в обществе, в котором нет частной собственности на станки и машины, на фабрики и заводы и всё это принадлежит всем, всему обществу и всему государству трудящихся, — только в нашем социалистическом обществе у человека нет оснований быть корыстолюбивым. Только при таком строе нельзя жить паразитом за счёт других, нельзя обогащаться, оставляя множество людей в бедности. Не то было в XV и в XVI вв. Именно в это время рождалось капиталистическое хозяйство и то буржуазное общество, в котором буржуа-предприниматели жили за счёт труда неимущих бедняков. Наряду с грабителями феодалами оказывался грабитель купец и мануфактурист. Положение народных масс становилось часто, особенно вначале, ещё хуже, чем раньше. Правда, рабочий был свободен, тогда как крестьянин был крепостным феодала, но у крепостного был клочок земли и своё хозяйство, тогда как рабочий не имел ничего, кроме своих рук, и принуждён был наниматься за нищенскую плату, чтобы не умереть с голоду. Предприниматели и купцы были обычно люди корыстные и жестокие, люди, которые норовили получить от рабочего побольше работы, заплатить ему {14} возможно меньше. В ожесточенной конкурентной борьбе друг с другом они не гнушались никакими средствами, чтобы унизить и разорить своего противника и конкурента. Предприниматель заботился только о наживе и о накоплении больших капиталов. Чем бессовестнее чем более жестоко обращался со своими рабочими предприниматель, чем он был более жаден и корыстолюбив, тем более прочным становилось его предприятие, тем в большей безопасности находилось его дело от происков его конкурентов.

Файл ist15_1.jpg

Наброски. *Леонардо да Винчи.*

В нашем социалистическом обществе эксплуатация человека человеком — недозволенное дело, преступление, и если бы кто-нибудь вздумал эксплуатировать рабочего, его привлекли бы к суду как уголовного преступника.

В буржуазном обществе всякий буржуа, купец, мануфактурист, а в более поздние времена фабрикант — все эксплуатируют наёмный труд, все, следовательно, являются преступниками. И если закон капиталистического общества не считает их таковыми, то не следует забывать, что эксплуатация человека человеком воспитывает в людях самые отрицательные свойства. В обществе, где такая эксплуатация допустима, — человек человеку волк, потому что каждый заботится только о своей выгоде, добиваясь её за счёт другого. Богатые в капиталистиче-

ском обществе всегда живут за счёт неимущих бедняков и без неимущих не могут быть богатыми, так как только при существовании неимущих они могут быть обеспечены достаточ-

Файл ist15_2.jpg

Наброски. *Леонардо да Винчи.* {15}

ным количеством рабочих, трудом которых создаётся богатство капиталистов.

Так было и во времена Возрождения. Великолепные дворцы, прекрасные картины и превосходные сочинения поэтов, писателей и художников Возрождения, несмотря на то, что многие из этих поэтов и писателей вышли из народа, создавались для богачей, и только богатые люди всеми этими замечательными произведениями могли пользоваться. Но буржуазия, пусть сначала для себя, двигала культуру, развивала хозяйство, поддерживала науку, в которой нуждалась для своих мастерских, и, расширяя производство, вызывала по необходимости к жизни многочисленный пролетариат, который рано или поздно должен покончить и с буржуазией и с эксплуатацией человека человеком. Это и случилось значительно позже, в результате Великой Октябрьской социалистической революции.

Итак, когда говоришь об эпохе Возрождения, нужно всегда помнить, что как ни замечательны были многие из людей этого времени — а Энгельс называет их даже титанами по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учёности, — как ни было важным и прогрессивным появление нового, капиталистического хозяйства — всё же это новое, капиталистическое хозяйство и новое, капиталистическое общество было обществом классовым, обществом, построенным на эксплуатации человека человеком.

Подводя итоги этому времени, мы скажем, что важным и прогрессивным для дальнейшей истории человечества было развитие капиталистического хозяйства, наука о мире и человеке, великое реалистическое искусство Возрождения, начинающееся освобождением человеческой личности от пут средневековых церковных суеверий и предрассудков, укрепление крупных европейских государств, появление современных буржуазных наций.

ВЕЛИКИЕ ПИСАТЕЛИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Самой крупной фигурой, положившей начало Возрождению, был знаменитый итальянский поэт Данте (1265—1321). Энгельс сказал о нём: «Закат феодального средневековья, заря современной капиталистической эры отмечены одной колоссальной фигурой. Это — итальянец, Данте, последний поэт средневековья и в то же время первый поэт нового времени» [1].

Данте — верующий католик. Та грандиозная картина мира, которую он нарисовал в своём замечательном произведении «Божественной комедии», взята из учений церкви. На том свете, куда после смерти якобы попадают все люди, существует ад для грешников, рай для праведников и чистилище, куда попадают {16} души только что умерших людей, о которых

Файл ist17.jpg

Бюст Данте. *Бронза, XIII в. Неаполь.*

ещё неизвестен приговор бога — заслуживают ли они ада или рая. Картина мира, которую при этом рисует Данте, опирается целиком на средневековое представление и на систему мира греческого астронома Птолемея, принятую католической церковью. Земля — шар, находящийся в центре вселенной. Вокруг неё вращается Солнце — по кругу, и описывают сложные движения планеты, каждая в своей сфере. Девять небес, образуемых сферами вращения семи планет (Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер, Сатурн), сферой неподвижных звёзд и сферой перводвигателя — бога, за которыми простирается бесконечный Эмпирей, — такова архитектура вселенной и рая — обители бога. На земле же людьми заселено только северное полушарие. В центре его пуп земли — Иерусалим, а концы его — устья реки Ганга (в Индии) и на западе г. Кадис в Испании. Италия находится на полпути между Кадисом и Иерусалимом. Когда дьявол восстал против бога, он был низвергнут на землю. Падая вниз головой, он глубоко ушёл в землю и застрял навеки в центре земли. Там он находится и по сей день, став начальником

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 327.

всех тёмных сил — демонов и чертей. Там же, в центре земли, находится ад, куда попадают после смерти грешники и где их предают «адским» мучениям. Ад напоминает собой воронку, широкий конец которой выходит на поверхность северного полушария. Южное полушарие покрыто водой, в центре его от падения дьявола земля {17} образовала огромную уступчатую гору в виде усечённого конуса. Здесь помещается чистилище. На плоской её вершине — земной рай, где когда-то будто бы жили первые люди Адам и Ева. И вот Данте рассказывает, как он однажды попал на тот свет и, руководимый римским поэтом Вергилием, почитаемым и в средние века, а затем своей рано умершей возлюбленной Беатриче, посещает ад, чистилище и рай. У врат ада надпись: «Оставь надежду всяк сюда идущий». В аду, который представляет собой воронку с девятью кругами, томятся грешники. Тем горше их наказания, чем более тяжки их грехи, и тем ниже они помещены в аду.

В первом, самом верхнем круге, или ярусе, ада Данте встречает великих философов и учёных древности. Они не были христианами, и поэтому доступ в рай для них закрыт. Но они в то же время не совершили никаких тяжких преступлений, наоборот, облагодетельствовали человечество своими трудами и своей мыслью. Их не за что наказывать. Поэтому в первом круге ада ещё нет настоящих мучений. Данте, несмотря на то, что он был «последним поэтом средневековья», как новый человек, преклонялся перед философией, наукой и искусством древних и поэтому не мог допустить, чтобы почитаемые им великие люди древности могли мучиться в аду только за то, что они не были христианами.

Спускаясь из первого круга вниз вплоть до девятого, Данте рассказывает, что он там видел. В третьем круге, например, томятся обжоры и непрестанно лает трёхглавый пёс Цербер. В четвёртом круге мучаются скупцы и расточители, среди них оказывается много пап и кардиналов. В пятом круге ада — гневные люди. В шестом — еретики. В седьмом — кары постигают насильников. Здесь три отделения. В первом — насильники против людей, грабители и убийцы. Их Данте заставляет купаться в кипящей крови. Здесь Александр Македонский, Пирр Эпирский, Аттила и др. Во втором отделении седьмого круга — насильники против самих себя, т. е. самоубийцы; они превращены в деревья, которых терзают гарпии — птицы с железными клювами. В третьем отделении мучаются под непрерывным огненным дождём насильники против бога: богохульники, ростовщики. В восьмом круге ада — десять рвов, или «злых ям». Здесь мучаются обманщики всякого рода, и к ним (как и к обитателям девятого круга — предателям) Данте беспощаден. В одной из ям восьмого круга — обольстители, их бьют длинными бичами рогатые черти; в другой — льстецы, они купаются в зловониях; в третьей яме — люди, обманом и подкупом получившие высокие церковные звания; тут папы Николай III и Бонифаций VIII. В четвёртой яме — колдуны и волшебники, у них головы вывернуты назад, и они плачут, орошая слезами собственные спины. В пятой яме варятся в кипящей смоле взяточники, и, если они пытаются вырваться из смолы, черти подхватывают их {18} на вилы, и т. д. В девятую яму Данте посадил пророка мусульман Мухаммеда, как распространителя ложной религии. И, наконец, девятый круг. Здесь томятся предатели, т. е. люди, совершившие, по мнению Данте, самое страшное преступление. В центре круга сам дьявол — Люцифер, грызущий Брута и Кассия — убийц Цезаря, и Иуду — предателя Христа.

Через чистилище, где томятся грешники, ожидающие либо прощения, либо осуждения, Данте попадает в преддверие рая, где его встречает прекрасная Беатриче. В раю не так много людей. Ведь грешников больше, чем праведников. Поднимаясь из одной сферы в другую, Данте, руководимый Беатриче, ведёт беседы с праведниками и, наконец, достигнув рая, созерцает мадонну и бога.

Такова фабула «Божественной комедии». В ярких образах Данте изобразил в ней средневековое христианское представление о мире, боге и о потустороннем воздаянии. Он подвёл итоги средневековым представлениям и сам выступает перед нами как человек тёмного и суеверного времени. Но это только старая канва, на которой Данте — человек нового времени — вышил великолепные узоры будущего Возрождения. Даже в образах ада, чистилища и рая Данте предвосхищает художников и писателей последующих столетий. Тени, с которыми он встречается, путешествуя по пространствам потустороннего мира, — это не бесплотные, вымышленные образы. Это живые люди. Многие из них — недавно умершие, которых Данте знал при жизни, любил или ненавидел. И Данте живописует их портреты рукой великого художника, спорит с ними, продолжает вести вместе с ними или против них яростную борьбу, полную

страсти и непримиримости. Политический изгнанник из своей родины Флоренции; куда он так и не смог вернуться до самой смерти, Данте страстно ненавидит своих врагов и «наказывает» их в аду самыми невероятными муками. Все исследователи великой поэмы отмечают, что в описаниях пейзажа потустороннего мира Данте дал великолепные реалистические картины природы родной Италии, предупредив в этом отношении художников XV и XVI вв.

Искусство следует природе,
как ученик её, за пядью пядь... —

говорит он в XI песне «Ада».

Данте написал свою «Комедию» на итальянском, а не на латинском языке. В своих скитаниях по Италии он внимательно изучал народные говоры и на основе своего тосканского наречия, обогатив его заимствованиями из других наречий Италии, создал литературный итальянский язык, который существует и до наших дней.

Данте мечтал о политическом единстве Италии и скорбел, видя её политическую слабость — результат политической разобщённости: {19}

Италия! Раба! Приют скорбей!
Корабль без кормчего средь бури дикой,
Разврата дом, не матерь областей...

(«Чистилище», Песнь VI.)

И, наконец, как поэт, он сознавал своё величие, жаждал славы, единственного вида бессмертия для смертных. Вергилий говорит поэту («Ад», песнь XXIV):

Теперь ты леность должен отмести, —
Сказал учитель: — лёжа под периной
Да сидя в мягком, славы не найти.

Кто без неё готов быть взят кончиной,
Такой же в мире оставляет след,
Как в ветре дым и пена над пучиной.

Встань! Победи томленья, нет побед,
Запретных духу, если он не вянет,
Как эта плоть, которой он одет.

Жажда знания, интерес к жизни, природе, к человеку со всеми страстями, недостатками и достоинствами, всеобъемлющее чувство любви к Беатриче, интерес к себе как центру тончайших переживаний, к своей известности и славе — все эти черты свойственны человеку Возрождения, каким был Данте — последний человек средневековья и первый человек нового времени.

Первыми представителями Возрождения и гуманизма были знаменитые итальянские писатели: поэт Петрарка и прозаик Боккаччо.

Файл byz20.jpg

Франческо Петрарка.

Франческо Петрарка (1304—1374), родом из Флоренции, большую часть своей жизни прожил при папском дворе в Авиньоне во время так называемого «авиньонского пленения» пап. Это было во второй половине XIV в., когда сильные французские короли заставили римских кардиналов выбирать угодных королям пап и приказывали папам жить в Южной Франции, где папам принадлежал небольшой городок Авиньон. Петрарка был замечательным поэтом. В своих небольших произведениях (сонетах) он воспевал предмет своей любви — Лауру. И это чувство любви, заполняющее для Петрарки весь мир, было переживанием нового человека, для которого его собственные радость и скорбь, например восхищение и преклонение перед Лаурой, становятся предметом его поэзии, обращённой ко всему человечеству. {20}

Петрарка был и остался католиком. Но это нисколько не помешало тому, что он относился довольно равнодушно к религии, а против папского Рима ополчился со всею силой своего красноречия. Рим — вертеп разврата, главное препятствие на пути к политическому объединению Италии, которое Петрарка, человек нового мировоззрения, считал необходимым для процветания родины. Он яростно нападает на папский Рим — хранилище суеверий и невежества, и пишет своё гневное послание «Папскому двору в Риме».

Поток скорбей, обитель злобы дикой,
Храм ереси и школа заблуждений,
Источник слез, когда-то Рим великий,
Теперь лишь Вавилон всех прегрешений,
Горнило всех обманов, мрачная тюрьма,
Где гибнет благо, зло произрастает,
Живым до смерти ад и тьма, —
Ужель господь тебя не покарает?

Обращаясь к «Итальянским властителям», он с горечью пишет о том, что главное зло, владеющее его родиной, — это её политическая распылённость, постоянные раздоры её государей, причиняющие тяжёлые страдания жителям Италии.

Италия моя! Хотя не исцелит
Мой стих тех ран кровавых,
Что губят тело чудное твоё,
Но сердце так болит моё,
Что с берегов По величавых
Мой вопль до Тибра прозвучит.
Небесный царь, во имя той любви,
Что привела тебя в юдоль земную,
Отчизне милость ты яви.
Гляди: мою страну родную,
Мой край, тобой любимый,
Война, раздор неугасимый
Из-за пустых причин
Как жестоко терзает!

Слава Петрарки — а он всегда жаждал этой славы — распространилась по всей Европе. Император Карл IV зазывал его в Прагу. Парижский университет и римский сенат постановили венчать его на Капитолии лавровым венком поэта (1341). Венецианская синьёрия объявила его величайшим писателем современности. Никогда ещё не выпадало столько славы на долю незнатного человека, заслужившего её только силой своего гения. Его горячим поклонником был Кола ди Риенцо, восторженный поклонник древнего республиканского Рима. Петрарка сам мечтал о том, чтобы восстановить величие древней республики и думал, что это может быть удастся горячему трибуну. Петрарка вместе с Данте и Боккаччо был создателем итальянского литера-{21}турного языка, но при всём этом он был — тоже в духе нарождавшейся буржуазии, с её правилом — каждый для себя, — великим себялюбцем. В течение всей своей жизни он интересовался только самим собой, любил, если не считать Лауру, только самого себя, любовался только самим собой.

Файл ist22.jpg

Вход в капеллу Пацци во Флоренции. *Брунеллеско.*

Не меньшей известностью пользовался современник Петрарки — Джованни Боккаччо (1313—1375), который и до сих пор еще смешит нас своими замечательными рассказами, собранными в «Декамероне». В них он в комической форме повествует о жизни и быте своих современников.

Со времён Петрарки и Боккаччо гуманистическое просвещение стало распространяться повсюду, сначала в Италии, а в XV в. и по всей Европе. В Риме, Милане, Неаполе, Флоренции, Венеции появились кружки гуманистов. Особенно славилась как центр просвещения Флоренция. Его государями были представители банкирской фамилии Медичи — новые люди, обязанные влиянием и своей властью своим громадным капиталам. Они тратили огромные средства на украшение города церквами и зданиями в {22} новом вкусе, платили большие деньги за древние статуи и рукописи и собрали в своём дворце большую библиотеку. В погоне за популярностью они устраивали народные празднества и торжественные шествия, приглашая художников и зодчих, которые заботились об украшении города и улиц.

Преклонение перед наукой, литературой и искусством древних греков и римлян стало распространяться повсюду. Гуманисты были знатоками древних языков, особенно греческого, и эти знания делали их своего рода почётным сословием. Аристократические фамилии и мел-

кие государи Италии наперебой приглашали их к себе на службу в качестве секретарей, министров, посланников. Литература становилась важным средством политического воздействия. Гуманист Колуччо Салютати, канцлер Флорентийской республики, был одним из выдающихся дипломатов своего времени. Его доклады и дипломатические бумаги были написаны изящным языком и сделались образцами дипломатической переписки. Сборники его докладов ходили по рукам, его стиль вошёл во всеобщее употребление в дипломатии. Остроумный и язвительный писатель, он мог сильно повредить своему политическому противнику. Тиран Сфорца в Милане говорил, что Салютати, который преследовал его своими литературными нападками, повредил ему больше, чем тысяча рыцарей.

Среди гуманистов было много учёных, положивших начало современной науке. Недаром Энгельс говорил о времени Возрождения, «...что собственно систематическая экспериментальная [т. е. основанная на опыте. — *Прим. ред.*] наука стала возможной лишь с этого времени» [1]. Замечательные математики, инженеры, техники и астрономы разрабатывали практические и теоретические знания. Люди того времени поражали своей разносторонностью, являясь часто крупными представителями сразу нескольких наук и искусств. Наиболее поразительным примером такой разносторонности был гениальный художник и вместе с тем учёный, инженер, архитектор Леонардо да Винчи. Говоря об этом времени, Энгельс замечал: «Это был величайший прогрессивный переворот, пережитый до того человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учености» [2].

Французский историк Мишле сказал однажды, что всё Возрождение можно свести к двум открытиям: «открытие мира и открытие человека». Под первым он подразумевал не только открытие Колумбом Америки и последовавшие за ним открытия островов и материков, но и бесконечно расширившиеся знания человека о вселенной, после того как величайший представитель Возрождения — польский учёный Коперник — доказал, что не Солнце вращается вокруг Земли, а, наоборот, Земля вращается {23} вокруг Солнца и что, таким образом, Земля вов-

Файл ist24.jpg

Кабинет учёного и художника XV в.

се не является центром мира, как думали церковники. Принявший это доказательство философ Джордано Бруно развил теорию Коперника дальше, утверждая бесконечность вселенной и множественность миров, подобных солнечной системе или даже превосходящих её своими размерами. Все эти открытия расширили умственный кругозор человека и способствовали крушению прежнего воспитываемого церковью суеверия. Вполне понятно поэтому, что попы всех вероисповеданий обрушились и на Коперника и на Джордано Бруно. И если Коперник избежал преследования потому, что умер в день выхода своей знаменитой книги «О вращении небесных тел», то Джордано Бруно был сожжён католической церковью на костре (1600). «Открытие человека» было перенесением интереса от «божественных» наук на науку о человеке; теперь появился интерес к человеческой личности, незнакомый средневековью, когда личность — индивидуум — тонула и, так сказать, терялась в различных обществах и корпорациях, к которым она принадлежала: сословии, гильдии, цехе и т. д. Мы уже видели на примере великих писателей и поэтов Возрождения, в какой мере они жаждали известности и славы, тем самым подчёркивая свою личность, индивидуальность.

Во всех или почти во всех странах Европы появление капиталистического хозяйства и буржуазии, т. е. того нового общественного класса, который был организатором капиталистического хозяйства, сопровождалось расцветом гуманистической культуры {24} и появлением художников и поэтов, литераторов и учёных-гуманистов, и везде они отличались теми чертами, о которых мы говорили выше, характеризуя Возрождение в целом: интерес к человеку — личности, жажда знания, основанного на опыте, реализм в искусстве, возникновение чувства принадлежности к своей нации, появление единого литературного языка. Проводниками этой гуманистической культуры в Англии были многочисленные писатели и художники XVI в., крупнейшим из них был величайший драматург Шекспир, в Германии — поэт Ульрих фон

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 439.

[2] Там же, стр. 476.

Файл ist25.jpg

Автопортрет Веласкеса. *Масло.*

Гуттен, Эразм Ротердамский, во Франции — Франсуа Рабле и многие писатели и поэты XVI в. Имена итальянских писателей и художников известны всем культурным людям. Именно в Италии, которая раньше чем какая-либо другая страна перешла к капиталистическому хозяйству и где ещё до того существовали богатые горожане, составившие себе колоссальное состояние на заморской торговле, Возрождение и получило своё начало. О Данте, Петрарке и Боккаччо мы уже говорили. Имена таких художников, как Джотто, Боттичели и особенно Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микеланджело, Тициан и многие другие, составляют славу изобразительного искусства Европы XV—XVI вв.

Наше общее суждение о Возрождении будет, однако, неполным, если мы не скажем о тех великих умах человечества этого времени, которые создавали свои произведения не только для богатых купцов и аристократии, но и для простого трудового человека. Этих мыслителей мучило всё, что происходило вокруг них, что дворяне сгоняли крестьян с земли или старались выжать у них возможно больше денег, что капиталисты притесняли ремесленников и рабочих.

По всем странам Европы бродили толпы нищих людей, голодных и плохо одетых. И там, где контрасты богатства и нищеты были всего сильнее, там, где разорение крестьян и трудового люда в городах было в особенности жестоким, там и появились люди великого ума и великого сердца — гуманисты в наилучшем смысле этого слова. Они видели неизбывное горе простых людей в деревне и в городе и они поняли, что всё зло в том, что одни {25} владеют всем, а у других нет ничего, кроме своих рук, что существует собственность на землю, на сырые материалы, на орудия производства. До тех пор пока существует такая собственность, будет и нищета одних, богатство других. Поэтому они и стали противниками собственности, первыми социалистами. Это три Томаса: Томас Мор, Томас Мюнцер и Томас (Томмазо) Кампанелла. Их называют обычно «социалистами-утопистами» по названию сочинения «Утопия», написанного одним из них — Томасом Мором. Слово «Утопия» — греческое, и означает «Нигде». В своём сочинении Томас Мор описал порядок на фантастическом острове Утопия, где нет частной собственности. Для того времени это была чрезвычайно смелая мысль, настоящее открытие нового, справедливого строя, противоположного тем общественным порядкам, которые так глубоко возмущали передовых людей того времени. Но Мор и другие социалисты-утописты думали, что социалистический порядок можно установить в обществе без всякой борьбы, путём мирных преобразований. История нашей великой социалистической республики показала, что социалистический порядок может установиться только в результате революции и победы пролетариата и что буржуазия не откажется без борьбы от своего господства. О том, чему учили и как хотели они построить такое общество, в котором не было бы нищеты у одних, богатства у других и которое было бы построено на началах подлинно человеческой справедливости, обо всём об этом рассказано дальше в нашей книге. {26}

ИЗОБРЕТЕНИЕ КНИГОПЕЧАТАНИЯ

Книга может быть наиболее сложное и великое чудо из всех чудес, сотворённых человечеством по пути к счастью и могуществу будущего.

М. Горький.

Во II в. до н. э. пергамский царь Евмен (197—158 гг. до н. э.) задумал устройство большой библиотеки в городе Пергаме. Для изготовления рукописей предстояло закупить в Египте огромное количество папи́руса. В Нильской долине его было достаточно, а город Александрия являлся центром мировой торговли папирусом. Продажа его была обложена большими налогами, и весь доход поступал в личную казну царя. Однако фараон Птолемей отказал царю Евмену и запретил вывоз папируса из Египта. Египтяне ревниво оберегали славу Алек-

сандрийской библиотеки, как первой в мире, и опасались, что новая библиотека пергамских царей, изумлявших размахом предпринятого ими строительства, затмит славу библиотеки Александрийской.

Надо было в короткий срок наладить производство собственного материала для письма. В этом деле пергамцы уже имели некоторый опыт. Они развили и усовершенствовали изготовление писчего материала из кожи телят и овец. Так появился пергамент, получивший своё название от города Пергама, где было усовершенствовано искусство очищать кожу от волос.

Изготовление пергамента обходилось во много раз дороже папируса, но зато материал, удобный для письма с обеих сторон, был исключительно прочным. В VII в. в Европе появляются законы, обязывающие писать важнейшие документы на пергаменте.

В XIV в. во Франции на пергаменте был написан обвинительный акт, длиной в 25 метров. На изготовление его пошло несколько десятков телячьих кож, для этого понадобилось целое стадо.

Собрание пергаментных свитков и книг в Европе считалось большой редкостью и ценностью. Наиболее дорогие книги приковывались к стене библиотеки цепями. Книги в качестве признанной всеми драгоценности принимались в залог, давались в наследство, в приданое. {27}

Потребность в пергаменте росла. Чтобы избежать расходов, средневековые писцы-монахи использовали старые рукописи. Они бесцеремонно счищали скребками текст со старинных рукописей и, варварски уничтожая древние произведения, получали чистый пергамент. Росло и производство нового пергамента. Парижские пергаментщики были под опекой ректора университета, в некоторых немецких городах возникли целые улицы пергаментщиков.

Давно назрела потребность в новом, более дешёвом материале для письма. Но бумага ещё не была известна в Европе, хотя давно существовала на Востоке. В Индии была изобретена бумага из отходов хлопка, позднее ставшая известной арабам. В Китае, который в своём культурном развитии опередил европейские страны, ещё во II в. до н. э. изготовляли бумагу из шёлка и бамбуковых волокон. Войлочную шелковичную бумагу делали из отбросов шелковичных коконов, а обыкновенную изготовляли из очёсов льна-пакли, луба, шелковицы, молодого бамбука, рисовой соломы, тряпья, травы и водорослей.

Благодаря своей дешевизне бумага широко применялась в Китае. В торжественных случаях из бумаги делались пагоды, арки, изображения добрых и злых духов; с IV в. стены китайских домов оклеивались обоями. Бумага употреблялась и по своему прямому назначению — на ней печатали газеты и книги.

В IV в. в Китае употреблялись гравировальные доски, с которых на бумаге делались оттиски рисунков и рукописей. Первые подвижные письменные знаки — изображения иероглифов — были сделаны из обожжённой глины. В XIV в. глиняные знаки были заменены оловянными и деревянными. В XV в. был создан подвижный металлический шрифт. Китайцы охотно продавали бумагу, но искусство её изготовления хранили в глубочайшей тайне. Это был государственный секрет, разглашение которого каралось законом. Но в конце концов китайский секрет был раскрыт.

Арабы заимствовали у китайцев их изумительное изобретение и, завоевав в VIII в. Испанию, познакомили с ним испанцев. Отсюда бумага распространилась в другие страны. В XIII в. в Италии появились первые бумажные мельницы, а в XIV в. отличная бумага стала изготовляться итальянскими и французскими бумажными фабриками.

Однако появление бумаги в Европе не вызвало переворота в книжном деле. Ведь книги по-прежнему переписывались от руки. Для изготовления роскошных, богато иллюстрированных рукописных книг по-прежнему служил пергамент. Он был дороже, но прочнее и красивее. Целая армия искусных переписчиков существовала в каждой из европейских стран. Одни переписчики работали у владетельных князей или богатых особ, выполняя их заказы: переписывали рыцарские романы, исторические хроники, молитвенники; другие изготовляли на свой риск небольшие богослужебные книги, снабжённые рисунками; третьи переписывали книги научного содержания без иллюстраций. {28}

На пергаменте писали гусиным, лебединым или павлиньим пером, медленно и осторожно выводя букву за буквой.

Файл ist29.jpg

Изготовление бумаги. С *гравюры на дереве Иоста Аммана (1568 год).*

Особого искусства требовали яркие многоцветные заглавные буквы, которыми начиналась каждая глава книги. Эти заглавные буквы изображались затейливой вязью, с ней переплетались нарисованные умелой рукой цветы, растения или животные. Книгу переплетали в прочную обложку из тонких деревянных досок, обтянутых пергаментом или кожей, с металлическими углами и застёжками. Европейская книга до позднего средневековья оставалась драгоценностью.

С развитием гуманизма в Европе быстро вырос спрос на книгу. Возникла необходимость ускорить и удешевить её изготовление.

Итальянец Пиетро ди Натали ввёл стеклянные штемпеля для печатания заглавных букв в рукописи, кастилец Панфило, печатавший в 1426 г. в Венеции афиши, пользовался подвижными буквами из дерева и металла. С работой венецианской печати однажды ознакомился немецкий купец Иоганн Фуст.

Потребность в удешевлении книги была велика и настоятельна. В Европе стали выпускать в свет небольшие листовки, чаще всего содержавшие молитвы, применяя так называемый «ксилографический способ»: на деревянных досках вырезывались целые страницы, вырезанный текст покрывался краской и отпечатывался на бумаге. Но этот способ не представлял преимуществ перед переписыванием книг. Вырезать текст было делом очень кропотливым, а при малейшей ошибке приходилось выбрасывать доску со всеми вырезанными на ней буквами и начинать работу сначала.

Чтобы подобным образом создать книгу, надо было сначала всю книгу целиком вырезать на деревянных досках. Правда, пользуясь досками, можно было напечатать несколько экземпляров одной и той же книги. Но доска быстро изнашивалась, и последующие оттиски получались не очень чёткими. Гораздо проще казалось по-прежнему переписывать каждый экземпляр книги от руки. Дело, таким образом, не двигалось с мёртвой точки.

Вследствие неграмотности или невнимания переписчиков книги, переписанные от руки, пестрели ошибками, искажавшими {29} смысл текста. Переписка книг продолжала оставаться длительным, кропотливым делом.

Файл ist30.jpg

Иоганн Гутенберг.

Слишком дорогая и редкая книга была недоступна народным массам. Однако, в связи с ростом торговли, промышленности и расцветом городов, возникает потребность распространения знаний среди более широких слоев населения. Студенты европейских университетов давно испытывали величайшие затруднения из-за того, что им приходилось воспринимать лекции только на слух. Нередко студенты платили профессорам перепиской их трудов.

Надо было найти более дешёвый и быстрый способ изготовления книг. Вызванная к жизни экономическим развитием и возросшими культурными запросами тысяч людей идея массового производства книг в XV в. осознавалась многими и требовала своего претворения в жизнь.

Талантливый изобретатель — житель голландского города Гарлема — Лаврентий Костер стремился заменить ксилографическое печатание более совершенным способом. Около 1430 г. он додумался до печатания подвижными буквами, которые могут быть многократно использованы, составляя каждый раз новый текст. Костеру удалось выпустить в свет сокращённую латинскую грамматику Доната, отпечатанную им собственноручно с помощью подвижных букв.

Гениальное новшество бедного ремесленника не получило распространения. Как всякий ремесленник, воспитанный в узких понятиях цеха, Костер ревниво оберегал свой «секрет»; этот секрет погиб, остался нераскрытым, когда Костер преждевременно скончался, надломленный нуждой и неудачами.

Идею создания книги при помощи подвижных букв осуществил уроженец г. Майнца Иоганн Гутенберг. Он родился в этом городе около 1400 г. и в молодости занимался шлифов-

кой зеркал и драгоценных камней. В период обострённой борьбы между горожанами и дворянством верх одержали купцы и богатые ремесленники. В 30-х годах XV столетия дворянские семьи бежали из Майнца. В числе беглецов был и Гутенберг, принадлежавший к одной из старейших дворянских семей в Майнце. Он нашёл приют {30} в Страсбурге. Здесь занятие прежней профессией было затруднено, и Гутенберг занялся ксилографией.

День за днём размышляя, Гутенберг решал вопрос: как добиться того, чтобы одна доска годилась для печатания любой страницы любой книги. Эти неотступные размышления привели Гутенберга к простой и поразившей его мысли: буквы надо сделать подвижными, вставляющимися в строчки доски. Гутенберг изготовил отдельные буквы для набора текста. Это было просто, но гениально. В короткий срок таким способом можно набрать целую страницу, а потом её рассыпать, и при этом буквы оставались пригодными для дальнейшего употребления.

Шёл 1440 год. В загородном монастыре невдалеке от Страсбурга, в тишине и одиночестве, в тесной и душной келье, Гутенберг был всецело поглощён своей работой. Он напилил около сотни маленьких деревянных плиток одинаковой величины. На каждой плитке он вырезывает выпуклую букву, а сбоку просверливает дырочку. Затем ставит несколько плиток рядом и продёргивает нитку через дырочки, чтобы буквы держались рядом. Задыхаясь от волнения, он покрывает буквы краской, накладывает на них лист бумаги и прижимает сверху. Снимает бумагу и облегчённо вздыхает. Он добился своей цели! Теперь можно будет печатать книги. Гутенберг не подозревает, что он открыл то, что давным-давно известно китайцам. Впрочем, он их ещё не догнал. Гутенбергу предстояло ещё много забот, хлопот, дополнительных усовершенствований, а главное — расходов и разочарований. Дерево оказалось неподходящим материалом для литер (букв). От краски и воды оно разбухало, потом ссыхалось, буквы становились неодинаковыми, коробились, оказывались неровными. Кроме того, из дерева никак не удавалось вырезывать мелкий шрифт. Все эти неудобства натолкнули Гутенберга на мысль изготовить металлический шрифт.

Вырезывать буквы из металла было трудно, поэтому Гутенберг начал литьё букв. Из твёрдого металла Гутенберг изготовил модель выпуклой буквы (пунсон), затем пунсоном выдавил на более мягком металле углублённую форму буквы (матрицу) и, наконец, в этой форме отлил нужное количество букв (литер) для набора.

Работа Гутенберга состояла из мелких, на первый взгляд, но чрезвычайно существенных усовершенствований.

При ксилографическом печатании деревянная доска с вырезанными на ней буквами обильно смачивалась краской, затем на неё клали лист чистой бумаги, сверху накладывали иногда ещё один лист и, для того чтобы получить оттиск, ударяли сверху по образовавшейся гладкой поверхности войлоком.

Несмотря на все усилия, оттиск получался неровный, а оборотная сторона отпечатанного листа оказывалась грязной и иссечённой. Гутенберг заменил «набивное» печатание изобретённым им деревянным винтовым прессом, который плотно и равномерно {31} прижимал лист к набору. Это был первый в мире печатный станок, который значительно ускорил процесс печатания и тем самым помог разрешить задачу массового производства книг. Гутенберг изготовлял на своём станке сотни печатных листов в день. Он работал без устали. Но печатную книгу было не по силам создать одному человеку. Гутенберг нанял рабочих, снял помещение и истратил все свои средства на первые печатные издания, вышедшие из-под его станка: бого-

Файл ist32.jpg

Гутенберг, читающий корректуру.
С *барельефа на памятнике*
Гутенбергу в Майнце.

служебную книгу, законченную в 1445 г., и астрономический календарь, вышедший в 1448 г. Но настал роковой для него день, когда совсем не осталось денег ни на расплату с рабочими, ни на приобретение бумаги и краски.

Гутенберг решает переселиться в родной город Майнц. Здесь было много богатых бюргеров. Один из них, Иоганн Фуст, соглашается ссудить Гутенберга деньгами. Гутенберг просит 1000 гульденов (гульден — около 5 золотых рублей), Фуст предлагает 800 гульденов на оборудование типографии и 300 гульденов ежегодно на ведение дела.

— Уважаемый господин Фуст, вы получите шесть процентов с вашего капитала.

— И, кроме того, прибыль пополам, Гутенберг. Иначе я вам не компаньон.

Выбора не было. Гутенберг принуждён был согласиться.

1450—1455 годы были годами напряжённой работы — печаталась объёмистая библия. По свидетельству аббата Тритемия, на печатание библии было истрачено 4 тысячи гульденов, прежде чем был окончен 12-й лист.

Гутенберг платил проценты, отдавал половину дохода, и все расходы брал на себя. Итог получился плачевный. Гутенберг оказался в неоплатном долгу у Фуста. А Фуст чувствовал себя уже не компаньоном, а соизобретателем. Он ввёл в дело своего бывшего слугу, а затем тестя Шеффера, кстати сказать, сделавшего полезное усовершенствование состава типографской краски.

Несколько лет Гутенберг бился в долговых сетях своих компаньонов. Наконец, в 1455 г. суд освободил Гутенберга от долгов и... от типографии.

Бесчестные компаньоны не только отобрали у Гутенберга типографию, но и оспаривали у него честь самого изобретения. В предисловии к одной из книг Шеффер написал, что искусство {32} книгопечатания изобрели два Иоганна (Иоганн Фуст и Иоганн Гутенберг). В дальнейшем эти нечистоплотные дельцы пытались и вовсе скрыть имя Гутенберга.

Файл ist33.jpg

Типография XVI века. С *гравюры XVI в. Т. Галле по рисунку И. Страдиниуса.*

Несчастному изобретателю уже было около 60 лет, когда ограбленный Фустом, разлучённый с любимым делом, он пытался искать других «покровителей», чтобы создать новую типографию. Его силы были надломлены. Он влачил жалкое нищенское существование в родном городе, где и умер бедняком-неудачником в 1468 г.

Гутенберг не дожил до тех дней, когда книга из предмета роскоши превратилась в предмет культурного обихода тысяч людей. Этим превращением, по признанию дальновидных современников (Вимфеллинга и аббата Тритемия), «было оказано великое, почти божественное благодеяние всему миру».

И в это великое дело Гутенберг вложил всю энергию, весь труд своей жизни, создав чудесное, до сих пор неизвестное европейцам искусство печатания книги при помощи отдельных букв.

Фридрих Энгельс противопоставлял светлый образ изобретателя книгопечатания Гутенберга незаслуженно прославленным кровавым героям эксплуататорского мира, насильникам, зачинщикам несправедливых войн, губителям покорённых племён. Он перевёл с испанского поэму Кинтаны «Памяти Гутенберга», начинающуюся словами:

Достойно ли поэта петь чертоги
Властителей иль блеск войны кровавой,
Когда звучат, ликуя, трубы славы... {33}

То слава Гутенбергу, благодаря которому

...мысль
Раздвинула границы...
И над простором рек
Пронёсся клич: Свободен человек!
И полетел, сметая все преграды,
Святой призыв; и эхо понесло
Его чудесно на крылах могучих,
Что создал Гутенберг,.. [1]

Рождение печатного слова в России.

Изобретение Гутенберга должно было рано или поздно столкнуться с интересами христианской церкви.

Несмотря на то, что Гутенберг начал с печатания книг духовного содержания и лишь попутно позволял себе печатать книги светские, его

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. II, стр. 464, 465, 468.

прогрессивное дело представляло угрозу владычеству церкви и вместе с тем подрывало её материальную мощь, отнимая заработок у монахов-переписчиков.

Церковники объявили печатание книг делом рук дьявола.

Однако книгопечатание распространялось неудержимым потоком. В первой половине XVI в. в крупнейших центрах Германии, Франции, Голландии, Англии, Италии уже существовали типографии. Книгопечатание, как и астрономия в XVI в., имело своих героев и мучеников. Деятельность печатников, издававших сочинения гуманистов — Франсуа Рабле, Эразма Роттердамского, — не давала покоя церковникам. Учёные богословы из Сорбонны убедили французского короля Франциска I покарать многих книгопечатников как главных виновников всех зол.

Французский печатник Этьен Долэ был повешен 3 августа 1546 г. на одной из парижских площадей, а затем сожжён вместе со своими книгами.

В Московском государстве, как и в других европейских странах, книгописание находилось в руках духовенства. Переписывались преимущественно богослужебные книги: молитвенники, псалтыри, т. е. сборники религиозных гимнов. Богатые люди любили художественно исполненные книги и платили за них дорого. Известен случай, когда за псалтырь было уплачено монастырю «сорок сороков», т. е. столько, сколько стоили сорок шуб по сорока беличьих шкурок в каждой.

Русское духовенство боялось распространения нового искусства книгопечатания. А между тем в конце XV в. в Москву из Любека приехал предприимчивый человек Варфоломей Готан. Он привёз с собой печатные книги, получил аудиенцию у Ивана III и повёл переговоры об устройстве типографии в Москве. Но дело кончилось печально. Переписчики книг натравили на Варфоломея толпу, которая утопила «немчина» в Москве-реке. {34}

Ввести книгопечатание в России решил внук Ивана III, Иван IV. Ивану IV были нужны грамотные люди. В 1551 г. он писал царьградскому патриарху, что послал ему своего паробка Обрюту Михайлова для обучения эллинской грамоте, а в 1558 г. царь снова писал: «Живет де у тебя наш человек и уже де языку вашему научился и ты бы его к нам отпустил часа того». Царь спешил использовать знания Обрюты, который по возвращении в Москву стал толмачом.

Около 1582 г. в Царьград были посланы Грязнуша Ушаков и Федька Внуков «для научения греческому языку и грамоте».

Есть сведения, что в 1555—1557 гг. в Москве начала работать группа из нескольких печатников. В одном письме Ивана IV от 1556 г. упоминается мастер печатных книг Маруша Нефедьев. В документах встречается также имя печатника датчанина Ганса Миссонгейма, посланного датским королём к Ивану IV. Во всяком случае, если в первой половине XVI в. в Москве не было типографии, то велась работа по её созданию.

На Стоглавом соборе был поставлен вопрос об ошибках в богослужебных книгах. Собор постановил, чтобы священники исправляли книги, в которых замечены ошибки. Строго запрещалась продажа книг неисправленных. Если оказывалось, что продавалась книга заведомо неисправленная, т. е. содержащая ошибки, то предписывалось «те книги имать даром без всякого зазору», а исправивши, отдавать в церковь, которая имеет недостаток в книгах.

Дальновидный политик и образованный человек, Иван IV понимал, как важно иметь в Москве типографию, из которой печатные книги расходились бы по всему государству. Иван IV интересовался людьми, которые могли бы наладить печатное дело.

В то время в Москве в одной из кремлёвских церквей был дьякон Иван Фёдоров (Иван Фёдорович Москвитин). Это был образованный человек, знавший греческий язык, он много читал и сам писал. Фёдоров умел хорошо отливать пушки, слыл хорошим столяром и резчиком, прекрасным переплётчиком. Одним словом, на все руки мастер. Слышал он про замечательное изобретение книгопечатания. И захотелось ему самому сделать печатный станок и набор букв. Этому делу он отдавал всё своё свободное время. Работал тайно, с жаром, с увлечением, и после упорного труда ему удалось, наконец, напечатать несколько строчек.

Иван Фёдоров добился приёма у царя и показал ему отлитые металлические буквы и первые напечатанные строки. Работа Фёдорова понравилась Ивану, он щедро наградил Фёдорова и дал денег на постройку «друкарни», так в то время назывался Печатный двор от немецкого слова drücken, что значит «давить».

В 1553 г. недалеко от Красной площади, на Никольской улице [1] началась постройка Печатного двора. Но работа подвигалась {35} очень медленно. Годы шли. Царь был занят войной,

Файл ist36.jpg

Первопечатник Иван Фёдоров. *Масло. Картина А. В. Моравова.*

сначала с Астраханью, потом с Ливонией, и забыл, казалось, о Печатном дворе. Деньги были истрачены. Постройка остановилась. Помощником Ивана Фёдорова был Пётр Тимофеевич Мстиславец [2]. До прибытия в Москву он был знаком с типографским делом, которое изучил в Юго-Западной Руси, где книгопечатание появилось в первой половине XVI в. Наконец, в 1563 г., здание Печатного двора было закончено. Это была деревянная постройка, украшенная затейливой резьбой, с маленькими слюдяными окошками. Фёдоров и Мстиславец сами сделали печатный станок, изгото-{36}вили много свинцовых букв и напечатали несколько пробных

Файл ist37.jpg

Послесловие Ивана Фёдорова в книге 1574 г.

листов.

В апреле 1563 г. по приказу царя Фёдоров и Мстиславец приступили к печатанию большой церковной книги «Деяния апостолов». Фёдоров предварительно тщательно исправил рукопись, а потом стал её набирать. Книги печатали на прекрасной бумаге.

Через год, 1 марта 1564 г., работа была закончена. Буквы вышли на бумаге чётко и красиво. Все они были одной меры и одного рисунка, так как все они были заимствованы из крупного полууставного письма XVI в. Между буквами соблюдено было равномерное расстояние, и глаз радовала ровная прямая строка. По примеру рукописей вместе с чернилами употреблялась и алая краска — киноварь, окрасившая заглавные буквы и строки. Каждая новая глава начиналась изящной заставкой с изображением растений. Единственным недостатком первопечатного «Апостола», как сокращённо называли книгу, являлась несоразмерность промежутков, отделяющих одно слово от другого, часто попадались и слова, напечатанные без всяких разделений.

Царь остался доволен работой печатников и дал им новый заказ. В 1565 г. был напечатан «Часовник» — также богослужебная книга. Печатникам было поручено «спущать книги на всю русскую землю верные, по легкой цене».

Но в ту пору (1568 г.) по Москве пошли слухи, что на Печатном дворе занимаются колдовством, что Ивану Фёдорову помогает печатать книги сам дьявол. Слухи эти распускала церковная братия, возмущённая тем, что Иван Фёдоров осмелился {37} исправлять богослужебные книги, а также те, кто боялся с появлением книгопечатания утратить заработок переписчика.

Около типографии время от времени появлялись люди в монашеских одеяниях. Они мрачно нашёптывали: «бесовская затея», «волхование, бог не попустит, чтоб нечистая сила одолела».

Царя в то время не было в Москве.

Печатники поняли, что, пока не поздно, надо спасаться. Они уложили в два мешка основное типографское имущество, взвалили каждый по тяжёлому мешку за спину и тёмной ночью вышли из Печатного двора. Им удалось скрыться.

В ту же ночь в типографию ворвалась возбуждённая церковниками толпа. Печатный двор был подожжён и запылал. Громилы всюду искали печатников. В толпе раздавались угрожающие крики: «Где Иван Фёдоров, где колдун, чернокнижник?..»

Гонимые завистью и злобой, Иван Фёдоров и Пётр Мстиславец бежали в Литву.

В том же 1568 г. по повелению царя Ивана IV типография была восстановлена. Два мастера, помогавшие ранее первопечатникам в качестве подмастерьев, приступили к изданию новых книг. Во время пожара Москвы в 1571 г. сгорела и эта типография. И только в 1577 г. в Александровской слободе была построена новая небольшая типография, которая начала рабо-

---

[1] Теперь улица 25 октября.

[2] Родом из Мстиславля. Ныне Белорусская ССР.

тать год за годом, но, конечно, не могла удовлетворить быстро возраставшей потребности в книгах.

В Литве беглецы попали к гетману Хоткевичу, который оказал им хороший приём и даже устроил им типографию в своём имении. Но затея эта быстро надоела капризному гетману, и типография была закрыта. След Петра Мстиславца после этого теряется. А Фёдорову в благодарность за его труды Хоткевич предложил жить у него на покое, заняться своим собственным хозяйством.

Но первый русский печатник слишком любил своё смелое и славное дело. Сытая и спокойная жизнь его не прельщала: глубокой верой в значительность своего призвания звучат его слова: «Не пристало мне сокращать дни живота моего за плугом и сеянием семян житных. Мне положено духовные семена по вселенной рассевати».

Иван Фёдоров погрузил на телегу свой нехитрый инвентарь и снова пошёл бродить по свету. С большим трудом удалось ему найти работу у князя Константина Острожского — владельца многих имений на Волыни, в Галиции и Подолии.

В 1581 г. в городе Остроге Фёдоров напечатал знаменитую «Острожскую библию». В ту эпоху она явилась последним достижением типографского искусства. Все шрифты и заставки были изготовлены самим Фёдоровым. Но и после этого он опять не мог найти работы.

Наконец, Фёдоров очутился в украинском городе Львове. Подобно Гутенбергу, Иван Фёдоров вынужден был с большим тру-{38}дом добывать деньги, необходимые для устройства типографии, и идти в кабалу к богачам. Он обращался и к купцам и к боярам, а те зачастую со смехом гнали его со своего крыльца. Ценой огромных усилий Иван Фёдоров снова открыл типографию. Но радость была недолговечна. Станок был вскоре продан за долги. Неистовый друкарь мужественно начал своё дело сначала. Он открыл типографию на Волыни и там напечатал несколько книг. Потом он вернулся во Львов. Казалось, удача, наконец, улыбнулась ему: он опять за станком. Но и на этот раз типография была продана за долги.

Файл ist39_1.jpg

Печатный станок русского первопечатника
Ивана Фёдорова. *Хранится*
в Историческом музее г. Львова.

Пришла старость, а с ней немощи и болезни. Чувствуя приближение смерти, Иван Фёдоров заказал себе надгробную плиту по собственному рисунку. На плите был изображён его книжный знак, отмечавший каждую выпущенную книгу, и вырезана надпись: «Иван Фёдорович друкарь Москвитин, который своим тщанием друкования занебдоша обновил» (т. е. обновил заброшенное до него дело). Надпись заканчивается словами: «Друкарь книг, доселе невиданных».

Файл ist39_2.jpg

Книгопечатный герб Ивана Фёдорова.

Иван Фёдоров умер в городе Львове 5 декабря 1583 г.

Историю Ивана Фёдорова мы узнаём из его послесловий к изданным им книгам. «Нами была устроена в Москве книгопечатня, но мы стали подвергаться жестокому озлоблению не со стороны самого царя, а со стороны многих начальников, священноначальников и учителей, которые по зависти к нам, заподозревая нас в разных ересях, желая благое во зло превратить и дело божие в конец погубить, не потому, что они были очень умны или наполнены духовного разума, а так понапрасну понесли о нас {39} злое слово. Эта зависть и ненависть принудила нас

Файл ist40.jpg

Печатный двор в Москве в XVII веке. *Гравюра Солнцева.*

покинуть нашу землю, род и отечество во стороны чужия, незнакомыя».

Глубоко драматичен его рассказ о том, как он «тужил духом», «размышлял в сердце своем» о предложении Хоткевича. Фёдоров решил: «Вместо сохи у меня ремесло художественное, вместо семян житных духовные семена надлежит мне по свету рассевать и всем раздавать духовную эту пищу».

Иван Фёдоров не был простым ремесленником, он был идейным борцом.

Первые русские печатные книги были религиозными по содержанию, но Фёдоров снабдил их послесловием, в котором излагались прогрессивные идеи, выдвигавшиеся против монашеского мракобесия, ростовщичества и угнетения крепостных крестьян. Эти идеи развивались ещё в рукописных книгах XVI в. передовыми публицистами Максимом Греком, Васьяном Косым. Мужественно продолжая эту славную традицию, Иван Фёдоров создал первые печатные публицистические произведения; Фёдорову принадлежит также и первенство в автобиографической печатной древнерусской литературе.

«Острожская библия» 1581 г. имеет несколько предисловий, составляющих целую брошюру, приплетённую к библии. В них содержатся ценные сведения о борьбе белорусского и украинского народов против польских и литовских панов и неизбежная дань покровителю — хвалебные вирши (стихи) издателю этой библии — князю Константину Острожскому. {40}

Файл ist41.jpg

Памятник Ивану Фёдорову Первопечатнику. *Москва.*

Главная роль в создании первой печатной книги русского производства, бесспорно, принадлежит Ивану Фёдорову. Вот почему он вошёл в историю нашей родины как первопечатник.

Иван Фёдоров помог украинскому и белорусскому народам в их борьбе против польских панов, содействовал сближению украинцев с братским русским народом. Книги Ивана Фёдорова, печатавшиеся на Украине, попадали в Россию и здесь также играли большую роль.

Памятник Ивану Фёдорову, поставленный в Москве в 1909 г. недалеко от старого Печатного двора, запечатлел образ этого замечательного русского человека, считавшего книгопечатание основной целью своей жизни. {41}

ПУТЕШЕСТВИЕ АФАНАСИЯ НИКИТИНА

Конец XV в. был временем усиленных поисков новых путей на Восток — в Китай, Японию и особенно в Индию. Люди хотели найти во что бы то ни стало прямой путь в манившую всех сказочными богатствами Индию. Ещё в XIII—XIV вв. о ней рассказывали всякие чудеса: для одних Индия была страной диковинных животных и змей, другие уверяли, что здесь когда-то был «рай»; но все одинаково думали об Индии, как о сказочно богатой стране, откуда шли в Европу заморские товары и драгоценности.

Индия издавна привлекала воображение европейцев своими неисчислимыми богатствами. И вот в XV в., когда в Европе ремесло и торговля сильно выросли и приобрели широкий размах, понадобился для торгового обмена драгоценный металл: серебро и золото, из которых чеканились монеты. Между тем добыча драгоценных металлов развивалась в Европе медленно. Деньги становились редкими и дорогими, и под влиянием этого разгорается та, по выражению одного современника великих географических открытий, «жажда золота», которая вскоре погонит толпы отважных авантюристов — завоевателей-конкистадоров на покорение целых царств в Новом Свете. «Погоня за золотом» стала, таким образом, страстью людей, искавших новых путей в Индию. Но из Индии везли не только драгоценности, а и такие товары, как перец, имбирь, корица, гвоздика, мускатный орех и другие так называемые пряности. Одни из этих пряностей необходимы были для приготовления пищи, другие являлись составными частями тогдашних лекарств. К этим товарам надо прибавить также квасцы, красители, хлопок, которые чрезвычайно нужны были растущей буржуазии Европы для промышленных целей, а также жемчуг, дорогие шелка и другие предметы роскоши, получившие широкое распространение при дворах феодалов. Всё это получалось с Востока, и прежде всего из Индии. Впрочем, люди того времени под Индией понимали вообще страны Востока.

Между тем торговля с Востоком издавна находилась в руках итальянских городов, в основном Венеции. Торговый путь к Индо-{42}стану шёл через Сирию и Месопотамию или же более дальними дорогами — через черноморский порт Адалию, затем через Армению и Месо-

потамию. Итальянские купцы были монополистами торговли пряностями и поэтому продавали их по очень высоким ценам.

В 1453 г. турки завладели Константинополем. Чёрное и Азовское моря с их портами и торговыми отделениями оказались закрытыми для итальянцев. Турки заградили также путь через Сирию и Месопотамию. Осталась ещё одна дорога в страну пряностей — через Египет, через порт Александрию. Арабские купцы вели очень оживлённую торговлю через Красное море и Индийский океан с Индостаном, привозили затем купленные там товары в Александрию и продавали их венецианцам. Разумеется, арабские купцы продавали эти пряности втридорога, но венецианцы в свою очередь брали за них с европейских покупателей во много раз дороже, чем они стоили на Индостане, и таким образом с избытком покрывали свои расходы.

Между тем, как уже указывалось, золота в Европе было мало, да и из этих недостаточных запасов огромные суммы уплывали для расплаты с арабскими купцами за привезённые ими с Востока товары. Вот почему европейские купцы хотели избавиться от этих дорогих посредников и найти новый непосредственный путь в страну пряностей, в страну, которая рисовалась им, к тому же, как страна золота.

Одними из первых на поиски прямого пути в Индию устремились оба пиренейских приатлантических государства — Испания и Португалия и прежде всего Португалия. Россия не состязалась с Португалией в этих поисках; тем замечательнее, что одно из наиболее ранних и лучших описаний Индии конца XV в. принадлежит нашему соотечественнику, тверскому купцу Афанасию Никитину, который отправился в Индию в 1466 г., задолго до прибытия туда португальцев. Никитин при этом не ограничился одними приморскими городами, а забрался вглубь Индии и воочию познакомился с рядом мест, где до него ещё не ступала нога ни одного европейца.

Связи Востока с Русью были постоянными и при том весьма старинного происхождения. Русские купцы со своей стороны пытались установить прямые торговые связи с Ираном, с Индией и другими восточными странами. Привычным делом для русских купцов было ездить со своими товарами в «отъезжий торг» — на рынки Крыма, Ближнего Востока, Средней Азии, Персии. Среди описаний путешествий такого рода особое место занимают путевые записки Афанасия Никитина, привезённые, по летописным сведениям, в 1475 г. в Москву и включённые в летопись.

Афанасий Никитин первым из русских побывал в Индии в 1466—1472 гг. в поисках «на Русскую землю товара» и обнаружил живейший интерес к возможности расширить экономические и политические связи Русского государства. {43}

Интерес Афанасия Никитина к странам Востока был рожден тем ярким оживлением, какое мы наблюдаем в Восточной Европе и, конечно, на Руси с конца XV века. Окрепшая экономически, Русь стала играть в европейских делах заметную роль. Интересы русских людей значительно расширились. Появилось новое поколение людей, энергичных и предприимчивых в области дипломатии, политики внутренней, экономики. Афанасий Никитин — один из примеров деловитости и широкой предприимчивости. Он не боится дальних расстояний. Его тянет «за три моря» в страны, ещё почти в Европе не известные. Он горит желанием послужить своей родной земле.

Файл ist44.jpg

Лист 369 рукописи Афанасия Никитина.

Афанасий Никитин — один из передовых людей своего времени. Он на голову выше своих современников — западноевропейских купцов и путешественников, оставивших нам свои описания; кстати сказать, таких описаний было немного в XV в. Как купец, Афанасий Никитин, разумеется, интересовался прежде всего возможностью установления торговых связей, но при этом он во что бы то ни стало желал установить их обязательно для всей своей родины. Характерным для Никитина является то, что он сумел подняться до высот общерусского патриотизма, он мыслит родину не как свою родную Тверь, а как всю Русскую землю, которая для него ни с чем не сравнима: «На этом свете, — заявляет он, — нет страны подобной ей».

Самое важное и интересное место в путевых записках Никитина занимает описание Индии, и это описание, сделанное вдумчивым, проницательным наблюдателем, представляет огромную ценность, ибо это рассказ о настоящей Индии того времени. Как мы уже говорили, в

прежних описаниях Индия изображалась как диковинная страна. «Как и вся средневековая Европа, — пишет один из знатоков древнерусской литературы, — древняя Русь знала Индию, как страну чудес, страну сказочного изобилия и богатства, населённую чудовищными животными и необыкновенными людьми, живущими среди невиданной природы». Рассказ {44} Афанасия

Файл (карта) ist45.gif

ПУТЕШЕСТВИЕ АФАНАСИЯ НИКИТИНА В ИНДИЮ (1466—1472 гг.) {45}

Никитина существенно отличался от того, что издавна известно было русским читателям по литературным памятникам. Это было деловитое, трезвое, реалистическое описание подлинной Индии XV в.

Вот как излагает Никитин свои первые впечатления от страны:

«И есть тут, — пишет он, — Индийская страна, и люди ходят все голые: голова не покрыта, груди голы, волосы в одну косу плетены... детей у них много. Мужи и жёны все черны. Куда бы я ни пошёл, так за мной людей много, — дивятся белому человеку. А князь их, — фата на голове, а другая — на бёдрах; бояре у них ходят — фата на плече, а другая — на бёдрах; княгини ходят — фатой плечи обёрнуты, а другой — бёдра. Слуги же княжие и боярские — фата на бёдрах обогнута, щит да меч в руках...».

Тотчас же по приезде в Индию Никитин охвачен был сильнейшим разочарованием при виде товаров страны, от которой он столько ожидал. «Меня обманули псы-басурмане, — с негодованием отмечает он, — они говорили про множество товаров, но оказалось, что ничего нет для нашей земли... Дешевы перец и краска... А пошлина большая, да и разбойников на море много».

Однако очень скоро Никитин, подавив своё первое разочарование, стал внимательно присматриваться и изучать окружавшую его действительность. Простого русского человека, каким был Афанасий Никитин, в Индии интересовало всё: и жизнь индийских крестьян, что они сеют, когда пашут, как живут, и какие процветают ремёсла, каковы города и особенности торговли в них, и каковы нравы и обычаи незнакомой страны. Есть замечательная черта в характере Афанасия Никитина: это его интерес к народу, к простым людям. Никитин старался сжиться с индийцами, чтобы иметь возможность лучше узнать их и расспросить их обо всём, что его интересовало. Он сам рассказывает об этом следующее:

«Тут познакомился со многими индусами и объявил им, что я христианин, а не бусурманин и имя моё Афанасий, по-бусурмански же — ходжа Исуф Хорасани. Они не стали от меня таиться ни в чём: ни в еде, ни в торговле, ни в молитве, ни в иных вещах; жён своих также не скрывали».

Благодаря этому русский читатель получил в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина яркое и живое изображение почти всех сторон жизни тогдашней Индии.

Никитина поразило множество городов в одном из крупнейших государств Индии: «Между ... большими городами, — пишет он, — много других городов, каждый день встречалось по три города, а в другой и по четыре». И проезжая по этим городам, Никитин обстоятельно отмечал, что продаётся на их рынках. Он даёт подробный перечень товаров, продающихся в каждом городе, их цены, способы перевозки. Особое внимание Никитина {46} привлекли крупные морские портовые города, большие ежегодные базары.

«Есть у них, — рассказывает Никитин, — одно место, где однажды в году устраивается базар, куда съезжается вся Индийская страна торговать и торгуют там 10 дней». Или же в другом месте он сообщает: «...а от Сури пошёл к Дабулу — пристани великого Индийского моря.

Дабул же весьма большой город, и к нему съезжается всё поморье. Индийское и Ефиопское».

Никитин тщательно описывает, чего в Индии много и что дёшево, что из местных товаров может пригодиться «Русской земле». Но у наблюдательного нашего соотечественника нет никакого преклонения перед иноземными товарами. Так, например, прибыв в крупный торговый центр, старинный индийский город Бидар, где продавались шёлковые ткани, персидская шёлковая золототканная ткань — камка, арабские и татарские кони и в большом количестве индийские и привозные рабы, Никитин сообщает:

«В Бидаре происходит торг на коней и на товар: на камки, на шёлк и на всякий другой товар; можно купить на нём также чёрных людей. Другой купли здесь нет. А товар их весь индостанский. Съестное же — всё овощи. На Русскую землю товара нет».

Итак, первое разочарование Никитина не заглохло, его не оставляет мысль, что «на Русскую землю товара нет». Но он продолжает тщательно изучать индийские товары и одновременно с жадной любознательностью присматривается к «индостанской жизни». Вот, например, какие, казалось бы, интересные только для исследователя стороны жизни он отмечает: «Индийцы совсем не едят мяса, ни яловичины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы; ни вина, ни сыты не пьют. С бусурманами не пьют и не едят». Никитина поразила эта воздержанность индийцев в еде. Он пишет далее: «А еда у них плохая, и друг с другом не пьют, и не едят, даже с женой. Едят рис, да кичири (блюдо из риса) с маслом, да травы разные, а варят их с маслом и молоком. А едят всё правою рукой, левою же ни за что не возьмутся; ножа не держат, а ложки не знают. В дороге у каждого по горнцу и варят себе кашу».

Ту же неустанную пытливость обнаруживает Никитин и по отношению к религии индийцев: «Я расспросил, — рассказывает Никитин, — всё об их вере, и они говорили: веруем в Адама, а Буты [от слова «Будда», у Никитина же — в смысле «языческий идол»], говорят, это есть Адам и весь его род. Всех же вер в Индии 84, и все веруют в Бута». Бросилась в глаза Никитину борьба между различными религиями: «Вера с верою, — сообщает он нам, — не пьёт, не ест, не женится; некоторые едят баранину, кур, рыбу и яйца, но воловины не ест никакая вера». «А молитва у них, — пишет Никитин в другом месте, — на восток, по-русски; подымают высоко обе руки и кладут их на темя, {47} да ложатся ниц на землю и растягиваются по ней — то их поклоны. А когда садятся есть, то некоторые обмывают руки и ноги, да и рот прополаскивают». Эта чистоплотность индийцев, очевидно, пришлась Афанасию Никитину по вкусу.

И наш соотечественник настолько проникся живейшим интересом к чужеземной незнакомой ему стране, что, не ограничиваясь одними только расспросами индийцев, он решил пуститься в длинное утомительное месячное путешествие, чтобы присутствовать на одном из индусских празднеств и ознакомиться там с торговлей, которая велась около их главного святилища.

«В Бидаре, — пишет он, — пробыл я 4 месяца, и сговорился с индийцами пойти в Парвату — их Иерусалим, а по-бусурмански — Мекка, где их главное идольское капище [«бутхана», т. е. храм]. Там же ходил с индийцами месяц до бутханы. Торг у бутханы 5 дней. А бутхана весьма велика, с пол-Твери, каменная, и вырезаны по ней бутовы деяния, всего вырезано 12 венцов, как Бут чудеса творил, как являлся индийцам во многих образах: первое — в образе человека; второе — в образе человека, но с хоботом слона; третье — человеком в виде обезьяны; четвёртое — человеком в образе лютого зверя. Являлся им всегда с хвостом, а хвост на камне вырезан с сажень. К бутхане на бутовы чудеса съезжается вся Индийская страна». И вслед за этим Никитин даёт подробнейшее описание количества съезжающихся, размеры оплачиваемой пошлины при входе в бутхану и, наконец, описание изображения самого «Бута»: «Бут в бутхане вырезан из камня и весьма велик, хвост у него перекинут через плечо, а руку правую поднял высоко и простёр, как царь Юстиниан в Царьграде, в левой же руке у него копьё; а на нём нет ничего, только зад у него обвязан ширинкою, — облик обезьяний». Отметил Никитин и почитание вола у индуистов. «А перед Бутом,— сообщает он тут же, — стоит огромный вол, а высечен он из чёрного камня и весь позолочен. Его целуют в копыто и сыплют на него цветы; на Бута также сыплют цветы».

Обратил Никитин внимание и на особый, отличный от знакомого ему, обряд погребения у индийцев. «А кто у них умрёт, — рассказывает он, — и тех жгут, а пепел сыплют на воду». Не мог Никитин удержаться и от описания некоторых чудес, которыми так славились отдалённые заморские страны. Вот что мы читаем у него по этому поводу: «Есть на том Алянде [город] птица гукук, она летает ночью и кричит «гукук»; на которую хоромину она сядет, то тут человек умрёт; а кто захочет её убить, тогда у неё изо рта огонь выйдет. А мамоны [1] ходят ночью и хватают кур; живут они в горе или каменьях. Обезьяны же живут в лесу, и есть у них князь обезьянский, ходит со своей ратью. И если кто их обидит, тогда они жалуются своему

[1] Полагают, что мамоны — это особые породы обезьян.

князю, и он посылает на того свою рать. И обезьяны, напав на город, дворы {48} разрушают и людей побивают. Говорят, что рать у них весьма большая и язык у них есть свой...» В этом рас-

Файл ist49.jpg

Приём у индо-мусульманского султана.
Миниатюра из индо-мусульманской рукописи XVII в.

сказе Афанасия Никитина причудливо переплелись некоторые впечатления от подлинной действительности с легендарными рассказами из древней индийской поэмы «Рамаяна», где имеется сказание о царе обезьян Сугриве и его полководце Ханумане. Это сказание было популярно в Индии и Никитин мог услышать его от местных жителей. Как видим, Никитин отвёл «чудесному» весьма малую роль, он отдал этому очень и очень скромную для XV века дань.

Тонкий и пытливый наблюдатель, тверитин Афанасий Никитин не мог равнодушно пройти мимо общественных зол представшей перед ним страны. Он дал мастерское описание разительной противоположности между бедностью и богатством в Индии, противопоставив нищету эксплуатируемой крестьянской массы роскоши феодалов и султанского двора.

«Земля, — пишет Никитин, — весьма многолюдна: сельские люди очень бедны, а бояре — богаты и роскошны; носят их на серебряных носилках и водят перед ними до 20 коней в золотых сбруях; и на конях же за ними 300 человек, да пеших 500 человек, да трубников 10, да литаврщиков 10 человек, да свирельников 10 человек. Султан же выезжает на потеху с матерью и с женой, да с ним на конях 10 тысяч человек, да пеших 50 тысяч. А слонов водят 200 человек, наряженных в золочёные доспехи. Да перед султаном идёт 100 человек трубников, да плясунов 100 человек, да коней простых 300 в золотых сбруях, да обезьян за ним 100.

В султанов дворец ведёт семеро ворот, а в воротах сидит по сто сторожей, да по сто писцов — кафиров [1]. Одни записывают, кто войдёт, другие — кто выйдет; чужестранцев же во дворец не {49} пускают. А дворец его очень красив, всюду резьба да золото, и последний камень вырезан и очень красиво расписан золотом; да во дворце же разные сосуды».

Это сопоставление нищеты народа и пышности вельмож и султанского двора отмечено с такой силой, что его трудно забыть.

Не ускользнуло от внимания Никитина и приниженное бесправное положение индийцев — не мусульман, находившихся под владычеством мусульман. Среди господствующих мусульманских феодалов Индии было много пришлых иноземцев, в особенности персов, среди которых преобладали выходцы из Хорасана, занимавшие видные государственные должности и тесно связанные с богатым купечеством. По сравнению с этими «хорасанцами» «гуньдостаньци», как их называет Никитин, были в жалком бесправном положении. На это мусульманское иго русский купец обратил особое внимание потому, что он на своём опыте знал, как тяжело татарско-монгольское иго:

«Князья в Индийской земле, — пишет он, — все хорасанцы, и все бояре также. А индостанцы все пешие, ходят быстро, и все наги и босы». Таким образом, столь пленявшая воображение западноевропейских путешественников роскошь восточных государств не смогла заслонить от острого взора нашего соотечественника того факта, что эта роскошь покупалась ценой ограбления и нищеты разоряемой крестьянской массы.

И, подводя итог всему виденному на чужбине, Афанасий Никитин обращается мысленно к своей горячо любимой родине и задумывается над её судьбами. Эта дума выливается у него в пламенный призыв:

«Русскую землю бог да сохранит. Боже сохрани... На этом свете нет страны, подобной ей, хотя вельможи (бояре) Русской земли несправедливы. Но да устроится Русская земля и да будет в ней справедливость...»

В этом замечательном по своей силе и искренности призыве Афанасий Никитин скорбит по поводу социального неустройства своей родины, по поводу засилья бояр, и жаждет прежде всего устроения «своей земли», устроения, которое мыслится им непременно в виде общерусского объединения.

---

[1] Все цифры, приводимые Афанасием Никитиным в этом отрывке, явно преувеличены.

Благородный патриотизм Афанасия Никитина, его пламенная мечта об объединении Русского государства, его страстный призыв к устранению общественных зол, терзавших его родину, выделяют Афанасия Никитина из ряда западноевропейских путешественников и купцов того времени, умственные горизонты которых не выходили за рамки торговых выгод.

Простой, бесхитростный и в то же время деловитый и обстоятельный рассказ Афанасия Никитина поражает своей политической зоркостью, поднимающей его на большую принципиальную высоту. «На этом свете нет страны подобной ей» (т. е. Руси) — как перекликаются эти любовные слова Никитина о своей родине с нашей современностью. {50}

ПЕРВОЕ КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Тесно становится предприимчивым людям в старой Европе. Вместо $^1/_4$ части полушария — весь земной шар лежит перед взором западноевропейцев. На грани XV и XVI вв. жажда золота у европейцев всё усиливается, она толкает их к всё новым и новым завоеваниям в заморских странах. Золота ищут «...португальцы на африканском берегу, в Индии, на всем дальнем Востоке; *золото* было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан...» [1] Уже открыта Колумбом Америка, уже проложен морской путь в Индию Васко да Гамой. Но всё новые планы зреют в возбуждённых открытиями умах отважных и беззастенчивых конкистадоров.

Недостаточным кажется переплыть из одного полушария в другое, возникает мысль о кругосветном путешествии.

Эту мысль впервые удалось претворить в жизнь в 1519 г. Фернандо Магеллану, португальскому моряку на службе у испанской короны.

Какова была жизнь Магеллана до его знаменитого путешествия? О детских и юношеских годах Фернандо мы почти ничего не знаем; известно лишь, что он был сыном обедневшего португальского дворянина. Ещё юношей Магеллан отличался отвагой и предприимчивостью, золото, приключения манили его вдаль. Он мечтал свершить небывалые подвиги. Он готов принять участие в любых морских экспедициях. Скоро Фернандо Магеллану представляется такая возможность, и в 1505 г. в качестве рядового участника португальской экспедиции под командованием д’Альмейда он отправляется в Индию. В 1506 г. он принимает участие в битве при Канноре, когда португальцы разбили войско каликутского раджи. После ранения Магеллан уезжает в Африку, где живёт некоторое время в небольшом арабском селении; вынужденное бездействие томит его; не желая терять времени даром, он пытается разузнать, далеко ли до золотых россыпей, {51} которыми так богата, по слухам, Африка. Но всё напрасно; внутренняя Африка остаётся для него запретным кладом.

По выздоровлении Магеллан возвращается в Индию, где опять принимает участие в ожесточённом сражении (в феврале 1509 г.) с арабами и венецианцами. Он вновь ранен, и теперь лечится в индийском городе Кочине.

Файл ist52.jpg

Фернандо Магеллан. *Масло.*

Едва поправившись, Магеллан в 1509 г. присоединяется к новой экспедиции, отправляющейся к берегам Малаккского полуострова. Там португальцы надеялись разведать пути к островам Пряностей, откуда (при посредничестве индийских и арабских купцов) привозили в Европу корицу, гвоздику, имбирь, мускатный орех. Португальцы рассчитывали добраться до этих островов и, отстранив прежних посредников — мусульман и венецианцев, завладеть всей торговлей.

Первая экспедиция на Малакку оказалась неудачной, население упорно сопротивлялось пришельцам. Португальцы послали через два года вторую экспедицию на Малакку, в ней опять

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 442.

принимает участие Магеллан. Наконец в 1511 г. португальцы захватили Малакку. Путь к островам Пряностей оказался открытым.

Постоянные лишения, жизнь, полная опасностей, закалили волю Магеллана, сделали его ещё более решительным и упорным. Мысль его упорно работала над тем, как совершить новые путешествия, добиться, наконец, успеха в жизни, который всё ускользает из его рук.

Как отважно Магеллан ни сражается, никакой награды он не получает. Очевидно, не жалует высшее командование талантливого, смелого, но слишком самостоятельного, независимого и резкого воина.

Магеллан в 1511 г. принимает участие в экспедиции, отправившейся из Малакки к Молуккским островам, но, добравшись до островов Банда и закупив там мускатные орехи, руководители экспедиции решили отправить почти все корабли обратно в Малакку.

Что делал Магеллан следующие два года, точно неизвестно. По некоторым данным можно лишь предположить, что Магеллан {52} провёл это время или на Малакке, или на каких-то островах, расположенных на пути из Малакки на Молуккские острова. Более точно установлено, что всё это время Магеллан усиленно собирал сведения о Молуккских островах.

В 1513 г., после короткого пребывания на родине, Магеллан в качестве младшего командира отправляется в Марокко воевать с мусульманскими пиратами. После марокканской кампании, в которой Магеллан получает тяжёлое ранение в ногу, сделавшее его на всю жизнь хромым, он приезжает в Лиссабон. Здесь он был отстранён от дальнейшего активного участия в путешествиях, организуемых португальским правительством.

Свой вынужденный досуг Магеллан использует для разработки новых проектов путешествий; его мысль работает над тем, как проложить новые пути. Магеллан внимательно изучает мореходные карты, донесения капитанов, хранившиеся в секретном архиве португальского короля.

Постепенно у Магеллана начинает складываться убеждение, что попасть к Молуккским островам можно новым — западным путём. Ведь идти прежним путём, тем путём, над которым господствуют португальцы, Магеллан больше не может. Португальский король не даст ему ни одного корабля.

Магеллан твёрдо верит в правоту учёных, утверждающих, что земля шарообразна. Что бы ни утверждала католическая церковь, как бы ни старалась она погасить пытливую мысль, истина побеждает. И на этой истине, на научных теориях основывает Магеллан свой план. Но пока это ещё одни предположения, у Магеллана нет реальной возможности предпринять самостоятельное путешествие. Но готовиться к нему он не перестаёт.

Магеллану было известно, что в 1513 г. испанец Бальбоа прошёл через узкий Панамский перешеек и оказался на берегу Тихого океана. Становится очевидным, что догадки учёных о возможности достижения Индии и Молуккских островов новым путём вполне реальны. Высказывается предположение, что должен быть где-то пролив, соединяющий два океана, и что, плывя через пролив на запад, возможно новым путём достичь желанной цели — Молуккских островов.

Магеллан был убеждён, что такой пролив существует.

На чём основывалась такая уверенность, сказать определённо трудно. Возможно, что, работая в архиве короля, он обнаружил секретную карту, на которой проход в Тихий океан был обозначен примерно на сороковом градусе южной широты.

Как выяснилось позже, составление этой карты было вызвано простым недоразумением: одна из экспедиций приняла за пролив необозримо широкое устье Ла-Платы и плыла по нему двое суток, пока буря не заставила моряков вернуться. Может быть, эта карта, спрятанная от любопытных глаз в сокровищнице короля Маноэля, и внушила Магеллану его непоколебимую уверенность, а может быть, он узнал о Ла-Плате, этом мнимом проливе, {53} где-нибудь

Файл ist54.gif

Карта первого кругосветного путешествия. {54}

на причалах Лиссабона от моряков, участвовавших в экспедиции. Так или иначе, но Магеллан был твердо уверен, что пролив существует и что, найдя его, он первым проплывёт в Тихий океан и достигнет западным путём островов Пряностей.

Ошибка моряков, принявших устье Ла-Платы за пролив, сослужила Магеллану хорошую службу. Он поверил, что его предшественники видели пролив, и эта вера побудила Магеллана быть настойчивым и упорным. Вынашивая свой грандиозный план, Магеллан прежде всего хотел добиться у короля Маноэля признания своих старых заслуг. Но король Маноэль высокомерно отказал заслуженному ветерану.

Магеллан понял, что рассчитывать на поддержку короля Маноэля не приходится, и решил попытать счастья в Испании. Перед отъездом он торжественно объявил, что больше не считает себя подданным португальского короля.

Летописцы, сознававшие, как много Португалия потеряла в лице Магеллана, объясняли эту ссору вмешательством нечистой силы — будто дьявол, который всегда в тайне побуждает людей совершать зло, подстроил так, что Магеллан поссорился с королём.

В действительности не личная ссора заставила Магеллана покинуть Португалию. Он понимал, что, находясь в зависимости от португальского короля, он никогда не сможет добиться осуществления своей мечты: ведь португальская корона уже узнала один путь на Молуккские острова, и поиски другого казались излишним, беспокойным делом. 20 октября 1517 г. Магеллан прибыл в Севилью. Здесь его ждало множество разочарований и трудностей. Только португальцы, бежавшие в Севилью от несправедливости короля Маноэля и поступившие на службу к испанскому королю, тепло встретили Магеллана. У них, опытных и закалённых моряков, план Магеллана вызвал самую широкую поддержку (особенно помогал Магеллану португалец Фалеру, прекрасный картограф), но многие испанские чиновники, от которых в значительной степени зависело снаряжение экспедиции, относились к нему с явной враждебностью.

Лишь благодаря личной заинтересованности некоторых влиятельных испанцев в проекте Магеллана, удалось поставить вопрос об экспедиции на заседании королевского совета. Магеллан рассказал о своём плане: он намерен достичь Молуккских островов западным путём, найдя пролив, соединяющий два океана. Магеллан показал в королевском совете письмо своего близкого друга Серрано, присланное с острова Тернате (родина лучшей в мире гвоздики). В письме говорилось, что эти острова лежат очень далеко от Малакки и, следовательно, где-то очень близко от пролива и Южной Америки. Невольник Энрике, привезённый из Малакки, также подтвердил перед лицом королевских советников, что его родина, лежащая по соседству с Молуккскими островами, находится очень далеко от Суматры. Советники стали с {55} жаром обсуждать проект. В нём увидели оружие против всё растущего могущества Португалии. Если испанская экспедиция, руководимая Магелланом, найдёт пролив и откроет кратчайший путь к островам Пряностей, то этим будет нанесён жесточайший удар Португалии: испанцы перехватят всю торговлю пряностями и поставят на колени своего могущественного соперника. Совет решил рекомендовать проект Магеллана королю.

22 марта 1518 г. король подписал грамоты об организации экспедиции: Магеллану и его товарищам предоставлялось исключительное право плавания в открытые ими страны на шесть лет; Магеллан имел право получать двадцатую часть всех доходов со вновь открытых земель; если будет открыто больше шести островов, то с любых двух он мог брать себе одну пятнадцатую всех прибылей. Дальнейшие распоряжения короля ставили Магеллана под контроль испанских наблюдателей — главным инспектором армады назначался знатный дворянин Хуан де Картахена.

Португальские агенты, несмотря на тайну, окружавшую экспедицию [1], узнали о ней. Король Маноэль принимал все меры, чтобы сорвать планы испанцев. Ходили слухи о возможном покушении на Магеллана. А в это время Магеллан старался изо всех сил по возможности лучше снарядить экспедицию. Пять кораблей, выделенных королём для Магеллана, были в очень плохом состоянии.

Тайный португальский агент с удовлетворением доносил Маноэлю: «Корабли очень ветхи и покрыты заплатами. Я побывал на них и заверяю ваше высочество, что не решился бы плыть на них даже до Канарских островов».

---

[1] Цель путешествия даже а королевской грамоте определялась чрезвычайно неопределённо: «...да отправитесь вы в добрый час для открытий в части моря-океана, что находится в пределах наших рубежей и нашей демаркации».

Настойчивость Магеллана победила все козни португальских агентов и испанских чиновников, из зависти чинивших ему разнообразные препятствия. Под его личным наблюдением был произведён капитальный ремонт кораблей, набраны команды, заготовлено необходимое снаряжение и продовольствие. В последний момент португальским агентам удалось всё же навредить путешественникам: часть продуктов, а главное мука, оказалась гнилой, это выяснилось уже в пути, тогда, когда ничего нельзя было уже исправить.

Наконец, 20 сентября 1519 г. Магеллан приказал поднять якоря. Пять кораблей, четырём из которых не суждено было вернуться на родину, вышли в открытое море. Впереди шёл флагманский корабль «Тринидад», за ним следовали «Сан-Антонио», «Консепсион», «Виктория» и «Сантьяго». На всех кораблях в далёкий путь отправилось около 265 человек.

Среди них были люди разных национальностей, различного происхождения и разных характеров. Как потом показало путе-{56}шествие, среди офицеров мало оказалось верных и твёрдых спутников, гораздо больше и лучше поддержали Магеллана простые матросы, сумевшие стойко переносить все лишения долгого пути.

Файл ist57.jpg

Корабль Магеллана «Виктория».

Один из спутников Магеллана присоединился к нему почти накануне отплытия, почти против воли Магеллана (он появился с рекомендательными письмами от весьма влиятельных лиц, которым Магеллан не мог отказать) и был зачислен на корабль в качестве «сверхштатного», ибо все командные посты были уже полностью укомплектованы. Он стал затем самым близким другом и даже историком путешествия Магеллана. Это был итальянец Антонио Пигафетта, небогатый дворянин, молодой искатель приключений, надеявшийся в далёких странах добиться славы и богатства.

С самого начала путешествия Пигафетта вёл подробный дневник; известно, что по возвращении на родину он передал его императору Карлу V, и больше этот дневник никто не видал, до сих пор его дальнейшая судьба неизвестна. Сохранилось лишь краткое описание путешествия Магеллана, написанное Пигафеттой, и эти записи вместе с другими очень немногими сохранившимися документами помогли узнать о том, с каким трудом, ценой каких усилий и страданий удалось впервые обогнуть земной шар.

Большим достоинством дошедшего до нас дневника является полная искренность его автора; он не пытается ничего скрыть, приукрасить поступки свои и своих товарищей; поэтому читатель может сам судить о поведении Магеллана и его спутников, об их алчности и жестокости, проявлявшихся по отношению к туземцам. Но эти записи свидетельствуют также и о мужестве, силе {57} воли, таланте и ясном уме Магеллана, храбрости и стойкости его лучших спутников.

Пигафетта пишет не обо всём одинаково подробно, часто он уделяет больше всего внимания незначительным мелочам, поразившим его воображение, а о важных событиях и фактах или совсем ничего не говорит, или упоминает вскользь; об очень многом судит совсем

Файл ist58.jpg

Магелланов пролив. *(Карта Пигафетты.)*

неправильно, подчас преувеличивает бескорыстие своего героя — Магеллана; но все эти недостатки не лишают его записи их главного достоинства — свидетельства очевидца, по-своему честного и искреннего.

Продолжим наш рассказ о путешествии.

Магеллан предусмотрел, казалось, всё то, что должно было способствовать благополучному исходу путешествия. Во время бурь волны могут разметать лёгкие судёнышки в разные сто-{58}роны, и тогда, затерянные среди темноты и безбрежных пространств, капитаны потеряют друг друга из вида, и всей экспедиции придёт конец. Магеллан разработал целую систему световой сигнализации, которая в плавании полностью оправдала себя.

Но самая большая опасность, грозившая успеху экспедиции, заключалась в том, что испанцы, капитаны трёх кораблей, завидовали Магеллану и не хотели подчиняться португальцу. Они тайно составили заговор против Магеллана. Во главе заговора стоял капитан Хуан де

Картахена. Он открыто дерзил командиру и не исполнял его распоряжений. Магеллан знал, что если не обращать внимания на подобные нарушения дисциплины, то его приказы в дальнейшем не стали бы исполняться совсем. На одном из совещаний Магеллан арестовал непокорного капитана. Испанцы, затаив злобу, приутихли.

Корабли, оставляя за собой просторы Атлантического океана, постепенно приближались к берегам Бразилии и после долгого плавания встали, наконец (13 декабря), на якорь в бухте Санта-Люсия (Рио де Жанейро). Эта местность всех очаровала. Щедрой и великолепной была природа. Туземцы, ещё не познавшие всей жестокости европейцев, встречали мореплавателей радушно и гостеприимно. Быстро завязался оживлённый обмен. Кормчий Хуан Карвалью, который ещё раньше бывал в этих местах, учил своих спутников особенно прибыльно торговать с туземцами. Он даже составил специальный тариф, чтобы при обмене повыгодней обмануть туземцев. За крючок для рыбной ловли испанцы получали полдюжины кур, за маленькое зеркальце — огромную корзину прекрасной рыбы, «столько рыбы, сколько хватило бы на прокормление десятка людей», за дешёвый гребешок — пару гусей. А Антонио Пигафетта умудрился лишь за одного короля из колоды карт получить шесть кур. В этой гостеприимной бухте испанцы наслаждались отдыхом и набирались сил после утомительного плавания. Но дальше оставаться здесь было нельзя. Магеллан торопился к югу. После тринадцатидневного пребывания в заливе корабли, пополнив запасы пресной воды и продовольствия, поплыли дальше — на юг, вдоль оберега Южной Америки.

Магеллан старался не упускать из вида земли. Стояла нестерпимая жара, свежие продукты портились, приходилось питаться сухарями, взятыми в Испании. Аристократы-испанцы, враждебные Магеллану, искусно старались разжечь недовольство. Среди матросов распространялись слухи, будто Магеллан, продавшись португальскому королю, задумал погубить всю экспедицию.

10 января 1520 г. кормчий «Тринидада» закричал, что берег поворачивает на запад. Магеллан и Пигафетта, определив широту, убедились, что корабли находятся на 35° ю. ш., т. е. примерно в том месте, где, по данным карты, которую Магеллан изучал в архиве португальского короля, лежит столь желанный {59} пролив (на карте был указан 40° ю. ш.). Неужели эта широкая полоса воды, уходящая на запад, достигает Тихого океана и является дорогой к островам Пряностей? Приняв все меры предосторожности, Магеллан три дня исследовал побережье. Вода в «проливе» оказалась пресной. Теперь уже не было никаких сомнений, что это огромная река. Путешественники оказались в устье реки Параны, названной в 1516 г. Ла-Платой испанцем Сомсом, погибшим здесь в сражении с индейцами. Один из кораблей Магеллана две недели продолжал своё разведывательное плавание. Оба берега были суровы и пустынны. Изредка где-то вдали поднимались к небу струйки дыма, но ни селений, ни людей нигде не было видно. Разведка подтвердила, что «пролив» оказался обычной рекой. Это известие очень огорчило Магеллана. Он понял, что моряки, плававшие здесь раньше и утверждавшие, что они нашли пролив, заблуждались. А это значит, что Магеллан все свои планы построил на ошибке своих предшественников. Но Магеллан не сдался, он не дал почувствовать никому из спутников, что вёл флотилию, основываясь на ошибочных данных, и что теперь он уже больше не знает, где лежит пролив. Несмотря на постигшее его разочарование, Магеллан приказал плыть дальше: если не здесь, так дальше должен быть этот пролив, и он его найдёт.

Новая водная поверхность, уходящая далеко на запад, — и новое разочарование. Впереди лежат совершенно неведомые земли. Тёплое время года кончилось, и с каждым днём погода становилась суровей. Изменилась и природа: нет уже больше ни тропических растений, ни сочных плодов, ни гостеприимных зелёных заливов. Однообразны и скудны безлюдные песчаные отмели, пустынные скалы, голые берега, наводящие тоску своей неприветливой сыростью. Только неуклюжие пингвины и тюлени вносили что-то живое в этот безотрадный ландшафт. То и дело поднимались бури. Волны так трепали старые корабли, что трещала бортовая обшивка. Ночью не помогала даже хитроумная сигнализация. Однажды буря разметала все корабли в разные стороны, и в течение трёх дней капитаны не могли найти друг друга. С юга постоянно дул резкий холодный ветер. И вдруг 24 февраля флотилия подошла к какому-то широкому, уходящему далеко в материк заливу. Магеллан вновь обретает надежду. Может быть, здесь проход, который приведёт его к Молуккским островам? Но и здесь все поиски оказались безрезультатными (Магеллан оказался в заливе Сан-Маншас). Скалы со всех сторон ок-

ружают залив. Корабли снова плывут на юг. Холод всё усиливается. Матросы с трудом управляются с парусами. Дальше идти нельзя. Надо искать места для зимовки. 31 марта флотилия вошла в удобную бухту, названную Магелланом гаванью Сан-Хулиан, и бросила якоря. Уже тогда, как свидетельствует запись в одном документе, Магеллан решил, что умрёт или доведёт до конца задуманное предприятие. Как только матросы высадились {60} на берег, Магеллан приказал уменьшить пайки. Предстояла долгая зимовка, и было неизвестно, смогут ли участники экспедиции найти в окрестностях какую-нибудь пищу. Эта разумная мера вызвала среди некоторых матросов, подстрекаемых капитанами-испанцами, открытое возмущение. Опираясь на недовольных, Хуан де Картахена, освободившийся из-под ареста, и его сообщники в ночь на 2 апреля подняли бунт.

Под прикрытием ночной темноты заговорщики на шлюпке тихо подобрались к «Сан-Антонио» и, привязав к борту верёвочные лестницы, поднялись на корабль. Капитан не успел поднять тревогу, как его в собственной каюте связали и заперли под стражу. Кормчий, увидев на палубе испанцев, почуял недоброе, но не успел он поднять тревогу, как его мгновенно закололи кинжалом. В короткий срок тридцать прибывших заговорщиков заключили в оковы нескольких активных приверженцев Магеллана. Остальным матросам, которые колебались, раздумывая, к кому выгоднее присоединиться, пообещали скорое возвращение на родину и разрешили взломать склады и разделить между собой вино и продукты из аварийного запаса. Завладев «Сан-Антонио», заговорщики решили напасть на «Викторию». Но здесь дело оказалось сложней. Преданные Магеллану матросы оказали решительное сопротивление. Только большой численный перевес помог мятежникам связать непокорных. «Виктория» попала к врагам Магеллана.

Шум ветра и плеск волн заглушили звуки борьбы и крики на палубе. Лишь утром Магеллан узнал, что испанские капитаны взбунтовались и захватили три корабля. Подчиниться бунтовщикам, отказаться от осуществления мечты, вынашиваемой долгие годы, повернуть назад? Снова железная воля Магеллана побеждает: лучше умереть, чем отказаться от задуманного предприятия. Испанцы перехитрили командира, но не победили его. Магеллан разработал исключительный по дерзости план: среди белого дня маленькая шлюпка с группой матросов подплыла к «Виктории» будто для того, чтобы передать командиру корабля письмо Магеллана. Но это была только уловка. Войдя на палубу, они в мгновение ока убили мятежного капитана Мендосу и захватили важнейшие позиции. Матросы «Виктории» в нерешительности. Вторая шлюпка с солдатами Магеллана прекратила их колебания. Бунтовщики связаны. «Виктория», подняв паруса, подплыла к флагманскому кораблю. Теперь заговорщикам был закрыт выход в море. Ночью Магеллан подчинил два остальных корабля. Простые матросы, несмотря на уговоры испанских капитанов, не хотели поднимать оружие против Магеллана. Это и решило исход бунта.

Все мятежники оказались во власти Магеллана, которому король, по словам одного летописца, «дал право ножа и верёвки над всеми участниками армады». Но Магеллан не хотел, чтобы наказание испанских командиров было приписано его личной не-{61}нависти, и поэтому поручил вести следствие главному судье эскадры, который был назначен самим королём. Судья, разобравши дело, вынес приговор: свыше сорока человек должны были быть преданы смертной казни. Уже на берегу залива корабельные плотники построили виселицу, когда Магеллан объявил о помиловании бунтовщиков. Только троих бунтовщиков он приказал казнить. Командир эскадры понимал, что большинство осуждённых были вовлечены в заговор обманом и ложью. Кроме того, сорок матросов были незаменимы в предстоящем тяжёлом плавании, о котором постоянно думал Магеллан. Когда настал день казни, то выяснилось, что никто из матросов не желает взять на себя обязанности палача. Тогда один из осуждённых бросился на колени перед судьёй и, умоляя, чтобы ему сохранили жизнь, согласился казнить остальных. Магеллан в последний момент решил помиловать Хуана де Картахена, который был близок королю. Был казнён только один из заговорщиков — Гаспар де Кесада. Бунт был подавлен, заговорщики наказаны, строгая дисциплина была восстановлена на кораблях.

Зимовка на берегах бухты Сан-Хулиан была очень тяжёлой. Люди страдали от холода, недоедания, болезней. Бесконечно медленно тянулось время. Гибель «Сантьяго», посланного в мае на разведки, ещё более усложнила положение. Команда его спаслась с большим трудом.

Наконец наступили более тёплые дни. Магеллан готовил эскадру к отплытию. А в это время Хуан де Картахена вместе с одним священником снова попытался поднять мятеж. На этот раз Магеллан не помиловал их. Эскадра ушла из бухты Сан-Хулиан, а на безлюдном берегу залива навсегда остались с небольшим количеством провианта и вина два непокорных мятежника — капитан и священник.

Снова флотилия поплыла на юг. Через два дня, 26 августа 1520 г., корабли достигли большой реки — названной Санта-Крус. Магеллан поставил армаду на якорь. Почти два месяца матросы чинили корабли, набирались сил. Магеллан по-прежнему надеялся отыскать пролив. Это была последняя остановка перед решающим отрезком пути. Уже давно каравеллы Магеллана плыли вдоль берегов, до которых ещё никогда не доходил ни один европейский корабль. 18 октября флотилия покинула устье реки Санта-Крус. Берега, лежавшие с правого борта, тянулись уныло и однообразно. Голые базальтовые скалы, песок, камни. На третий день плавания, 21 октября 1520 г., флотилия Магеллана, обогнув мыс, вошла в бухту со зловещими тёмными водами, уходящими куда-то на запад. Никому из команды не пришло в голову, что эта мрачная бухта является тем долгожданным проливом, через который можно пробраться в страны солнца и пряностей, золота и славы — к Молуккским островам и в Индию. И мало кто из матросов стремился тщательно обследовать бухту. Магеллан же был уверен, что это тот самый пролив, который он {62} ищет! Пигафетта так описывает поиски пролива: «Без капитана-генерала [Магеллана] нам бы ни за что не обнаружить этот пролив, так как нам говорили, что он закрыт со всех сторон. Но капитан-генерал знал, куда следует направиться, чтобы найти скрытый от глаз пролив...»

Два корабля из оставшихся четырёх Магеллан послал на разведку: «Сан-Антонио» и «Консепсион» должны пять дней идти на запад, исследуя бухту. Флагманский корабль и «Виктория» остаются на месте. Наступили часы напряжённого ожидания. И вдруг на флотилию обрушился ужасающий ураган. Укрывшись в узком проливе среди высоких скал, благополучно переносят бурю «Тринидад» и «Виктория». А что происходит с кораблями, ушедшими на запад? Эта мысль мучила Магеллана. Медленно тянулась наполненная тревогой ночь и ещё медленней прошёл день. Где корабли? Постепенно среди команды крепнет уверенность, что оба судна, уплывшие на поиски пролива, разбиты бурей в щепки. Прошла ещё ночь. Теперь и сам Магеллан решил, что корабли погибли, — и вдруг матросы заметили, что на западе поднимается в небо огромный столб дыма. Значит, на самом деле корабли разбились о скалы и оставшиеся в живых молят о помощи?! Матросы, вглядываясь вдаль, неожиданно увидели парус, затем второй. Всё отчётливее становятся очертания кораблей, плывущих навстречу флагману. На кораблях подняты все вымпелы и все флаги. Матросы «Тринидада» теряются в догадках, что должны означать эти знаки торжества и радости.

Магеллан понял, что они возвещали победу. Салют из пушек встретил подплывающие корабли. Оба капитана — Хуан Серрано и Альваро де Мескита — торопливо поднялись на палубу «Тринидада» и, волнуясь, стали рассказывать командиру о своём плавании. Когда разразилась буря, они думали, что корабли погибнут: ветер и волны с диким упорством гнали их в западном направлении на скалы, высившиеся в западном углу залива. И когда надежда на спасение уже совсем покинула моряков, они вдруг увидели, что между скал есть широкий проход, а дальше, снова уходя на запад, тянется какой-то новый залив. Когда буря стихла, оба корабля поплыли на запад. Залив оказался весьма необычным. Он, подобно реке, узкой полосой, время от времени расширяющейся, тёк на запад, но, что было странно, вода его никогда не теряла солёного морского привкуса, а у берегов постоянно сменяли друг друга отлив и прилив. Дальше на запад таинственный залив всё более расширялся, а глубина его оказалась такой большой, что лот часто не доставал дна. Всё это говорило о том, что путники не в какой-то бухте или устье огромной реки, а в долгожданном проливе, соединяющем Атлантический океан с Южным морем — морем Пряностей!

Сильное течение всё время несло корабли на запад. Значит, там должен быть выход в другой океан, иначе куда бы девались эти огромные массы воды? {63}

1 ноября 1520 г. все четыре корабля Магеллана подняли якоря и поплыли на запад. Течение было настолько сильным, что корабли шли почти без парусов. На ночь флотилия остановилась в широкой бухте. Утром Магеллан опросил всех капитанов, в каком состоянии находятся корабли, сколько осталось продовольствия, каково настроение экипажа и можно ли про-

должать дальше плавание. Все капитаны и кормчие, кроме кормчего Гомеса (по-португальски — Гомиж), высказались за продолжение пути. Гомес настаивал на возвращении в Испанию. Все недовольные собрались вокруг него на корабле «Сан-Антонио». Они кричали, что для длительного плавания через неведомый океан к Молуккским островам недостаточно оставшегося продовольствия и всей экспедиции грозит голодная смерть. Но теперь, когда уверенность Магеллана оказалась оправданной, ничто уже не могло поколебать его решимости пройти через пролив, и каких бы страданий и трудностей это ни стоило — пересечь океан, добраться до островов Пряностей и с триумфом победителя вернуться в Испанию. Магеллан объявил, что он продолжит путь на запад и будет плыть вперёд, даже если ему «придётся питаться кожей, содранной со снастей». Под страхом смертной казни он запретив капитанам ставить команду в известность о том, что запасы провианта на исходе.

Корабли снова поплыли на запад. Постепенно менялась природа, и унылые пустынные берега сменились берегами, покрытыми зелёной травой, ручьями прозрачной воды, красивыми плодовыми деревьями. Наконец-то можно наесться досыта и напиться вкусной, свежей воды. После негостеприимных, суровых скал берега пролива кажутся изголодавшимся морякам прекрасными. Антонио Пигафетта даже не может удержаться от излишнего преувеличения: «Думаю, — восклицает он, — что нет на свете пролива более прекрасного и удобного, чем этот!» Магеллан ставит часть кораблей на отдых и посылает вперёд небольшую шлюпку. Через три дня она возвращается назад. Моряки взволнованно машут руками. Они нашли выход из пролива, они увидели собственными глазами Великое море! Осуществилась давняя мечта Магеллана — пролив был найден. Магеллан достиг того, к чему стремился всю жизнь. Пигафетта немногословно передал нам волнение Магеллана: «Капитан-генерал прослезился от радости».

Теперь, в минуту торжества, новая тревога закралась в сердце Магеллана. Два корабля — «Сан-Антонио» и «Консепсион» — ушли на разведку и не возвращались до сих пор. Они даже не знают о великом известии, принесённом маленькой шлюпкой! Магеллан принялся за поиски. Только на второй день моряки «Тринидада» увидели парус. «Консепсион» оказался неповреждённым, но о судьбе «Сан-Антонио» никто не мог сказать ничего определённого.

В первый же день разведок «Сан-Антонио» ушёл далеко вперёд и исчез. Все поиски были безуспешными. Моряки жгли {64} костры, поддерживали ночную сигнализацию, оставляли на видных местах опознавательные знаки и инструкции капитану пропавшего корабля. Но всё было тщетно. Море в эти дни было спокойным, и гибель «Сан-Антонио» представлялась мало вероятной. Всё больше и больше росло убеждение, что предатели завладели кораблём и повернули обратно, чтобы плыть в Испанию. Эта измена нанесла Магеллану сильнейший удар. «Сан-Антонио» был самым большим и крепким кораблём всей флотилии. А что особенно важно — на нём были наиболее значительные запасы продовольствия. Теперь всей эскадре грозил голод.

Магеллан вновь обращается к капитанам — он требует, чтобы они честно сказали, что думают о продолжении плавания. «Я приказываю каждому из вас в отдельности, — писал Магеллан, — обо всём, что кажется вам для нашего дальнейшего плавания полезным и важным, сообщить мне письменно. Сообщите мне ваше мнение о том, должны ли мы плыть вперёд или возвращаться обратно... Каждый из вас обязан безбоязненно сказать мне, каково его мнение о способности нашей флотилии продолжить плавание. Было бы нарушением вашей присяги и вашего долга, если бы вы вознамерились скрыть ваше суждение».

Капитаны, опасаясь принять на себя ответственность за дальнейшую судьбу экспедиции, постарались ответить уклончиво и неопределённо. Но это не могло поколебать решимости Магеллана. 22 ноября 1520 г. он приказал плыть на запад. Через несколько дней корабли достигли выхода из пролива, который носит теперь имя Магеллана, и очутились перед необозримыми просторами великого океана. Три маленьких потрёпанных бурями корабля стояли на границе безбрежных океанских просторов, где ещё никогда не бывало кораблей из далёкой Европы. 28 ноября 1520 г. корабли Магеллана салютовали орудийным залпом «Великому Южному морю» (как он назывался до плавания Магеллана).

Океан встретил «армаду» милостиво. Морякам повезло: в это время года океан обычно спокоен, и бури бывают редко. Магеллан и его спутники назвали океан «Тихим». В начале плавания всё шло хорошо: сети приносили много рыбы, и вода, запасённая на Огненной Земле, ещё не успела испортиться. Но постепенно положение всё более ухудшалось: многочисленные

острова остались где-то в стороне, рыба почему-то исчезла, вода портилась. К этому прибавилось новое несчастье: когда вскрыли бочки с мукой, то обнаружилось, что враги Магеллана, мечтая о провале экспедиции, ещё в Испании набили в бочки прогорклой и затхлой муки. Теперь, когда каждый кусок хлеба был на учёте, это было настоящим бедствием.

Первое время моряки отказывались есть лепёшки из испорченной муки, но вскоре голод настолько обострился, что эти лепёшки стали лакомством. Стали охотиться на крыс: подолгу терпеливо выслеживали их, убивали мечами или ловили в само-{65}дельные капканы. Жаркое из крысы стало изысканным блюдом, и за него платили большие деньги. Но вскоре не стало и крыс. Жёлтая вонючая вода приходила к концу. А залитый солнцем, ослепительно блестевший океан был по-прежнему бесконечным. До боли в глазах вглядывались моряки в линию горизонта, надеясь увидеть спасительную землю. Но напрасно; Антонио Пигафетта писал тогда в своём дневнике:

«Мы питались сухарями, но то уже не были сухари, а сухарная пыль, смешанная с червями, которые сожрали самые лучшие сухари. Она сильно воняла крысиной мочой. Мы пили жёлтую воду, которая гнила уже много дней. Мы ели также воловью кожу, покрывающую грот-грей, чтобы ванты не перетирались; от действия солнца, дождей и ветра она сделалась неимоверно твёрдой. Мы замачивали её в морской воде в продолжение четырёх-пяти дней, после чего клали на несколько минут на горячие уголья и съедали её. Мы часто питались древесными опилками. Крысы продавались по полдуката за штуку, но и за такую цену их невозможно было достать». На кораблях всё больше свирепствовала цынга.

В то время как моряки Магеллана, претерпевая ужасающие страдания, с героической настойчивостью пересекали «Тихий океан», Гомес, ставший при помощи предательства капитаном «Сан-Антонио» (прежнего капитана он арестовал и заковал в цепи), вёл свой корабль через просторы Атлантического океана на северо-восток. Гомес подошёл к бухте Сан-Хулиан, чтобы взять на борт покинутых там главарей мятежа — Хуана де Картахена и священника Педро де ла Рейна, но буря помешала высадке и погнала корабль на север. «Сан-Антонио» удалось благополучно пересечь океан и добраться до Гвинейского берега Африки. Оттуда по уже хорошо знакомой дороге Гомес повёл корабль в Европу, в Испанию. Здесь он постарался оклеветать как только смог великого морехода. Все недоброжелатели Магеллана охотно слушали изменника; позднее, когда выяснилось его предательское поведение в экспедиции, он нисколько не пострадал. Испанский король Карл I (император Карл V) наградил его даже рыцарским званием за «выдающиеся заслуги, оказанные им флотилии Магеллана». Привольно жилось при королевских дворах беззастенчивым авантюристам.

А в это время на кораблях Магеллана всё больше и больше свирепствовала цынга, унося всё новые и новые жертвы.

Наконец, 6 марта 1521 г., после четырёхмесячного блуждания по бесконечной водной пустыне моряки увидели землю. На этот раз это были не голые бесплодные скалы, затерянные в океане, а богатый остров с многочисленным населением. Не успели ещё корабли Магеллана достичь берега, как разноцветные лодки туземцев окружили их. Туземцы быстро взобрались на палубы кораблей и, нисколько не смущаясь присутствием испанцев, стали забирать разные предметы, которые привлекали их внимание. У населения {66} этих островов, живших родо-

Файл ist67.jpg

Насилия испанцев над индейцами. *Гравюра XVI в.*

вым строем, всё имущество было общим. Поэтому они и к прибывшим отнеслись так же — привозили им любые продукты и сами брали то, что им нравилось.

Островитяне не ограничивались безделушками и нарядами, а умудрились за короткий срок отвезти на берег даже куски паруса, небольшой якорь и шлюпку. Магеллан принял весьма «энергичные» меры. Солдаты высадились на берег и весьма жестоким способом «внушили» наивным туземцам представления о «священной» частной собственности: они расстреливали жителей и сжигали хижины.

«Когда, — пишет Антонио Пигафетта, — кто-нибудь из туземцев бывал ранен дротиками наших самострелов, которые пронзали его насквозь, он раскачивал конец дротика во все стороны, вытаскивал его, рассматривал с великим изумлением и... умирал. Так же поступали и раненые в грудь...» Испанцы, захватив продовольствие и набрав воды, поторопились, опасаясь

мести туземцев, выйти в открытое море. Эти острова позже были названы «Разбойничьими», а с XVII в. называются Марианскими.

Вскоре корабли Магеллана пристали к новому острову, покрытому богатой тропической растительностью. Магеллан приказал снести больных на сушу. Налаживались мирные отношения с туземцами. В обмен на разные безделушки испанцы получали в больших количествах рыбу, плоды, дичь. Больные быстро по-{67}правлялись. Первое время Магеллан думал, что он добрался до одного из Молуккских островов, но вскоре понял ошибку. Его невольник малаец Энрике ни слова не понимал на языке туземцев, а это значило, что экспедиция ещё не добралась до родины Энрике — благословенных островов Пряностей. Когда все больные поправились. Магеллан приказал плыть дальше на запад. Теперь путь шёл мимо многочисленных гостеприимных островов, богатых плодами и ключевой водой.

В середине марта флотилия добралась до острова Самаф, одного из островов Филиппинского архипелага (архипелаг был назван так позднее — в честь испанского короля Филиппа II). Путешественники высадились на небольшом островке Хумунар (вблизи острова Самар) и пробыли здесь десять дней. В лесах они обнаружили деревья, подобные тем, что растут в Индии, на островах Малайского архипелага и в Малакке. Это свидетельствовало о том, что экспедиция приближалась к цели. Однажды, когда корабли плыли между двумя островами, в пролив вошла длинная узконосая лодка, на корме которой сидел какой-то человек с гонгом и пел песню. Магеллан приказал остановиться. Энрике громко прокричал приветствие на своём родном языке. Поймёт ли его незнакомец? Испанцы внимательно вглядывались в лицо туземца: если он поймёт Энрике, — значит они находятся где-то рядом с Молуккскими островами. Певец оборвал песню и прислушался. Энрике ещё раз обратился к нему. И вдруг все увидели, как изменилось лицо туземца. Он закивал головой и стал быстро отвечать переводчику. Они понимали друг друга! Энрике, обогнув земной шар, оказался вблизи родных мест!

На одном из островов Филиппинского архипелага путешественники постарались завязать дружеские отношения с туземцами, оказавшимися очень гостеприимными. Магеллан следил за дисциплиной своих матросов и особенно запрещал проявлять интерес к золоту. Он не менее других путешественников стремился овладеть золотом и ограбить туземцев, но его расчёт был дальновидным: если бы сейчас испанцы с жадностью набросились на золото, то в следующий приезд, который Магеллан собирался совершить, островитяне были бы более разборчивы и, зная любовь иностранцев к золоту, не отдавали бы его уже за безделушки. Однажды туземец, рассказывает Пигафетта, «предложил большой слиток золота... в обмен за шесть стеклянных бус, но капитан запретил производить обмен, дабы туземцы с самого же начала усвоили себе, что мы ценим наши товары гораздо выше золота».

Магеллан постарался наладить с раджою, царствовавшим на острове, дружеские отношения, одновременно запугивая его. Он не только наделял его подарками, но и при всяком удобном случае стремился доказать ему силу испанцев. «Однажды, — как рассказывает Пигафетта, — капитан-генерал велел одному из наших надеть полное вооружение, а трём другим, вооружённым {68} мечами и кинжалами, наносить ему удары по всему телу». Всё что было проделано для того, чтобы показать радже, что невозможно ранить человека, вооружённого таким образом. «Властитель был донельзя поражён этим зрелищем. При этом капитан-генерал сказал ему через раба, что один вооружённый таким образом человек может сражаться против ста его людей...» Магеллан добавил, что на каждом корабле у него по двести таких вооружённых воинов.

Файл ist69.jpg (карта)

Путь кораблей Магеллана в Индонезии.

После подобных демонстраций раджа изо всех сил стремился заслужить благоволение могущественных пришельцев. Но испанцы оставались на этом острове недолго. Матросы поправились, корабли были починены, запасы возобновлены. Магеллан приказал плыть дальше. 7 апреля 1521 г. кормчие-туземцы привели {69} флотилию к острову Себу (Филиппины). По берегам, живописно раскинувшись, лежали многочисленные деревни. Подплывая к столице, испанцы заметили у причалов несколько лодок. Город был богаче и больше, чем другие. Магеллан приказал произвести орудийный салют. Пальба из пушек повергла туземцев в ужас: находящиеся на лодках прыгали в воду, стоявшие на берегу разбегались в разные стороны. Но

эффектная пальба не испугала правителя. Когда послы Магеллана с переводчиком Энрике приветствовали раджу, тот потребовал, чтобы иноземцы заплатили обычную пошлину за право торговли. Только арабский купец, прибывший из Сиама и раньше в Индии встречавший европейцев, уговорил раджу быть осторожным и не настаивать на уплате торговой пошлины. Раджа обменялся с Магелланом подарками, завязалась оживлённая торговля. Здесь Магеллан получил от туземцев точные сведения о пути к Молуккским островам. Пиры следовали за пирами. Магеллан обещал оказывать радже, который признал себя подданным испанского короля, военную помощь. Магеллан, стремясь упрочить своё влияние над островитянами, руководствовался старым испытанным средством всех завоевателей-грабителей — «разделяй и властвуй». Он вмешивался в распри отдельных мелких властителей островов, собирая одновременно дань с непокорных в свою пользу.

Карательная экспедиция испанцев против жителей небольшого острова Матана погубила Магеллана.

Остров Матан находился недалеко от острова Себу. Магеллан потребовал с жителей дань. Те её не доставили, тогда Магеллан решил лично выступить в поход против островитян, чтобы показать, насколько велика сила европейцев и как выгоден для местных князьков союз и дружба с ними.

Ночью Магеллан с моряками на трёх шлюпках отчалил от пристани. Вслед за ним отплыли многочисленные лодки раджи Себу. На берегах острова Матан горели костры. Магеллан думал, что дело может обойтись без кровопролития, и послал для переговоров послов. Испанцы предложили островитянам смириться, признать власть верховного повелителя — испанского короля. На угрозы послов жители Матана гордо ответили: «У нас тоже есть копья, хотя они бамбуковые, есть и колья с закалёнными на огне остриями, и сражаться ими мы умеем не хуже вас. Подождите только до утра, когда прибудут ещё подкрепления, и мы выйдем в бой с вами». Но Магеллан разгадал хитрость. Островитяне рассчитывали, что испанцы, имея в виду отсутствие союзников, сразу, не дожидаясь утра, пойдут в наступление и провалятся в замаскированные ямы, устроенные на берегу.

Было приказано ждать рассвета. Наконец, из-за горизонта выглянул краешек солнца. Начался день 27 апреля 1521 г. На острове возбуждённо шумели толпы туземцев. Шлюпки Магеллана двинулись к берегу. Магеллан в последний раз обратился к матросам с ободряющими словами и первый прыгнул в воду. {70}

Вот как один из участников описывает это сражение: «Мы прыгнули в воду, доходившую нам до бёдер, потому что шлюпки не могли подойти к самому берегу из-за скал и мелей. Нас было всего сорок девять человек, а одиннадцать остались для охраны шлюпок. Таким образом некоторое расстояние мы прошли в воде, прежде чем достигли земли. Островитяне были в числе пятисот человек [1], разделённых на три отряда, которые тотчас же с ужасным криком напали на нас. Два отряда атаковали нас с флангов, третий — с фронта. Мушкетёры и арбалетчики стреляли издали в течение получаса, но не нанесли неприятелю никакого вреда или, по меньшей мере, весьма незначительный, потому что хотя стрелы и пули пробивали их щиты, сделанные из довольно тонких дощечек, и ранили их в руки, но это обстоятельство не останавливало их, так как подобные раны не наносили им внезапной смерти, напротив, они становились более смелыми и более ожесточались. Превосходя нас в числе, они бросали в нас тучи тростниковых копий, колья, закалённые на огне, камни и даже землю, так что нам было очень трудно защищаться! Были даже такие островитяне, что метали окованные железом копья в капитан-генерала, а он, чтобы отвлечь их и напугать, приказал нескольким матросам пойти и зажечь их хижины. Это было тотчас же исполнено. Вид пламени ещё более ожесточил их и привел к ярость. Часть их побежала к месту пожара, который поглотил от двадцати до тридцати домов, и убила на месте двух из наших людей. Казалось, вместе с яростью, с которой они бросились на нас, увеличивается и число их. Отравленная стрела ранила капитана в ногу, после чего он тотчас же приказал отступать медленно и в полном порядке. Но большая часть наших людей обратилась в бегство, так что нас осталось около капитана семь или восемь человек. Индийцы, заметив, что удары их, направленные в голову или шею, не причиняют нам никакого вреда благодаря нашему вооружению, но что ноги наши оставались незащищёнными, — на-

[1] Пигафетта говорит о 1 500 человек, но это явное преувеличение.

правляли свои стрелы, копья и камни исключительно нам в ноги и в таком количестве, что мы не могли им противостоять. Бомбарды, бывшие у нас на шлюпках, не принесли нам никакой пользы, так как мелководье не позволяло приблизиться к берегу. Мы постепенно отступали по воде, доходившей нам до колен, и всё время сражались, и были уже от шлюпок на расстоянии выстрела из арбалета, когда островитяне, преследовавшие нас, были на таком близком расстоянии, что по пяти или шести раз бросали в нас одним и тем же копьём, поднимали его и снова бросали. Так как они знали нашего капитана, то направляли главным образом на него все удары. Они сбивали два раза у него с головы шлем, но он держался, а мы в свою очередь в очень малом числе бились по сторонам его. Это неравное сражение длилось около часу. Одному островитянину {71} удалось в конце концов нанести капитану удар копьём в лоб. Капитан, рассерженный, пронзил его своим копьём, и оно осталось у него в теле. Капитан хотел вытащить шпагу, но это было невозможно, так как он был сильно ранен в правую руку. Островитяне, заметив это, все обратились против него, и один из них нанёс ему такой сильный удар саблей в левую ногу, что он упал лицом вниз. В тот же миг островитяне бросились на него, — и вот каким образом погиб наш руководитель, наш свет и наша поддержка. Когда он упал, подавленный многочисленными врагами, то несколько раз оборачивался в нашу сторону, чтобы видеть, можем ли мы спастись. Так как среди нас не было ни одного нераненого и так как мы не имели ни малейшей возможности ни помочь ему, ни отомстить за него, то тотчас же вернулись на шлюпки, готовые к отправлению.

Своим спасением мы обязаны исключительно нашему капитану потому, что в тот самый момент, когда он погиб, все островитяне бросились к тому месту, где он упал».

Раджа острова Себу со своими воинами спокойно наблюдал с лодок за происходившим сражением. Он не двинулся с места даже в тот момент, когда островитяне набросились на Магеллана. Он оправдывал своё бездействие строгим приказом Магеллана ни при каких условиях не ввязываться в битву, а только «смотреть, как сражаются испанцы». Но нетрудно угадать, какие мотивы руководили раджой. Он рад был взаимному истреблению людей, которых он опасался.

Смерть Магеллана нанесла экспедиции жестокий удар. Погиб в бессмысленной схватке с островитянами опытнейший командир и мореплаватель, под руководством которого маленькая эскадра, преодолев все трудности, добралась до неизвестного прежде пролива и пересекла Тихий океан. С его смертью обострилась рознь и участились ссоры. Теперь уже не было человека, который своей исключительной волей объединял всех этих столь разных людей. После смерти Магеллана капитаном «Тринидада» стал Дуарте Барбоса, капитаном «Консепсиона» — Хуан Серрано, капитаном «Виктории» — Луис Альфонсо де Гоес. Дуарте Барбоса всеми силами старался добиться от островитян выдачи тела Магеллана и его боевых друзей. Раджа Себу выступил посредником. Моряки предлагали любой выкуп. Но островитяне не соглашались ни на какие условия. Они хотели сохранить голову Магеллана как великий военный трофей, свидетельствующий о их бесстрашии и победе.

Пока шли переговоры, раджа Себу продолжал оставаться по видимости покорным и миролюбивым. Но поражение испанцев и гибель Магеллана были ему на руку. Если какой-то ничтожный князёк со своими бойцами смог обратить в бегство закованных в латы испанцев и убить их командира, то значит и он, раджа Себу, может избавиться от непрошеных пришельцев и прогнать их из страны! Энрике, бывший невольник Магеллана, оскорблён-{72}ный заносчивостью испанцев, пришёл на помощь радже. Вместе они тщательно разработали план нападения, а пока, встречаясь с испанцами, раджа долго и униженно кланялся.

Утром 1 мая раджа острова Себу сообщил капитану, что он получил, наконец, драгоценные камни, предназначавшиеся испанскому королю, и просит пожаловать к нему во дворец, чтобы принять дары и достойным образом отпраздновать это событие. Все три капитана, а вместе с ними наиболее знатные из участников экспедиции отправились на берег. Раджа оказал гостям прекрасный приём. Но у некоторых его чрезмерная любезность вызвала подозрения. Хуан Карвалью с кормчим выбрались из толпы и вернулись на корабль. А в это время спрятанные в засаде телохранители раджи внезапно напали на пирующих испанцев и перебили их. Когда Хуан Карвалью поднялся на борт, он вдруг услышал доносившиеся с берега крики и увидел, как толпа туземцев тащила связанного и окровавленного Хуана Серрано. Карвалью, ставший из-за отсутствия капитанов старшим на корабле, приказал открыть по туземцам огонь.

Серрано, напрягая последние силы, закричал товарищам, чтобы они прекратили стрельбу из бомбард и выкупили его, так как в противном случае туземцы тотчас же убьют его. Матросы бросились к шлюпкам, но Карвалью приказал им остановиться. Вслед за тем он отдал приказ поднять паруса и уходить в море. Антонио Пигафетта, бывший свидетелем этих событий, высказал подозрение, что Карвалью, не желая уступить Серрано капитанского места, принёс его в жертву своему честолюбию. Когда паруса были подняты и Серрано увидел, что корабли уходят, он из последних сил прокричал проклятие своим бывшим товарищам. Туземцы, поняв, что выкупа им не дождаться, набросились на пленника и убили его.

Первая остановка флотилии была у острова Бохол. Здесь проверили оставшиеся запасы и подсчитали потерянное. Только 113 человек оказалось на кораблях. Матросов не хватало, чтобы пуститься в длительное и опасное плавание; и тогда решили сжечь «Консепсион» и его моряками пополнить команды двух других кораблей. Теперь уже только два корабля плыли на запад. Снова путь шёл мимо пустынных, незаселённых островов. Последствия поспешного бегства с острова Себу дали о себе знать: не было продовольствия, и опять начался голод. Моряки, потеряв своего умного и волевого руководителя, уже не верили в возможность благополучного возвращения на родину. Они не знали, как плыть в Испанию, и сомнения делали их положение ещё более трудным. Капитаны вели корабли наугад.

Некоторые даже предлагали прекратить бесполезные поиски пути на родину и обосноваться навсегда на каком-нибудь острове, где достаточно плодов и пресной воды. В конце июня «Тринидад» и «Виктория» достигли северного побережья острова Борнео. Теперь испанцы, наученные горьким опытом, не требовали от местного раджи подчинения испанской короне. {73}

Они скромно просили у него разрешения начать на острове торговлю и запастись продовольствием. Но мирные отношения кончились ссорой из-за пиратских нападений Карвалью на туземцев, и моряки, в поспешности оставив в руках врагов нескольких пленных испанцев, покинули Борнео. В пути «Тринидад» нападал на маленькие лодки туземцев и грабил отдельных купцов. Карвалью оказался жестоким и неспособным командиром, и моряки, собравшись на сходку, выбрали новых капитанов: на корабле «Тринидад» — Гонсало де Эспиноса, а на «Виктории» — Себастиана Эль Кано. Под руководством новых капитанов моряки починили корабли и снова продолжали свой путь. Захваченные лоцманы-туземцы показывали путь к Молуккским островам.

В ноябре 1521 г. два из пяти кораблей Магеллана салютовали из пушек островам Пряностей. Наконец-то утомлённые долгими скитаниями мореплаватели достигли желанного. Туземцы за бесценок предлагали им груды корицы, гвоздики, мускатного ореха. Всеми овладела жадность, моряки выменивали на пряности даже личные вещи: каждый мечтал, вернувшись на родину, разбогатеть от выгодной сделки. Туземцы относились к прибывшим радушно, торговля шла бойко, и, казалось бы, ничто не должно было омрачить пребывание испанцев на благословенных островах Пряностей, когда до моряков дошли тревожные известия. Один португалец, по имени Педро ди Лороза, предупредил моряков, чтобы они поскорее отплыли в открытое море, не дожидаясь, пока их перехватят боевые корабли португальцев высланные им навстречу. Эта опасность заставила всех поторопиться. Уже перед самой отправкой обнаружилось, что «Тринидад» из-за большой течи не может продолжать плавания. Внимательно осмотрев повреждённый корабль, моряки решили отправиться в путь на одной «Виктории». «Тринидад» после основательного ремонта должен был пересечь Тихий океан и добраться до берегов Панамы. Это плавание, по всеобщему мнению, было более коротким и лёгким, чем путь в Испанию через Индийский и Атлантический океаны. Моряки разделились: 43 человека во главе с Эль Кано остались на «Виктории», а 53 решили плыть к берегам Панамы. Большинство моряков выбрали, как они думали, более лёгкий путь, но они ошиблись.

21 декабря 1521 пушки «Виктории» дали прощальный салют. Эль Кано повёл корабль на родину. «Тринидад» же был починен и вышел в море только в апреле 1522 г. Никто точно не знал направления, по которому следовало плыть. Бури трепали ветхий корабль. Из-за недостатка пищи началась цынга. Волны и ветер гнали «Тринидад» на северо-запад. В августе корабль был примерно на широте Владивостока. Голод и болезни обессилили команду. Один за другим умирали матросы. Капитан решил возвратиться обратно. Ещё несколько месяцев почти вслепую блуждал «Тринидад» по океанским просторам, пока, наконец, в {74} октябре 1522 г.

снова не натолкнулся на Молуккские острова. Из 48 человек вернулось обратно только 18, но и они сразу же были захвачены в плен португальцами, обосновавшимися тем временем на Молуккских островах. Португальцы обошлись с ними крайне жестоко: их заковали в кандалы и бросили в тюрьму. Пять лет несчастных моряков перегоняли из одной темницы в другую. Большинство из них умерло от голода и лишений: на родину вернулись только Эспиноса, два моряка и священник.

В то время как «Тринидад» только начал своё злополучное путешествие, «Виктория» пересекла Индийский океан и после стодневного плавания по водной пустыне добралась до берегов Африки. Эль Кано больше всего опасался попасть в руки португальцев. С огромными трудностями, борясь с цынгой и голодом, «Виктория» двигалась вдоль африканского побережья на север. 6 сентября 1522 г. ветхий корабль, который трепали бури трёх океанов, вошёл в порт Сан-Лукар, откуда 1122 дня назад отправилась в путь эскадра Магеллана.

Тогда на пяти кораблях находилось 264 человека. На родину после первого кругосветного путешествия вернулся всего лишь один корабль и 18 больных моряков. Среди них был и Пигафетта, верный друг Магеллана.

Магеллан погиб, но мечта его осуществилась: человек обогнул земной шар и доказал свою власть над природой. Многим средневековым убеждениям был нанесён решающий удар. Магеллан на практике доказал шарообразность земли.

Антонио Пигафетта сумел отметить самое существенное в деятельности Магеллана, а именно: первую попытку кругосветного путешествия. «...Слава о столь благородном капитане не изгладится из памяти в наши дни. В числе других добродетелей он отличался такой стойкостью в величайших превратностях, какой никто никогда не обладал. Он переносил голод лучше, чем все другие, безошибочнее, чем кто бы то ни было в мире, умел он разбираться в навигационных картах. И то, что это так есть на самом деле, очевидно для всех, ибо никто другой не владел таким даром и такой вдумчивостью при исследовании того, как должно совершать кругосветное плавание, каковое он почти и совершил...» Хотя в этих словах преданного друга много преувеличений, в основном он прав — первое кругосветное плавание подходило к концу.

Храбрость, настойчивость и несомненные дарования помогли Магеллану в осуществлении его грандиозной задачи, но погубило его свойственное всем конкистадорам жадное стремление к золоту, к богатствам. Неоправданная ничем кичливость европейца, презрение к местному населению, стремление покорить его ценой любой жестокости, — вот что погубило Магеллана, истинного представителя своего времени, соединившего в себе как отрицательные, типичные конкистадорам черты, так и положительные личные свойства: незаурядный ум и непреклонную волю. {75}

ТОМАС МЮНЦЕР

Невысокий коренастый человек в мягкой круглой шапке и широком плаще, сделав широкий жест сжатой в кулак рукой, сказал, обращаясь к тесно окружавшим его бедно одетым людям:

— Никто не хочет помочь несчастной бедноте, сильные делают, что хотят. Посмотрите! Главной поддержкой ростовщичества, воровства и грабительства являются наши владыки — князья. Они присвоили себе всё живущее. Рыбы в воде, птицы в воздухе, растения на земле — всё принадлежит им...

Грозный шум толпы на минуту заглушил его слова.

— А потом они распространяют среди бедных божью заповедь и говорят: «Бог сказал — не укради».

Но сами они не следуют этому! Ведь они доводят всех людей до крайности, они сдирают шкуру и мясо с бедного пахаря и ремесленника! Когда же человек берёт самую малую вещь, его вешают за это...

— Верно!.. — раздались голоса. Перебивая друг друга, сразу заговорили несколько человек. — Нас называют ворами, потому что мы хотим пользоваться лесом, который господа незаконно присвоили себе!

— Моего сына князь повесил за то, что он ловил рыбу в его пруду!

— Долго ли ещё будем мы умирать для удовольствия наших господ?

Человек в плаще поднял руку и, когда голоса смолкли крикнул:

— Эти господа сами восстанавливают против себя бедный народ!

Огненные глаза его потемнели; он закончил гневно:

— За эти слова меня называют бунтовщиком. И пусть!

...Описанная сцена происходила осенью 1524 г. в одной деревне Южной Германии. Человека, возбуждавшего народ своими речами, звали Томасом Мюнцером. {76}

Файл ist77.jpg

Томас Мюнцер.
Портрет работы художника XVI в.

Этот человек скоро стал одним из главных вождей великой народной борьбы, славным предводителем крестьянского восстания, как называет его Энгельс.

Средневековое феодальное общество существовало за счет угнетения закрепощённых и бесправных крестьян в деревне, за счёт трудовой бедноты в городе, которые вынуждены были большую часть результатов своего труда отдавать дворянству, церкви и ростовщикам. В Германии XV — начала XVI в. положение крестьян было особенно тяжёлым. В это время быстро развиваются промышленность и торговля, и феодалы, обходившиеся прежде в основном продуктами собственного хозяйства, много нужных им товаров стали покупать на рынке. Поэтому они стремились добыть как можно больше денег.

Эти деньги они могли получить только у подчинённых им крестьян, поборы с которых поэтому непрерывно возрастали. Господа ухитрялись брать с крестьянина деньги за всё: за дом, в котором он жил, за клочок земли, на котором он трудился, за {77} его скудное имущество. Если крестьянин умирал, господин взимал с его наследника высокую плату за разрешение вступить во владение имуществом покойного; если крестьянин покупал что-нибудь, он должен был уплатить пошлину своему господину. Вдобавок сеньёры выдумывали всё новые и новые поборы, а зачастую просто отбирали у крестьян землю. Не ограничиваясь поборами, господа захватывали леса, луга, которыми прежде пользовались крестьянские общины, и подвергали телесным наказаниям и штрафам крестьян, если они хотели по-прежнему пасти на лугах свой скот или рубить дрова в лесу. Когда господа охотились, их кони и собаки безжалостно вытаптывали крестьянские посевы и огороды.

Князья взимали высокие оброки с крестьян. В свою очередь церковь обязывала крестьян платить «десятину». Эту десятину (т. е. десятую часть продуктов крестьянского труда) духовенство собирало зерном, скотом и огородными плодами.

У крестьянина не хватало денег для того, чтобы расплатиться с господами. Ему приходилось обращаться к городским ростовщикам, дававшим деньги под высокий процент. За неуплату долга крестьянин мог лишиться своего скудного имущества.

Наконец, денежных поборов непрерывно требовал папа римский, сборщики которого разъезжали по всей Германии. У тёмных людей они бесстыдно выманивали последние гроши, говоря, что, уплатив папе, можно искупить свои грехи и после смерти попасть в рай.

Файл ist78.jpg

Крестьянская жизнь. *С немецкой гравюры XVI в.*

Итак, и князья, и дворяне, и духовенство, и папы, и богатые горожане — все эксплуатировали крестьянство. Жаловаться на притеснения крестьянину было некому: судьёй над ним был тот самый господин, который драл с него три шкуры. Любое непослушание или отказ платить подать жестоко наказывались. Положение крестьянина было беспросветным. Одна гравюра XVI в. так изображает крестьянскую судьбу. Крестьянин должен всю свою жизнь трудиться на господина: он и пашет, и сеет, и молотит, и копает землю, и колет {78} дрова. Если он разорится, он становится нищим; мы видим на гравюре оборванного калеку, выпрашивающего подаяние. Крестьянин не смел сопротивляться тяжкому гнёту, иначе ему грозили тюрьма или казнь: на гравюре изображён забитый в колодки крестьянин, а на заднем плане видна виселица с болтающимся на ней «бунтовщиком». Слева вдали виднеется город, с другой стороны высит-

ся замок; первый гнетёт крестьянина ростовщическими процентами, во втором живёт жестокий феодал, который распоряжается трудом, имуществом и самой жизнью крестьянина.

Беспорядок, царивший в Германии в то время, делал жизнь крестьянина ещё более тяжёлой. Страна была раздроблена на отдельные княжества, почти совершенно не зависевшие от власти императора. Между отдельными феодалами не прекращалась борьба. Разбой сделался основным занятием обедневших рыцарей. Всё это приводило к окончательному разорению крестьянского хозяйства. Разорение влекло за собой голод и смертность. О том, до чего доходила крестьянская нужда, свидетельствует такой факт. Когда одного крестьянина, приговорённого к смертной казни, подвели к палачу, он воскликнул: «Вот приходится умирать, ни разу не поев досыта хлеба!»

Не менее тяжёлой была жизнь городской бедноты: подмастерьев, рабочих-подёнщиков. Их жестоко угнетали богатые горожане — купцы, предприниматели. Предприниматели скупали у ремесленников за бесценок их изделия, пользуясь тем, что сырьё, например пряжу и хлопок, ремесленник получал от них, и многие мастера и подмастерья разорялись. В городах было много нищих и бродяг.

Файл ist79.jpg

Изображение башмака.

Крестьяне были не в силах терпеливо выносить страшный гнёт и много раз восставали против своих поработителей. С конца XV в. в разных частях Германии то и дело вспыхивали крестьянские возмущения, пока, наконец, в 1525 г. не разразилась великая крестьянская война, самое крупное народное восстание в истории Германии. Вдохновителем этого восстания, призывавшим крестьян и городскую бедноту на борьбу за лучшее будущее, был Томас Мюнцер, величайший революционер средневековой Германии.

Для того чтобы понять учение Мюнцера, нужно знать, с какими силами приходилось бороться угнетённым крестьянам и плебеям. Как уже говорилось, кроме князей и дворян, народ угнетала церковь. Католическая (т. е. подчинённая римскому папе) церковь была могущественной опорой феодального строя. Своим учением церковь оправдывала феодальное угнетение; она проповедовала послушание господам, обещая в награду райское {79} блаженство после смерти и угрожая непокорным адскими муками. Вера в загробную жизнь в средние века была широко распространена. Забитые, тёмные люди верили в бога, верили, что после смерти их «души» будут продолжать своё существование. Попы говорили, что господа поставлены над народом богом, и поэтому непослушание им означает непослушание самому богу, грех. Кроме того, церковь учила, что «спасение человеческой души», которая будто бы «переселится» в другой мир после смерти человека, находится в руках церкви. Пользуясь верой одураченного народа, церковь обогащалась за его счёт.

Однако с течением времени стало распространяться недовольство католической церковью.

В Германии оно приняло всеобщий характер. Так как власть императора была очень слаба и с ней никто не считался, церковные феодалы, возглавляемые папой римским, грабили народ Германии, не встречая препятствий ни с чьей стороны. Папа считал Германию настоящим золотым дном, архиепископы и епископы, бездельники-монахи и священники процветали за счёт трудового народа Германии. Богатства, находившиеся в руках церкви в XVI в., были настолько велики, что и представители господствующего класса стали смотреть на них с завистью и вожделением. Многочисленные князья Германии не прочь были конфисковать в свою пользу огромные земельные угодья церкви, населённые крепостными и зависимыми крестьянами. О том же мечтали и мелкие феодалы — немецкое дворянство. Города и их богатое бюргерство с такой же завистью смотрели на церковные владения в пределах городской черты. Как и все богачи, они понимали, что религия, проповедующая послушание властям, нужна им для того, чтобы держать в узде бедняков, но католическая церковь с её богатствами, пышным культом и дорогостоящими украшениями казалась им учреждением не по карману. Они поэтому тоже выступили против католической церкви и прислушивались к голосу реформаторов, которые давно уже проповедовали необходимость установления «бедной церкви» и протестовали против роскоши и богатства церковников на том основании, что-де и сам Христос и его апостолы были бедняками. Такая проповедь пришлась по душе бюргерам, которые рассчиты-

вали, что «бедная церковь» будет «дешёвой церковью». Нечего говорить о крестьянах и городской бедноте — плебействе. Именно на их плечи ложилась вся тяжесть и налогов, и феодальных поборов, и церковной десятины. Весьма часто прелаты, т. е. высшие чины церкви, являлись для крестьян и плебеев и государями-князьями, и феодалами-сеньёрами, и владельцами церковной десятины. Церковную десятину должны были платить все, а папа сверх этого запускал свою лапу и в без того тощий карман труженика. Всё это вместе взятое позволяет нам понять, какую ненависть должны были питать простые люди к церкви и её представителям. Но многие из них шли {80} в своём негодовании дальше. Чем церковный феодал-архиепископ и епископ лучше феодала светского? Почему крестьянин и плебей должны отдавать этим паразитам своё добытое тяжёлым трудом достояние? Земля должна принадлежать тем, кто её обрабатывает, и должна принадлежать им навечно и наследственно.

Файл ist81.jpg

Немецкие крестьяне XVI века.
С гравюры Альбрехта Дюрера.

Таковы были мечты крестьян, и никому из них в то время не приходило в голову, что собственность на землю, поделённую между крестьянами, которой они добивались, лишь на время может улучшить их положение. При существовании частной собственности рано или поздно земля окажется в руках у богатых, а бедняк как был, так и останется безземельным бедняком. Только социализм, только колхозы могут окончательно уничтожить пропасть между богатыми и бедными и повести всё крестьянство к зажиточной жизни. Только такое государство, как Советский Союз, способно окончательно уничтожить нищету трудящихся и устроить всю жизнь на началах справедливости.

Но в те далёкие времена, о которых мы рассказываем, лишь самые гениальные умы и наиболее смелые революционные деятели могли, да и то в неясных очертаниях, предчувствовать возможность построения в будущем такого общества. Настоящее же не сулило им никаких надежд на это.

В то время ещё только зарождался пролетариат, тот единственный, до конца революционный класс, который может установить социалистические порядки, и трагедия таких гениальных умов, каким был, например, в тогдашней Германии вождь наиболее революционно настроенных людей Томас Мюнцер, в том и заключалась, что он понимал, что по-настоящему справедливый порядок может осуществиться только в том случае, если не будет собственности ни на землю, ни на другие средства производства. В то же время он знал, что такой порядок установить пока невозможно. Но люди, подобные Томасу Мюнцеру, были одиночками. Значение Мюнцера заключалось не в том, что он догадывался, как можно установить, как тогда говорили, божью справедливость, а в том, что он был революционером и от своих сторонников требовал решительных действий против феодалов, как духовных, так и светских. И если бы крестьяне выступили {81} сплочённо и действовали так, как им советовал Мюнцер, они получили бы земли в свою полную собственность. Но вся беда как раз и состояла в том, что крестьяне сами по себе никогда не могут одержать верх над феодалами. Им недостаёт крепкой организации, единодушия, которые необходимы для победы, и поэтому они всегда в средние века терпели поражение. Только во главе с пролетариатом они могут быть победителями, но в то время, когда действовал Мюнцер, пролетариат ещё только зарождался.

Недовольство католической церковью в верхах немецкого общества в начале XVI в. и ненависть к попам и господам у крестьян и плебеев были настолько сильны, что значительная часть князей, дворян и почти всё бюргерство стало на сторону проповедника Мартина Лютера, когда тот выступил против папы и продажи индульгенций, т. е. грамот, в которых папа за деньги «прощал» грехи и преступления. В Германии началась реформация, т. е. движение в пользу реформы церкви. Но различные классы общества понимали реформацию каждый по-своему. Князья и дворяне стремились завладеть церковными богатствами, бюргеры — создать свою, независимую от папы, «дешёвую» церковь, крестьяне и городская беднота готовы были восстать для того, чтобы уничтожить феодальный порядок в целом. Но чем сильнее нарастало в крестьянстве и плебействе революционное брожение, тем больше бюргерство и его пророк Мартин Лютер приходили в ужас. Лютер, как и его приспешники, трусливое немецкое мещанство, трепетали от страха, чувствуя, что не сегодня-завтра крестьянство и городская беднота

поднимутся на господ и богатых бюргеров, и тогда им не сдобровать. Лютер поэтому уже в 1520 г. усердно проповедовал, что люди должны беспрекословно повиноваться светской власти, ибо, ссылался он на так называемое «священное писание», «нет такой власти, которая не идёт от бога», а затем, когда, наконец, крестьяне восстали, он, как и всё немецкое бюргерство, вместе с феодалами ополчился против крестьян и стал, по выражению Маркса, «княжеским холопом».

Такова была обстановка в Германии, в которой жил и действовал Томас Мюнцер.

Ранние годы жизни Мюнцера почти неизвестны. Он родился в 1490 или в 1493 г. и вырос в деревне. Он видел, как тяжело жилось крестьянам, и ненависть к господам зародилась в нём с детских лет. Мюнцер много и прилежно учился и подобно многим другим образованным людям своего времени получил духовное звание. Ему было ясно, что церковь благословляет угнетение бедных богатыми. Борьбу против церкви он начал ещё до Лютера. Мюнцер не только проповедовал, он создал тайное общество для борьбы против главы католической церкви в Германии, архиепископа Магдебургского. Выступая в церквах, он громил духовенство, которое, по его словам, «думает не о религии, а об удовлетворении своей ненасытной алчности». {82}

Переезжая из города в город, Мюнцер повсюду вербовал своих единомышленников. В 1520 г. в городе Цвиккау агитация Мюнцера вызвала волнения против городского совета. Какой характер носила эта агитация, видно из того, что враги Мюнцера называли его «кровожадным человеком, жаждущим кровопролития». Сторонники Мюнцера были заключены в тюрьму, а ему самому пришлось покинуть город.

В 1521 г. Мюнцер отправился в Чехию, надеясь на то, что на родине гуситского движения легче начать борьбу против церкви. Однако, как только Мюнцер начал революционную агитацию, к нему были приставлены шпионы. Не дожидаясь ареста, Мюнцер перебрался в Тюрингию. В 1524 г. в городе Альштедте под влиянием его проповеди народ разрушил часовню. Князь приказал арестовать Мюнцера, но местные горняки, которые его очень любили и уважали, собрались отовсюду, вооружённые кирками, и не дали его в обиду.

Тогда князь приказал привести Мюнцера к себе во дворец. Но и перед лицом феодалов и рыцарей Мюнцер не побоялся смело и решительно выступить против князей и пригрозить им, что недалеко то время, когда угнетённый народ поднимется против них на открытую борьбу. Мюнцер в речах и печатных прокламациях призывал к свержению «безбожных правителей» и к установлению народной власти. В Альштедте Мюнцер создал тайное общество, целью которого было основание «царства свободы и равенства». Доверенные лица рассылались Мюнцером по разным областям Германии; они должны были распространять его революционные идеи по всей стране.

Князья опасались пропаганды, которую проводил Мюнцер. Осенью 1524 г. его хотели арестовать. Мюнцеру пришлось бежать из Тюрингии. Но и в других местах, где он хотел укрыться, власти не желали его терпеть, так как он нигде не переставал призывать народ подниматься на борьбу за свободу. Переезжая из района в район, Мюнцер подготовлял народное восстание, распространяя своё революционное учение.

В чём же заключалось учение Мюнцера?

Уничтожение католического духовенства было, по его мнению, лишь первым необходимым шагом на пути к установлению справедливого общественного строя. Согласно учению Мюнцера, не должно быть ни бедных, ни богатых, ни подданных, ни господ. Необходимо сделать так, чтобы всё имущество принадлежало всем, нужно уничтожить всякое угнетение.

Задолго до Мюнцера появлялись мыслители, фантазия которых рисовала «царство божие», которое, якобы, возникнет на земле и прекратит феодальное угнетение. Но приход этого царства они представляли себе в форме чуда: с неба на землю сойдёт «сын божий», который очистит людей от пороков и введёт их в это царство. Таким образом, люди могли лишь мечтать о справедливом строе. Установление его они не считали своей {83} задачей. Мюнцер был знаком с такими учениями. Он также представлял себе будущее коммунистическое общество как «царство божие». Но он превратил фантазию в программу народной борьбы. Мюнцер первым высказал ту мысль, что установление справедливого общественного строя является делом самих угнетённых. Создать такое общество можно, согласно Мюнцеру, только путём революционного переворота, совершённого руками наиболее революционных людей из народа.

Само собой разумеется, что конечная цель, которую ставил Мюнцер, была недостижима в XVI в. Угнетённое, неорганизованное крестьянство желало получить землю в собственность и освободиться от всех феодальных повинностей. Ни о каком бесклассовом обществе оно и не мечтало, да и самому Мюнцеру это общество рисовалось очень туманно. Для победы социалистической революции необходимо, чтобы во главе революции стоял рабочий класс. Но в начале XVI в. рабочий класс существовал лишь в зародыше.

Так как тёмные, забитые народные массы продолжали верить в бога (хотя именем бога их эксплуатировали многочисленные господа), Мюнцер вынужден был вести свою революционную агитацию в религиозной форме. Но под проповедью «слова божия» скрывался призыв к революционной борьбе против угнетателей. Опираясь на городскую и крестьянскую бедноту, Мюнцер начал создавать «христианское общество». По мысли Мюнцера, в это братство следовало вовлечь всех людей: первоначально оно должно было охватить Германию. Братство должно взять в свои руки всю власть. Мюнцер писал: «...власть должна быть дана простому народу»; «народ сделается свободным, и один только бог будет его господином». Лиц, не желающих присоединиться к обществу, необходимо объявить его врагами и осудить на уничтожение. Мюнцер не предлагал сразу же вводить полную общность имущества. «Христианское братство» должно было отбирать имущество у феодалов, церкви и богачей, а отобранные богатства распределить среди членов общества с тем, чтобы никто из них не испытывал материальной нужды.

«Всё — общее, — учил Мюнцер, — и каждому следует выделить поровну столько, сколько необходимо для удовлетворения его нужды. А если кто-либо из князей, графов или других господ воспротивится этому, то его нужно обезглавить или повесить». Мюнцер считал, что только тогда, когда люди будут обеспечены всем необходимым для их существования, можно достичь справедливого общественного устройства.

Таким образом, идея «христианского братства» была на самом деле программой борьбы обездоленных людей против феодалов и других господ.

В письме, в котором излагалась программа деятельности «христианского братства», сторонники Мюнцера писали: «Так как измена, насилие и несправедливость родились и возросли в зам-{84}ках, монастырях и священнических приходах, то все такие места подлежат с настоящего времени отлучению». Сторонники Мюнцера хотели сказать этим, что такие учреждения и организации не могут быть включены в «христианское братство».

«О боже, — писал Мюнцер, — крестьяне — люди трудящиеся, они всю жизнь обходятся жалкой и горькой пищей для того, чтобы наполнять глотки тиранов». Ссылаясь на церковные книги, Мюнцер утверждал, что излагаемое им учение даёт право беднякам восстать против господ: «Ясно как день, что бог поручает избранным [под избранными Мюнцер понимает простой народ, который выступает против своих господ] отобрать владения у его противников, ибо эти владения мешают установлению царства божия и справедливости». Если угнетатели ссылались на «священное писание», чтобы оправдать свою власть над угнетёнными, то Мюнцер, как и другие революционеры средневековья, привлекали его для доказательства необходимости установления справедливого строя. Сила Мюнцера заключалась в том, что наряду с туманной ещё идеей будущего общества он выдвигал самые насущные, неотложные требования крестьян, а именно: уничтожение господ и феодальных поборов, разрушение монастырей, прекращение рыцарского разбоя.

Поэтому, когда весной 1525 г. разразилось великое крестьянское восстание (в Юго-Западной Германии оно началось ещё в конце 1524 г.), крестьяне в разных областях Германии стали выдвигать требования, составленные Мюнцером, его учениками и последователями. Восставая против своих феодалов, крестьяне объединялись в мощные военные отряды, которые захватывали замки и монастыри. Монахов и попов изгоняли из их владений, феодалы при приближении крестьянского войска в ужасе бежали.

Запылали монастыри и считавшиеся прежде неприступными гордые дворянские замки. Крестьяне спешили исполнить приказ Мюнцера, который гласил: «Полностью разрушить все замки и дома дворянства, ничего не оставив на месте». В огне пожаров погибали документы, в которых были записаны повинности крестьян. Впервые за сотни лет крестьянин мог разогнуть спину: некому было больше платить непомерные подати, не на кого было трудиться даром. Один из современников сравнивал разразившуюся крестьянскую войну с потопом, залившим

всю Германию: «Это божий суд, божья кара за те грехи, которыми отяготили себя светские и духовные князья и владетели, за их тиранию и жестокости к своим подданным».

Всё шире разливалось крестьянское восстание. Оно распространилось на Швабию, Шварцвальд и значительную часть австрийских владений; в огне крестьянской войны пылала вся Франкония; восстали крестьяне Саксонии и Тюрингии.

Это не было только крестьянское движение. Борьба происходила и в каждом городе и разделяла его на два враждующих {85} лагеря: городских богачей и бедноту. Классовая борьба

Файл ist86.jpg

Сражающиеся крестьяне.
Гравюра на дереве по картине Гольбейна Младшего.

в городах под влиянием крестьянского восстания достигла крайнего ожесточения. Часть городов присоединилась к крестьянскому восстанию, так как мелкие ремесленники и подмастерья видели в крестьянской революции единственный выход из своего тяжёлого положения.

Мюнцер очень хотел, чтобы горожане примкнули к крестьянскому движению. Посланные им люди повсюду в городах возбуждали народ и призывали вступать в «христианское братство». С другой стороны, и феодалы, собиравшие силы для борьбы с восставшими, больше всего опасались союза между крестьянами и городскими низами. Многие города помогали восставшим продовольствием, посылали им подкрепления. Знатные господа в панике разбегались, а те, кто не успел укрыться от крестьян, вынуждены были лицемерно присоединиться к их «христианскому братству» и обещать верно служить делу освобождения народа.

Мюнцер поддерживал тесную связь со многими крестьянскими отрядами. Он писал крестьянам письма, в которых указывал на необходимость решительно расправляться с феодалами. {86} Он настаивал на том, чтобы замки и монастыри уничтожались, чтобы их собственность переходила во владение крестьян, чтобы захваченные феодалами общинные леса, луга и другие угодья были возвращены крестьянам. Бедняки-крестьяне охотно следовали советам Мюнцера, которого они называли своим «христианским заступником». Отвечая на его письмо, крестьяне одной общины писали Мюнцеру, что захваченные ими церковные владения поделены, согласно его приказу, поровну между нуждающимися и что у соседних дворян крестьяне потребовали отдать им пастбища. Во многих местах Тюрингии замки и монастыри были разрушены по прямому указанию Мюнцера.

Файл ist87.jpg

Титульная страница «12 статей».

Мюнцер лично побывал в некоторых областях Германии, «забрасывая, — по словам одного из его врагов, — в мятежные души своё ядовитое семя крестьянского восстания». В основных районах, охваченных крестьянской войной, действовали сторонники Мюнцера, составлявшие наиболее революционную партию в движении крестьян.

Но не все крестьяне считали возможным действовать так, как им подсказывал Мюнцер. Более зажиточные крестьяне не прочь были даже идти на соглашение с господами и готовы были бы удовлетвориться отменой новых поборов и понижением старых. На больших крестьянских сходках шли ожесточённые споры. Крестьяне побогаче боялись, что феодалы рано или поздно победят. Запугивая остальных, они старались умерить требования, полагая, что чем умереннее будут их требования, тем скорее они договорятся с господами.

Эта умеренная группа крестьян взяла верх на съезде крестьянских отрядов в марте 1525 г. в городе Мемминген в Юго-Западной Германии, где были выработаны так называемые «12 статей», получившие широкое распространение. В них были сведены воедино основные требования крестьян.

Крестьяне требовали предоставить каждой деревне право самостоятельно выбирать своего священника, который проповедовал бы христианскую веру «в духе истины». Они требовали, чтобы церковная десятина была обращена на содержание местного священника, на содержание вдов и сирот, требовали отмены вновь введённых платежей и барщин, совершенной отмены посмертного побора (после смерти крепостного крестьянина господин его брал в свою пользу лучшую голову скота или часть его имущества за разрешение его сыну или дочери получить {87} наследство своего отца). Они заявляли, что крепостное право должно быть отме-

нено полностью. «До сих пор было в обыкновении считать нас чужой собственностью, — писали крестьяне, — но это противоречит евангелию, ибо известно, что Христос освободил всех своей кровью. Поэтому мы хотим быть на самом деле свободными».

Файл ist88.jpg

Восставшие крестьяне.

Большие притеснения терпели крестьяне от захватов общинных лугов, лесов, вод и от потрав их посевов, учинявшихся господским скотом. Поэтому в «12 статьях» содержалось требование уничтожить эти несправедливые порядки. Наконец, крестьяне просили судить их в соответствии с древними законами и справедливостью, а не произвольно и по злобе, как это было до сих пор.

Эти требования были совсем не революционны и не были похожи на программу, выдвинутую Мюнцером. Ведь Мюнцер совершенно отрицал зависимость крестьян от господ и объявлял незаконными все повинности и платежи феодалам. Однако «12 статей» имели важное значение, так как давали крестьянскому восстанию общую программу, содействовали объединению крестьянства.

Всё же крестьянским отрядам так и не удалось соединиться в одну великую крестьянскую рать. Среди руководителей крестьян не было единства. Одни настаивали на том, что необходимо решительно бороться со всеми феодалами, не давая пощады никому и не доверяя тем дворянам, которые переходили на сторону крестьянства. Другие крестьянские вожди считали, что уничтожать нужно только монастыри. Они хотели привлечь дворян на свою сторону, обещая им поделиться с ними при распределении отобранного у церкви имущества. В некоторых отрядах командирами были дворяне. Но лишь немногие из них искренно боролись за народное дело; большинство примкнуло к восставшим из страха и при первом же удобном случае готово было изменить им. Группа умеренных руководителей движения одержала верх на съезде крестьянских отрядов в городе Гейльбронне (во Франконии), где была выработана так называемая «Гейльброннская программа».

Эта программа была выгодна не крестьянам, но лишь зажиточным горожанам и дворянству. Согласно «Гейльброннской программе», дворянство не должно было лишиться своих прежних привилегий, а, наоборот, усилиться за счёт духовенства и {88} получить большую власть в стране. В программе содержалось требование облегчить развитие торговли. Феодальные повинности крестьян предлагалось выкупать за деньги, что было возможно лишь для зажиточной верхушки крестьян. Бедняки не имели для этого средств. Они хотели отмены всех повинностей без всяких платежей.

Понятно, что такие предложения вызывали недовольство крестьян. Им было ясно, что горожане предавали их интересы и добивались только собственной выгоды. Против феодалов городские богачи бороться не желали.

Предательство бюргерами крестьян объяснялось тем, что городские богачи смертельно боялись крестьянского движения. К крестьянам массами примыкала городская беднота, а это грозило превращением всего движения в такую революцию, которая могла уничтожить не только феодалов, но и купцов, промышленников и ростовщиков, также сидевших на шее народа. Поэтому немецкие бюргеры пошли на сговор с феодалами. Это ясно видно из отношения к крестьянской войне Лютера.

До того, как разразилась крестьянская война, Лютер призывал к решительной борьбе с церковью. Тогда он писал: «Если мы вешаем воров, казним разбойников, сжигаем еретиков, то почему не броситься с оружием в руках на этих главарей разврата, на этих кардиналов, пап и всю свору римского Содома... Почему не обагрить своих рук их кровью с тем, чтобы спастись от них, как от опаснейшего пожара». Однако, когда началась борьба крестьян и городской бедноты против их угнетателей, Лютер открыто перешёл на сторону врагов народа. Он призывал немедленно подавить восстание и истребить крестьян. «Крестьяне отдались дьяволу, — писал этот перетрусивший бюргер. — Пусть всякий колет, бьёт и душит их тайно и явно, как убивают бешеных собак, пусть всякий помнит, что нет ничего более ядовитого, вредного и дьявольского, чем бунтовщик. Поэтому, любезные властители, — обращался Лютер к феодалам, — спасайте здесь и там... Пусть в рядах крестьян просвищут пули, а то они станут поступать ещё в тысячу раз хуже».

Лютер стал проповедовать необходимость повиновения властям: «Как они [т. е. крестьяне] будут держать ответ перед богом за то, что восстают против начальства, установленного самим богом? Не в том состоит христианское право, чтобы противиться несправедливости, а в том, чтобы отдавать жизнь и имущество на разграбление всякому, кто грабит». Это говорил человек, который ещё недавно призывал насилием спастись от несправедливостей, чинимых римской церковью! Лютер советовал феодалам окончательно закрепостить крестьян, увеличить барщину и не давать крестьянам никакой пощады.

Так зажиточная часть городского населения Германии уже в XVI в. показала себя трусливой и контрреволюционной и пошла на поводу у дворянства. {89}

Предательство бюргеров и нерешительность некоторых руководителей крестьян ослабляли народное движение. В апреле 1525 г. крестьянские отряды, если бы все они действовали решительно, могли разгромить дворянское войско, посланное на подавление восстания. На стороне крестьян был численный перевес, ожидалось прибытие новых отрядов повстанцев. Однако начальнику дворянского войска Трухзесу удалось обмануть крестьянских вождей и начать с ними переговоры. Трухзес обещал, что требования крестьян будут удовлетворены, если их отряды будут распущены. Одураченные крестьяне заключили с Трухзесом договор, согласно которому они должны были сдать часть своего оружия и разойтись по домам.

Далеко не все крестьяне согласились на эти условия, и в крестьянском войске начались разногласия. Этим немедленно воспользовался Трухзес. Нарушив договор, он начал громить крестьянские отряды поодиночке.

Мюнцер всячески предупреждал крестьян, чтобы они не доверяли господам. Он писал: «Я боюсь, чтобы глупых людей не увлекли фальшивыми договорами, в которых они не увидят злого умысла». Ещё до заключения договора между крестьянами и Трухзесом Мюнцер говорил: «Кажется, господин Георг [Трухзес] обманывает крестьян». Теперь крестьянам пришлось горько раскаяться в том, что они поверили, будто дворяне в самом деле хотят покончить дело миром. Трухзес и его дворянское войско убивали сотни крестьян, подвергали казни всех восставших, которые попадали в их руки.

Файл ist90.jpg

Печать восставших крестьян.

Вероломство дворян возмутило крестьян, и они перешли к более решительной борьбе против феодалов.

В апреле 1525 г. ополчение франконских крестьян (в центральной Германии), возглавлявшееся Яковом Рорбахом, подступило к городу Вейнсбергу, где засел граф Людвиг фон Гельфенштейн со своими рыцарями. Крестьяне жаждали мщения за убитых и замученных товарищей; кроме того, они считали, что, разрушив замок графа, они освободятся от барщины и других повинностей. Крестьяне были уверены в успехе, так как большинство горожан, состоявшее из бедняков, было на их стороне.

Рано утром, приблизившись к Вейнсбергу, крестьяне послали в город для переговоров двух человек, которые потребовали открыть городские ворота, угрожая в противном случае взять город силой. Высокомерный граф, считавший свою позицию неприступной, не пожелал вступить в переговоры с простыми крестьянами и приказал стрелять в парламентёров; один из них был {90} ранен. Тогда крестьянские отряды начали наступление. Рыцари со своими солдатами и зажиточные горожане оказывали упорное сопротивление, обстреливали крестьян с городской стены и осыпали их камнями.

Вдруг на замке, возвышавшемся над городом, появились крестьянские знамена — один из отрядов восставших взял его приступом. В городе началась паника. Ведь ещё недавно граф уверял горожан, что замок неприступен. О дальнейшем сопротивлении нечего было и думать. Городская беднота могла каждую минуту восстать и присоединиться к крестьянскому войску; растерявшиеся купцы, ремесленные мастера, члены городского совета толпились вокруг графа Гельфенштейна, умоляя его сдать поскорее город крестьянам, пока те не взяли его приступом и не подвергли наказанию всё население. Беспорядок увеличивали сбежавшиеся сюда же испуганные, кричащие женщины. По городу распространился слух о том, что Яков Рорбах угрожает предать Вейнсберг огню и мечу. Это усилило стремление горожан прекратить борьбу; неко-

торые стаскивали рыцарей с городской стены, метались по городу и мешали немногим из оставшихся его защитников делать своё дело.

Графу пришлось согласиться сдать город восставшим крестьянам. Над городской стеной появился шест с надетой на него шляпой — знак, указывающий на желание начать переговоры. Между зубцами стены показались горожане и среди них священник, которые в ужасе вопили, перебивая друг друга:

— Мир! Мир!

Дождавшись тишины, один из бюргеров обратился к предводителю крестьянского войска:

— Граф предлагает вам мир и согласен сдать город на условии, что никто из граждан города не пострадает.

В ответ раздался выстрел, и шляпа слетела с шеста.

— Горожанам нечего бояться за свою жизнь, — крикнул Яков Рорбах, — но рыцари все погибнут!

— Сделайте исключение хотя бы для графа, — просили со стены.

— Пусть он нас озолотит, он всё равно умрёт, — был решительный ответ.

Граф Гельфенштейн стоял тут же на стене и всё слышал. Его охватил страх. Видя, что горожане уже спешат к городским воротам, чтобы поскорее открыть их и впустить крестьян, граф попытался спастись бегством. Но это ему не удалось: крестьянское войско ворвалось в город.

Небольшой отряд рыцарей и их солдат во главе с графом собрался на городской площади. Они хотели скрыться через те ворота, которые ещё не были заняты крестьянами. Но их окружили горожане с криками:

— Что же, вы хотите оставить нас одних на бойню?

— Вы принесли несчастье нашему городу, а теперь убегаете? {91}

— Сейчас не время думать о побеге!

Это задержало на минуту рыцарей. Вдруг бюргеры врассыпную бросились по домам: к площади с яростными криками приближались вооружённые крестьяне. Захлопали закрывающиеся ставни окон, горожане спешили запереть двери и укрыться от победителей. Все городские ворота были захвачены крестьянами. Рыцари побежали к церкви, и некоторым из них, в том числе и графу, удалось спрятаться на церковной колокольне. Все остальные были немедленно убиты. Крестьяне повсюду искали графа. Наконец, раздался радостный возглас:

— Они на колокольне! Наконец-то мы захватим всё гнездо, бейте их всех насмерть!

Один из рыцарей показался на верхней площадке колокольни и крикнул оттуда, что он даст за свою жизнь 30 гульденов. Его немедленно застрелили. Остальных рыцарей во главе с графом крестьяне свели с колокольни, связали верёвками и взяли под стражу.

Крестьяне не грабили горожан, чего те так опасались, но не пощадили домов священника, городского головы и других своих врагов. Была опустошена и церковь. Замок был разгромлен целиком и подожжён.

Крестьянам досталась богатая добыча. В городской казне они нашли свёрток с деньгами и хотели разделить их между собой. Но когда школьный учитель сказал им, что эти деньги предназначены для помощи бедным детям, они отдали их ему на сохранение.

Вслед за тем Яков Рорбах устроил суд над пленными дворянами. Все 14 человек были приговорены к позорной казни: прогону сквозь строй. Этой казни обычно подвергались нарушители чести, люди из низших сословий. Дворяне должны были погибнуть позорной смертью как нарушители договора с крестьянами, Дочь императора, графиня Гельфенштейн, на коленях умоляла крестьянских предводителей пощадить жизнь её мужа. Но в памяти крестьян были ещё свежи воспоминания о тех издевательствах, которым подвергали их господа, о тяжёлой барщине, о бесправной голодной жизни.

Граф и другие пленные рыцари были выведены на луг, где собрался отряд Якова Рорбаха. Перед смертью дворянам пришлось выслушать песню, которую грозно распевали крестьяне:

Не медлим мы с расправой,
Сведём свой счёт кровавый,
А суд не знает правый

Ни смердов, ни господ,
На плаху всех сведёт.

Крестьяне выстроились в две шеренги перед пылающим замком, загремел барабан, и граф и другие рыцари пали, пронзённые копьями... {92}

Кровавая месть крестьян при Вейнсберге навела ужас на окрестных феодалов, но не могла изменить исхода восстания. Разрозненные крестьянские отряды не имели сил сопротивляться хорошо вооружённому и обученному дворянскому войску. Несмотря на упорное сопротивление, крестьяне терпели поражения в неравной борьбе.

Последним во Франконии был разбит отряд Якова Рорбаха. Отступая, отряд заперся в городе Вюрцбурге, но крестьян предал городской совет. Зажиточные бюргеры впустили в город войска Трухзеса. Крестьяне геройски сопротивлялись, но были разбиты. Уцелевшие попали в плен и подверглись казни. Погиб и Яков Рорбах. Дворяне отомстили ему за Вейнсберг: его заживо сожгли на медленном огне.

Мюнцер с самого начала крестьянской войны находился в городе Мюльгаузене в Тюрингии. Здесь под влиянием его проповедей народ разогнал в марте 1525 г. прежний городской совет, в котором заправляли богачи, и поставил на его место новый, «вечный совет». Мюнцер имел на него большое влияние. Один из врагов Мюнцера писал о нём: «Безумный священник из Альштедта убедил мюльгаузенцев в том, что они не обязаны подчиняться никакой власти, не обязаны платить кому-либо оброки и нести повинности и что, кроме того, должно быть упразднено всё духовенство». Под влиянием Мюнцера в Тюрингии в большей мере, чем в других частях Германии, наблюдалось объединение крестьян с городскими низами.

Этого особенно боялись феодалы; один из них писал: «От дела, начатого в Мюльгаузене, можно ожидать лишь того, что оно послужит соседнему сельскому населению, а также городам поводом к восстанию против своих господ, и если не предупредить вовремя, может дойти до объединения черни с народной массой; имея свою штаб-квартиру в Мюльгаузене, оно привлечёт к себе много людей, от которых ничего хорошего ожидать нельзя».

Из Мюльгаузена Мюнцер хотел распространить свои идеи по всей окружающей области и превратить его в центр революционного восстания. В город сходились тысячи крестьян, слушавших речи Мюнцера. В результате его пропаганды в «христианское братство» вступали жители многих городов и деревень. Слушая его проповеди, простые люди говорили друг другу:

— Смотри, как старые попы лгали нам и ложно проповедовали.

— Надо всех этих жуликов бить до смерти за то, что они так ловко нас обманывали и обставляли!

Повсюду разгоралось пламя восстания.

Учение Мюнцера о царстве свободы и равенства распространилось по многим районам Германии. Его разносили рудокопы, среди которых Мюнцер давно пользовался влиянием. Переходя, в поисках работы, из одной местности в другую, они знакомили {93} народ с идеями Мюнцера. Какое сильное воздействие оказывал Мюнцер на своих приверженцев, видно из того, что всё им высказываемое они считали «божественной истиной».

Пока его ученики распространяли идеи «христианского братства», Мюнцер в Мюльгаузене собирал силы для выступления и приказывал переливать церковные колокола в тяжёлые орудия. «Беритесь за дело и выходите на борьбу, — писал он крестьянам и рудокопам. — Возбуждайте ваших братьев к согласию и уговаривайте их снаряжаться. Давно, слишком давно пора. Скорей же, скорей за дело, за дело!.. Пусть ваши мечи не отмываются от тёплой крови. Пока злодеи живы, вы не освободитесь от человеческого страха».

Но несмотря на всю подготовку, отряд Мюнцера был слишком слаб, чтобы одержать победу над дворянами. Крестьяне не умели обращаться с оружием, не были знакомы с военной дисциплиной. Не хватало пороха. Кроме того, восставшие и здесь, как и в других местах, не были объединены в одно войско. Всё это порождало во многих из них стремление вступить в переговоры с приближающимися дворянскими отрядами. К переговорам склоняли крестьян и те дворяне, которые находились в крестьянском отряде.

Отряд Мюнцера, насчитывающий около семи тысяч человек, расположился на возвышении близ города Франкенгаузена. Мюнцер приказал окружить лагерь повозками и рвом, чтобы не пропустить неприятельской конницы. 15 мая дворянское войско окружило лагерь.

Князья, которые стояли во главе дворян, потребовали от крестьян сдаться и выдать им Мюнцера. Оказавшиеся среди крестьян предатели попытались устроить в крестьянском лагере беспорядки, но были казнены.

Тогда Мюнцер обратился к отряду с яркой речью. Он понимал, что, только заставив крестьян забыть о страхе, он мог спасти положение. Мюнцер говорил своим сторонникам о том, что начатое ими восстание является божьим делом. Чтобы воодушевить крестьян, он сказал им, что сам бог послал его для их освобождения. Напомнив о тяжёлой жизни под властью господ, Мюнцер предсказал, что дворяне не осмелятся вступить в бой с крестьянским войском.

— Мужественно нападайте на врага, — закончил Мюнцер свою речь. — Не бойтесь их орудий. Скоро вы сами увидите, что вражеские пули не могут причинить вам вреда. Я наловлю их целые пригоршни в свои рукава и пошлю их обратно на врага.

В этот момент на небе показалась радуга. Тогда Мюнцер, указывая на своё знамя, на котором тоже была изображена радуга, воскликнул:

— Видите, бог подаёт нам знак! Он поможет нам наказать наших врагов. Без страха идите в бой!

Речь Мюнцера воспламенила крестьян, пробудила в них решимость к борьбе. Мюнцер обратился к отряду с вопросом, со-{94}гласны ли они выдать его дворянам. Крестьяне дружно ответили:

— Нет, нет! Мы хотим оставаться все вместе — живыми или мёртвыми!

Отряд запел праздничную песню, как вдруг грянул залп из всех орудий неприятеля. Много людей было убито.

Файл ist95.jpg

Томас Мюнцер в изображении
художника XVII века.

Дворянское войско, окружавшее лагерь крестьян, двинулось в наступление. Сильный артиллерийский огонь привёл крестьян в смятение. Многие ожидали, что с неба к ним в самом деле явится помощь. Но в это время были разрушены ограждавшие лагерь повозки и дворянское войско врезалось в ряды крестьян. Орудия Мюнцера были захвачены. Большинство крестьян было убито на месте и во время бегства в Франкенгаузен. В этом городе дворяне истребили всё мужское население. Рассказывают, убитых было так много, что река стала красной от крови. Но дворянам было мало одержанной победы. Они вывели на городскую площадь более трёхсот пленных и казнили их. Город был полностью разграблен. Повсюду разыскивали Томаса Мюнцера.

Между тем Мюнцер прятался в одном доме на окраине Франкенгаузена. Он хотел переждать время с тем, чтобы снова поднять восстание. Он переоделся, завязал себе голову и лёг в постель, прикинувшись больным. Но ему не удалось укрыться от врагов. В том доме, где скрывался Мюнцер, должен был расположиться на постой один дворянин, участник ополчения, сражавшегося против восставших крестьян. Слуга дворянина пришёл осмотреть дом и приготовить его к постою. Он увидел лежавшего в постели Мюнцера. Слуга спросил его, кто он такой. Прикидываясь очень слабым, Мюнцер ответил, что он давно лежит здесь, страдая от тяжёлой болезни. Этим дело бы и кончилось, но слуга решил ограбить «больного» и стал шарить по карманам одежды Мюнцера, лежавшей подле постели. Он обнаружил одно письмо, из которого ясно стало, что «больной» на самом деле был Мюнцер.

Вождь крестьянской войны попал в руки врагов. Князья, на суд которых привели Мюнцера, велели его пытать. Они хотели насладиться его мучениями. Затем Мюнцер был заключён в башню. Его ещё раз пытали, но никого из своих соратников, оставшихся в живых, он не назвал. Ничто не могло сломить гордый дух этого человека. {95}

В это время дворянами был захвачен Мюльгаузен. Свою победу феодалы отметили тем, что наложили на город тяжёлую контрибуцию. 25 мая в свой лагерь под Мюльгаузеном дворяне привезли Мюнцера. Князья потребовали от него, чтобы перед казнью он покаялся в том, что возмущал народ. Но, презирая смерть, Мюнцер обратился к князьям не с покаянием, а с предупреждением, что, если они будут по-прежнему угнетать своих подданных, народ вновь восстанет против них. С этими словами Мюнцер умер.

Смерть Мюнцера означала поражение восстания. Князья считали, что, казнив Мюнцера, они избежали главной опасности: так страшил их этот революционер, за которым шли все решительные и непримиримые борцы против угнетателей.

В отдельных местах борьба надолго затянулась. Везде, куда приходило дворянское войско, воздвигались виселицы, рекой лилась кровь, на оставшихся в живых крестьян налагались штрафы, окончательно их разорявшие.

Крестьянская война закончилась страшным истреблением восставших, феодальный гнёт во многих районах ещё более усилился. Однако многие феодалы впоследствии боялись угнетать крестьян по-прежнему. Во время войны крестьянами было разрушено и сожжено более тысячи дворянских замков и монастырей. Лишь немногие из них впоследствии были восстановлены. Страна подверглась ужасному опустошению. Развалины замков и монастырей высились как грозное предупреждение феодалам.

Победа досталась феодалам в значительной мере вследствие измены горожан крестьянам. Но города дорого заплатили за эту измену. Усиление феодалов после кровавого подавления восстания привело к тому, что города оказались в полном подчинении у князей и испытали всю тяжесть их гнёта. Разгул феодалов имел и другие последствия. Германия окончательно распалась на отдельные самостоятельные княжества, где князья были полновластными и независимыми государями. Власть императора в стране утратила всякое значение.

Томас Мюнцер погиб в борьбе. Как он сам заявил перед смертью, он начал дело слишком великое, несоразмерное со своими силами. Действительно, идея построения нового общества, основанного на справедливости и равенстве, в его время была неосуществима. Да и эту идею он лишь один смутно представлял себе, не находя единомышленников. Поэтому поражение Мюнцера было неизбежно. Но дело Мюнцера, дело борьбы за освобождение народа от угнетения, было продолжено в последующие века. Борьба, в которой пал Мюнцер, наполняет всю историю человечества. Крестьянская война 1525 г. — лишь один эпизод этой борьбы. Многие тысячи революционеров боролись и погибли, подобно Мюнцеру, но они знали, что в конце концов их дело победит. {96}

ТОМАС МОР

Конец XV — начало XVI в. — время глубоких и важных перемен в жизни европейских народов вообще и английского в частности.

Великие географические открытия, придавшие невиданный до тех пор размах мореплаванию, торговле и промышленности, были одним из тех могущественных толчков, которые до основания потрясли устои старого мира. Рушились казавшиеся прежде такими прочными хозяйственные порядки, изменялось общественное положение людей, собственность переходила в другие руки и менялась форма государственной власти. Создавались новые общественные отношения, возникали новые неразрешимые противоречия между трудящимися и их эксплуататорами, появлялись новые идеи — в недрах феодализма развивался капитализм.

В эту сложную и противоречивую переходную эпоху, эпоху причудливого переплетения старого и нового, отмирающего и рождающегося, в Англии прозвучал голос Томаса Мора — гениального мыслителя, сумевшего уже на заре капиталистического общества разглядеть его гибельные недуги и, более того, смело обрисовать грядущий строй — свободный от пороков старого мира, от угнетения человека человеком.

Однако для того, чтобы понять, почему такой мыслитель мог появиться в те дни именно в Англии, мы должны хотя бы бегло познакомиться с тем, что происходило в жизни этой страны на рубеже XV и XVI вв.

* *
*

К концу XV в. Англия была ещё типичной земледельческой страной. Преобладающую часть населения её составляли крестьяне; недавно они были, в большинстве своём, крепостными-вилланами, но к концу XV в. сумели добиться личной свободы.

Правда, лорды всё ещё продолжали считать себя хозяевами их земельных наделов, за пользование которыми они требовали от крестьян немало всевозможных повинностей. Однако теперь {97} это была уже не барщина, как в прежние времена, а сравнительно небольшой денежный платёж. Крестьянин мог теперь расплачиваться со своим лордом деньгами, так как он довольно часто продавал продукты своего хозяйства на рынке, а цены на них были высокие, (ведь деньги подешевели с тех пор, как вследствие ограбления заморских колоний в Европу потекло золото и серебро). Благодаря тому, что размеры крестьянских повинностей веками оставались неизменными, крестьяне стали рассматривать находившуюся в их пользовании землю как свою собственность, независимо от того, что думали на этот счёт лорды-феодалы.

Наделы всех жителей деревни, в том числе и её лорда, лежали вперемежку, разбросанные узкими полосками в открытых полях. После жатвы и до следующего сева деревенское стадо свободно бродило по жнивью, кому бы это поле ни принадлежало. Но, кроме того, в распоряжении деревни находились и так называемые общинные угодья: выгоны и луга, где каждый крестьянин мог держать свой скот; пустоши, где можно было накопать глины и песку; лес, откуда крестьяне доставляли топливо и дерево для построек.

Жизнь большинства крестьян была далеко не сладкой. Но они всё же кое-как сводили концы с концами. Они редко видели на обеденном столе мясо, довольствовались овсяной похлёбкой, носили грубую домотканую одежду, в их избах было грязно, тесно и неуютно, но всё же они имели свой собственный угол, свой клочок земли, были самостоятельными хозяевами.

Города и торговые местечки были в то время полны ремесленников, работавших в своих мастерских с немногими учениками и подмастерьями. Это были, главным образом, прядильщики и ткачи. Они сами приобретали необходимое им сырьё и сами по базарным дням продавали свои изделия на местном рынке.

Кроме ремесленников, немало было в городах мелкого торгового люда, но только изредка встречались крупные купцы, ведшие торговлю с далёкими городами и заморскими странами.

Английские города и местечки, рассеянные островками между многочисленными деревнями и хуторами, сами напоминали деревню, ибо жители их, помимо своих основных профессий, занимались немного и сельским хозяйством: они владели полями, выгонами и лесами.

Единственным по-настоящему большим городом был Лондон; в нём жило три четверти всего городского населения Англии; его купцы сосредоточивали в своих руках четыре пятых её внешней торговли. Его богатство и роскошь ещё больше подчёркивали, как незначительны были другие города страны.

Однако было бы глубокой ошибкой делать отсюда вывод, что Англия слишком медленно продвигалась по пути буржуазного развития. К концу средних веков и в начале нового времени капитализм развивался не столько в городе, сколько в деревне, издавна втянутой в оживлённый торговый оборот, часто с далё-{98}кими рынками по ту сторону Ла-Манша. Но именно поэтому деревенские дворяне-феодалы, которые стали разводить в большом количестве овец и продавать их шерсть, стали захватывать крестьянскую землю, а самих крестьян изгонять из деревни. Далеко не всем ограбленным своими лордами крестьянам удавалось получить работу в городе, и тогда они, лишённые каких бы то ни было средств к существованию, вынуждены были, чтобы не умереть с голоду, просить милостыню. Одни обездоленные становились рабочими-пролетариями, другие, за неимением работы, нищими, бродягами. Так происходило в английской деревне ограбление крестьян, знаменитая «аграрная революция» — одна из наиболее позорных и кровавых страниц в истории капитала.

* *
*

Великие географические открытия, развитие мореплавания и торговли ускорили развитие промышленности, увеличили число капиталистов-предпринимателей, которые гнались только за наживой, жаждали только одного — денег.

Все теперь стремились захватить как можно больше денег. Короли, желая укрепить свою власть и расширить свои владения, старались выжать побольше денег из своих подданных; знать, стремясь к утончённой роскоши, церковь, превосходя в роскоши светских князей, — все они не пренебрегали никакими путями, чтобы раздобыть деньги. Больше всего преуспе-

вали в деле выколачивания барышей новые предприниматели — капиталисты, которые нещадно эксплуатировали рабочих и получение прибыли сделали целью своей жизни. Эти люди жадно тянулись к деньгам. Деньги становились могучей силой, они открывали незнатному человеку дорогу к титулам и доходным должностям, давали толстосуму доступ в королевский совет и дворцы вельмож, заставляли титулованных, но разорившихся аристократов заискивать и пресмыкаться перед богатыми купцами и мануфактуристами. Но если, несмотря на это, в ряде стран между первыми и вторыми — денежными людьми и знатью — проходила непреодолимая грань — п р о и с х о ж д е н и е, позволявшее последнему дворянину глубоко презирать первого богача-простолюдина, — то в Англии мы наблюдаем нечто отличное.

Английские дворяне конца XV — начала XVI в. по неразборчивости в средствах наживать деньги мало чем отличались от купцов и капиталистов-предпринимателей; купцы же сплошь и рядом покупали дворянские имения и титулы и, не переставая быть капиталистами, становились дворянами. Так сложился в Англии класс людей из дворян, ставших капиталистами, и капиталистов, превратившихся в дворян. Это было так называемое новое дворянство.

Дворяне тюдоровской Англии мечтали не о рыцарских подвигах, а о богатстве. Они жили в своих поместьях, разводили овец, {99} старались выжать из своих крестьян побольше денег, а то и вовсе выгоняли их из деревни, и земли их захватывали под пастбища. В особенно тяжёлом положении оказались преемники вилланов, так называемые копигольдеры. Это были бывшие крепостные крестьяне, которые за выкуп получили свободу, но землю свою не выкупили и поэтому должны были вносить за неё лорду платежи и нести всевозможные повинности. Все эти платежи и повинности были записаны в книгах поместья, а крестьянину выдавалась копия с такой записи. Поэтому такие крестьяне и назывались копигольдерами, т. е. держателями (земли) на основании копии. Но лорды теперь не желали считаться с вековыми обычаями. Они их нарушали на каждом шагу, и оброки повысились в несколько раз. За малейшие проступки копигольдеров теперь нещадно штрафовали. Лорд запрещал пасти деревенское стадо на своей земле, и для этого он собирал её в один участок и огораживал рвом или изгородью. Деревенскую пустошь и выгоны он объявлял своей собственностью и за пользование ими стал требовать высокую плату. Он перекапывал дороги, чтобы закрыть копигольдеру доступ к его наделу и водопою, одним словом, делал всё возможное, чтобы согнать ставшего невыгодным ему держателя с земли и прибрать его надел в свои руки. Поместный суд, на котором председательствовал лорд или его управляющий, утверждал все требования феодала.

Так было грубо нарушено обычное течение деревенской жизни, так начались для английской деревни н о в ы е в р е м е н а, приведшие через три столетия к полному исчезновению крестьянства в Англии как класса. Богатые крестьяне превратились в капиталистов-фермеров, а основная часть крестьянства превратилась в безземельных батраков.

Одним из обстоятельств, особенно содействовавших началу аграрного переворота и придавших ему столь разрушительный и трагический для крестьян характер, было развитие овцеводства. Овцеводство было издавна важной отраслью английского сельского хозяйства. Уже в начале XIII и особенно в XIV в. Англия была основным поставщиком шерсти для суконной промышленности Фландрии и городов северной Италии. К половине XVI в. вывоз шерсти и шерстяных изделий составлял уже 91% всего английского экспорта. Шерсть была поистине «золотым руном» Англии.

Однако к концу XV и в начале XVI в. овцеводство из блага превратилось в страшный бич английской деревни. Бурный рост суконной промышленности как в самой Англии, так и на континенте повысил цены на высококачественную английскую шерсть. Заниматься овцеводством стало намного выгоднее, чем земледелием, тем более что овцеводство требовало гораздо меньше затрат, чем зерновое хозяйство.

Недаром тогда говорили, что «копыто овцы превращает песок в золото». Титулованные дворяне и сельские джентльмены, мо-{100}настыри и колледжи забросили пахоту, превратив поля в пастбища для овец. Но овцеводство требует гораздо больше земли, чем земледелие.

Господам стало тесно в своих доменах, их тысячным стадам овец мешали межи крестьянских наделов. И лорды начали захватывать общинные выгоны, луга и пустоши и огораживать их. Когда же и этого им стало недостаточно, то они принялись насильно изгонять из деревни крестьян, разрушали их дома и принадлежавшую крестьянам пахоту запускали под овечьи пастбища. Но даже там, где пахотные наделы оставались в руках крестьян, результаты бы-

ли в конечном счёте очень печальны. Лишённые общинных угодий, а значит и возможности содержать скот, крестьяне не могли хозяйничать, особенно деревенские бедняки, для которых эти угодья были необходимым условием их существования в деревне.

В случае если лорд не мог сам хозяйничать на очищенной от крестьян земле, он сдавал её крупному арендатору, который был намного выгоднее ему, чем мелкий держатель. Во-первых, ренту первого в отличие от ренты последнего можно было повышать в соответствии с ростом рыночных цен; во-вторых, по истечении договорного срока ему можно было отказать в аренде, сдав её тому, кто предложит больше денег, и, наконец, с него можно было сразу получить крупную сумму.

В содружестве и при поддержке лорда арендатор всюду теснил крестьян, заменяя десятки крестьянских дворов одной единственной фермой.

Так началось великое бедствие английских крестьян — огораживание, означавшее не что иное, как их обезземеление и полное разорение.

Что же удивительного в том, что в начале XVI в. толпы бродяг и нищих запрудили дороги Англии, переходя с места на место в поисках заработка? Но предложение рабочих рук значительно превышало спрос на них: в деревне один пастух заменял теперь многих земледельцев, а в городе тысячи ремесленников, занимавшихся обработкой шерсти, сами теперь остались без работы, так как высокие цены на шерсть сделали её недоступной для них. Что же оставалось делать после этого обездоленным, изгнанным из своих дворов крестьянам, как не просить милостыню у чужого порога.

Дворянская монархия была безжалостна к крестьянам. Правда, Тюдоры, начиная с Генриха VII, издавали многочисленные статуты против «огораживаний», в которых требовали от лордов восстановить разрушенные дома и распахать занятые под пастбища поля. Чем меньше крестьян, тем меньше можно собрать налогов в мирное время, тем меньше солдат в случае войны. Но все эти приказы и угрозы оставались на бумаге, и лорды спокойно продолжали своё чёрное дело, — не бояться же им своего собственного правительства! Зато с бесчеловечной жестокостью {101} Тюдоры обрушились на бродяг и нищих, усматривая в них угрозу для собственности и покоя господ.

Недаром кары, применявшиеся против «упорных бродяг и нищих», названы в истории Англии «кровавым законодательством». Пойманных бродяг по этапу доставляли на прежнее местожительство, которое они не имели права покидать без разрешения начальства. Пойманных вторично нещадно били кнутом, жгли калёным железом, заключали в «работные дома», «неисправимых» же отправляли на виселицу.

Безудержная жестокость и жадность лордов и их правительства, а также купцов и промышленников, не могли не возмутить людей с чуткой совестью, которые встречались и среди господствующего класса. Лучшим выразителем протеста против произвола и насилий стал знаменитый писатель и государственный деятель Томас Мор.

* *
*

Томас Мор родился в 1478 г. в Лондоне. Отец его, занимавший должность судьи высшего королевского суда, так называемой «королевской скамьи», принадлежал к высшим кругам чиновной буржуазии. Благодаря его связям Томас получил прекрасное образование. Уже в начальной школе он проявил исключительные способности. Особенно велики были его успехи в греческом и латинском языках, знание которых было в то время обязательным для каждого образованного человека. На его способности обратил внимание епископ Кентерберийский, а затем кардинал Мортон, ставший при Генрихе VII первым вельможей в государстве — лордом-канцлером. Это был человек, одарённый живым умом и разносторонними познаниями, покровительствовавший представителям новой науки — гуманистам. При дворе этого вельможи-мецената Мор провёл своё отрочество до 14 лет. «Это дитя, — говорил кардинал о Море, — покажет себя изумительным человеком всякому, кто доживёт до того, чтобы увидеть его взрослым».

В 1492 г. Томас поступил в Оксфордский университет, в котором действовали теперь уже не одни схоласты. То было время, когда под тёмные своды этого старинного университета стали проникать первые лучи итальянского Возрождения. Молодой учёный Оксфорда Джон

Коллет, с которым Томас Мор впоследствии близко сошёлся, был в эти годы самым ярким представителем зарождающегося на английской почве гуманизма. В университете организовался влиятельный кружок гуманистов, усиленно изучавших древних авторов. Очень скоро Томас стал душой и украшением этого кружка. Мор поражал всех своими замечательными способностями, усидчивостью и необыкновенным трудолюбием. Он столь основательно изучил древние языки, что делал не только переводы, но и писал на них так же свободно, как на {102} родном. В особенности увлёкся он греческой философией и прежде всего сочинениями

Файл ist103.jpg

Томас Мор. *Масло. Гольбейн Младший.*

Платона, в которых содержались идеи имущественного равенства людей, отрицание частной собственности. Правда, аристократ и рабовладелец Платон, проповедуя имущественное равенство и отрицая собственность, имел в виду лишь господствующий класс, который для того, чтобы держать в узде рабов, должен был, по его мнению, превратиться в касту воинов и быть организованным наподобие того, как впоследствии в средние века были организованы духовно-рыцарские ордена, но Мор этого не замечал. Мор также внимательно изучал естественные науки и овладел ими так основательно, что король Генрих VII, привлёкший его впоследствии ко двору, ценил его прежде всего как астронома.

Отец Томаса, мечтавший о карьере юриста для сына, был крайне недоволен его литературными увлечениями; он почти отрёкся от сына, и последний жил впроголодь, не мог приобрести себе даже обувь. Наконец, отец настоял на своём; Томасу пришлось покинуть университет и поступить в школу права.

Его успехи на этом поприще были столь велики, что уже через несколько лет слава о молодом адвокате распространилась по всему Лондону и доставила ему богатую практику. В это {103} время он встретился с знаменитым Эразмом Роттердамским, занявшим в 1497 г. кафедру греческого языка в Оксфордском университете. С тех пор их связала трогательная дружба и чувство взаимного восхищения. Эразм посвятил Мору свою «Похвалу глупости», написанную под его влиянием в его доме. Эразм рисует нам внешний облик и характер Мора: «Он среднего роста, кожа у него белая... волосы тёмные с чёрным отливом, глаза серо-голубые с отблеском, отражавшим его высоко одарённую душу. Он любит простоту, не носит ни шелков, ни пурпура, ни золотых цепей... Говядина и солёная рыба и простой кислый хлеб для него лучше тонких блюд». Мор удивлял всех своей невзыскательностью к быту, пренебрежением к комфорту. «Я предпочитаю всем королевским сокровищам образование, — писал Мор, — мудрость не теряется, как богатство...». «От двора и от общения с принцами он всегда держался в стороне, так как тирания ему особенно ненавистна и ничего нет для него дороже равенства», — сообщает нам тот же Эразм.

Весёлый и жизнерадостный, остроумный и непринуждённый собеседник, Мор располагал к себе своей справедливостью, беспристрастностью в суждениях. «Никто не уходит от него врагом». Мор был прекрасным семьянином. Он большой любитель музыки и учит ей жену и детей. В своих наставлениях учителю его трёх дочерей он развивает совершенно новую для XVI в. идею женского образования. Под его руководством дочери получили прекрасное воспитание, а старшая из них, его любимица Маргарита, прослыла одной из наиболее образованных англичанок своего времени.

«Разве могла природа, — писал Эразм, — сотворить лучший и более благородный характер, нежели характер Томаса Мора?»

«Англия обладает единственным гением, — говорил о нём его друг, гуманист Джон Коллет, — Мором, между тем как на острове процветают многие выдающиеся умы».

О популярности Мора можно судить хотя бы по тому, что в возрасте 26 лет, в 1504 г., он был избран членом парламента. Здесь он впервые открыто и неустрашимо выступил против ненавистного ему королевского произвола. Когда король Генрих VII под всякими вымышленными предлогами потребовал от парламента утверждения ему денежных субсидий, молодой Мор не побоялся выступить против требований короля. Его яркая, убедительная речь побудила парламент уменьшить требуемую королём сумму. Это выступление принесло Мору широкую популярность в стране, но зато на него обрушилась немилость короля.

Так как с 26-летнего члена парламента почти нечего было взять, то Генрих в отместку заключил в тюрьму его отца, оштрафовав его на 100 фунтов стерлингов. Сам Мор жил всё это время под угрозой преследований и больше уже не появлялся на заседаниях парламента. {104}

Продолжая заниматься юридической практикой, Мор, однако, не забросил своих гуманистических занятий. Он издал на английском языке биографию и сочинения знаменитого итальянского гуманиста Пико делла Мирандола (1462—1494), которые перевёл ещё в студенческие годы.

Файл ist105.jpg

Эразм Роттердамский. *Масло.*
Гольбейн Младший.

После смерти Генриха VII в 1509 г. Мор вновь вернулся к общественной деятельности и вскоре был назначен помощником шерифа Лондона. Доверие к нему его сограждан было столь велико, что по их настоянию Мора дважды направляли с посольской миссией во Фландрию для урегулирования споров с таможенными властями. В последнюю из своих поездок он и начал писать своё знаменитое произведение «О наилучшем устройстве государства», известное под сокращённым названием «Утопия». Изданная в 1516 г. «Утопия» принесла автору громадную славу и с тех пор многократно издавалась и переиздавалась почти на всех европейских языках. Чем же замечательна эта небольшая книжечка, почему она сделала бессмертным имя её автора?

В «Утопии», как в зеркале, отразилась хозяйственная жизнь и борьба классов в тот период истории Англии, когда разрушались феодальные порядки, а капиталистические только зарождались. Мор не только с огромной силой обличает пороки современного ему общества, как настоящий мыслитель и реформатор он пытается ответить на вопрос, чем вызваны постигшие в то время его родину бедствия. Самая большая заслуга Мора заключается в том, что в своей книге он постарался показать, как следует перестроить общество на началах коммунизма, показал, что вечная мечта обездоленных о лучшей, счастливой жизни может быть достигнута только тогда, когда будет уничтожена собственность на средства производства. Конечно, в условиях Англии начала XVI в., когда пролетариат только ещё зарождался, идея социалистического переустройства общества, которое может быть осуществлено только пролетариатом, была лишь мечтой, фантазией. Но тем больше заслуга гениального Мора, сумевшего предсказать трудящимся, что спасение их от капиталистического рабства и эксплуатации в одном — в социализме.

Вот почему теперь, когда миллионы трудящихся на Западе и Востоке вслед за нашей родиной стали на путь социализма, {105} «Утопия» Мора вызывает у нас живой интерес, как первая попытка изобразить социалистическое общество.

Неувядаемая слава «Утопии» Мора заключается в немалой мере в её блестящей и своеобразной литературной форме. Написанная по обыкновению всех гуманистов на латинском языке, «Утопия» сочетает глубокую классическую образованность и живое проникновение в народную жизнь Англии начала XVI в.

Повествование ведётся в форме живой и остроумной беседы между тремя лицами: самим Мором, его антверпенским другом Петром Эгидием и вымышленным моряком и путешественником Рафаилом Гитлодеем, с которым Мор якобы познакомился в свою бытность в Антверпене. То обстоятельство, что два собеседника — известные всем лица, должно было придать в глазах широких кругов читателей видимость реальности третьему лицу, рассказ которого и составляет основное содержание книги.

Ту же цель преследовало и то, что Гитлодей представлен как моряк и путешественник, участник знаменитых экспедиций Америго Веспуччи — исследователя Нового Света, давшего ему своё имя. В век географических открытий, когда в народе циркулировали всевозможные фантастические и полуфантастические рассказы о неведомых землях и людях, о диковинных растениях и зверях, что могло казаться более достоверным, чем рассказ моряка, который после ряда странствий и приключений очутился на фантастическом острове «Утопия» и увидел необычайный общественный строй живущих на нём людей. «Нет ведь никого на свете, — рекомендует Эгидий Гитлодея, — кто мог бы рассказать столько историй о невероятных людях и землях, — а я знаю, — обращается он к Мору, — что ты большой охотник послушать».

Общественный идеал Мора был столь отличен от европейской действительности, его план переустройства общества был столь необычным для того времени, что только в устах моряка он мог в те дни приобрести видимость реальности. Сопоставление порядков на острове «Утопия» с тем, что можно было повседневно наблюдать в странах Европы, неминуемо должно было приводить к выводу о несправедливости европейской общественной жизни, о необходимости её коренного переустройства.

Литературная форма «Утопии» оказала значительное влияние на последующие поколения социальных мыслителей, творцов всевозможных планов переустройства общества на началах справедливости, не знавших того, что такого переустройства можно достичь только посредством классовой борьбы и диктатуры пролетариата, а не в результате мирных реформ. Поэтому все эти проекты стали вслед за книгой Мора называться «утопиями», а авторы их «утопистами».

«Первая книга — беседа, которую вёл выдающийся муж Рафаил Гитлодей «О наилучшем устройстве государства» в пе-{106}редаче знаменитого мужа Томаса Мора...» — так озаглавлена первая часть «Утопии». В ней Мор беспощадно и жестоко бичует уродство общественной жизни своего времени. Конечно, в центре его внимания находится Англия. Ещё в 1504(5) году в одном из писем к своему другу Джону Коллету Мор писал:

«Всюду скрежет ненависти, всюду бормотание злобы... главенствует над мирской жизнью сам дьявол».

Теперь же он раскрывает, в чём заключается это «царство дьявола». Шаг за шагом Мор вскрывает царящее зло.

«Государи с гораздо большим удовольствием заботятся о том, как бы законными и незаконными путями приобрести себе новые царства, нежели о том, как надлежаще управлять приобретённым».

«Их воинственные мероприятия вносят замешательство в жизнь многих народов, наводняют государство отрядами наёмников, легко превращающихся в банды грабителей и разбойников, истощают казну, разоряют подданных».

«Стремясь наполнить вечно пустующую казну, короли обременяют подданных непосильными налогами, портят монету, притворно готовятся к войне с тем, чтобы под этим предлогом собирать деньги, а достигнув цели, заключают мир будто из жалости к человечеству; вспоминают старые, изъеденные червями законы и штрафуют за нарушение их. Судьи подкупны и при решении любого дела непременно принимают сторону короля. Советники льстят ему и потакают во всём его фаворитам, хотя бы они были невежественны, а их мнения были нелепы».

Далее следуют знаменитые страницы, посвящённые описанию Англии начала XVI в.

Англия, в которой Гитлодей будто бы провёл «несколько месяцев», поразила его неслыханно жестоким «кровавым законодательством», которое господствующие классы страны — дворяне и крупные буржуа — обрушили на головы крестьян, ими же превращённых в бродяг и нищих.

Смертная казнь — вот единственное наказание, которое знало по отношению к этим людям английское правосудие. Смертной казнью наказывалось более 6 с половиной тысяч преступлений: нанесённое увечье скоту; кража гуся; ношение оружия в лесу или на дороге; кража вещи, которая стоила больше одного шиллинга, если эта кража совершалась в церкви, лавке или во время ярмарки; воровство в доме, вызвавшее испуг у его обитателей; кража лошадей, овец, писем, льна на мануфактурах, подделка монет, бумаг и т. д. За всё кара была одна — повешение.

Неудивительно поэтому, что в царствование Генриха VII в среднем ежегодно вешали до 2 тыс. человек. Виселицами были усеяны все королевские дороги и базарные площади страны.

«Мне кажется величайшей несправедливостью, — заявляет Гитлодей, — красть у человека жизнь за то, что он украл деньги, так как я полагаю, что с человеческой жизнью по ценности не могут сравниться никакие сокровища... Порицания достойны за-{107}коны, одинаково карающие за все проступки, не обращая внимания, убил ли преступник человека или похитил у него деньги».

Но Мор не просто критикует жестокость современного ему законодательства. В отличие от других писателей того времени, он впервые задумывается над вопросом: почему в Англии столько нищих и бродяг, кто виноват в их разорении?

Во-первых, полагает Мор, государство бросает на произвол судьбы калек, ставших таковыми на войне, которую они вели ради короля. Во-вторых, на улицу выбрасываются толпы челяди, которой окружают себя знатные господа. Эта челядь, привыкшая к праздной жизни, на старости лет непригодна уже к полезному труду. Таким людям, естественно, ничего не остаётся, как воровать и разбойничать.

И далее следует самое знаменитое место «Утопии», которое почти полностью цитируется Марксом в «Капитале», — место, где описываются бедствия, причинённые стране огораживаниями.

«Ваши овцы обычно такие кроткие, довольные очень немногим, теперь, говорят, стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей, разоряют и опустошают поля, дома и города [1]...» Лорды уже не удовлетворяются крестьянскими платежами и повинностями, «не удовлетворяются тем, что их праздная и роскошная жизнь не приносит никакой пользы обществу... так вот в своих имениях они не оставляют ничего для пашни, отводя всё под пастбища, сносят дома, разрушают города... Таким образом, с тех пор, как всего один обжора, ненасытная и жестокая язва общества, уничтожает межи полей, окружает единым забором несколько тысяч акров, он выбрасывает вон держателей и... происходит переселение несчастных: мужчин, женщин, мужей, жён, сирот, вдов, родителей с малыми детьми. Они переселяются с привычных и насиженных мест и не знают, куда деться... Когда же они в своих странствиях быстро истратятся, то что же остаётся другое, как не воровать и попадать на виселицу, или скитаться и нищенствовать? Никто ведь не нанимает их, хотя они самым пламенным образом предлагают свой труд».

Но даже виселица не является настолько сильным наказанием, чтобы удержать от разбоя тех, у кого нет никакого другого способа снискать пропитание. Огораживания подняли цены на хлеб, мясо и, наконец, на шерсть, что привело к разорению множество городских ремесленников.

Одним словом, несчастные переселяются на виселицы только за то, что они хотят жить; их наказывают те, по чьей вине они не могут больше жить честными людьми. Так жертвы дворянского произвола и насилия становятся затем жертвами дворянского правосудия. {108}

«Вышвырните эти губительные язвы, — призывает автор «Утопии», — постановите, чтобы разрушители ферм и деревень или восстановили их, или уступили желающим восстановить и строить. Обуздайте скупки, производимые богачами, их своеволие... кормите меньше дармоедов. Верните земледелие, возобновите обработку шерсти, да станет она почётным делом!»

Но Мор не верит, однако, в возможность уврачевать терзающие его родину недуги и пороки при строе, освящающем частную собственность на средства производства. При таком порядке вещей нет места для счастливой жизни людей.

Мор вкладывает в уста Гитлодея знаменательные слова, в них по существу заключён основной вывод книги:

«Где только есть частная собственность, где всё мерят на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел; иначе придётся считать правильным то, что всё лучшее достаётся самым недостойным. Если каждый... старается присвоить себе сколько может, то каким бы ни было имущественное изобилие, всё оно попадёт немногим, и они, разделив его между собой, оставляют прочим одну нужду. Первые хищны, бесчестны и бесполезны для общества; вторые, наоборот, люди скромные и простые и повседневным трудом приносят больше пользы обществу, чем себе.

Частная собственность приводит к обману, кражам, убийствам, грабежам, ссорам и другим преступлениям против права собственности. Она приводит к тому, что в неурожайные годы тысячи людей погибают от голода, в то время как в житницах богачей можно было бы найти огромное количество хлеба; между тем, если бы его распределить между теми, кто погибает от недоедания и изнурения, то никто не заметил бы подобной скупости климата и почвы».

---

[1] Мор имел в виду здесь так называемые «деревенские города» — большие сёла.

«Поэтому я твёрдо убеждён, — заключает Гитлодей, — в том, что распределение средств равномерным и справедливым способом и благополучие в ходе людских дел возможны только с совершенным уничтожением частной собственности».

Никакими полумерами, частичными реформами нельзя уничтожить существующую в обществе вековую несправедливость. Мор противопоставляет, с одной стороны, нужду и «скотскую жизнь» трудящихся, производящих все земные блага, и с другой — роскошь трутней, живущих за их счёт.

«В самом деле, — говорит он устами рассказчика Гитлодея, — возьмём какого-нибудь дворянина, золотых дел мастера, ростовщика или кого-нибудь другого подобного. Какая же это будет справедливость, если все эти люди совершенно ничего не делают, или дело их такого рода, что не очень нужно государству [имеется в виду труд ювелиров, изготовляющих безделушки-украшения], а жизнь их протекает среди блеска и роскоши.

Возьмём теперь подёнщика, ломового извозчика, рабочего, земледельца. Они постоянно заняты усиленным трудом, какой {109} едва могут выдержать животные; вместе с тем труд этот настолько необходим, что ни одно общество не просуществует без него и года, а жизнь этих людей настолько жалка, что по сравнению с ними положение скота представляется более предпочтительным... Подённая плата их слишком мала, чтобы её хватало на потребности того же дня, нечего и говорить о сбережениях на старость. Тогда их просто выбрасывают на улицу, ибо уже не могут приносить пользу своим господам». И Мор гневно спрашивает: «Можно ли считать справедливым такое общество?»

Что же касается правительства, то оно всецело на стороне богачей, помогая им своими законами обирать бедняков, охраняя их от возмущения последних. И неудивительно, ибо оно является, по мнению Мора, не чем иным, как «заговором богачей, ратующих под именем и вывеской государства о своих личных выгодах».

«Издавая от имени государства законы, идущие исключительно на пользу им, богачи объявляют их обязательными для всех и заставляют бедняков соблюдать их».

Следует признать, что такого ясного понимания эксплуататорской сущности всякого государства в классовом обществе не достигали ещё многие буржуазные социологи и в XIX в., т. е. сотни лет спустя после Мора.

Этому миру вопиющей нищеты на одном полюсе и столь же вопиющей роскоши на другом, миру, раздираемому противоречиями и смутами, Мор во второй части «Утопии» противопоставляет мир социальной справедливости, как он рисуется его воображению. Гитлодей рассказывает об устройстве общества, существующего якобы на далёком острове «Утопии» (греческое слово, обозначающее «нигде»). В сущности же устами Гитлодея излагается замечательный своей продуманностью план построения общества, основанного на коллективной собственности, коллективном труде всех его членов, т. е. общества, построенного на принципах социализма, как он представляется Мору.

Обитатели «Утопии» не знают частной собственности. В этом основная причина царящего на острове изобилия и всеобщего благополучия. Земля является достоянием всего народа так же, как и всё, произрастающее на ней. Все утопийцы проживают в городах и покидают их только на короткий срок, в течение которого они становятся земледельцами. Как уроженец Лондона, Мор, конечно, отдавал предпочтение городу перед деревней, ибо город в то время был главным центром культуры, технического прогресса и международных связей. Вспомним, что и Маркс говорил об «идиотизме деревенской жизни» по сравнению с жизнью городов. Только в нашей стране, строящей коммунизм, стал возможным такой подъём культуры земледелия, что на наших глазах стирается существенное различие между городом и деревней. Будучи ограниченным условиями своего времени, Мор решает задачу преодоления противоречий между городом и деревней по-другому. Он всех жителей «Утопии» поселяет в города. {110}

К каждому городу прилегают поля, которые обрабатываются его жителями. На полях имеются дома, снабжённые земледельческими орудиями. В них живут горожане, переселяющиеся сюда по очереди на два года; те же, которые особенно любят земледелие, выпрашивают себе большее число лет. Земледельцы обрабатывают землю, кормят скот, заготовляют дрова и отвозят их в город. Оказывается, утопийцы уже знают инкубаторный способ разведения домашней птицы: «они не подкладывают под курицу яиц, но согревают большое количество их равномерной теплотою». Они держат немного лошадей, исключительно для упражнения моло-

дёжи в верховой езде. Весь же труд по земледелию и перевозкам несут быки, превосходящие лошадей выносливостью.

Зерна и скота они выращивают в гораздо большем количестве, чем это требуется для нужд данного города, имея в виду поделиться остатком с соседями. Урожай убирается почти в один ясный день, ибо на помощь земледельцам приходят горожане.

Хотя на острове 54 города, но достаточно описать один из них, говорит Гитлодей, чтоб узнать всё: до такой степени они похожи друг на друга. Главный город «Утопии» — Амурот. В описании его нетрудно узнать много черт Лондона. В самом деле, Амурот стоит на реке Анидр в 60 милях от впадения её в океан. Во время прилива море оттесняет реку и заполняет всё русло Анидра. С противоположным берегом город соединён мостом не на деревянных столбах, а на прекрасных каменных арках. В нём нетрудно узнать Лондонский мост, так же как в Анидре — Темзу. Город опоясан высокой и широкой стеной с частыми башнями и бойницами. Но на этом сходство с Лондоном кончается. Вместо грязи на улицах Лондона и жалкой нищеты его окраин улицы и площади города Амурот очень удобны для передвижения. Здания отличаются изяществом, удобством и чистотой и тянутся сплошными рядами по обеим сторонам улицы. К задним частям домов на всём протяжении улицы прилегает сад. Здесь имеются виноград, плоды, трава и цветы. Эти сады составляют предмет особой гордости утопийцев, которые соревнуются между собой в уходе за ними, и поэтому возделываются так, как нигде в мире. И далее следует такое любопытное описание быта жителей «Утопии»: «Двери в их домах двустворчатые, — сообщает нам Гитлодей, — открываются даже при лёгком нажиме и затем, затворяясь сами, впускают кого угодно, — до такой степени у утопийцев устранена частная собственность. Даже самые дома они поочерёдно меняют каждые 10 лет, и это для того, чтобы у них не появились собственнические вожделения. Основное занятие утопийцев — ремесло». Каждая семья занимается определённым видом его. Дети, не желающие заниматься ремеслом родителей, переходят в другую семью, в зависимости от избранной профессии. Так или иначе каждый {111} утопиец обязан трудиться и заниматься каким-либо ремеслом. От этой обязанности освобождены только люди, посвятившие себя, ввиду их способностей, занятиям науками, и должностные лица утопийцев.

Трудятся утопийцы всего шесть часов в день: три часа до полудня, после чего идут обедать; затем, отдохнув в течение двух часов, они опять работают три часа. Всё остальное время предоставляется личному усмотрению каждого. Большинство использует его для занятий науками. Утопийцы, рассказывает Гитлодей, имеют обыкновение ежедневно в утренние часы устраивать публичные лекции, на которые собираются толпы слушателей. После ужина они проводят один час в забавах — летом в садах, а зимой в общих залах.

Возникает вопрос: достаточно ли шести часов труда для удовлетворения потребностей общества? Гитлодей указывает, что у утопийцев остаются даже излишки всяких предметов и продуктов, и это потому, что утопийцы не знают той массы бездельников, людей непроизводительного труда, которые, вместе взятые, составляют огромную часть населения у всех других народов.

В самом деле, у всех народов, кроме утопийцев, не работают почти все женщины, — а они составляют половину общей массы народа, «а если где женщины заняты работой, то там обычно взамен их храпят мужчины. Вдобавок к этому, какую огромную и какую праздную толпу представляют священники и так называемые монахи. Прикинь сюда всех богачей, которых обычно именуют благородными и знатью, причисли к ним челядь... весь этот сброд ливрейных бездельников... и в результате тебе придётся признать, что число тех, чьим трудом создаётся всё то, чем пользуются смертные, гораздо меньше, чем ты думал».

Если всех этих людей поставить на работу и притом полезную, то станет ясным, как немного времени нужно было бы для изготовления в достаточном количестве и даже с избытком всего того, что необходимо человеку.

С другой стороны, утопийцам ведь немного и нужно. «Во-первых, пока они находятся на работе, они небрежно покрываются кожей или шкурами, которых может хватить на семь лет. Когда они выходят на улицу, то надевают сверху длинный плащ, прикрывающий упомянутую грубую одежду. Цвет этого плаща одинаков на всём острове и при том это естественный цвет шерсти. В результате этого у них каждый довольствуется одним платьем и притом обычно на два года. Для утопийца нет никаких оснований претендовать на большее количество пла-

тья: добившись его, он не получит большей защиты от холода, и его одежда не будет ни на волос наряднее других».

В том, как примитивно Мор решает принцип удовлетворения всех по потребностям, т. е. основную задачу коммунистического общества, ярко сказалась ограниченность его суждений, обуслов-{112}ленная всем строем его времени. Даже гениальный Мор не смог выйти за рамки, поставленные ему его веком.

Ремесло не давало никаких возможностей для увеличения производительности человеческого труда. Даже самое богатое воображение не могло предвидеть возможности технического прогресса общества. Поэтому речь шла только об удовлетворении минимальных человеческих потребностей, о примитивной уравниловке потребностей и вкусов людей. Только таким образом можно было в те времена, полагал Мор, создать изобилие предметов первой необходимости.

Но даже и такое решение задачи было недостижимым идеалом для современной Мору Англии с её массами разорённых и обездоленных людей, погибающих от голода, холода и болезней.

Всё преизведённое утопийцами как в городе, так и на поле, они свозят в общие склады, откуда каждый получает бесплатно всё, в чём нуждается. Никому ни в чём не отказывают. «Ведь, во-первых, всё имеется в изобилии, а во-вторых, — не может быть никакого опасения, что кто-либо потребует больше, чем нужно, ибо лишнего никогда не попросит тот, кто уверен, что у него никогда ни в чём не будет недостатка. Питаются утопийцы в общих столовых-дворцах, хотя никому не запрещено обедать дома, «но никто не делает этого, потому что считается непристойным и глупым тратить труд на приготовление худшей еды, когда во дворце готова роскошная и обильная пища. Ни один ужин не проходит без музыки, ни один десерт не лишён сладости. Они зажигают благовония, распрыскивают духи, и вообще делают всё, что может создать за едой весёлое настроение».

Неудивительно после всего изложенного, что утопийцы сами не пользуются деньгами. Золото и серебро они ценят ниже железа, ибо без железа люди действительно не могут жить, так же как без огня и воды, а из драгоценных металлов они «не только в общественных дворцах, но и в частных домах делают ночные горшки и тому подобную посуду для самых грязных надобностей; они куют из них цепи и кандалы для преступников; обивают золотом шею, пальцы опозорившихся граждан. Одним словом, золото и серебро у них в позоре и презрении. Драгоценными камнями и жемчугом они украшают младенцев, которые, как только подрастают, расстаются с этими безделушками из чувства стыда.

Утопийцы, рассказывает Гитлодей, всё могут. Подивишься тому, как другие народы ценят золото, ведь у них дело доходит до того, что «какой-нибудь медный лоб, у которого ума не больше, чем у пня, и который столь же бесстыден, как и глуп, имеет у себя в рабстве многих умных и хороших людей, исключительно по той причине, что ему досталась большая куча золотых монет».

Свободные от нищеты, от неуверенности в завтрашнем дне, от ненасытной жадности к богатству, которая снедает людей {113} других государств, от чувства зависти и вражды, пустого чванства и порочных страстей, утопийцы всесторонне развивают свои дарования. У них учатся не только все дети, но и значительная часть взрослых проводит в ученьи те часы, когда они свободны от работы. И нередки у них случаи, когда ремесленник обнаруживает такие способности и познания, что его переводят в разряд учёных, т. е. освобождают от обязательного физического труда.

Поистине замечательна эта мысль Мора о преодолении противоположности между умственным и физическим трудом — задача, разрешимая только в нашем обществе, не знающем частной собственности и эксплуатации.

«Я убеждён в том, — заключает свой рассказ Гитлодей, — что нигде нет такого превосходного народа и более счастливого государства».

«Утопия» принесла Мору широкую известность и учёную славу. При дворе Генриха VIII он пользовался таким успехом, что король предпочитал его общество всякому другому и вёл себя с ним почти как равный с равным.

Однако знаки королевского внимания отнюдь не радовали Мора. Он прекрасно отдавал себе отчёт в том, что милость тирана слишком шаткое основание для человеческого благопо-

лучия. Мор чрезвычайно быстро достиг высокого положения и почётных званий. Уже в 1523 г. он был избран (а по сути дела назначен двором) спикером палаты общин, а в 1529 г. мы видим его уже лордом-канцлером — первым лицом в государстве после короля.

Ни власть, ни богатство, ни слава — ничто не повлияло на характер Мора, на его общественные идеалы. Он остался таким же простым, скромным в быту и в обращении с людьми человеком, как и раньше, он сохранял независимость суждений и смелость высказать их вслух даже в случае, если они шли вразрез с вожделениями короля. Естественно, что самовластный король, каким был Генрих VIII, вскоре начал тяготиться своим канцлером и только ждал подходящего случая, чтобы расправиться с ним. Такой случай не замедлил представиться.

Когда Генрих VIII в начале 30-х годов решил уничтожить папскую власть над английской церковью, чтобы тем самым укрепить свою собственную власть в стране и обогатить казну и приближённых за счёт церковных имуществ, Мор выступил самым решительным образом против воли короля. Мор был противником реформации церкви, как той, которую начал Лютер в Германии, так и той, которую теперь затевал его король в Англии, так как он видел, что в результате её бедные становятся лишь беднее, а богачи ещё богаче.

В 1532 г. Мор вышел в отставку, а когда он в следующем году отказался принести присягу закону, объявившему Генриха VIII главой английской церкви, он был брошен в Тауэр. {114} После годичного заключения он предстал перед судилищем вынесшим ему неслыханный по жестокости смертный приговор «Вернуть его в Тауэр, — гласил он, — откуда влачить по земле через все Лондонское Сити, в Тайберн, там повесить его так, чтобы он замучился до полусмерти, снять с петли, пока он ещё не умер... вскрыть живот, вырвать и сжечь внутренности затем четвертовать его и прибить по одной четверти его тела к четырем воротам Сити, а голову выставить на Лондонском мосту».

Король «смилостивился» и заменил эту изуверскую казнь простым отсечением головы. «Избави боже моих друзей от такой милости», — произнёс Мор, услышав волю короля. 7 июля 1535 г. приговор был приведён в исполнение. Гениальный Мор до последней минуты сохранил присутствие духа, несгибаемого независимого, неустрашимого духа борца.

«Шея у меня коротка, — сказал он, улыбаясь, своему палачу, — целься хорошенько, чтобы не осрамиться».

Так закончил свою жизнь Томас Мор, родоначальник и один из величайших представителей утопического социализма. {115}

ВОССТАНИЕ АНГЛИЙСКИХ КРЕСТЬЯН ПОД РУКОВОДСТВОМ РОБЕРТА КЕТА

I

XVI в. в истории Англии был ознаменован глубокими переменами в хозяйственной и общественной жизни. В стране бурно развивался капитализм, проникавший во все отрасли народного хозяйства — промышленность, торговлю, сельское хозяйство. Перемены в сельском хозяйстве, составлявшем тогда основной вид занятия для большинства населения Англии, были особенно резкими и заметными для современников.

Ещё начиная с XIV, а особенно в XV в. и далее, Англия вывозила за границу, во Фландрию (часть теперешней Бельгии), большое количество шерсти. В конце XV и в XVI в. много шерсти требовалось также для быстро развивавшейся промышленности в самой Англии. Овцеводство сделалось вследствие этого одним из самых распространённых и прибыльных занятий и начало вытеснять земледелие. Площадь пастбищ из года в год всё более увеличивалась, в то время как площадь пашни сокращалась. Помещики-землевладельцы иногда сами разводили громадные стада овец, числом в несколько десятков тысяч голов, чаще же сдавали свои земли в аренду капиталистам-фермерам, которые особенно охотно занимались крупным «коммерческим овцеводством». Английские крестьяне, особенно наиболее зажиточные, с своей стороны

тоже занимались овцеводством, которое являлось важным подспорьем к их основному занятию — земледелию. Обилие общинных угодий, всякого рода пустошей, т. е. непахотной земли, находившейся в совместном пользовании помещиков и крестьян, создавало до известного времени благоприятные условия для развития скотоводства у крестьян-общинников. Однако дальнейшее развитие овцеводства, обогащавшее помещиков и фермеров, для крестьян оказалось гибельным. В конце концов именно чрезмерное развитие овцеводства в Англии привело к обезземелению и разорению, крестьянства. Значительная часть крестьян в Англии уже в XVI в. превратилась в настоящих ни-{116}щих, была лишена земли, являвшейся для них основным средством производства. Как это могло произойти?

Английские помещики (лендлорды или лорды, — как они обычно называются) по мере расширения овцеводства стремились захватить себе как можно больше земли и превратить её в пастбища для овец. Они с неудовольствием смотрели на то, что большая часть пахотных земель находилась в наследственном владении надельных крестьян — так называемых «обычных держателей», которые сами обрабатывали землю при помощи своего собственного инвентаря и вносили лордам за землю относительно небольшую денежную плату. Лорд предпочитал заменить такого мелкого крестьянина-«держателя» фермером, богатым арендатором, который мог бы уплачивать лорду более высокую арендную плату. Не удовлетворял лорда и старый порядок совместного с крестьянами пользования общинными угодьями — пастбищами. Лорд стремился захватить все лучшие общинные угодья в своё полное распоряжение, свести на нет право крестьянина на пользование общественным пастбищем.

Такой захват помещиками-лордами общинных пахотных земель и общинных непахотных угодий (пустошей, лесов, болот и т. п.) в Англии получил название огораживаний. Помещики или их агенты — фермеры — обыкновенно огораживали земельную площадь деревянными (а иногда и каменными) изгородями, частоколами, рвами, канавами и т. п., совершенно изменяя таким образом самый облик деревенской местности. Но дело заключалось не только в возведении изгороди. Огораживания были средством захвата крестьянской земли, разорения крестьян. Крестьянские усадьбы исчезали. На месте крестьянских хозяйств вырастали овцеводческие хозяйства дворян и крупных предпринимателей — фермеров.

Вот как изображает сгон крестьян с их земельных участков, в также и из самих жилищ (которые частью принадлежали также лордам, сдававшим их в аренду беднякам-крестьянам) знаменитый писатель, гуманист и основоположник утопического социализма Томас Мор в своём замечательном произведении «Утопия» (1516):

«Ваши овцы, — писал Мор, — обычно такие кроткие, довольные очень немногим, теперь, говорят, стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей, разоряют и опустошают поля, дома и города. Именно во всех тех частях королевства, где добывается более тонкая и поэтому более драгоценная шерсть, знатные аристократы и даже некоторые аббаты [1], люди святые, не довольствуются теми ежегодными доходами и процентами, которые обычно нарастали от имений у их предков... в своих имениях они не оставляют ничего для пашни, отводят всё под пастбища, сносят дома, разрушают го-{117}рода, оставляя храмы только для овечьих загонов... Эти милые люди обращают в пустыню все поселения и каждую пядь возделанной земли...»

Страшные опустошения, вызванные огораживаниями, исчезновение целых деревень и сёл должно было признать и само правительство. В одном из актов (законов) короля Генриха VII Тюдора говорилось:

«Великие бедствия ежегодно умножаются вследствие опустошения, разрушения и упадка домов и городов в этом королевстве; земли, которые обычно употреблялись для земледелия, теперь обращаются в пастбища, в результате чего возрастает праздность, эта основа и причина всех зол. Там, где были заняты земледелием 200 человек, теперь осталось всего 2—3 пастуха, остальные же живут в праздности. Земледелие, которое было одним из самых выгодных занятий в королевстве, совершенно упало».

Правительство Тюдоров, испуганное уменьшением количества свободного населения, что грозило ослаблением военной мощи государства и снижением суммы получаемых налогов, пыталось ограничить огораживания. Оно издавало различные указы, в которых запрещалось

---

[1] Аббаты — настоятели монастырей.

превращать пашни в пастбища, разрушать жилища землевладельцев, разводить чрезмерно крупные стада овец и т. п. Но эти распоряжения не достигали цели. Огораживания не прекращались. Королевские приказы плохо выполнялись на местах. В судах и администрации сидели те самые заинтересованные в огораживаниях дворяне, которые сгоняли крестьян и захватывали их земли. Многие лорды и рыцари, имевшие доступ к королевскому двору, получали специальные разрешения на огораживания и таким образом обходили законы. «Одинаково бесплодны были и народные жалобы и законы против экспроприации мелких фермеров и крестьян, издававшиеся в течение 150 лет, начиная с эпохи Генриха VII» [1], — писал Карл Маркс по этому поводу в «Капитале».

В XVI в. во многих государствах Европы проходила реформация. Произошла она и в Англии. Английская церковь была объявлена независимой от римского папы. Король Генрих VIII приказал конфисковать у церкви все монастырские земли. Затем он стал продавать и раздавать их своим приближённым, дворянам и богатым купцам, а те бесцеремонно изгоняли крестьян-держателей с их участков и превращали пашни в пастбища для овец. Реформация и секуляризация церковных земель были новым толчком, усилившим процесс огораживания в Англии.

Огораживания и сгон крестьян с земли происходили неравномерно по разным районам Англии. Наиболее распространёнными они были в центре и на востоке Англии. Слабее огораживания были на севере и западе. В восточных же графствах — в Нор-{118}фольке и Сеффольке — в связи с многочисленными огораживаниями, происходившими в них, создалось к середине XVI в. особенно критическое положение. В этих графствах была наиболее сильно развита суконная промышленность. Спрос на шерсть поэтому здесь был особенно большой. В результате овцеводство в Восточной Англии было развито особенно широко, сильнее, чем в какой-либо другой части Англии. Овец разводили в большом количестве и крупные помещики-лорды, и мелкие дворяне-джентльмены, и крупные фермеры, и рядовые крестьяне. Борьба за пастбища шла в самом крестьянстве, потому что и в среде крестьянства были уже богатые и бедные. Крестьяне-бедняки упорно трудились на своих крохотных участках, старались иметь хотя бы несколько овец, многие из них кустарничали: занимались прядением и ткачеством, работая у себя дома на богатых суконщиков-скупщиков и мануфактуристов. Много было здесь таких бедняков. Тяжела была их жизнь. Они от души ненавидели своих эксплуататоров. Восточные графства в глазах правительства ещё со времён Уота Тайлера считались наиболее подозрительными, ненадёжными, склонными к «бунту». В конце концов именно в восточной Англии — в графстве Норфольк, но с участием также и крестьян соседнего графства Сеффолька — и произошло одно из крупнейших английских крестьянских восстаний летом 1549 г., известное под именем восстания Роберта Кета.

II

Норфолькское восстание началось с выступления крестьян нескольких деревень Этльборо, Эккл, Уильби и др. (в южной части Норфолька). Крестьяне 20 июня 1549 г. разрушили изгороди, возведённые незадолго до этого на общинных землях местными землевладельцами. Примеру крестьян названных деревень последовали крестьяне и других соседних селений. Наиболее бурно уничтожение изгородей происходило 8 и 9 июля в районе крупного местечка Уиндем, расположенного на большой дороге Лондон—Норич. Сносили изгороди не только местные крестьяне, но и пришлые люди, частью даже из других графств, пришедшие в Уиндем на происходившую там ярмарку. Повстанцы захватили большую дорогу, ведущую в Норич — главный город Норфолькского графства. Шериф (начальник) графства, выехавший было на место беспорядков, не мог приостановить движения. Он сам едва спасся от толпы, ускакав на своём коне обратно в Норич.

Во главе крестьянского восстания встал местный уиндемский сквайр [1] Роберт Кет, которому помогал также его брат Уильям Кет. Братья Кет сами не были крестьянами. Они были мелкопоместными землевладельцами и одновременно предпринимателями. Роберт Кет имел

---

[1] К. М а р к с, Капитал, т. I, стр. 724, 1951.
[1] С к в а й р — мелкий землевладелец, дворянин.

кожевенное заведение (отсюда его про-{119}звище Кет Дубильщик). Уильям Кет был торговцем и мясником. Но оба они ненавидели аристократов-лордов, которые захватили лучшие земли в крае, отбирали у крестьян всё новые и новые общинные угодья, притесняли даже мелких дворян, которых они считали своими вассалами.

«Вас угнетают богатые люди, — говорил Кет крестьянам в Уиндеме, — и не дают вам подняться на ноги. Богатства рекой текут в сундуки лендлордов, в то время как вы доведены до нищеты и вынуждены питаться подобно скоту горохом и овсом... Они [лорды] богатеют, высасывая из вас все соки. Для вас, собравшихся здесь, нет иного выхода, как идти самим вперёд!»

Кет решил повести повстанцев в Норич — столицу Норфолькского графства, 10 июля толпы крестьян двинулись на северо-восток по большой дороге и к вечеру были уже на расстоянии нескольких миль от Норича, расположившись невдалеке от города. На сторону крестьян сразу же перешла норичская городская беднота. Однако купцы и богатые суконщики, правители города, отказались впустить повстанцев, закрыв перед ними городские ворота. Тогда Кет решил расположиться под городом, создав в его окрестностях повстанческий вооружённый лагерь. Считая прежнюю позицию на большой дороге недостаточно удобной, Кет повёл повстанцев в обход Норича и выбрал место для лагеря к северу от города в местности, называвшейся Маусхольд. Здесь, используя леса и холмы, Кет организовал свою укреплённую стоянку. Скоро лагерь стал весьма многолюдным. В начале в нём было около 16 тыс. человек, позднее число его участников увеличилось до 20 тыс. человек. По приказанию Кета лагерь был окружён рвом, на постах были расставлены часовые, на высотах были зажжены особые сигнальные костры. Повстанцы принесли с собой всякого рода оружие: пики, мечи, ножи и т. п., в лагере были также ружья — мушкеты и некоторые запасы пороха, имелось даже шесть небольших пушек. Соседние поместья — маноры — обязаны были поставлять в лагерь хлеб, скот и прочие продукты питания. Кет сорганизовал в лагере своего рода «временное правительство» для Норфолька и части Сеффолька в виде «Совета Сорока Восьми», куда входили по два делегата от сотни [района] из названных графств [2].

Под развесистым дубом, прозванным «Дубом реформации», Кет ежедневно производил суд, разбирал жалобы крестьян на помещиков, а также распри, возникавшие между самими повстанцами. Благодаря всем этим мероприятиям в лагере удалось создать известный порядок и дисциплину.

Норичские богатеи страшно перепугались, когда увидели, что рядом с городом вырос военный лагерь. Мэр города и другие городские власти решили, что им лучше договориться с Кетом. Томас Код (мэр) и городские олдермены (старшины — члены го-{120}родского совета)

Файл ist121.jpg

Роберт Кет судит под «Дубом реформации».
С картины неизвестного художника.

явились в лагерь Кета и вступили в переговоры с Кетом и его советниками. Повстанцам был частично открыт доступ в город. На содержание лагеря из норичской городской казны были отпущены денежные средства. Представители норичской буржуазии участвовали даже в выработке крестьянских требований, которые должны были быть посланы в Лондон к королю.

Программа Кета состояла из 29 статей, в которых содержался ряд демократических и прогрессивных требований. Повстанцы требовали прекращения огораживаний, производившихся лордами и другими крупными землевладельцами, но оговаривали, что запрещение это не должно распространяться на огораживания, {121} имевшие целью разведение технических культур (шафран и др.). Этого хотели наиболее зажиточные из крестьян. Далее, лордам запрещалось выгонять свой скот на общинные пастбища. Но для самых мелких дворян была сделана, однако, уступка. Если дворянин получал годовой доход не свыше 40 фунтов стерлингов, ему разрешалось выгонять скот на общинное пастбище. Помещикам запрещалось разводить кроликов и голубей, вредивших крестьянским посевам. В программе далее говорилось, что помещики не имеют права брать со своих крестьян высокую арендную плату и требовать от них барщины. Крестьяне требовали, чтобы им разрешили свободно ловить рыбу в реках и китов в море. Священникам запрещалось приобретать землю. В статье 16-й говорилось, что «все кре-

[2] От Норфолька были представлены все 23 сотни, а от Сеффолька всего одна сотня.

постные в Англии должны быть свободными». Статья 16 ярко отражала ненависть английских крестьян к крепостному праву, память о котором в Англии в это время была ещё очень свежа.

Союз восставших крестьян и ремесленников с норичской буржуазией мог быть только временным. Норичские богатей боялись движения городских низов (мелких внецеховых ремесленников, цеховых подмастерьев и прочей городской бедноты). В их интересах было как можно быстрее прекратить восстание. За спиной Роберта Кета мэр Код и олдермены посылали гонцов в Лондон и через них доносили правительству, что они не имеют ничего общего с «мятежниками» Маусхольда и только вынуждены внешне сохранить «временный мир» с лагерем. Мэр умолял правительство о немедленной присылке войска для подавления «великого изменника» Кета. Таким образом, политика норичской буржуазии была явно предательской по отношению к восставшим народным массам. Когда 21 июля в Норич прибыл королевский герольд (гонец) с предложением к повстанцам, чтобы они прекратили «мятеж» и разошлись по домам, обещая им в таком случае «королевское прощение», норичская буржуазия открыто порвала с повстанцами. Ворота Норича снова закрылись для «людей Кета». Норичский совет запретил доставку через город в лагерь каких-либо съестных припасов. Тогда Кет со своими сторонниками повёл наступление на город. Повстанцы разбили ворота и взяли город. Мэр и часть олдерменов были по приказанию Кета арестованы и заменены другими лицами, более сговорчивыми. В это же время были произведены многочисленные аресты среди пригородных дворян, готовившихся подавить восстание.

III

Правительство царствовавшего тогда в Англии малолетнего короля Эдуарда VI не решилось сразу подавить восстание Кета, тем более что летом 1549 г. восстания распространились и по многим другим графствам Англии — центральным, северным и {122} юго-западным. В Корнуэлле и Девоншире, на юго-западе Англии крестьяне в течение шести недель осаждали главный город края город Экзетер, но так и не смогли его взять. Только в начале августа властям удалось подавить восстание на юго-западе при помощи, главным образом, итальянских и немецких наёмных войск. Увеличивая число этих иностранных наёмников, правительство решило воспользоваться ими для разгрома и норфолькского восстания.

Первая карательная экспедиция, посланная против Кета, закончилась, однако, полным провалом. Она была послана в конце июля в количестве всего 1500 человек под командованием маркиза Норсемптона. Сражение повстанцев с наёмниками происходило на улицах и площадях в самом Нориче. Численный перевес повстанцев и их храбрость привели к полному поражению правительственных войск. Маркиз с позором бежал из Норича, едва спасши свою жизнь. Следующую военную экспедицию против повстанцев Норфолька правительство подготовляло уже более тщательно. Количество войск было доведено до 12 тыс. человек, не считая ещё некоторых дополнительных отрядов, посланных вслед главному корпусу. Во главе войск был поставлен граф Уорвик, отличавшийся особенной ненавистью к восставшим крестьянам. Уорвик сам был одним из тех огораживателей, которые безжалостно захватывали крестьянские земли. Этот высокопоставленный разбойник уворовал большое количество земли в последние годы царствования Генриха VIII во время реформации и продажи церковных имуществ. Поход Уорвика на Норич произошёл только через три недели после разгрома отрядов маркиза Норсемптона. При этом Уорвик шёл медленно, поджидая следовавшую за ним артиллерию. Характерно, что Уорвик и лично был заинтересован в подавлении и поимке Кета, бывшего по уиндемским владениям как раз вассалом, «земельным держателем» названного графа.

22 августа Уорвик прибыл в Уиндем, где к нему присоединилось местное дворянское ополчение, собранное против «мятежников». 24 августа Уорвик был в Нориче. Норичские власти и буржуазия встретили графа как своего «избавителя». Уорвик потребовал от повстанцев Маусхольда немедленно оставить лагерь и разойтись по домам, обещая им за это амнистию. Но повстанцы ответили на его предложение решительным отказом. Роберт Кет пытался было вступить в личные переговоры с Уорвиком, но отказался от этого намерения, убедившись в том, что рядовые участники лагеря были против такой примирительной тактики. 24 и 25 августа военное положение было ещё довольно неопределённое. Уорвик занял своими войсками город. Но у него не было достаточной артиллерии, и часть отставших войск ещё не прибыла.

Повстанцы производили энергичные атаки на отдельные окраины города. Положение в Нориче было настолько серьёзным, что 25 августа норичские бюргеры даже упрашивали {123} Уорвика отступить от Норича, «чтобы не подвергать город окончательной гибели».

Однако 26 августа положение резко изменилось в пользу Уорвика. Он получил дополнительные войска в количестве 1400 человек. Теперь по численности его войска почти не уступали силам повстанцев, значительно превосходя последних своим вооружением, особенно артиллерией. Окончательному поражению повстанцев способствовал ещё и тактически неверный ход, допущенный самим Кетом. 27 августа Кет решил вывести повстанческие войска из холмистого и лесистого Маусхольда в долину Дюссендейль, лежавшую непосредственно перед городом, чтобы здесь дать последнюю битву. В лагере ещё верили в возможность победы. Но вскоре обнаружилось, что открытая местность долины давала неприятельской коннице как раз то, чего ей недоставало: кавалерия Уорвика смогла свободно развернуться на открытом месте и всей силой ударить по крестьянам и ремесленникам, неопытным в военном деле. В середине дня 27 августа 1549 г. всё уже было кончено. Сам Кет бежал с поля боя. Часть повстанцев продолжала сражаться без него, сумела даже построить спешно баррикады из пик, дротиков и острых кольев и сдалась лишь вечером этого дня с условием сохранения жизни. Но в общем крестьяне понесли большой урон. Число убитых «мятежников» доходило до 3500 человек.

Весь следующий день в Нориче происходили казни. Девять помощников Кета были повешены на «Дубе реформации». Около 50 человек были повешены на Норичской рыночной площади и 300 человек казнены вне города. Но даже эти массовые казни не утолили злобу норичских дворян. Они настаивали на полной отмене амнистии и казни каждого, даже рядового участника восстания. В конце концов даже граф Уорвик должен был заявить «жаждущим крови» помещикам: «Кто же будет пахать и боронить наши земли, если мы истребим всех крестьян?..»

Роберт Кет после бегства с поля битвы пытался было бежать на север, к морскому побережью. Но это ему не удалось. Он был вскоре захвачен и закован в цепи. Его, а также Уильяма Кета отвезли в Лондон, где и приговорили к смертной казни. 7 декабря 1549 г. вождь норфолькского восстания был повешен на шпице Норичского замка. В тот же день его брат Уильям Кет был повешен на колокольне Уиндемской церкви. Всё имущество братьев было конфисковано.

IV

Восстание 1549 г., подобно многим другим средневековым крестьянским восстаниям, закончилось неудачей. В нём ярко обнаружились недостатки, присущие крестьянским движениям. Восстание оказалось, несмотря на его большие размеры, всё же {124} местным, изолированным, не связанным в должной мере с другими современными ему народными движениями, происходившими в различных местах Англии. Крестьянство, восставшее в 1549 г., не имело класса-союзника, который был бы его вождём, руководителем, гегемоном в революции. «Крестьянские восстания, — говорит товарищ Сталин, — могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели». [1]

В XVI в. в Англии не было ещё сколько-нибудь сложившегося в класс пролетариата. Следовательно, крестьянство было тогда предоставлено только своим собственным силам. Трусливая норичская буржуазия не только не возглавила движения норфолькского крестьянства и норичских плебеев, но в конце концов предала его, перейдя открыто на сторону феодального королевского правительства. Такую же неспособность к руководству народным движением обнаружили и мелкие дворяне-сквайры. Колебания и жалкий конец самого лидера восстания 1549 г. Роберта Кета красноречиво свидетельствуют об этом.

Несмотря на свою неудачу, восстание 1549 г. заслуживает большого внимания историка. Оно наглядно показывает, что народные массы Англии не относились терпимо к процессу огораживаний, но открыто боролись против грабителей — крупных землевладельцев. Восста-

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 112—113.

ние 1549 г. явилось крупнейшим движением в Англии после восстания Уота Тайлера 1381 г. И то и другое восстание доказывают, какая громадная революционная энергия таится в крестьянских народных массах и как крестьянство нуждается в руководстве для того, чтобы его революционная энергия действительно привела его к победе. Следует, однако, указать, что даже потерпев поражение, норфолькское восстание 1549 г. имело некоторые положительные последствия для дальнейшей истории английского крестьянства. Огораживания общинных, пастбищных, а также и пахотных земель местными лордами и джентльменами всё же после 1549 г. несколько замедлились и уменьшились. Вследствие этого крестьянское землевладение в Восточной Англии сохранилось во второй половине XVI и в первой половине XVII в. в гораздо большей степени, чем в других районах Англии. Поэтому во время английской буржуазной революции в середине XVII в. крестьянство Восточной Англии сыграло большую роль. Оно энергично участвовало в революционной парламентской армии, разгромившей под руководством Оливера Кромвеля контрреволюционные войска короля и феодалов. {125}

ТРИК — ЗАБАСТОВКА ФРАНЦУЗСКИХ ПЕЧАТНИКОВ в XVI в.

Лет пятьсот назад, в начале XVI в., в Западной Европе — в Англии, в Нидерландах, во Франции, в Италии и в других странах — положение трудового народа, которому и раньше жилось плохо, стало ещё хуже. Раньше крестьянин должен был нести в пользу сеньёра барщину и всевозможные оброки и платежи, но он был самостоятельным хозяином. Ремесленник в городе должен был платить городским властям всевозможные подати, из которых городское управление вносило поборы тому же сеньёру — феодалу, налоги — государю, а кроме этого, ремесленник должен был уплачивать всякие рыночные, дорожные, мостовые и тому подобные взносы. Но ремесленник, так же как и крестьянин, был самостоятельным хозяином в своей мастерской. Затем времена изменились. В Англии, в Нидерландах богатые дворяне стали прогонять крестьян с земли, а земли их захватывали и разводили на них стада овец или сдавали в аренду. Во Франции и Германии, правда, этого не было, но и здесь сеньёры усиливали эксплуатацию, стараясь выколотить из крестьянина лишнюю копейку. Ещё хуже приходилось ремесленникам. Богатые купцы прибирали их к рукам. Они давали ремесленникам деньги взаймы, снабжали их хлопком и шерстью и даже станками и так их закабалили, что ремесленник, даже если он продолжал работать у себя в мастерской, всё равно чувствовал себя в зависимости от богатого купца, который платил ремесленнику теперь за все его труды нищенскую плату.

Крестьянин, терявший свою землю, ремесленник, попадавший в зависимость от купца, уже переставали быть самостоятельными мелкими хозяевами. Крестьянин принуждён был уходить в город и наниматься на работу или же искать работы в крупном хозяйстве дворянина или своего же односельчанина-богатея; ремесленник чем дальше, тем всё больше попадал в зависимость от богатого купца, который устраивал теперь крупные мастерские, мануфактуры, а вчерашний ремесленник превращался в простого наёмного рабочего. Так постепенно старый феодальный мелко-{126}крестьянский и ремесленный труд стал заменяться крупным производством, в котором богатый предприниматель-капиталист стал распоряжаться трудом наёмного рабочего.

Возникновение капиталистических отношений тяжело отзывалось на положении трудящихся и в городе и в деревне. У крестьянина отнимал земли дворянин, а то и кулак-крестьянин, который хотя и не мог прямо захватить землю у бедняка, но разными способами доводил бедняка до того, что последний принуждён был за бесценок продать кулаку свою землю. А ремесленники просто разорялись и принуждены были идти в кабалу к капиталисту. Ко всем этим бедам в XVI в., когда все это происходило, прибавлялась ещё одна, которую тогда называли «революцией цен». Из Америки хлынуло множество серебра и золота, эти драгоценные металлы стали дешеветь, а хлеб и другие продукты и товары дорожать. Пользуясь тем, что неимущего люда становилось всё больше, предприниматели-капиталисты старались платить

рабочим возможно меньше, и хотя цены на продукты и товары в течение XVI в. выросли втрое, а кое-где даже вчетверо, заработная плата повысилась всего на 20, 30 и в редких случаях на 50%; другими словами, рабочие в конце XVI в. могли купить продуктов и товаров в 3—4 раза меньше, чем в начале столетия. Таково было положение во многих странах Европы. Так же было и во Франции.

За столетие 1500—1600 гг. хлеб во Франции вздорожал и притом скачками в пять раз. За 75 лет в том же столетии заработная плата увеличилась всего на 20—30%, между тем как стоимость жизни возросла в четыре раза. Голодные годы вызывали голодные бунты — в Лионе в 1515, в 1520 и особенно в 1529—1530 гг., в Дижоне — в том же 1529 г., в ряде мест — в 1555 г.

Ремесленная беднота и наёмные городские рабочие требовали повышения заработной платы и улучшения условий труда.

Труднее всего в эти времена приходилось самой бедной части ремесленников — подмастерьям и ученикам. Ремесленники-мастера передавали свои звания по наследству, а подмастерьев не допускали до звания мастера. Подмастерья в XVI в. превратились в наёмных рабочих и сильнее всех чувствовали тяжесть новой капиталистической эксплуатации. В борьбе с мастерами и капиталистами они воспользовались старинными организациями вспомоществования, так называемыми «братствами» или «товариществами», или, как они назывались по-французски, «конфрериями» и «компаньонажами»; при помощи этих организаций они боролись за улучшение своего положения.

Подмастерья составляли значительную и наиболее сплочённую группу ремесленной бедноты. Их недовольство нередко выливалось в форму забастовок.

Забастовочные движения среди французских подмастерьев вспыхивали ещё во время Столетней войны. Такова была, напри-{127}мер, забастовка портновских подмастерьев в Орлеане в 1420 г. По преданиям компаньонажа, в 1401 г. в том же Орлеане происходила бурная стачка строительных рабочих на достройке Орлеанского собора.

Эта стачка вызвала кровавую расправу с бастующими, которые были объявлены «еретиками» и «бунтовщиками».

Наиболее значительным стачечным движением XVI в. во Франции были стачки лионских и парижских подмастерьев-печатников в 1539—1544 и в 1571—1572 гг.

Книгопечатание с самого начала было построено как предприятие капиталистическое, т. е. с наёмными рабочими. Книгопечатание было изобретено в Европе в середине XV в. Книгу, в этот ранний период типографского дела напечатать было дорого и под силу только богатому предпринимателю.

В самом начале книга обслуживала, главным образом, состоятельные слои общества, господствующие классы. Но книгопечатание было важным изобретением. Печатная книга чем дальше тем становилась всё более дешёвой по сравнению с рукописной и более доступной для широких слоев населения. Книгопечатание способствовало развитию в народе грамотности.

Книгопечатание было введено во Франции в 1469 г. Первая типография была устроена в подвалах Сорбонны (Парижский университет). Долгое время книгопечатание в Париже находилось в ведении Сорбонны.

Книгопечатанию пришлось на первых порах выдержать во Франции, как и в других странах, жестокую борьбу со средневековым ремеслом переписчиков, изготовителей рукописных книг, и с монастырскими мастерскими рукописных книг, так называемыми скрипториями, занятыми перепиской рукописей и работавшими на заказ церковных властей и щедрых «благочестивых» светских заказчиков. Одних профессиональных переписчиков было в то время во Франции несколько тысяч, не считая скрипторов-монахов. В Тулузе, где работало много переписчиков, введение книгопечатания вызвало в 1477 г. серьёзное возмущение. Возмущение это было поддержано местным, особенно фанатичным духовенством против нового, «еретического», «бесовского» искусства.

В различных городах Франции сосредоточились типографии, печатавшие книги по определённым отраслям. В Париже под непосредственным контролем и руководством влиятельнейшего богословского факультета Сорбонны печатались церковно-богословские книги. Там же печатались книги по заказу короля, королевского двора, различных высших административных и судебных учреждений. Заметное место заняла и гуманистическая литература, не-

смотря на жестокие придирки со стороны Сорбонны. В Тулузе печатали церковные книги. В Орлеане — юридические книги. Лион стал главным центром печатания гуманистических книг на французском и латинском языках. В Труа {128} (Шампань) постепенно стали печатать де-

Файл ist129.jpg

Типография XVII века. На переднем плане печатный станок.

шёвые книги с картинками для простого народа. Больше всего книг печаталось в Париже и в особенности в Лионе; последний город стал важнейшим центром книгопечатания во Франции. Количество людей, занятых во Франции в книгопечатании и книготорговле, исчислялось в XVI в. современниками в 40—50 тыс. человек.

Французские короли с самого начала взяли книгопечатание под своё покровительство, давали типографам привилегии и почётные звания «типографов короля». Королевские распоряжения, отпечатанные в типографиях в большом количестве, могли теперь скорее попасть во все концы страны. Печаталась и рассылалась политическая, экономическая и иная литература, которую королевские чиновники считали полезным распространять. Но король прекрасно понимал, как опасно для него может быть печатное слово, и потому установил строгий контроль над книгопечатанием, поручив осуществлять этот контроль реакционнейшему богословскому факультету Сорбонны. Цензура его была введена в 1591 г. Однако эта цензура не всегда достигала цели; не только католическая церковь, но и реформация сумела использовать печатание в ожесточённой взаимной борьбе.

Типографским станком втайне пользовались все недовольные, например участники народных движений. Появилось немало лубочных плакатов «мятежного» содержания. Подмастерья типо-{129}графского дела печатали свои мятежные воззвания. Подмётные лубки (тиллеты, tillets, «лубки», как они назывались в лионском просторечии того времени) сыграли значительную роль в восстании бедноты в Лионе в 1515—1530 гг.

Эти подмётные лионские «тиллеты» с характерными анонимными подписями «Бедняки», «Бедное простонародье» и т. п. содержали угрозы суровой расправы с ростовщиками и богатеями, скупавшими и прятавшими зерно в годы недорода и голода.

Король Франциск I нашёл 18 октября 1534 г. приклеенными к дверям собственной опочивальни в королевском замке в Блуа «кощунственные реформационные плакаты», высмеивавшие мессу (католическую службу на латинском языке), духовенство и культ мадонны-богородицы. Король испугался, в придворных кругах была настоящая паника. Подняли тревогу. «Дело о плакатах» повлекло за собой суровые преследования многих заподозренных лиц. Королевской грамотой от 13 января 1535 г. книгопечатание было воспрещено под страхом казни. Однако по представлению парижского парламента — высшего судебного учреждения — это нелепое запрещение было «отложено».

На типографов была возложена обязанность (за нарушение грозили суровыми карами) представлять на цензуру обязательные экземпляры.

Среди типографов были видные гуманисты. Однако среди них же всё более находили себе место мало образованные люди, которые смотрели на типографское дело лишь как на выгодное приложение своих капиталов, как на доходное предприятие.

Подмастерья-печатники были наиболее культурными людьми среди других подмастерьев. Многие из них по своему развитию не только не уступали мастерам-типографам, но значительно превосходили их. Наборщики непосредственно общались с авторами и учёными-корректорами и зачастую выправляли орфографические ошибки авторов. Они и сами бывали авторами; правда — чаще всего анонимными. Как было выше указано, они сыграли немалую роль в плакатной и лубочной литературе народных движений. В XVI в. в Лионе сложилось в их среде «Весёлое содружество сподручников госпожи Опечатки», выпускавшее юмористические лубки и сборники и ставившее комические сценки, в которых высмеивались городские обыватели, а то и сами хозяева подмастерьев. Стены типографских мастерских пестрели шутливыми, юмористическими и сатирическими плакатами и лубками. В типографиях тайно от хозяев подмастерья печатали маленькие юмористические рассказы, в которых осмеивались чванство дворян, ханжество духовенства, жадность буржуа и обывательская глупость и невежество городского мещанина.

Положение подмастерьев в молодой типографской промышленности по мере её быстрого развития становилось всё более тягостным. Рабочий день в типографии равнялся 16—18 часам, {130} включая перерыв на еду, или 15—17 часов самой работы. Он начинался в третьем часу утра (так что рабочие должны были вставать в два часа ночи), и лишь с середины XVII в. — с пяти часов утра, и кончался в восемь-девять часов вечера. В Париже типографских рабочих принуждали изготовлять по 2650 печатных оттисков в день, в Лионе ещё больше — по 3350 оттисков (в голландских типографиях хозяева требовали даже по 4 тысячи оттисков). По воскресеньям и праздничным дням — а таких дней набиралось до 125 в год — работа в типографиях не производилась, но и заработную плату за них рабочие не получали. Для того чтобы иметь заработок в эти дни, подмастерья брали постороннюю работу, например печатание проповедей приходского духовенства. Хозяева решительно возражали против этой частной работы подмастерьев. Они опасались, что под видом её подмастерья занимаются иногда тайным печатанием мятежных листков.

Подмастерья-печатники получали чрезвычайно скудную заработную плату. Часть её выдавалась натурой, часть деньгами. Подмастерья, как правило, питались у хозяев, получая от них в счёт заработной платы «хлеб, вино и пропитание». Но питание их всё более ухудшалось. Денежная часть заработной платы была ничтожной. Её никак не хватало, да ещё при всё возраставшей дороговизне, на содержание семьи подмастерья.

Подмастерьями в типографии были, главным образом, те рабочие, которые по окончании обусловленного договором срока ученичества не могли за недостатком средств самостоятельно устроиться и оставались работать у своего или у других хозяев. В число подмастерьев переходили зачастую и бывшие мелкие мастера-типографы, у которых не хватало средств, чтобы выдержать конкуренцию с более крупными предпринимателями.

Ученик за всё время своего ученичества никакой заработной платы от хозяина, как правило, не получал; иногда он получал совершенно ничтожное вознаграждение как хозяйскую милость в самые последние годы или месяцы ученичества. Возраст учеников не был установлен. По большей части он приходился на 17—24 годы, но в общем колебался от 12 до 34 лет от роду, особенно для «бесплатных» учеников. Эти последние брались, главным образом, из сиротских учреждений и подвергались особо жестокой эксплуатации со стороны хозяев, всячески растягивавших срок их ученичества. Обучением учеников хозяева-типографы, как правило, сами не занимались, да весьма часто и не умели их обучать, а возлагали это на подмастерьев, что отнимало у последних немало времени. Хозяин-типограф мог принять любое число учеников. Их бесплатный труд в значительной мере сбивал заработную плату подмастерьев и ухудшал общие условия труда в типографии.

Кроме подмастерьев и учеников, в типографиях, как и в других мастерских, работали неквалифицированные подсобные рабо-{131}чие, часто из недавних пришельцев в город. От них обычно не требовали даже элементарной грамотности. Они нанимались в типографиях в качестве тискальщиков, упаковщиков и т. д.

В XVI в. в типографиях было ещё сравнительно немного подобных рабочих. Но по мере расширения предприятий и борьбы со стачечными движениями подмастерьев, особенно же после того как подмастерья добились некоторого ограничения ученичества, хозяева всё больше стали пользоваться трудом подсобных рабочих. Для них ведь не существовало никакой регламентации, никаких ограничений труда. Их нанимали сразу на год-два, позднее — даже на четыре. Их кабальная заработная плата и тягчайшие условия труда, на которые они с голоду соглашались, ещё более снижали мизерную заработную плату и ухудшали общие тяжёлые условия труда в типографских мастерских.

Подмастерья-печатники не входили в компаньонажи — организации подмастерьев, объединявшие старые ремесленные профессии. В Париже все книжные профессии — печатники, книготорговцы, переплётчики, иллюстраторы и др. — и даже профессиональные писатели входили в старинное «братство» (конфрерию) св. Иоанна у Латинских ворот, унаследованное ими от переписчиков. В эту конфрерию входили как хозяева-типографы, так и подмастерья-печатники и типографские ученики. Это братство располагало довольно значительными фондами и пользовалось известным влиянием, состоя под покровительством Сорбонны. Но его заправилами были хозяева, и его «взаимная помощь», главным образом, распространялась только на них самих и тех подмастерьев и учеников, которые были их послушными слугами.

В начале XVI в. парижские подмастерья-печатники основали собственную конфрерию св. Иоанна Латеранского, по имени одноимённого духовно-рыцарского ордена иоаннитов (с 1530 г. мальтийского), владевшего в Париже особым укреплённым кварталом. Конфрерия Иоанна Латеранского являлась в Париже организующим центром борьбы подмастерьев-печатников с хозяевами-типографами и сыграла немалую роль в стачечном движении.

Одновременно появились и низовые организации подмастерьев-печатников по отдельным мастерским, так называемые «капеллы» (каплицы) — capelles. Капеллы были связаны с производственными процессами типографского дела, в котором работа отдельного рабочего в силу самого разделения труда тесно связывалась с работой его товарищей. Капеллы приобрели некоторые артельные черты. Определённое задание поручалось хозяином капелле, часто за её круговой порукой. Установился обычай, по которому капелла получала несколько экземпляров книги, над которой она работала. Участники капеллы обычно обедали вместе, вместе посещали церковные службы, вместе ходили в ближайшую таверну обсуждать за отдельным столом свои дела. Они помогали друг другу. В парижских капеллах {132} собирались взносы на «братство» (конфрерию) парижских печатников-подмастерьев. Капеллы, естественно, явились первичными ячейками подмастерьев-печатников в их борьбе с хозяевами; без сомнения, именно они организовывали тайное печатание и распространение мятежных лубков и плакатов. По кличу «трик!» капеллы бросали работу и ходили снимать с неё подмастерьев других мастерских.

Забастовочное движение печатников получило историческое название «трик» — tric, по слову, ставшему сигналом к забастовке. Некоторые исследователи производят это слово от немецкого «trink» — «пей». (Во французской книгопечатной среде, в которой вначале было немало выходцев из западной Германии, где книгопечатание возникло, сложился особый профессиональный жаргон, содержавший некоторые словечки немецкого происхождения.) Вначале это был, быть может, знак для ухода подмастерьев всей капеллой в ближайшую харчевню, где они за кружкой пива или дешёвого вина обсуждали свои дела. От того же XVI в. до нас дошла одна застольная песня подмастерьев-печатников, здравица которой в честь книгопечатания кончалась горькими ироническими словами: «Да здравствует книгопечатание!.. Мы пьём за него доброе французское вино, — когда мы его имеем на столе...» Как бы то ни было, этот короткий сигнал «трик» стал кличем всеобщей забастовки печатников и дал ей свое историческое имя. Он получил значение: «баста!» (откуда слово «забастовка»), «бросай работу». По этому слову подмастерья-печатники, как по команде, бросали работу и покидали мастерские. С этим кличем бастующие ходили по мастерским и снимали с работы своих товарищей.

Лионский «трик» начался весной 1539 г. по общему предварительному уговору сразу же во всех мастерских. В глазах «начальства» стачка в Лионе приняла характер мятежа, «бунта». Подмастерья, как доносили местные власти в Париж, ходили по улицам вооружённые дубинами и холодным оружием, снимали с работы своих товарищей и учеников. Они избили нескольких хозяев, пытавшихся оказать им противодействие, и полицейских. Стачечники носили знамена с эмблемами и надписями, завели особые значки, образовали отряды по образцу военных, патрулировавшие по городу, избрали начальников отдельных отрядов и капитана.

И хозяева и подмастерья обратились с жалобами к сенешалу, местному высшему представителю королевской власти. Хозяева заявляли, что, дескать, кучка «бунтовщиков» подбивает «мирных и всем довольных рабочих» на забастовку и угрозами заставляет их бросать работу. Они жаловались, что забастовщики якобы разрушают книгопечатание. Подмастерья же жаловались на жестокосердие, скаредность и алчность хозяев, мизерную заработную плату в сравнении со всё растущей дороговизной, на всё ухудшающиеся хозяйские харчи, на злоупотребление со стороны {133} хозяев бесплатным трудом учеников, сбивающим заработную плату.

Сенешал, как всегда, принял сторону хозяев, воспретил подмастерьям устраивать «скопища» и объединения, или, как они тогда назывались, «монополии», носить оружие, бросать начатую работу. Он признал право хозяев на неограниченный приём учеников. За подмастерьями он признал лишь право на такие же хозяйские харчи, какие они получали пять-шесть лет назад. Он даже поручил надзор за выполнением этой так называемой «Великой милостыней» (Grand Aumône) благотворительному учреждению, созданному муниципальными властями во время голода 1529—1530 гг. Разумеется, этот контроль над пропитанием, приравнивавший харчи к милостыне и переданный филантропическому учреждению, к тому же всецело нахо-

дившемуся в руках городской верхушки, не мог удовлетворить подмастерьев и глубоко оскорблял их. Подмастерьям-печатникам запрещалось оставлять работу раньше положенного часа и брать по праздничным дням частную работу.

Всякие нарушения условий личного найма со стороны подмастерьев подлежали штрафам, а в некоторых случаях могли повлечь телесное наказание и даже изгнание. В то же время хозяева могли свободно устраивать свои собственные сборища, принимать сообща те или иные мероприятия в отношении подмастерьев, самочинно менять условия труда, свободно располагать рабочей силой и т. д.

Приказ сенешала был, однако, не в силах прекратить стачечного движения. Сенешал принуждён был отложить введение его в действие и представить дело в королевский Тайный совет.

Через несколько недель «трик» распространился на Париж. В Париже его центром явилась конфрерия св. Иоанна Латеранского (описанное выше братство подмастерьев-печатников). Одновременно с забастовкой печатников в Париже разразилась стачка подмастерьев пекарей и мясников. Бастующие печатники действовали сообща с бастующими подмастерьями-пищевиками. Тогда парижские типографы обратились непосредственно к королевским властям за помощью и объединились с лионскими типографами против бастующих печатников.

Королевские власти были серьёзно напуганы движением. Франциск I решил пресечь его суровыми мерами. Королевскими указами в августе 1539 г. бастующие объявлялись бунтовщиками. Король приказывал лионскому сенешалу немедленно ввести в действие его приказ и решительно подавить всякое сопротивление подмастерьев. Сенешалу было предоставлено право судить лично и присуждать «бунтовщиков» не только к тюремному заключению и к изгнанию, но даже и пыткам и смертной казни; в этих последних случаях к вынесению приговора он должен был лишь привлекать по собственному выбору от 6 до 10 городских нотаблей (именитых граждан), т. е. представителей той же пред-{134}принимательской и купеческой верхушки, против которой восставали подмастерья-печатники. Эти нотабли, разумеется, были готовы подписать любой приговор, обрекавший «бунтовщиков» и особенно их главарей на пытки и смерть. Подобные же правила вводились и в Париже.

Стачечное движение среди подмастерьев явно захватывало и другие профессии и другие города. В том же августе 1539 г. новый эдикт распространял под страхом суровых кар воспрещение каких-либо «скопищ», «монополий» и каких-либо иных организаций ремесленников на все занятия и на всё королевство.

Запрещение распространялось, таким образом, и на все вообще профессиональные конфрерии (братства). Формально запрещение распространялось и на хозяев, но последним ничего не стоило сговариваться между собой и привлекать на свою сторону блюстителей порядка. Однако ни это запрещение, ни остальные суровые мероприятия не могли подавить движения подмастерьев. Их братство в Париже продолжало фактически существовать.

Забастовка продолжалась. Подмастерья препятствовали печатанию и расклейке направленных против них королевских указов как на улицах, так и в мастерских. В Лионе и в Париже происходили бурные схватки подмастерьев с полицией. Многие подмастерья-печатники были брошены в тюрьмы.

Однако лионские печатники-подмастерья добились в 1540 г. от парижского парламента (высшего судебного учреждения) указа о распространении на книгопечатание старинных цеховых правил, ограничивавших число учеников у каждого мастера-типографщика. Согласно этому указу, ученики не должны были допускаться к самостоятельному набору до истечения трёхлетнего стажа ученичества. Лионские хозяева-типографы грозили, по общему уговору, покинуть Лион и перевести свои типографии в Вьенну, небольшой город между Лионом и Греноблем. Городское управление из представителей лионской буржуазии всполошилось, пригласило типографов на своё собрание, стало их уговаривать не покидать города, не лишать его одного из источников его процветания и вынесло решение помочь типографам обжаловать решение парижского парламента самому королю. К королевскому двору была послана делегация из представителей лионского управления типографов и книготорговцев.

Тем временем и подмастерья обратились в 1541 г. к королевскому Тайному совету с ходатайством о «разъяснении» целого ряда статей королевских указов. Король отклонил эту просьбу, как «неучтивое ходатайство».

Делегация лионских «отцов города» и хозяев добилась для лионских типографов восстановления их права пользоваться трудом учеников, как им заблагорассудится. Их парижским собратьям нетрудно было, ссылаясь на них, добиться того же. {135}

В отмену парламентского указа королевский эдикт 12 апреля 1542 г. восстанавливал полную свободу хозяев-типографов в отношении пользования трудом учеников и подтвердил с ещё большей суровостью все прежние королевские указы. Он подтвердил запрещение под страхом суровых кар «триков», «монополий» и «скопищ» более пяти человек. Он воспретил сбор взносов на товарищеские пирушки («банкеты»), служившие часто предлогом для собраний, на которых горячо обсуждались общие дела подмастерьев, и даже сбор взносов на мессы, которые являлись иногда предлогом для сборов стачечных средств конфрерии. Он отменил решение восстановить хозяйские харчи для подмастерьев в прежнем их количестве и качестве, заменив это решение расплывчатой отпиской: «давать харчи благоразумно и в достаточной мере по достохвальному обычаю».

Королевский указ обвинил подмастерьев в том, что они принуждают хозяев давать им и большую денежную заработную плату, и более обильное питание, чем то, которое они получали в старое время. В то же время он объявлял, что подмастерье не имеет права покидать хозяина, не предупредив его за восемь дней, но что хозяин имеет право уволить без всякого предупреждения подмастерьев, если они оказываются «мятежниками», «сквернословами», не исполняют своих обязанностей или вообще «плохо себя ведут». Наконец, подмастерьям строго возбранялось дальнейшее ведение тяжбы с мастерами.

Подмастерья оказали сопротивление расклейке и этого, как и прежних, эдиктов. Тогда король грамотой от 19 июля 1542 г. решительно запретил лионским печатникам-подмастерьям впредь не только жаловаться, но и собирать взносы на дальнейшее ведение дела. Лионские подмастерья-печатники оказали сопротивление расклейке и этой королевской грамоты.

Мы не будем следить дальше за всеми перипетиями этого дела. Нескончаемый процесс завершился лишь 11 сентября 1544 г. королевским решением, которым вновь подтверждались все прежние королевские эдикты, была признана «недействительной» новая жалоба подмастерьев, жалобщиков обязывали платить крупные судебные издержки. Под страхом тяжёлых штрафов и других кар воспрещалось каким бы то ни было образом противодействовать в дальнейшем введению в действие королевских эдиктов.

«Дело о печатниках» (1539—1544), таким образом, закончилось полным поражением подмастерьев-печатников.

Однако борьба подмастерьев с хозяевами продолжалась. Так, в 1559 г. происходила забастовка печатников в кальвинистской Женеве.

В 1571 г., в царствование ничтожного короля Карла IX, незадолго до Варфоломеевской ночи, в смутные времена религиозных войн французские печатники снова выступили против своих хозяев. {136}

Религиозные войны, раздиравшие Францию, совершенно разорили страну. Положение рабочих ещё более ухудшилось.

Парижские и лионские типографы, одни при поддержке реакционной Сорбонны, другие при поддержке олигархического городского управления, жаловались королю на возобновившиеся «кабалы» (заговоры) и «трики» подмастерьев. Лионские жалобщики указывали и на то, что книготорговцы передают свои лионские печатные заказы за границу, а затем ставят на обложке свою марку и продают книги по более дешёвой цене, чем если бы они их в действительности печатали во Франции. Хозяева жаловались, что подмастерья бросают вопреки королевским эдиктам начатые книги и что они, типографы, не могут поэтому выполнять и даже брать более или менее значительные заказы, отчего, дескать, гибнет отечественное книгопечатание. В действительности типографы, как и книготорговцы, менее всего заботились об отечественном книгопечатании. Те и другие заботились лишь о собственном кармане и переводили свои капиталы туда, где рабочая сила была ещё дешевле и где её можно было подвергать ещё большей эксплуатации, — будь то другие, меньшие города в самой Франции или в зарубежных странах.

В королевском Тайном совете, рассматривавшем жалобу, были выслушаны представители парижского университета, лионский прокурор, делегаты лионского управления — все на стороне хозяев, и никто не был выслушан со стороны подмастерьев.

В соответствии с заключениями Тайного совета король издал в мае 1571 г. эдикт, торжественно объявленный им «вечным и неотменяемым». Эдикт подтверждал и все прежние запрещения «монополий», «кабал» и «триков» подмастерьев. Он запрещал оставление неоконченной работы, ношение оружия, устройство процессий, банкетов. Он подтверждал воспрещение подмастерьям брать частную работу в нерабочие дни, обязательство их предуведомлять хозяина об уходе и в то же время оставлял за хозяевами право увольнять без всякого предупреждения «бунтовщиков». Для перехода к другому хозяину подмастерье должен был представить соответствующее свидетельство от прежнего хозяина. Эдикт, несмотря на чрезвычайную дороговизну этих лет, переводил рабочих исключительно на денежную заработную плату. При этом, денежные оклады должны были быть несколько увеличены, но установление их максимальных размеров предоставлялось комиссии присяжных книготорговцев Парижского университета, мастеров-типографов и городских нотаблей. Представители от подмастерьев в эту комиссию не включались.

Эдикт разрешал хозяевам давать надбавку к заработной плате подмастерьям, которые выполняли большую работу за урочное время; фактически это была потогонная система. В отношении ученичества эдикт подтверждал право хозяев на привлечение к работе неограниченного числа учеников, с тем лишь «филантропическим» условием, что если хозяин поставит больше чем од-{137}ного ученика у печатного пресса, то один из этих учеников должен быть взят из воспитанников сиротского дома; разумеется, эти сироты были обречены на особо жестокую эксплуатацию.

Эдикт ещё более усиливал кары за самовольное оставление подмастерьем работы, равно как и за другие нарушения эдикта. За самовольное оставление работы полагалось возмещение «ущерба» хозяину и штраф, а в случае неуплаты их — сечение плетьми. Всякое вообще нарушение эдикта каралось весьма крупными штрафами, а их повторное нарушение — телесными наказаниями и штрафами, размер которых всецело предоставлялся усмотрению соответствующих властей.

Парижские и лионские подмастерья-печатники были глубоко возмущены эдиктом короля, угрожавшего им плетьми. Печатники ответили на него бурными выступлениями. Они обратились к старому способу протеста против королевских эдиктов — оказывали противодействие его опубликованию, срывали его со стен. В Париже в день издания эдикта подмастерья напали на мастеров, торжествовавших по поводу его принятия. В Лионе эдикт долго не мог быть обнародован. Он был, наконец, расклеен на улицах под сильной вооружённой охраной. Парижский королевский прокурор требовал принятия против продолжавших «бунтовать» подмастерьев крутых мер. Парижские типографы получили даже разрешение избрать особого прокурор-синдика, который должен был следить за неукоснительным выполнением эдикта и незамедлительно привлекать его нарушителей к ответственности. Типографы праздновали победу и терроризировали подмастерьев.

Парижские и лионские подмастерья-печатники подали совместную жалобу на ещё более усилившиеся злоупотребления со стороны хозяев-типографов. Эта жалоба в чрезвычайно обстоятельной, хотя и несколько витиеватой (в духе времени) форме, излагала бедственное положение печатников, жестокую эксплуатацию их со стороны хозяев и пункт за пунктом подвергала по существу решительной критике королевский эдикт, ходатайствуя о его пересмотре. Она была напечатана в виде брошюры на 12 страницах — четвёртую долю листа — и подана королю 17 июня 1572 г., незадолго до Варфоломеевской ночи.

Брошюра эта была напечатана тайно. Она представляет один из самых замечательных документов борьбы между трудом и капиталом этого времени.

«Если когда-либо, — говорится в этой жалобе, — в каких-либо промыслах и ремёслах наблюдалось, что хозяева и начальники стараются всевозможными способами подчинить подмастерьев своему игу и суровому обращению, точно это невольники, так это уж с самого начала и по сей день практикуется в искусстве книгопечатания. В нём книготорговцы и типографы постоянно изыскивают всякого рода окольные пути и махинации для того, чтобы возможно больше прижимать (в тексте игра {138} слов: imprimer — печатать, тискать, вместо opprimer —

притеснять) и подло порабощать подмастерьев, являющихся необходимыми участниками величайшего дела — книгопечатания».

«В книгопечатании подмастерья, — указывается далее, — во всяком случае являются ровней мастерам; более того, именно они, подмастерья, являются действительными типографами, в то время как большинство так называемых «мастеров» являются скорее торговцами, поставляющими сырьё и станки... Именно они, подмастерья, а не книготорговцы и типографы изо дня в день добывают великие и почётные богатства своим удивительным мастерством, ценой своего пота, а чаще даже ценой своей крови» (по-видимому, намёк на распространение туберкулёза среди рабочих-печатников при их жестокой эксплуатации хозяевами-типографами). «После тяжёлых трудов, требующих столь большого напряжения, они не приобретают к старости, обременённые семьями, в оплату и вознаграждение ничего, кроме нищеты и болезней, причиняемых их неимоверным трудом... Во всей Франции и за её пределами многие книготорговцы и типографы наживают крупнейшие состояния и богатства, в то время как многочисленные бедные подмастерья обречены на злополучную и недостойную их занятия нужду, после многолетнего рабства, после того как они потратили молодость, жизнь, здоровье и всю свою деятельность на этот труд...

Nam cum labor in damno est, crescit mortalis egestas, — цитируют подмастерья латинский стих, — «ибо когда труд в опасности, растёт смертная нужда», что будет иметь гибельные последствия для самого книгопечатания... В то время как книготорговцы и типографы в полнейшей праздности ума и тела удваивают и даже утраивают свои денежки в течение года, подмастерья ведут жизнь, полную лишений, и как бы находятся в постоянной лихорадке... Не знающие границ скаредность и жажда наживы являются единственной причиной чрезвычайной дороговизны, вину за которую хозяева клеветнически перелагают на подмастерьев».

«Дело, наконец, — замечают далее жалобщики, — не только в полном обнищании подмастерьев; каждое благомыслящее лицо должно опасаться полного уничтожения, рассеяния и упразднения книгопечатного искусства». Подмастерья отмечают, что это сознаёт и здравомыслящая часть самих книготорговцев и типографов; некоторые из них сами заявили, что не могут прибегать к тем мероприятиям, которых они так долго добивались.

Подмастерья подчёркивали, что эдикт обсуждался с представителями хозяев, с лионским управлением и Парижским университетом, но их, подмастерьев, не сочли нужным призвать и выслушать. Подмастерья указывали на вопиющую односторонность эдикта: воспрещение «монополий» должно быть распространено и на хозяев, которые всегда устраивали злостные заго-{139}воры против подмастерьев. «Закон должен быть обоюдным, а не склоняться на одну сторону».

Относительно ученичества подмастерья снова подтверждали, что хозяева пользуются бесплатным трудом учеников, чтобы всячески уменьшить заработную плату. «Этак они, хозяева, дойдут до того, что вообще будут пользоваться бесплатным трудом одних учеников; вместо того, чтобы и им давать не только харчи, но и заработную плату, — будут по-прежнему извлекать экономию из их пропитания.

А в это время подмастерья, по большей части люди семейные, будут обречены на полное отчаяние и погибель. Замена учениками искусных подмастерьев, — заявляли жалобщики, — приведёт к гибели само книгопечатание».

Относительно перевода харчей на деньги подмастерья заявляли, что они не могут питаться сами, так как теряют на это немало времени, между тем как от них требуется определённая каждодневная работа, которую они и без того выполняют через силу. Кроме того, они в работе так связаны друг с другом, что отсутствие одного не даёт возможности в это время работать четырём-пяти другим товарищам. Подмастерья соглашались, однако, уступить в этом пункте, но с тем, чтобы их дневная нагрузка была соответственно уменьшена.

Относительно ставок подмастерья указывали, что они во всяком случае не могут быть установлены по произволу и усмотрению хозяев. Подмастерья настаивали на созыве комиссии из хозяев и наиболее опытных подмастерьев, «которые знают настоящий тяжёлый труд печатников»; к ним могли бы быть присоединены и некоторые нотабли из горожан, по выбору обеих сторон.

Подмастерья, далее, решительно протестовали против телесных и позорящих, унижающих человеческое достоинство наказаний: «Телесные и позорящие наказания... недостойно нарушали бы естественную свободу людей».

Подмастерья выдвигали, таким образом, в своей жалобе следующие основные требования: 1) регламентация ученичества: ограничение числа учеников, установление определённого стажа ученичества, воспрещение замены ими подмастерьев; 2) повышение заработной платы и установление её ставок комиссией из хозяев и подмастерьев на равных началах; 3) сохранение и улучшение хозяйских харчей; 4) отмену «статей о плетях», устанавливавших телесные и позорящие наказания для подмастерьев, нарушивших указы о книгопечатании. Жалоба заканчивается сонетом. «О занятии книгопечатанием». Как указывается тут же, автором его является анонимный составитель самой жалобы. Имя его так и осталось неизвестным. В стихотворении проводится та мысль, что печатники своим занятием увековечивают произведения мысли. Автор сонета обращается к «благородным умам», любимцам муз, с мольбой взять на себя «справедливую защиту {140} печатников, вознаграждённых за все свои труды и страдания одной лишь нищетой».

Сердца гуманные, вас молят музы,
В защите прав не чувствуйте обузы.
В ком теплится хоть искра доброты,
Кому милы искусства и науки, —
Печатников судьбу возьмите в руки —
Их труд оплачен платой нищеты.

Вместо подписи стоят слова: A peine y suis — «Еле есмь» (т. е. еле существую), напоминающие подписи анонимных лионских листовок: «Бедняк», «Бедное простонародье» и т. п.

Мастера ответили на жалобу подмастерьев краткой «меморией в защиту книгопечатания». Ничтожная и циничная, она просто обходила молчанием основные требования печатников, вновь объявляя движение печатников делом кучки «бунтовщиков», и предлагала чисто полицейские меры к его пресечению: переписать отдельно изъявляющих согласие подчиниться королевскому указу и отказывающихся от этого. При этом мастера доносили на продолжающие существовать вопреки указам братства подмастерьев и взносы в их кассы: ради этих именно взносов, дескать, подмастерья заставляют голодать свои семьи.

Забастовочное движение продолжалось. Власти были вынуждены пойти на уступки подмастерьям, о чём свидетельствует королевская декларация от 10 сентября 1572 г. Декларация призывала обе стороны в равной степени выполнять королевский эдикт. В эдикт были внесены изменения: 1) устанавливался определённый срок типографского ученичества — в три года; ограничивалось число учеников: не больше двух на каждый станок; это число могло быть увеличено лишь с согласия подмастерьев и при условии, что дополнительные ученики будут использоваться на второстепенных работах; хозяева впредь сами должны были заниматься с учениками, а не перелагать бремя обучения на и без того занятых подмастерьев; 2) устанавливалось, что начатая работа не может быть прервана ни подмастерьем, ни хозяином, хозяин обязан был предоставить подмастерьям равноценную работу; 3) подтверждалась отмена и запрещение хозяйских харчей для подмастерьев и соответствующее увеличение ставки заработной платы; новые ставки устанавливались королевскими властями; 4) обязательство предуведомления о расторжении трудового договора за восемь дней было сделано обоюдным; 5) было признано преимущество отечественных подмастерьев на получение работы перед иностранцами; 6) воспрещалось хозяевам печатать книги за границей и ставить на титульном листе ложное указание об их напечатании во Франции.

О телесных наказаниях декларация не упоминала совершенно, тем самым она молчаливо как бы их упраздняла. Но в то же время королевская декларация не считала возможным формально отменить эти пресловутые «статьи о плетях» прежнего эдикта. {141}

Королевская декларация сохраняла одностороннее воспрещение «монополий» (коалиций) и братств одних подмастерьев. Королевская декларация 1572 г. явилась, таким образом, известным компромиссом. Но теперь сами хозяева стали оказывать сопротивление королевскому указу, особенно в отношении ученичества. Более того, они всё более стали пользоваться услугами подсобных рабочих. Подмастерья-печатники сами всё более превращались из «подмастерьев» в обычных наёмных рабочих.

Борьба, однако, и теперь не прекратилась. Подмастерья нередко печатали памфлеты против типографов. В начале XVII в., в 1617—1618 гг., происходили новые серьёзные волнения среди парижских подмастерьев-печатников. В 1617 г. парижский прево издал постановление, угрожавшее подмастерьям-печатникам «вешать и душить» их, если они будут продолжать свои сборища и ношение оружия, но, несмотря на его угрозы, этот новый острый конфликт в парижском книгопечатании продолжался целых два года.

Так боролись в прежние времена задавленные тяжёлым трудом и беспросветной нуждой французские подмастерья, не терявшие мужества перед безжалостными эксплуататорами-предпринимателями. {142}

ЖАН КАЛЬВИН И ЕГО УЧЕНИЕ

Непогожий зимний день 1527 г. был на исходе. Скупой свет, проникавший через узкие решётчатые окна, ложился длинными полосами на каменные плиты пола, на сырые, потемневшие от времени стены, на коричневые, серые и синие плащи и камзолы студентов, которые шумно спорили под вековыми сводами, видевшими не одно поколение школяров. Студенты, толпившиеся в старинном зале Колеж де Франс в этот день, шумели и спорили более обычного. Гулко раздавались их задорные молодые голоса, слышались весёлые возгласы, сопровождаемые взрывами дружного смеха. В этот день они слушали первую лекцию нового профессора — гуманиста Альциати. Студенты с нетерпением ожидали этого прославленного знатока права, — молва о его учёности и красноречии распространилась широко. Теперь, после первой лекции, они спешили поделиться впечатлениями и оценить нового преподавателя.

В этом лекторе их удивляло многое: удивляла его спокойная уверенность, непринуждённая простота человека, чувствовавшего себя в аудитории словно среди старых друзей.

Степенный и коренастый студент, уроженец Оверни, говорил, обращаясь к товарищам: «Я скажу вам, чтó именно мне кажется самым замечательным: наш новый лектор не прикован к книге, он не придерживается книжного текста, как слепой стены. Он думает, да, да, именно так, он думает вслух и подкрепляет свою мысль ссылками на кодекс Феодосия, на Грациана, на примеры судебной практики».

С этой оценкой согласилось большинство собеседников. Один из них, решительно тряхнув кудрявой головой, с жаром воскликнул: «А мне нравится совсем другое, мне нравится то, что наш новый лектор знает не только римское и каноническое право, но и античных поэтов, стихи которых украшают его лекцию гораздо больше, чем вся юридическая учёность!»

Завязался горячий спор. Пылкие ценители, перебивая друг друга, громко восхищались достоинствами лекции, пытаясь ре-{143}шить, какое из этих достоинств является самым важным и привлекательным.

Оживлённый спор мгновенно смолк, когда студент-овернец, лукаво подмигнув, внушительно и громко произнёс: «Все вы ничего не смыслите! Послушаем-ка лучше, что скажет нам наш «Аккузативус»!...» Все взоры устремились на невысокого студента, который молча стоял, прислонившись к кафедре, и терпеливо вслушивался в речи товарищей. Это был худощавый, слегка сутулый юноша, в длинном тёмно-коричневом камзоле и чёрном бархатном берете. Его лицо поражало своей бледностью. Длинный, с горбинкой нос придавал ему сходство с какой-то угрюмой и хищной птицей. Это сходство усугубляли две глубокие складки у рта, которые порой делали юношеское лицо почти старческим. Глубоко запавшие и покрасневшие глаза говорили о недостатке сна, о долгих ночных часах, проведённых при тусклом свете свечи за книгой. Эти глаза были напряжённо внимательными и сосредоточенно-холодными. Над этими глазами, то изгибаясь дугой, то расправляясь, медленно, но безостановочно двигались тонкие брови, выдавая взволнованную мысль молчаливого юноши...

Последовала долгая пауза. Тот, кого называли «Аккузативусом», криво усмехнулся, сделал шаг вперёд и, вытянув шею, негромко, но внятно произнёс: «Я не отрицаю ораторского искусства Альциати, я не оспариваю его уменья оживлять свою речь блёстками античной поэзии, — но я не считаю его аргументы безупречно построенными и, если вам угодно, я могу

доказать вам...» Но доказывать не пришлось! Раздался дружный смех, прозвучало несколько язвительных реплик, которые были прерваны неожиданным предложением весёлого овернца: «Друзья, поспешим лучше в харчевню «Золотого петуха» и там выпьем за профессора и за нашего неугомонного Аккузативуса, так сказать, — и за Голиафа и за Давида».

* *
*

В 1509 г. в маленьком северофранцузском городке Нуайоне, в семье состоятельного чиновника Жерара Ковена родился сын Жан. Старый Ковен подвизался и на судебном и на церковном поприще. Он занимал и место прокурора, и место синдика соборного капитула, и, наконец, место епископского секретаря.

Желая открыть сыну дорогу к богатству и почёту, Жерар Ковен приобрёл для него «пребенду», т. е. должность католического священника. Дело было сделано. Отныне маленького Жана ожидало заблаговременно купленное отцом доходное местечко, которое сулило своему обладателю раз навсегда обеспеченный ежегодный доход.

Владелец «пребенды» мог ничего не смыслить в церковной премудрости, мог не уметь читать по-латыни, мог даже не утруж-{144}дать себя выполнением докучных обязанностей священника, — он мог их возложить на специально для этого нанятое лицо; приобретённая пребенда, подобно неиссякаемому источнику, обещала из года в год приток денег.

Однако Жерар Ковен рассчитывал на большее... Мечтавший о почёте и богатстве чиновник, он не питал никакого влечения к науке, но, будучи человеком практичным, не мог не заметить, что светские вельможи и высокопоставленные церковные сановники проявляли необыкновенный интерес к произведениям античных поэтов и учёных, к памятникам древнего искусства. Они щеголяли знанием стихотворных отрывков, они пытались украсить свою речь цитатами из Цицерона. Ещё большим количеством цитат были уснащены письма, которыми обменивались чванные аристократы, стремившиеся один перед другим блеснуть знаниями, остроумием и изяществом стиля.

Многие вельможи стремились заручиться услугами просвещённых секретарей, которые писали от имени своих покровителей длиннейшие и учёнейшие письма. Скромные обязанности секретаря-советчика открывали ловкому человеку доступ к почётным и доходным должностям, которые могли стать первой ступенью длинной лестницы чинов и рангов.

Епископский секретарь Ковен не мог не заметить и того, что католическая церковь, устрашённая успехами реформации, именно теперь крайне нуждалась в образованных служителях, без содействия которых нельзя было осуществить того контрнаступления против реформации, к которому деятельно готовился папский Рим и его прислужники.

Способности маленького Жана рано обратили на себя внимание учителей, и отец с радостью увидел в этих способностях сына предзнаменование его будущей блестящей карьеры. Жана отправили учиться сначала в Бурж, затем в Орлеан и Париж.

Жан Кальвин (по тогдашнему обычаю французскую фамилию латинизировали, и таким образом, «Ковен» превратилось в «Кальвин», Cauvin — Calvinus) с первых же лет своей ученической жизни резко отличался от своих товарищей. Он обладал изумительным трудолюбием, редкой памятью и необыкновенными способностями. Он избегал шумных игр и развлечений. Молчаливый, замкнутый, он просиживал всё свободное время в библиотеке, неутомимо усваивая не только то, что требовала университетская наука, но и всё то, к чему его влекла жадная, беспокойная любознательность.

Юридическая премудрость наложила свой отпечаток на Кальвина. Он привык к строгим и точным формулам закона, к последовательным и тщательно проверенным юридическим умозаключениям, к холодным, рассудочным выводам. Он научился всесторонне продумывать каждое положение и сразу же строить цепочку логических выводов, которые из этого положения вытекали. Он научился мысленно рассуждать и, проверяя сам себя, {145} подбирать убедительные доказательства. Это было его единственным развлечением, его тайной страстью, своеобразным спортом, в котором этот хилый школяр и упрямый честолюбец умел превзойти всех своих товарищей...

Товарищи... они были у Кальвина, но среди них не было друзей. Их не могло быть, их не мог приобрести юноша, в котором замкнутая отчуждённость граничила с высокомерием.

Но более важной причиной отчуждённости угрюмого книжника была другая особенность Кальвина — его неуживчивый, мелочный, придирчивый характер. Молодой Кальвин неизменно подмечал все провинности своих товарищей, все изъяны их учебной подготовки, все их мелкие грешки. Он обрушивал на них град упрёков и нареканий, нескончаемый поток обвинений, развиваемых по всем правилам прокурорского красноречия. Любой пустяк мог вызвать такой поток гневных обличений.

Студенты-товарищи сначала протестовали, потом привыкли и, как бы по молчаливому соглашению друг с другом, старались не давать Кальвину поводов для раздражения. Весёлые и снисходительные студенты добродушно прозвали Кальвина «Аккузативусом», т. е. винительным падежом.

Это смолоду полученное и впоследствии забытое прозвище оказалось самой короткой и самой меткой характеристикой Кальвина как деятеля и человека.

Время шло. Кальвин продолжал всё так же размеренно и усердно трудиться над книгами. Пришедшая в 1531 г. весть о смерти старого Ковена скорее озадачила, чем огорчила сына. Перед ним лежало письмо нуайонского нотариуса, который сообщал, что имущество и сбережения покойного отца ныне принадлежат Кальвину... Потребовалось минутное раздумье, чтобы прийти к спокойному решению. Предусмотрительность отца устраняла для Кальвина тревогу о будущем. Стоило ли тратить время на посещение отчего дома, на расспросы соседей и земляков о последних днях отца? Кальвин решил, что не стоит.

Поездка в родные места могла бы только помешать выполнению увлекательного замысла. Кальвин желал испытать свои силы в подражании бессмертному Эразму.

В то время одно за другим выходили в свет произведения древних авторов: исторические труды Светония и Тита Ливия, сочинения Цицерона и Птолемея, речи Демосфена, комедии Плавта и Теренция, трагедии Сенеки. Все эти произведения, очищенные рукой Эразма от ошибок и искажений, допущенных невежественными переписчиками, как бы рождались вновь. Они появлялись уже не в рукописном виде. Они печатались в типографии и расходились по всему свету в сотнях и тысячах экземпляров, вызывая восторги гуманистов.

Кальвину хотелось показать, что он, подобно Эразму, отлично разбирается во всех особенностях языка и стиля, во всех тонкостях мысли древнего автора. В результате долгих усилий по-{146}явилась рукопись Кальвина, посвящённая небольшому философскому трактату Сенеки. Оценивая рассуждения римского философа, Кальвин при этом не упускал возможности сделать намёк на события своего времени, которые его интересовали и волновали гораздо больше, чем мысли, высказанные много столетий назад. Увлечение античным автором было для Кальвина лишь данью времени.

Сколько бы ни хвалили Кальвина престарелые учёные, это не удовлетворяло его честолюбия. Репутация знатока классической латыни и ценителя античной философии казалась ему незначительной. Он не желал сиять отражённым светом, отблеском древней славы давно забытого мыслителя. Дерзкое самомнение подсказывало ему, что он способен самостоятельно разрешать важнейшие вопросы, выдвинутые жизнью. Его влекли и волновали тогдашние политические разногласия, религиозные распри и ожесточённые споры его времени. Он ожидал случая, который позволил бы ему осуществить заветные желания. Такой случай вскоре представился.

Ректор Парижского университета Николай Коп готовился к диспуту. Темой диспута являлся вопрос «Об оправдании верою». Кальвин предложил свои услуги ректору, который не только воспользовался этим предложением, но и позволил молодому Кальвину написать для предстоявшего диспута весь текст ректорской речи. Кальвин с лихорадочным нетерпением готовился к первому большому испытанию. И хотя его речь должна была прозвучать в чужих устах, он волновался... Ведь предстояла проверка его мыслей и доказательств. Долгожданный диспут и обрадовал и испугал Кальвина. Речь ректора взволновала сотни слушателей, она пришлась очень многим по душе. Однако то, что нравилось студентам и молодым учёным, совсем не понравилось католической церкви. Ректора ожидали неизбежные неприятности, а Кальвин, не на шутку перетрусивший, поспешил предпринять дальнее путешествие, предоставив ректору выпутываться из всех затруднений.

Покинув Париж, Кальвин отправился на юг Франции. Он переезжал из города в город, посещал библиотеки, знакомился со многими выдающимися людьми.

Кальвин возвратился в Париж только тогда, когда убедился в том, что дело со злополучным диспутом уладилось.

Предстояло серьёзно подумать о будущем, решить вопрос о том, кем быть. Кальвин не желал быть юристом. Он не собирался служить и католической церкви, несмотря на то, что был обладателем пребенды.

Католическая церковь, своим авторитетом освящавшая грубое своеволие вельмож и тупую надменность дворян, католическая церковь с её суевериями, пышным культом и наглым вымогательством, с армией невежественных проповедников, жадных попов и паразитов-монахов стала мишенью для насмешек. Её {147} резко критиковали и умно высмеивали гуманисты, её разоблачали и шельмовали реформаторы.

Купцам, промышленникам, колонизаторам, работорговцам, мастерам наживы — всем им старая церковь была помехой. Все они жаждали иной, совсем иной церкви, приноровленной к их выгоде, приспособленной к их понятиям и образу жизни. Проницательный же питомец Сорбонны смолоду почитал людей удачи и видел в банкирах и воротилах-купцах подлинных хозяев века.

Кальвин не чувствовал ни малейшей склонности к грубому, театральному культу католической церкви, слишком явно напоминавшему откровенное надувательство. Ему не нравилась точно так же роль маленького чиновника дряхлеющей церкви, вынужденного повторять изо дня в день одни и те же, раз навсегда установленные церковные истины и пресмыкаться перед церковными сановниками, чтобы с их помощью медленно переползать с одной ступеньки служебной лестницы на другую.

Нет, всё это совсем не годилось для Кальвина. И у него, как и у многих юношей его эпохи, было своё честолюбие, толкавшее этого молодого горожанина не к дворянским мечтам о славе, а к упорной, цепкой борьбе за своё особое место в жизни.

Ему хотелось принять участие в горячей схватке и сразу же занять такое место в рядах реформаторов, которое позволяло бы использовать свои способности в полной мере, позволяло бы не только с успехом сокрушать старое католическое учение, но и смело выдвигать собственные теории, опровергать, спорить, бороться...

Тем временем король Франции Франциск I начал гонения против всех противников католической церкви. Для Кальвина снова наступила пора сосредоточенной кабинетной работы. Уклоняясь от рискованных публичных выступлений, от опасных речей, он втихомолку трудился над своей новой теорией, соблюдая величайшую осторожность и общаясь лишь с немногими надёжными людьми. Один из таких людей, Пьер Робер, возвратившийся из Германии, убеждал Кальвина перенести свою деятельность за границу, туда, где сторонники реформации были в безопасности. Кальвин решил следовать этому совету.

В 1534 г. по воле Франциска в тюремные застенки было брошено немало протестантов. Немало их скрылось. Но в списках заподозренных не значилось имя осторожного Кальвина. В те дни, когда чины королевской полиции рыскали в поисках протестантов, Кальвин уехал в Нуайон. Но не воспоминания детства привели его в последний раз в родной город.

Прежде чем повести открытую атаку против католической церкви, прежде чем яростно обрушиться на католических попов, Кальвин спешил повыгоднее продать купленную для него отцом должность католического священника. Убеждения — убеждениями, а выгода — выгодой! {148}

Без сожаления расставшись с родной Францией, Кальвин перебрался в Страсбург, а затем в Базель, некогда служивший пристанищем Эразму. Здесь в Базеле он закончил и напечатал книгу, над которой начал трудиться ещё в Париже и которую впоследствии несколько раз дополнял и перерабатывал. Кальвин назвал свою книгу «Наставлением в христианской вере».

Такое название отнюдь не свидетельствовало о скромности автора. Оно говорило, напротив, о том, что молодой ещё создатель книги ставит себя в положение учителя, к слову которого должны прислушиваться миллионы христиан. И он не ошибся: новое учение, дерзко провозглашённое Кальвином, распространилось с необыкновенной быстротой и завоевало множество ревностных приверженцев.

Имя Кальвина приобрело широкую известность, его успех превзошёл его собственные ожидания.

В чём же заключалась тайна успеха нового учения? Ответ на этот вопрос даёт век Кальвина.

Шестнадцатый век был временем ломки и разложения прежних хозяйственных отношений. В безвозвратное прошлое ушли патриархальные распорядки старого средневекового ремесла. Сотни тысяч подмастерьев, утративших всякую надежду стать мастерами, превратились в эксплуатируемых рабочих. Но и старые, опытные ремесленники, гордившиеся своим несравненным, от дедов унаследованным мастерством, понемногу теряли своих покупателей и заказчиков и разорялись в безнадёжной борьбе с победоносной мануфактурой. Они были не в состоянии закупать заморское сырьё и краски и выпускать такие же дешёвые и доступные изделия, которые выделывались в мануфактурах. Им приходилось всё чаще и чаще сидеть сложа руки, пока голод не побуждал их приняться за переработку полученного из чужих рук хозяйского сырья и с этой минуты попасть в тенёта скупщика-предпринимателя. Поле деятельности такого предпринимателя быстро расширялось. Сельские жители и обедневшие горожане работали на него то в качестве шерстобитов или прядильщиков, то в роли ткачей или красильщиков. Разделение труда между всеми этими тружениками улучшало и удешевляло производство, а оборотистый скупщик связывал между собой разобщённых работников. Постепенно стали появляться и крупные по тому времени предприятия, где под одной кровлей работали и валяльщики, и шерстобиты, и ткачи. Ещё больше добротных и дешёвых товаров появилось на рынке. Ещё быстрее стали разоряться цеховые ремесленники.

Из деревни в город в поисках пропитания устремлялись безземельные крестьяне, не находившие применения в поместном хозяйстве. Ещё труднее становилось найти работу, и день ото дня росла армия обездоленных людей, мечтавших о каждодневном заработке. {149}

Хлынувший в начале столетия из Нового Света поток благородных металлов привёл к небывалому обесценению денег, к жестокой дороговизне, гнёт которой окончательно довершал разорение тысяч ремесленников и торговцев.

А от далёких берегов, от сказочно богатых островов Пряностей, из Индии и Гаваи, из Перу и Мексики, возвращались флотилии с драгоценным грузом. Кровавые насилия и беззастенчивый обман туземцев становились источником баснословной наживы. Купцы, капитаны и участники морских компаний пожинали золотую жатву, оплаченную кровавым потом и слезами порабощённых и обманутых жителей заокеанских стран.

Файл ist150.jpg

Жан Кальвин

Молва о сказочном доходе заморских экспедиций кружила головы сотням людей. стоявших на пороге разорения и едва сводивших концы с концами. Скромные горожане, терявшие уверенность в завтрашнем дне, внезапно преисполнялись надеждой. Они становились пайщиками торговых компаний и рассчитывали урвать свою долю грабительской наживы. И много раз кораблекрушения и бури хоронили в бездонной пучине не только тюки перца и корицы, но и робкие надежды и сбережения отчаявшегося ремесленника.

Чем больше появлялось в денежном обращении серебра и золота, чем больше росли горы соблазнительных товаров и заморских новинок, чем более вызывающей и чванной становилась княжеская роскошь банкиров и крупных купцов, тем резче бросалась в глаза нищета и запустение городских окраин, тем больше росла масса разорённых и ожесточённых людей. Никогда не бывало в прошлом такой пропасти, которая отныне отделяла массы обнищавшего люда от кучки богачей, никогда ушедшее в прошлое средневековье не знало подобных контрастов.

Чего же могли желать банкиры и купцы, судовладельцы и предприниматели? Они хотели добиться полного господства и устранить всякую помеху этому господству.

Они ненавидели католическую церковь, её пышные праздники, её языческую роскошь, её служителей, запускавших руку в купеческий карман. Они ненавидели деспотизм папы и вымогательство его приспешников, они не желали больше подчиняться постылому владычеству католической церкви. {150}

Но больше всего эти люди боялись народной массы, боялись гнева обездоленных, отчаяния нищих, ярости обманутых и обсчитанных тружеников. Их страшили идеи Томаса Мюнцера, не позабытые крестьянами, рудокопами и ткачами, их пугала популярность анабап-

тистов. Призрак возможного восстания обездоленных тревожил покой скопидомов, богачей, он омрачал их досуг, он не допускал уверенности в прочности достигнутой победы.

Желания и тревоги предпринимателей и биржевых заправил безошибочно угадал и понял Кальвин. Страстно домогаясь власти и влияния, он не стал повторять старых церковных истин, не пытался подражать реформаторам старшего поколения. Вместо этого он решительно перестроил ветхую богословскую премудрость и смело выковал новую теорию, которую можно было поставить на службу новым хозяевам — богачам-хищникам, людям грабительской наживы, создателям первых капиталистических предприятий.

Усердный слуга богачей отваживался оправдать и освятить божьим именем всё то, что происходило у него на глазах. Он разрабатывал мораль нового класса — класса буржуазии, он изготовил в угоду этому классу новую крепкую узду, с помощью которой надеялся держать в повиновении трудящихся.

Томас Мюнцер призывал людей к отважной борьбе за свои права. Он стремился пробудить в угнетённых сознание собственной силы и правоты.

Кальвин стремился к противоположной цели. Желая смирить и обуздать недовольных, желая усыпить их волю к борьбе, он навязал им учение о всемогуществе бога. Если бог всемогущ, говорил Кальвин, то может ли произойти в мире что-либо непредвиденное и заранее непредусмотренное богом?

Кальвин учил, что все люди ещё до «сотворения мира» предопределены богом: одни к спасению, другие к погибели, одни к раю, другие к аду.

Кальвин убеждал верующих, что перед благостью бога их собственные заслуги и добрые дела — ничтожны и не ими они спасаются. Все люди заранее подразделены на две неравные части: немногих «избранных» ожидают радости рая, тогда как многие заранее обречены на адские муки. Но так как никто из живых не знает заранее, куда именно он попадёт после смерти, то все обязаны терпеливо и безропотно трудиться.

Кальвин хотел убедить людей в том, что над ними властно тяготеет непререкаемая, неотвратимая и грозная воля бога, который, по ему «господу богу» одному известным причинам, спасает горсточку своих избранников и низвергает в адскую бездну всех остальных.

В ту пору капиталист гордился не только своей удачей, но и всей той деятельностью купца, предпринимателя, банкира, которая приводила его к коммерческому успеху, накоплению богат-{151}ства и подчинению эксплуатируемых или задолжавших людей. Это горделивое и самодовольное сознание своей заслуги вело богачей того времени к мысли о том, что их усилия угодны богу, соизволением которого они будто бы и преуспевают и выдвигаются. Банкиру, разорявшему своих должников, или купцу-оптовику, пускавшему по миру более слабых конкурентов, подобная уверенность давала ощущение оправданности его поступков.

Всё это нашло отражение в учении Кальвина, который заявлял, что хотя человек и не знает своего загробного предназначения, он всё же может кое о чём догадываться. Удача в его земной деятельности — верный признак того, что он предизбран богом к спасению. Если же, напротив, человек терпит убытки и лишения, это свидетельствует о том, что сам бог от него отступился.

Файл ist152.jpg

Лютер, папа и Кальвин (справа).
Карикатура.

Таким образом, Кальвин убеждал, будто его современники-богачи сколачивают свои состояния не благодаря плутням, обману и эксплуатации, а при помощи самого господа бога, который оказывался как бы их пособником и другом-покровителем. Эти богачи, современники Кальвина, получали, таким образом, утешительную возможность считать себя «избранниками» бога и в земной и в потусторонней жизни.

Много столетий подряд проповедники твердили людям евангельскую фразу: «Легче верблюду (т. е. толстому канату) пройти в игольное ушко, чем богатому попасть в царство небесное». Эта на все лады повторяемая фраза служила утешением для бедняков, и смысл её был прост: на земле ликуют богачи, зато на небе возрадуются бедняки!

С этим не мог мириться Кальвин. Он «протащил верблюда через игольное ушко», дерзко провозгласив, что успех в земных делах есть свидетельство божьего содействия и предна-

менование грядущего вступления избранника-богача в рай. Тем самым доказывалось, что грязная и кровавая дорога купеческих успехов ведёт прямёхонько в рай.

Капиталисты охотно верили Кальвину, потому что им была выгодна его проповедь, будто богатство одних и нищета других — {152} дело рук божьих. Они старались с помощью Кальвина уверить тех, кто разорялся и принуждён был работать за гроши, что таков уж их «богом определённый жизненный удел», которому они должны покорно следовать.

Если бы обездоленные люди поверили Кальвину, они легче примирились бы со своей тяжёлой, полной лишений жизнью.

Удача и быстрое обогащение отдельных купцов, предпринимателей и банкиров и столь же быстрое разорение сотен и тысяч усердных тружеников могли бы показаться им лишь отражением божьей воли. Итоги жестокой конкуренции, массовое разорение ремесленников, капризы биржевой игры — всё это отныне освящалось и оправдывалось разделением людей на «спасённых богом» и «отверженных», а также учением об «избранности» удачников.

Так, в угоду первым капиталистам и поощряя капиталистов, Кальвин пытался сковать своим учением волю и мысль тысяч обездоленных и обнищавших людей.

Но для того чтобы обнищавший ремесленник взирал на богача без возмущения и злобы, чтобы бедняк уверовал в божественный характер купеческой удачи, Кальвин стремился убедить обездоленного человека, что и для него открыта та самая дорога в рай, по которой шествует богач. Если бедняк будет работать не за страх, а за совесть, как подобает «предизбранному к спасению», он и сам понемногу начнёт преуспевать и станет в конце концов богачом, а если и не станет, если бог его не отметит в земной жизни, то обязательно вознаградит в загробной.

Кальвин, таким образом, не только благоразумно оставлял труженику дешёвую надежду на райское блаженство, но и спешил его уверить в возможности разбогатеть. Он спешил это делать для того, чтобы подобной приманкой, на благо эксплуататору, увеличить усердие и послушание эксплуатируемого.

Капиталисты позднейшего времени охотно воспользовались этой приманкой. В воскресных проповедях и благочестивых книжонках, в газетных объявлениях и бульварных романах они повторяли лживое уверение Кальвина, будто в капиталистическом обществе рабочий может легко разбогатеть.

Американские последователи Кальвина, превзошедшие своего учителя и в уменьи обманывать трудящихся и в ханжеском лицемерии, впоследствии создали особую теорию «равных шансов успеха», весь смысл которой сводился к тому, что рабочий или фермер якобы может добиться таких же успехов и такого же благополучия, как и капиталист.

Чтобы вполне примирить своих современников с их местом в жизни и с их судьбой, Кальвин внушал им, что у всякого человека есть своё «мирское призвание», свой заранее предначертанный богом жизненный удел, обязывающий каждого служить богу на свой лад, в той роли, в какой он оказался. Купец обязан быть {153} купцом, сапожник — сапожником, подмастерье — подмастерьем, рабочий — рабочим.

Каждый должен рассматривать свою профессию и свой удел как долг, предначертанный богом.

* *
*

Рано начинался деловой, хлопотливый день истинного кальвиниста-«пуританина» [1]. Так называли кальвинистов в Англии, где капиталистическое хозяйство развивалось особенно успешно.

Проснувшись на заре, рачительный хозяин обходил свой двор, кладовые, склады, внимательно осматривал замки и запоры и, удостоверившись, что всё в порядке, приступал к своей дневной деятельности. Он отмеривал и отвешивал, убеждал покупателей, распекал приказчиков и подручных, принимал прибывшие к нему товары, едва оставляя время, чтобы наспех поддержать силы доставленным из дому обедом. И когда прекращался суетливый торговый

[1] Это название в Англии кальвинистам дали за то, что они требовали «очищения» культа от дорого стоившей католической обрядности (по-латыни «чистый» — «пурус»).

день и наглухо запирались входные двери лавки, неугомонный купец усаживался за высокую конторку, вооружался гусиным пером и старательно подсчитывал дневные доходы и издержки.

По внешнему своему виду пуританин-купец нередко походил на нищего. Рукава длиннополого камзола лоснились на локтях, там и здесь виднелись тщательно наложенные заплаты, видавшие виды стоптанные башмаки чуть не разваливались. Но изо дня в день, из года в год неуклонно рос сколачиваемый им капитал.

Снедаемый всепожирающей жаждой наживы, пуританин-купец был готов к суровому самоограничению. С гневом гнал он прочь мысль об отдыхе и увеселениях, с бешенством набрасывался на жену и детей, когда у него осмеливались просить лишних денег на семейные нужды.

Тираня свою семью, он готов был сам недоедать и недосыпать для того, чтобы каждый выгаданный таким образом грош снова и снова вовлекался в коммерческий оборот.

Дни, заполненные хлопотливой суетой, бессонные часы, проведённые за конторкой, дальние утомительные поездки за сырьем или товаром, хитроумные комбинации, рискованные сделки, ссоры с рабочими, обман покупателей — всё это делалось во имя прибыли, ей рабски служил жрец капиталистического накопления, жрец грубый и подчас фанатичный, но всегда последовательный и настойчивый, никогда не ведавший ни брезгливости, ни сострадания. {154}

И чем более грязной была извилистая дорожка, ведущая к богатству, чем чаще приходилось купцу прибегать к надувательству и жестокости, тем больше, тем настойчивее жаждал он оправдания своих поступков и примирения с богом. Эту услугу и спешил оказать Кальвин новым хозяевам жизни. Отныне всё — и алчность стяжателя, и омерзительная скаредность рыцаря наживы именем вероучителя Кальвина объявлялись «чистой» жизнью, а повседневная деятельность купца провозглашалась его «мирским призванием», чем-то вроде благородного долга, выполняемого по божьему завету. Чтобы нечистое казалось чистым, пуритане умалчивали о коммерческих плутнях, но зато лицемерно выставляли напоказ свою умеренность и благочестие, ставили себе в заслугу воздержание и всячески доказывали, что человек спасается только верой, а не делами.

С лёгкой руки Кальвина они стали называть «нечистым» всё то, что мешало им накоплять и богатеть, всё то, что отвлекало человека от его торговых будней. Жизненное правило пуритан гласило: «Молись и работай!» — и пуритане объявляли войну развлечениям и вольному досугу, театру и танцам, праздникам и художественной литературе, влечению к науке и искусству.

Они носили тёмное изношенное платье самого простого мешковатого покроя, старательно избегая всяких украшений. Кружево и шёлк, яркие ткани и драгоценности были изгнаны из обихода так же беспощадно, как и стихи о любви или весёлая музыка. Один из английских последователей Кальвина, стремясь отучить молодёжь от танцев, убеждал юношей и девушек, что «каждое па танца — это шаг по пути к адской бездне!»

Пуще всего пуритане ненавидели расточительность и в особенности расточительность феодальной знати, привыкшей пускать на ветер свои богатства.

Волчья жадность матёрых хищников причудливо сочеталась у пуритан с личным трудолюбием, пристрастием к неутомимой повседневной деятельности. С величайшей нетерпимостью и осуждением они относились к паразитическому образу жизни феодалов и дворян, к их расточительности, готовности проматывать легко доставшееся богатство.

Впоследствии внуки и даже дети купцов-пуритан легко научились тратить деньги на свои причуды. Но представители первого поколения капиталистов-пуритан отличались от своих легкомысленных потомков.

Энгельс писал о характерном для первых кальвинистов бюргерском аскетизме «... весь секрет которого состоит в *буржуазной бережливости*» [1].

От своего отца — судьи и епископского приспешника — унаследовал Кальвин затаённый страх перед народом. Этот страх {155} он пронёс через школьные годы. Не раз, проходя со связкой книг по улицам Латинского квартала, он пугливо сторонился, повстречавшись с задорными и весёлыми парижскими подмастерьями. Он вздрагивал, если до его слуха долетало

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 144.

невзначай брошенное по адресу угрюмого студента меткое словцо, и ускорял шаг, незаметно озираясь, шёпотом бормоча проклятия. Кичливо гордясь своей учёностью, Кальвин не сомневался в своём превосходстве. Но возникший с детских лет страх перед плохо знакомым, но грозным народом не покидал Кальвина и в зрелые годы.

Он безошибочно угадывал в народе скрытую силу и холодел при мысли о том, что вулканическая сила народного негодования, вылившегося в 1525 году в Германии в великую крестьянскую войну, снова может внезапно прорваться наружу. Видя всюду озлобление недовольных, он стремился сковать навсегда уста скромных тружеников молчанием благочестивой робости.

Кальвин учил, что народ отличается врождённым легкомыслием и невоздержанностью, он учил, что там, где каждому предоставлена полная свобода, неминуемо возникают неурядица и анархия. Слово «свобода» казалось Кальвину страшным, и для того чтобы эта опасная для богачей свобода никогда не восторжествовала, Кальвин стремился лишить обыкновенного, рядового человека всякого права на собственное мнение: «Лучше невежество верующего, — восклицал он, — чем дерзость мудрствующего!»

Кальвин полагал, что народу незачем мудрить и рассуждать. Долгом простых, непросвещённых людей, их священной обязанностью он считал работу, повиновение своим хозяевам и строжайшее выполнение заветов суровой пуританской морали, слепое повиновение «пасторам». Слово это, по-латыни означающее «пастух», необычайно точно рисовало роль кальвинистского проповедника, назойливо опекающего доверенное ему «стадо». Недаром говорил Кальвин, что «презирающий пастора — во власти дьявола!»

Пасторы (кальвинистские проповедники) властно контролировали всё поведение верующих, они надзирали за своей паствой и в церкви и вне её, они следили за каждым шагом ремесленника и рабочего, они посещали его на дому, подстерегая малейшее проявление недовольства или ослушания. О поведении, о труде, о жизни, о семье, быте, настроениях, помыслах, чувствах каждого человека должна была знать всемогущая «консистория» — церковный совет, в котором заседали вместе с пасторами особые старейшины, именитые и богатые «пресвитеры» (от греческого слова «старейшие»).

Эта консистория, прибегавшая к шпионажу, порабощавшая скромных тружеников своими предписаниями и деспотизмом мелочной опеки, была настоящим детищем Кальвина, она являлась той уздой, с помощью которой Кальвин намеревался держать страшившую его народную массу в вечном страхе и повиновении {156}

Были у Кальвина и свои политические взгляды. Если о боге, о рае и аде Кальвин говорил языком ясным и точным, говорил так, словно сам побывал и на небесах и в преисподней, если так же чётко излагал он правила пуританской морали, то совсем иначе высказывался он по вопросам политики. Суждения Кальвина о политике напоминали не прямую уверенную поступь, а хитроумный, запутанный, двойной и тройной след, который оставлен осторожным и лукавым зверем, обманывающим охотника.

Кальвин понимал, как важно убедить миллионы простых людей в божественном происхождении и великом значении государства, того самого государства, которое держало бесправный люд в оковах неволи и повиновения. И Кальвин уверял, что государство столь же необходимо человеку, как пища и напиток, как солнце и воздух.

Долгое время Кальвин надеялся, что король Франции предпочтёт кальвинистскую веру прежней католической, но позднее, когда эта надежда рухнула, Кальвин изменил своё отношение к монархии. Единоличную власть государя Кальвин стал считать тираническим господством одного человека над множеством людей и, таким образом, осуждал монархию. Но ещё отрицательнее он относился к демократическому строю, о котором он помышлял с нескрываемым страхом. Он доказывал, что невежественная толпа не способна разумно управлять государством и что поэтому гораздо лучше доверить управление государством немногочисленной группе избранных и просвещённых людей. В этих словах Кальвина проявлялось то предпочтение, которое он отдавал республике — республике богачей.

Боясь народа, желая увековечить его бесправие, Кальвин не желал толкать его к столкновению с королями, к открытому сопротивлению и восстанию. Восстание, поучал он, есть дело греховное и дьявольское, и чтобы убедить народ в недопустимости восстания, он говорил:

«Хотя монарх и является тираном, — он поставлен волей божьей, в наказанье людям, и поэтому люди должны терпеть монарха, как ниспосланное богом наказание».

Кальвин, и в этом его заслуга, предвидел неизбежно предстоявшее историческое столкновение буржуазии с феодально-абсолютистской монархией. Стремясь заранее оправдать участников грядущей буржуазной революции, он учил, что низвержение монархии будет законным и возможным лишь в том случае, если просветлённые и умудрённые самим богом Генеральные штаты, изгнав тирана, возьмут власть в свои руки.

Осуждая революционное движение обездоленной массы и благословляя заранее политический переворот, осуществляемый избранными представителями купцов и предпринимателей, Кальвин проявил себя очень прозорливым защитником интересов буржуазии, провозвестником её будущей победы. Нет ничего удивительного в том, что впоследствии участники двух буржуазных революций — нидерландской и английской — превратили каль-{157}винизм в своё политическое знамя. «Если, — указывал Энгельс, — лютеранство в Германии было удобным орудием в руках германских мелких князей, то кальвинизм создал республику в Голландии и сильные республиканские партии в Англии...» [1].

Роль, которую со временем стала играть христианская религия, Энгельс оценивал в следующих словах: «Оно [христианство. — *Ред.*] все более и более становилось исключительным достоянием господствующих классов, пользующихся им как средством управления, как уздой для низших классов... Вдобавок, на деле оказывалось совершенно безразличным — верят или не верят сами эти господа в свои религии» [2].

Дело Кальвина, дело, которое он мастерски выполнил, в том и заключалось, что прежняя узда, сплетённая из обветшавших религиозных представлений, была им заменена новой уздой, с помощью которой купцы, капиталисты-хозяева нового века могли удерживать в повиновении верующих. Сплетая для обуздания и подчинения масс прочную узду из новых религиозных представлений, Кальвин беспощадно отметал прочь прежние верования, непригодные для разрешения поставленной им задачи. В этом он проявил подлинную смелость.

Кальвинизм является идеологией, говорил Энгельс, «...самой смелой части тогдашней буржуазии» [3].

Большую часть своей жизни Кальвин провёл в Женеве, крупном швейцарском городе, прославленном своей обширной торговлей, своим развитым и разнообразным промышленным производством. Знаменитые женевские суконщики, меховщики, башмачники сбывали свои изделия далеко за пределами родины и держали в зависимости и подчинении растущую армию наёмных тружеников. Именно в этом городе учение Кальвина нашло благодатную почву. Оно встретило горячую поддержку со стороны женевских богачей, которые ещё до прибытия Кальвина пытались связать бедняков правилами суровой нравственной дисциплины. Пуританизм пришёлся по душе состоятельным гражданам Женевы. День ото дня росло влияние Кальвина. К его указаниям прислушивался городской магистрат, а Кальвин при случае был непрочь тряхнуть своей юридической выучкой и отредактировать административные и полицейские предписания городских властей.

Город постепенно менял свой внешний облик, а с ним и весь уклад своей жизни. Неведомо куда исчезло прежнее великолепие церквей. Скульптурные и живописные изображения были изгнаны из храмов. В чисто вымытом помещении, просторном и пустом, царила холодная казарменная скука. На сосновых, рядами расставленных скамьях долгими часами сидели верующие и внимали нескончаемой проповеди пастора, составлявшей длин-{158}ную цепь поучений, назидательных примеров и суровых предостережений. Невозвратно ушли в прошлое весёлые праздники, масленичные карнавалы, народные игры и танцы.

Куда ни кинешь взгляд, всюду господствовало два цвета: коричневый и чёрный. Издали нельзя было отличить женщин от мужчин. Длиннополые и тёмные камзолы и плащи уподобляли женевских граждан монахам какого-то нового, неизвестного братства. Редко можно было услышать шутку и смех. Попадавшиеся на улицах пешеходы куда-то деловито спешили. Никто не смел подумать о театре, о балах и развлечениях. Их не было в деловой пуританской

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 297.
[2] Там же, т. XIV, стр. 676.
[3] Там же, т. XVI, ч. II, стр. 297.

Женеве. Время от времени жилища женевцев подвергались обыскам. Обнаружение нарядного шёлкового платья, мотка лент или обрывка кружева, книжки со стихами о любви — всё это уличало провинившегося в забвении сурового завета «Молись и работай!», всё это навлекало на незадачливого женевца гнев непреклонной консистории. Этот гнев грозил штрафом, тюремным заключением, наконец, изгнанием из города.

В девять часов вечера смолкали все звуки. Тщательно запирались все двери, завешивались окна, и дома женевских граждан погружались в мрак и тишину. Никто не имел права выйти на улицу после запретного девятого часа, не имея при себе особого пропуска, выданного властями. Пуританская Женева должна была рано засыпать, чтобы на следующий день пораньше начать свою деловую будничную жизнь.

Великий острослов XVIII в. Вольтер говорил впоследствии, что Кальвин «открыл двери монастырей не для того, чтобы выгнать оттуда монахов, а для того, чтобы вогнать туда весь мир».

Меткое замечание Вольтера вполне применимо к Женеве, походившей во времена Кальвина на какой-то особый монастырь, в котором властвовала деспотичная и желчная воля Кальвина. Недаром враги Кальвина прозвали его «женевским папой». Это прозвище имело свои основания. Так же как и в Рим, в пуританскую Женеву отовсюду стекались почитатели и ученики Кальвина. Так же как и римский папа, Кальвин признавал только свои мнения и не признавал чужих, подчас проявляя исступлённую нетерпимость, достойную католического инквизитора.

Современником Кальвина был выдающийся испанский учёный, смелый мыслитель Сервет. Сервет был по профессии врачом. Он сделал немало для развития современной ему медицины и был близок к установлению законов кровообращения в человеческом организме. Подобно многим своим современникам-гуманистам, Сервет имел самые разнообразные научные и общественные интересы. Его перу принадлежали книги не только по медицине, но и по философии и богословию. Учение Кальвина в лице Сервета встретило убеждённого противника. Сервет выпустил в свет полемическую работу, опровергавшую основные положения кальвинизма. При этом он не поместил своего имени {159} на заглавном листе книги, но Кальвин понял, кто является его противником, и немедленно послал донос на Сервета, требуя его изгнания из Парижа.

Файл ist160.jpg

Михаил Сервет.

Вольнолюбивый мыслитель, однажды уже изгнанный из Испании, был вынужден бежать из Франции Друзья предложили ему переселиться в Италию, где его ожидало место врача.

Ехать из Франции в Италию можно было морем. Но Сервет избрал другую дорогу. Он решил по пути в Италию обязательно посетить Женеву, познакомиться с этой твердыней кальвинизма и хоть раз послушать своего противника Кальвина.

Когда-то, беседуя со своими женевскими почитателями, Кальвин, опустив глаза и слегка побледнев, сказал: «Если этот человек когда-либо появится в Женеве, он отсюда живым не уйдёт!» При этом Кальвин коснулся указательным пальцем листа раскрытой книги, на котором был изображён портрет её автора — Сервета. Это было одно из прежних произведений смелого испанского вольнодумца. Язык и стиль книги позволили Кальвину безошибочно распознать в её авторе своего анонимного противника.

Сервет явился в главную церковь Женевы переодетым в купеческое платье. Здесь его никто не знал, и он рассчитывал на полную безопасность. Желание услышать живую речь прославленного «женевского папы» было столь велико, что Сервет не мог ему противиться.

Церковь заполнилась народом, и Кальвин, поднявшись на дубовую кафедру, слегка надтреснутым, высоким голосом начал свою проповедь. Так же, как обычно, понурив голову, сидели на скамьях хмурые пуритане, когда Кальвин говорил им о добродетели и воздержании, так же, как обычно, ровным потоком текла назидательная и строгая речь проповедника... Но что-то мешало Кальвину. Он почувствовал на себе неотступный, пристальный взгляд. Подняв глаза, он на мгновение встретился с глазами незнакомого и в то же время странно знакомого человека... Последовала мгновенная, едва заметная пауза. Обычная {160} пауза, которая по-

вторяется всякий раз, когда лектор, переходя к изложению новой мысли, переводит дыхание и ищет подходящего слова. И снова речь проповедника возобновилась, обстоятельная и неторопливая...

А когда кончилось молитвенное собрание, церковь оказалась оцепленной городской стражей. Задержан был и подозрительный иностранец.

Женевский магистрат судил Сервета. Отцы города намеревались выслать его из Женевы и таким образом поскорее избавиться от опасного человека. Но Кальвин был непреклонен. Он добивался смертной казни Сервета. Кальвину доказывали, что католическая церковь навлекла на себя всеобщее осуждение инквизиционными кострами и лютой расправой с инакомыслящими. Ему грозили теми же последствиями, если он запятнает кальвинистскую Женеву смертной казнью испанского вольнодумца. Но тщетными были все убеждения и уговоры.

Чтобы сломить противодействие осторожных отцов города, Кальвин заявил им, что Сервет явился в Женеву, чтобы возмутить её граждан против священной частной собственности и проповедовать им страшную идею имущественного равенства, идею, намёками на которую будто бы полны его опасные и ядовитые книги.

Усердный советник и наставник буржуазии, её слуга и теоретик Кальвин превосходно знал, что страх за свою собственность способен превратить самых осторожных судей в кровожадных насильников.

27 октября 1553 г. в благочестивой пуританской Женеве по воле Кальвина был сожжён вольнодумец Сервет.

Расчётливый и честолюбивый, деспотичный и жестокий «женевский папа», всю жизнь старательно угождавший богачам и смертельно ненавидевший народ, плоть от плоти своего класса — класса буржуазии, Кальвин был подлинным сыном своего века, — теоретиком и учителем деятелей первоначального накопления, — алчных и беспощадных, скаредных и хищных, кровожадных и ханжески благочестивых. {161}

АЛЬБА И ГЁЗЫ

Вот уже несколько лет- прибытие депеш из Нидерландов вызывало неизменно беспокойство и суматоху в королевской канцелярии в Мадриде. Тревожные и грозные вести приходили из этой отдалённой испанской провинции.

Читая их, Филипп II, король Испании, мрачнел. Им овладевала ярость и смятение. Он всё чаще запирался в кабинете со своим любимцем герцогом Альбой, и часами они говорили о мерах, которые должны были обуздать «своенравную провинцию».

Далёкие Нидерланды были подлинной жемчужиной могущественной испанской державы. Многочисленные города их были населены искусными мастерами. Здесь ткали тончайшие шелковистые сукна, драгоценные ковры и гобелены, выковывали замечательное оружие, создавали чудеса ювелирного искусства, строили сотни быстроходных кораблей.

Голландские купцы и мореплаватели бороздили все моря и океаны. Несмотря на исключительное право испанцев вести торговые сделки с заморскими колониями, их несметные богатства немедленно перекочёвывали в Нидерланды, где город Антверпен стал общепризнанным центром европейской торговли.

Богатые купцы и мастера привилегированных цехов в Нидерландах наживали огромные состояния. Их пышные платья, роскошные дворцы и великолепные пиршества поражали воображение чванливых, но бедных испанских дворян, толпами устремлявшихся в подвластные Испании Нидерланды.

Эти провинции обладали множеством старинных вольностей и привилегий, которые позволяли им весьма независимо держаться по отношению к своим государям.

С воцарением Филиппа II наступили, однако, иные времена. Деспотичный и упрямый, Филипп II решил всецело подчинить провинции произволу испанской военщины и чиновников. Вольности и привилегии страны попирались, в городах бесчинствовали испанские гарнизоны, а католическое духовенство, {162} погрязшее в распутстве и невежестве, нагло вымогало деньги у народа.

Каждый, кто протестовал против злоупотреблений церкви, рассматривался как «еретик» и попадал в лапы инквизиторов. Отсюда путь был лишь на плаху или на костёр.

Но с 1562 г. разрозненные выступления против испанского деспотизма и церковного судилища — инквизиции — сменяются массовым народным движением. Вооружённые толпы народа собираются слушать красноречивых проповедников, которые бичуют распущенность и невежество католического духовенства, призывают реформировать церковь, обуздать испанскую тиранию и уничтожить ненавистную инквизицию.

Недовольство жестокой политикой Филиппа II проникает и в среду богатых купцов и горожан. Их возмущают бесчинства испанских солдат, зверства инквизиции, притеснения испанских чиновников и систематические нарушения вольностей правительством Филиппа II.

Нидерландское дворянство также волновалось. Дворяне давно уже промотали родовые поместья, а все доходные места в армии и государственном управлении занимали испанцы и кучка их пособников. Обедневшие нидерландские дворяне с завистью посматривали на богатые церковные владения и не прочь были поправить свои дела путём их конфискации и раздела между собой. Но этому противился папа римский, глава католической церкви, и его верный союзник Филипп II.

Поэтому дворяне весьма благожелательно относились к реформационным, еретическим вероучениям, тем более что «еретики» требовали конфискации церковных владений.

Опасаясь, что готовое вспыхнуть народное восстание сметёт их самих вместе с испанским деспотизмом, нидерландские дворяне создали союз, получивший название «соглашения». В прошениях к Филиппу II члены этого союза настаивали на выводе испанских войск, удалении ненавистных испанских чиновников, соблюдении вольностей страны и пр.

Одновременно дворяне разыгрывали из себя друзей и покровителей народа и богатого купечества, рассчитывая воспользоваться их помощью и добиться своих целей. Кое-чего дворянам удалось достигнуть. Но народные массы, больше всех страдавшие от испанского деспотизма и свирепости инквизиции и не получившие ничего от мизерных уступок, сделанных наместницей Филиппа II в Нидерландах Маргаритой, не желали больше терпеть.

В августе 1566 г. повсюду в Нидерландах прокатилась волна восстаний. Вооружённые повстанцы громили церкви и монастыри, изгоняли ненавистных католических патеров, испанских чиновников и их пособников.

Местами досталось и дворянам, и богатым купцам. Повстанцев этих называли иконоборцами. {163}

Напуганные богатеи и дворяне изменили народу. Они обманули его ложными посулами, примирились с Маргаритой и начали жестоко преследовать тех, кто продолжал борьбу с испанским деспотизмом.

Тревожные известия о народных выступлениях в Нидерландах злили Филиппа II. Он лежал больной в своей временной резиденции в Сеговийском лесу, когда до него дошли первые сведения о действиях иконоборцев. Он пришёл в неописуемую ярость: «Они дорого поплатятся за это! Дорого! Клянусь душою отца!» Успокоившись, он согласился с советом герцога Альбы, что надо готовиться тайно к мести, а пока проявлять терпимость и выжидать момента, когда «можно будет отрубить головы всем, кто этого заслуживает».

На долгих заседаниях королевского совета началось обсуждение мер наказания бунтовщиков. В совете были две партии. Одну возглавлял вкрадчивый и хитрый царедворец принц д’Эболи. Во главе другой стоял свирепый и чопорный герцог Альба. Оба вельможи смертельно ненавидели друг друга и стремились стать фаворитами короля. Принц д’Эболи предложил королю вести разумную политику и путём осторожных уступок добиться умиротворения Нидерландов. Мнение Альбы было совершенно иным. «Фламандцы закоренели в своей злонамеренности и могут быть излечены от неё лишь огнём и железом», — заявил герцог. Король решил во что бы то ни стало сурово покарать мятежников. Он согласился с мнением Альбы и решил послать его во главе сильной армии для подавления «бунта» в Нидерландах. Охваченный жаждой мести, Филипп II не обращал внимания на письма правительницы Нидерландов Маргариты Пармской, которая доводила до его сведения, что она с помощью нидерландских дворян уже подавила «мятеж черни». Получив инструкции от короля о размерах своих полномочий, герцог Альба отплыл в Италию, где в Ломбардии его уже ожидали отборные войска.

Филипп II не случайно остановил свой выбор на герцоге Альбе. Дон Фердинанд Альварец де Толедо (будущий герцог Альба) родился в 1508 г. В возрасте четырёх лет он потерял своего отца, погибшего в стычке с маврами. С детских лет Фердинанд де Толедо увлекался рассказами о битвах с маврами и другими врагами Испании, романтическими повестями о подвигах испанских завоевателей — «конкистадоров». Часами он блуждал по мрачным, пустынным залам родового замка, разглядывая, как зачарованный, потемневшие портреты своих предков. На них были изображены суровые воины и священники. Блестящие латы рыцарей перемежались с чёрными сутанами монахов. Его опекун и немногие окружавшие его наставники с ранних лет воспитывали у Фердинанда жажду боевых подвигов, презрение ко всем, кто не был испанским дворянином, жестокую ненависть к врагам Испании и католической церкви, религиозный фанатизм. Он уже в юношеском возрасте был смел, жесток и {164} фанатичен. В возрасте 16 лет Фердинанд де Толедо бежал от опекуна и присоединился к испанским войскам,

Файл ist165.jpg

Герцог Альба.

осаждавшим Фонтарабию. В этой кампании он проявил такую доблесть, что, несмотря на молодость и неопытность, был назначен губернатором завоёванного города. Последующие годы жизни Фердинанда де Толедо, после женитьбы получившего титул герцога Альбы, наполнены военными походами, дипломатическими миссиями, деятельностью в государственном совете. Он сделал блестящую военную карьеру при дворе Карла V и стал любимцем императора. Успехи императора в борьбе с протестантскими князьями в Германии целиком приписывались полководческому искусству Альбы. Король Фердинанд, брат Карла V, несмотря на неприязнь к чванливому герцогу, вынужден был сказать ему: «Вы укрепили императорскую корону на голове моего брата и королевскую корону на моей голове, даже больше: вы сделали его императором, а меня королём».

Доверие Карла V к Альбе было безгранично. Он сделал его воспитателем своего единственного сына и наследника испанского престола — Филиппа, и, отрекшись от престола, рекомендовал Филиппу герцога Альбу как самого преданного и надёжного слугу.

При дворе Филиппа II Альба достиг высших почестей и должностей, но был всеми ненавидим за своё высокомерие. Характер его к этому времени значительно изменился. Боевой пыл юного новичка сменила холодная рассудительность и железная выдержка опытного полководца. Религиозный фанатизм усилился до свирепого изуверства. Чувство превосходства над окружающими выродилось в надменную спесь, а приверженность к строгой дисциплине превратилась в безграничный деспотизм. К моменту назначения в нидерландскую экспедицию Альба был высоким стариком с сухощавой и прямой, как палка, фигурой, маленькой головой, узким и длинным лицом, побуревшим за годы походной жизни. На грудь его ниспадала длинная седая борода, а из-под насупленных бровей смотрели суровые глаза, полные недоверия, надменности и жестокости.

Таков был человек, которому было поручено дело усмирения Нидерландов. Сделав смотр своим войскам, 8 июля 1567 г. {165} Альба выступил из Милана в поход. Впереди был долгий путь, пролегавший через крутые отроги Альп, Савойю, Франш-Конте, Лотарингию и Люксембург. Армия Альбы представляла собой величественное и блестящее зрелище. Множество народа сбегалось из придорожных селений поглазеть на полки «железного герцога». Сам Альба командовал авангардом, состоявшим из сильного отряда пехоты и двух эскадронов испанской и албанской кавалерии. Испанские кавалеристы были закованы в сверкающие латы. Их головы покрывали кованые шлемы тонкой работы, с искусной золотой и серебряной насечкой, увенчанные сверху высоким гребнем. На шлемах колыхались разноцветные султаны. Всадники были вооружены аркебузами, пистолетами и длинными шпагами, эфесы которых сверкали позолотой, а у офицеров — и драгоценными камнями. Албанцы, лихо избоченившись, сидели на небольших, но проворных и быстрых, как ветер, конях. Пёстрые, турецкого покроя бурнусы оттеняли их коричневые от загара лица с орлиными профилями. Всё вооружение их состояло из коротких обоюдоострых копий и кривых шашек. Однако стремительность нападения, ловкость и бесстрашие делали их грозными противниками.

Главное ядро войска двигалось под командованием сына Альбы — Фредерика де Толедо, великого приора Кастилии. Прославленные испанские ветераны топтали своими сапогами и

широкие равнины Германии, и узкие долины Италии, и необозримые пустыни северной Африки. Это были закалённые в боях солдаты, не знавшие страха, но в то же время свирепые, жадные до грабежа и готовые в любую минуту взбунтоваться даже против своих командиров. Большие отряды делились на десять-двенадцать рот. Первой ротой командовал сам командир отряда, второй — его помощник, остальными — капитаны, которые сами набирали роты. Ядром роты являлись 80 пикинеров, вооружённых длинными, в пять метров пиками. Сорок аркебузьеров, вооруженных аркебузами и шпагами, прикрывали фронт и фланги на марше и при сближении с противником. Все они носили блестящие кирасы и гребнистые шлемы. Многие щеголяли даже офицерскими доспехами, добытыми в боях. Ноги их были обуты в сапоги с широчайшими ботфортами. Новшеством были введённые Альбой мушкетёры, по 15 на каждую роту, нёсшие на своих широких плечах длинные мушкеты и треноги, на которые клали ствол мушкета при стрельбе. Всё это были бравые молодцы, отличавшиеся подчёркнутой лихой выправкой и пышной одеждой.

Порой испанские роты перемежались отрядами итальянских кондотьеров, не уступавших испанцам ни выправкой, ни блеском своих кирас и шлемов. Над ротами реяли потемневшие от порохового дыма и многих сражений яркие стяги с изображением святых, замысловатыми гербами и гордыми девизами, буквы которых были вышиты золотом. {166}

За войском, погромыхивая, тащились тяжёлые пушки различного калибра. На каждые два-три орудия назначался в качестве командира дворянин, а к каждому орудию были приставлены канониры, пороховщики и целый штат прочей прислуги. Артиллеристам платили повышенное жалование, но зато они лишались права участвовать в захвате военной добычи, так как нельзя было оставлять на произвол судьбы драгоценные пушки.

В Люксембурге к войскам Альбы присоединились ещё немецкие «чёрные рейтары». Своё название эти кавалеристы получили по чёрному цвету своих воронёных панцирей и шлемов. Вооружены они были парой пистолетов, хранившихся в седельных чехлах, и шпагами. При атаке они строились колонной, узкой по фронту, но зато имевшей 15 рядов в глубину. Сближаясь на всём скаку с неприятелем, первый ряд их почти в упор разряжал свои пистолеты в неприятеля, а затем растекался по флангам. Пока следующие ряды проделывали этот же манёвр, вышедшие из сражения всадники на ходу перезаряжали пистолеты и вновь пристраивались к задним рядам боевого построения, по нескольку раз повторяя свои атаки. Но больше всего «чёрные рейтары» отличались своей разнузданностью и грабежом, за что и получили кличку «чёрные дьяволы».

Когда Альба вступил в Нидерланды, народные волнения уже были подавлены Маргаритой с помощью дворян и богатых купцов. Небольшая группа дворян и враждебные королю лидеры дворянской оппозиции — Оранский, Бредероде, Гоогстратен и другие бежали за границу. Страх охватил всю страну, ожидавшую прибытия свирепого Альбы. Десятки тысяч людей, продав за бесценок имущество, бежали со своими семьями в Англию и Германию.

Прибыв в столицу Нидерландов Брюссель, Альба захватил власть в свои руки. Формально Маргарита оставалась правительницей Нидерландов, Альба считался лишь командующим войском. Но практически вся полнота власти оказалась в его руках. Инструкции Филиппа II предписывали ему не считаться ни с какими правами и вольностями городов и жителей Нидерландов и жесточайшим образом карать всех «мятежников», еретиков и подозрительных. Альба должен был не только наказать «бунтовщиков», но и окончательно подчинить провинции королевскому произволу.

Альба вёл себя в полном соответствии с полученными инструкциями. С первых же дней своего пребывания в стране он расположил сильные гарнизоны во всех крупных городах и стал создавать в них мощные цитадели. Грубая солдатчина вела себя как в завоёванной стране — оскорбляла девушек и женщин, избивала и открыто грабила население. Все исконные учреждения страны были парализованы; законы, вольности и привилегии попирались. Многие дворяне и богачи-купцы стали понимать, как {167} они ошибались, помогая Маргарите подавить народные волнения. Сама Маргарита, видя полное своё бессилие и беспомощность, вымолила у Филиппа II разрешение покинуть Нидерланды. Альба стал единоличным правителем страны. Программу свою он выразил так: «Бесконечно лучше сохранить для бога и короля государство, обедневшее и даже разорённое, чем видеть его в цветущем состоянии для сатаны и его пособников-еретиков».

Он учредил «Совет по делам о беспорядках», прозванный в народе «кровавым советом». Вся страна покрылась виселицами, на которых качались трупы казнённых жителей. За недостатком виселиц вешали прямо на деревьях, на зубцах городских стен. На городских площадях вырос страшный лес — шесты с водруженными на них головами «бунтовщиков». По

Файл ist168.jpg

Медаль гёзов.

улицам городов стлался удушливый дым костров, на которых десятками сжигали «еретиков», а свирепые солдаты Альбы всем жителям Нидерландов дали кличку «недосожжённые».

Однако свободолюбивый нидерландский народ не дал себя поставить на колени. Возмущённые свирепым террором Альбы, ремесленники, крестьяне, мелкие лавочники скрывались в лесах (лесные гёзы), создавали вооружённые отряды. Они громили мелкие группы испанских войск, уничтожали католических священников, являвшихся шпионами и агентами испанцев. На помощь им спешили соотечественники, ранее эмигрировавшие в Англию и Германию. В бурные тёмные ночи по всему побережью Нидерландов высаживались отряды отчаянных смельчаков, бесстрашных борцов за честь и независимость своей родины. Преследуемые испанскими войсками, выслеживаемые священниками, они вели героическую партизанскую борьбу.

В северных провинциях, население которых издавна занималось рыболовством и мореплаванием, рыбаки и матросы садились на свои маленькие, но быстрые и подвижные парусные суда и открывали ожесточённые пиратские действия против испанского флота. В отличие от лесных гёзов, их называли морскими гёзами. По образному выражению одного историка, эти «нищие [гёзы] просили милостыню жерлами своих пушек». День и ночь бороздили они море в поисках врага, и повсюду, где они его встречали, пылали и шли ко дну испанские корабли. Морские гёзы были безжалостны. Пленных не брали.

Много испанских кораблей, груженных драгоценными товарами или деньгами и оружием для грабительской армии Альбы, стали добычей отважных гёзов, которые отдавали захваченные ценности на нужды войны против испанцев. Не довольствуясь {168} этим, морские гёзы совершали дерзкие рейды по прибрежным населённым пунктам, громя церкви, уничтожая испанцев, их агентов и пособников. Вот как описывает один из испанских агентов такой налёт: «Пираты напали на Терверд, они забрали из церкви всё, что было в ней из золота и серебра, они разгромили всё, что нашли в доме бальи. Они схватили, связали и увели с собой нашего судью. Я со своей женой едва ускользнули совершенно голыми. Это произошло в 2 часа ночи».

Дворяне, бежавшие за границу, и богатые купцы, однако, по-прежнему боялись своего собственного народа. Они не брезговали деньгами, которые получали от героических морских гёзов, но они опасались объединить свои действия с народом. В протестантских германских князьях, французских гугенотах, наёмных иноземных войсках — вот в ком они видели свою опору. Вильгельм Оранский на собранные из различных источников деньги навербовал немецких наёмников и в 1568 г. открыл военные действия. В апреле его военачальник Вилье с тремя тысячами солдат перешёл границу у Мастрихта, но был разбит наголову испанцами при г. Далеме и взят ими в плен. Брат Оранского, Людовик Нассау, во главе другой армии вторгся в западную Фрисляндию. Первая битва, разыгравшаяся при Гейлигерлейе, была им выиграна. Взбешённый этим, Альба решил выступить против Людовика. Чтобы терроризировать страну, из которой он вынужден был удалить на время гарнизоны, Альба приказал казнить множество узников, ранее уже осуждённых «кровавым советом». В числе их были представители нидерландской аристократии Эгмонт и Горн, которые никаким революционным духом не отличались, больше, чем горожане, боялись народа и поэтому вовсе не желали порывать с Испанией и её фанатичным королём Филиппом. Вступив во Фрисляндию, Альба в первой же битве при Жеммингене уничтожил армию Людовика, который сам едва избежал гибели, перебравшись вплавь через реку.

Вильгельм Оранский попытался отомстить Альбе. В июле 1568 г., перейдя Маас с 25-тысячной армией, он вторгся в Брабант. Но его огромная армия состояла не из народа, воодушевлённого идеей свободы отечества, а из жадного сброда, стекавшегося в наёмные армии того времени ради наживы и грабежа. Денег у Оранского с трудом хватило на выплату солдатского жалованья за один месяц.

Проницательный и хитрый Альба отлично использовал эти обстоятельства. Не желая нести понапрасну потери, он решил взять своего противника измором. Как тень, следовал Альба по пятам армии Оранского, изматывая её в мелких стычках и уклоняясь от решительного боя. Наёмники Оранского, не получая жалованья по истечении месяца, начали варварски грабить население. Из страха перед Альбой, а отчасти вследствие недоверия к принцу Оранскому и его буйному сброду, города отказывались открывать ему свои ворота. Бесплодно исколесив страну и по-{169}нимая, что он стоит перед угрозой бунта своих войск и неминуемого разгрома, принц Оранский в ноябре 1568 г. поспешно отступил во Францию. Все его планы позорно провалились.

Альба торжествовал. Спесь его ещё более возросла. От папы он получил подарки в ознаменование особых заслуг и победы над врагами католической церкви: почётную красную шляпу, драгоценную, усыпанную самоцветами шпагу и золотую лавровую ветвь.

Зазнавшийся тиран решил сам себе при жизни воздвигнуть памятник в Антверпенской цитадели. Статуя вышиной в пять метров была отлита из пушек, захваченных в битве при Жеммингене. Альба изображался в гордой позе, с рукой, протянутой по направлению к городу. Ногами он попирал две многорукие фигуры с лицами, закрытыми масками. Эти фигуры символизировали мятеж и ересь, отныне подавленные герцогом. На гранитном постаменте была высечена кичливая надпись: «Фердинанду Альварецу де Толедо, герцогу Альбе, губернатору Нидерландов от лица Филиппа II, министру и слуге прекраснейшего короля: за то, что он истребил мятеж, разгромил и изгнал мятежников, восстановил религию, вернул правосудию его авторитет и укрепил мир в провинциях». Подобная дерзость даже в Мадриде вызвала всеобщее осуждение.

В Испании сам злобный Филипп II склонялся к тому, чтобы дать Нидерландам всеобщую амнистию. Но Альба решительно отверг это предложение. Он написал королю: «Надо ещё очень много сделать. Города должны быть наказаны за бунтовщичество потерей их привилегий; большие суммы должны быть выжаты из частных лиц; должно быть получено согласие штатов страны на взимание постоянного налога. Поэтому было бы несвоевременно в подобной обстановке провозглашать прощение. Каждого нужно заставить жить в постоянном страхе, что крыша может обрушиться на его голову».

Вместо амнистии Альба решил ввести в Нидерландах по испанскому образцу чудовищный постоянный налог — «алькабалу». Этот шаг предусматривал не только взимание однопроцентного налога с недвижимого имущества и пятипроцентного с движимого, но также и десятипроцентное обложение каждой торговой сделки.

В условиях Нидерландов, где каждый товар проходил через руки десятка посредников, прежде чем он попадал к потребителю, подобный налог был делом чудовищным! Это означало рост цен в сотни раз. Генеральные штаты, несмотря на обстановку террора, отказались дать своё согласие на введение алькабалы. Было достигнуто соглашение, по которому алькабала временно заменялась контрибуцией в 2 миллиона флоринов. Но по истечении срока, в 1571 г., Альба всё же ввёл ненавистный налог.

Вся хозяйственная жизнь в стране замерла. Купцы и лавочники закрыли лавки. Негде было купить даже хлеба. Старинный {170} биограф Альбы так описывает Брюссель после вести о введении алькабалы: «Это объявление наполнило город воплями и смятением... горожане, не находя нигде возможности приобрести продовольствие и видя торговлю разрушенной, сбежались к дверям дворца Альбы, крича открыто, что пусть герцог или отменит налог, или отправит их на эшафот».

Альба оставался непреклонным. Он приказал 1 апреля 1572 г. повесить полтора десятка брюссельских лавочников перед дверями их лавок в наказание за прекращение торговли. Но этому не суждено было сбыться. Грозные события заставили Альбу забыть об алькабале и заняться другими делами.

Ни Вильгельм Оранский, ни героический народ Нидерландов не считали своё дело погибшим. Но в то время как народ, проливая кровь, боролся с испанской тиранией, Оранский за спиной народа предательски сговаривался с французским королём Карлом IX. За военную помощь Франции Оранский обещал отдать Карлу IX всю южную часть Нидерландов, вплоть до Антверпена, а за собой оставить северные провинции, номинальным штатгальтером которых

он считался. Людовик Нассауский лебезил перед Карлом IX и успешно вербовал в новую армию вторжения наёмников и французских гугенотов.

Иначе действовали морские гёзы. Со временем они организовались и от разрозненных действий перешли к согласованным операциям крупного масштаба. Во главе флота морских гёзов встал отчаянно смелый и жестокий дворянин Гильом де ля Марк. Будучи родственником казнённого Эгмонта, он дал клятву, что не будет стричь волос и бороды, покуда не отомстит за погубленного Альбой графа Эгмонта. От Вильгельма Оранского морские гёзы получали специальные документы — каперские свидетельства — на право ведения войны против испанского флота. За это Вильгельму Оранскому передавалась определённая часть добычи морских гёзов.

Файл ist171.jpg

Голландский военный корабль XVI века.

Голландский летописец Метерен тепло отзывается об этих отчаянных смельчаках, покинувших свои семейные очаги, друзей и родных ради борьбы {171} за свободу: «Всё это были люди обветренные, закалённые в боях, покрытые шрамами от ран. Некоторые из них имели только одну руку или ногу, но продолжали сражаться с неизменной храбростью. Своим лозунгом они избрали свободу отечества и уничтожение инквизиции. Многие из них носили на своих шляпах серебряные полумесяцы с надписью: «Лучше турки, чем папа».

Свои базы морские гёзы имели на побережье Англии. Но в начале 1572 г. королева Елизавета помирилась с Филиппом II и выгнала гёзов из английских портов. Тогда гёзы в 1572 г. смелым налётом овладели портовым городом Голландии Брилем. Они вступили в город под стягом, на котором были изображены 10 монет — символ ненавистной алькабалы. Известие об этом и заставило Альбу отменить казнь брюссельских лавочников. Желая скрыть своё беспокойство, Альба спесиво процедил сквозь зубы: «Это ничего!»

Морские гёзы встретили в Бриле восторженный приём своих соотечественников, приветствовавших новоприбывших ликующими возгласами, в которых нетрудно было видеть выражение единодушия и боевой готовности народа. Захват Бриля послужил сигналом для множества городов на севере, которые восстали и изгнали испанцев. Первым из этих городов был крупный портовый и торговый центр — Флиссинген. Гёзы вступили на его улицы, неся знамя с иронической надписью: «Это ничего!» Примеру Флиссингена последовали Гарлем, Лейден, Дордрехт и другие. Победил народ — ремесленники, рыбаки и крестьяне. Бриль стал колыбелью независимой голландской республики.

Но принц Оранский не верил в силы народа. Он даже счёл выступление гёзов преждевременным, так как видел в нём препятствие для намечавшегося союза с Карлом IX. Все свои надежды Оранский продолжал возлагать лишь на сговор с французским королём.

24 мая 1572 г. Людовик Нассау с помощью французских наёмников и гугенотов овладел городом Монсом в провинции Геннегау. Но силы его были невелики, а горожане относились к нему с явным недоверием и даже враждебностью, отлично понимая, что от французских дворян им ничего хорошего ожидать нельзя.

Высокомерный Альба не желал считать восставший народ своим основным противником. Главную опасность он усматривал во вторжении французских войск и потому все свои силы бросил к Монсу. Осадив в Монсе Людовика Нассауского, Альба затем по частям разбил французских гугенотов и Вильгельма Оранского, который пытался прийти на помощь осаждённым.

Тем временем во Франции произошли события, разбившие вдребезги все авантюристические планы Оранского. Карл IX под нажимом католической придворной партии и под впечатлением поражения гугенотов в Нидерландах 24 августа устроил страш-{172}ную резню гугенотов в Париже. После Варфоломеевской ночи он открыто перешёл на сторону Испании.

Монс, изголодавшийся и переживший все ужасы осады, вскоре вынужден был капитулировать. Лишь теперь, видя позорный крах всех своих надежд, Оранский укрылся на севере, где революция делала поразительные успехи.

«Этот злополучный капитан... направился, как беглец, в Дельфт в Голландии, чтобы действовать там, где ему подсказывало время и необходимость», — писал итальянский историк того времени кардинал Бентиволье.

Лишь теперь понял и Альба, что главные силы революции находились вовсе не в Монсе, а на севере. Он спешно перебросил туда все свои силы. Взяв несколько небольших городков, испанцы расправились с ними самым зверским образом. Несчастных женщин и детей вешали, топили, голыми выгоняли на мороз. Население и гарнизоны этих городов были поголовно истреблены. Альба пытался свирепым террором вновь навязать свободолюбивому голландскому народу ярмо испанского рабства.

Но зверства Альбы только укрепляли решимость народа. Ярким примером этого была героическая оборона Гарлема, осаждённого сыном Альбы Фредериком де Толедо. Город превратился в военный лагерь. Для связи применялись почтовые голуби. Выдача продовольствия была строго нормирована. Горожане не ограничивались защитой стен. Они совершали отчаянно дерзкие вылазки в стан врага. Особенно молниеносны были зимой вылазки солдат-конькобежцев, наносивших жестокий урон испанцам. Героическая жительница Гарлема Кенава собрала вокруг себя большой отряд женщин и девушек, не уступавших в отваге и боевых качествах опытным солдатам.

Испанцы пытались запугать осаждённых. Дважды они бросали через стены города отрубленные головы патриотов, попавших к ним в руки. Осаждённые достойно ответили на подлые выпады врага. Они обезглавили 11 испанских агентов, содержавшихся в тюрьме, положили в бочонок головы и скатили этот бочонок с городской стены, снабдив запиской: «Десять голов — это десять пфеннигов алькабалы, а одиннадцатая голова — проценты!»

Испанские войска понесли такие потери, что Фредерик де Толедо предложил отцу снять осаду с героического города. Альба презрительно ответил сыну: «Фредерик, если вы хотите, чтобы я считал вас за сына, — вам необходимо или взять город, или умереть при его осаде!»

Положение осаждённых становилось катастрофическим. Продовольствие иссякло. В городе уже давно не было ни одной кошки, собаки и крысы. Защитники города обессилели. В порыве героизма они приняли решение всем мужчинам выйти из города с оружием в руках и погибнуть в последнем бою. Лишь мольбы женщин и детей заставили их отказаться от этого замысла. 13 июля, после семимесячной осады, Гарлем сдался. Бургомистр {173} Риперда и

Файл ist174.jpg

Разграбление Мехельна испанскими войсками.

многие другие жители города были казнены. Гарнизон подвергся почти поголовному истреблению. На оставшихся в живых была наложена тяжёлая контрибуция.

Однако революция на севере и героическая оборона Гарлема дорого обошлись Альбе. Рухнули все его надежды на покорение Нидерландов. Повсюду он встречал ненависть и проклятия. Даже немногочисленные приверженцы из числа нидерландской знати отшатнулись от него. Вместо миллионов флоринов, которые он надеялся получить от введения алькабалы, — жесточайшая нужда в деньгах! Бывали дни, когда его повар не знал, из чего приготовить обед своему господину. За много месяцев задолжал Альба своим солдатам, не получавшим жалованья. Наёмники роптали. Кое-где вспыхивали мятежи. Армия, с таким блеском вступившая в Нидерланды, постепенно превращалась в разнузданные банды мятежников и оборванцев. Филиппу II становилось ясно, что Альба зарвался. Письма герцога становились всё мрачнее, а вместо присылки обещанных миллионов Альба настоятельно и униженно молил о высылке денег ему самому, угрожая потерей страны. В Мадриде решили отозвать незадачливого тирана. Альба с горечью и смятением понял это, получив от Филиппа ледяную отповедь: «Король не имеет столько денег, чтобы удовлетворить его жадность, но он без труда найдёт герцогу преемника, искусного и верного, который посредством умеренности и снисхождения прекратит войну, которую Альба не может закончить с оружием в руках».

18 декабря 1573 г. Альба, передав дела новому правителю — Рекезенсу, выехал в Испанию.

Не политические комбинации принца Оранского, не помощь французских гугенотов, не деньги королевы Елизаветы, не жадные и трусливые немецкие наёмники сломили Альбу. Его низвергли ненависть и героизм простого нидерландского народа.

Альба был низвергнут, но борьба отважных гёзов с испанским деспотизмом продолжалась с прежним ожесточением. Теперь другому голландскому городу было предназначено

судьбой проявить выдающийся героизм и небывалую стойкость. Испанцы начали осаду Лейдена.

Первая осада этого города длилась с 31 октября 1573 г. до 21 марта 1574 г. Вторжение Людовика Нассау принудило испанцев временно снять осаду, но с 26 мая 1574 г. она возобновилась с удвоенной силой. Осаждавшие создали непроницаемое кольцо блокады и полностью отрезали Лейден от окружающего мира.

Город, располагавший очень малыми запасами продовольствия, с первых дней осады попал в тяжёлое положение. Тем не менее горожане сражались с поразительной стойкостью и героизмом. На многочисленные предложения испанцев капитулировать лейденцы ответили единственной лаконической запиской: «Свирель поёт тем слаще, чем больше надеется птицелов обмануть пташку». {175}

Даже когда мучения голода в осаждённом городе достигли наивысшей степени, на новые предложения сдаться горожане ответили: «Пока вы будете слышать лай собаки и мяуканье кошек в этих стенах, знайте, что город держится. А когда всё, кроме нас самих, погибнет, будьте уверены, что каждый из нас съест свою левую руку, сохраняя правую, чтобы защищать наших женщин, нашу свободу и нашу религию против иноземного тирана».

Осенью положение осаждённого города стало катастрофическим. Последние крохи продовольствия иссякли. Началась массовая смертность от голода. Тогда непобедимые на море гёзы совершили величайший акт самопожертвования и военного искусства. Они прорыли плотины, ограждавшие их землю от моря, и затопили огромные площади, поля и деревни, превратив в залив сухопутный театр военных действий. Противный ветер, однако, мешал вначале тому, чтобы стоявший уже в виду города флот отважных морских гёзов снял осаду и снабдил продовольствием изголодавшихся защитников города.

Внезапно ветер изменился, и грозные валы разбушевавшейся стихии пошли в наступление на испанцев, оседлавших все возвышенности вокруг Лейдена. В мрачную и бурную ночь со 2 на 3 октября 1574 г. с грохотом рухнуло целое звено городской стены, подмытой волнами. Но испанцы не воспользовались этой счастливой случайностью. В это время они поспешно отступали под прикрытием ночи из-под стен героического города.

Утром 3 октября под ликующие возгласы оставшихся в живых героических защитников Лейдена морские гёзы вступили в город, неся его измученным защитникам жизнь и свободу. Снова победили героизм и самоотверженность народа.

Но дело революции ещё не было упрочено, и потребовалось несколько десятилетий кровавых битв, чтобы голландский народ окончательно отстоял свою свободу, честь и независимость своей родины. {176}

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ЮЖНЫХ НИДЕРЛАНДАХ

Поражение испанских войск под Лейденом показало восставшим голландцам, что враг вовсе не столь силен и страшен, если ему противопоставить беззаветную храбрость, стойкость и непреклонную волю к победе, подкреплённые воинской доблестью. Эта победа воодушевила повстанцев и придала им силы для развёртывания дальнейшей борьбы против иноземного ига. Хотя трудности этой борьбы были очень велики, а победы чередовались с поражениями, народ, поднявшийся с оружием в руках для защиты свободы, не падал духом.

Особенно трудные дни переживала молодая республика в 1575 г. Врагу удалось проникнуть далеко вглубь Голландии. После героической обороны пал сильно укреплённый город Зириксзее. Испанцы засылали в тыл повстанцев множество своих шпионов и агентов из числа католических священников, монахов и дворян под видом возвращающихся домой жителей. Эти изменники шпионили, выдавали врагу военные тайны, распространяли слухи о «неисчислимых» силах испанцев, грозили малодушным «гневом божиим». Оживились реакционеры всех мастей.

Амстердам, оставшийся в руках реакционного патрицианского магистрата, помогал испанцам кораблями и служил местом стоянки испанского флота, боровшегося с отважными морскими гёзами. Но вооружённый народ, которым руководили наиболее передовые представители голландской буржуазии, не дал себя запугать. На происки и вероломство врага он ответил революционным террором, беспощадно уничтожая всех врагов революции и национальной свободы, какими бы личинами они ни прикрывались.

Повстанцы чувствовали, что силы испанцев на исходе, что недалёк тот день, когда иноземные тираны испытают на себе всю силу народного гнева. Их многочисленные друзья из южных провинций сообщали, что новый губернатор Нидерландов дон Луис де Рекезенс не пользуется никаким авторитетом не только у населения, но и у собственных солдат, которые уже давно не {177} получали денег, жили за счёт безудержного грабежа местного населения и постоянно устраивали бунты. Случалось, что взбунтовавшиеся солдаты буйной толпой врывались в резиденцию губернатора, требуя выплаты жалования, оскорбляли его и даже грозили убить. Недовольство охватило не только бедняков, но и состоятельные классы, проникало в ряды самых крупных нидерландских сановников и придворных.

5 марта 1576 г. Рекезенс внезапно умер. Смерть его была настолько неожиданной, что ни он сам, ни в Мадриде не успели назначить преемника. Власть перешла в руки государственного совета, состоявшего наполовину из заядлых местных реакционеров, преданных Филиппу II, наполовину из испанцев. Это сборище чиновников и ненавистных иноземцев не пользовалось никакой реальной властью. Единственной его поддержкой являлись наёмные испанские войска — разнузданные, превратившиеся в лишённые дисциплины и воинского вида банды. Это было всё, что осталось от той блестящей армии, во главе которой девять лет назад вступил в Нидерланды спесивый и кровожадный герцог Альба.

Летом 1576 г. государственный совет лишился и этой своей последней опоры. Испанские войска, находившиеся в городе Зириксзее, чувствуя свою обречённость в этой враждебной им стране, взбунтовались. Они отказались выполнять приказания государственного совета и низложили своих командиров; затем они избрали себе руководителя, так называемого «элетто». Взбунтовавшиеся испанские наёмники двинулись по направлению к Брюсселю, оставляя за собой вытоптанные поля, многочисленные пепелища на месте ещё недавно цветущих сёл и городов, проклятия и плач вдов и сирот.

Подойдя к Брюсселю, бунтовщики, однако, убедились, что город бдительно охраняется вооружёнными горожанами, а стены его достаточно внушительны, чтобы выдержать штурм гораздо более сильной армии. Поэтому, изменив свой маршрут, взбунтовавшиеся солдаты с хода овладели слабо защищённым городом Алост, сделали его своей базой и стали подвергать его жителей неслыханным издевательствам.

Чувство гнева и ужаса овладело всеми жителями южных провинций. Народ понял, что он может освободиться от гнёта иноземной тирании только путём вооружённой борьбы. Вдохновляющим примером этого была героическая борьба северных провинций. По примеру отважных голландцев теперь и жители южных провинций взялись за оружие. Вооружённые крестьянские отряды уничтожали на дорогах и в лесах мелкие группы мародёрствующих испанских наёмников. Горожане повсюду создавали местные отряды самообороны, спешно исправляли городские стены, втаскивали на них пушки и артиллерийские припасы, строили новые укрепления. Убийства испанцев средь белого дня на улицах городов стали обычным явлением. На предписания и {178} распоряжения государственного совета никто больше не обращал внимания. Совет доживал свои последние дни. Богатые купцы, владельцы мануфактур и даже дворяне считали, что наступило время для перемен, а революционно настроенные слои буржуазии открыто призывали народ к восстанию против испанских тиранов и их пособников.

Наконец восстание разразилось. 4 сентября 1576 г. отряд городской милиции Брюсселя под командованием приверженцев принца Оранского де Глима и де Геза, при активной поддержке вооружившегося мелкого городского люда, или, как его тогда называли, плебса, овладел зданием, где происходило заседание государственного совета. Члены его были арестованы и посажены в тюрьму. Народ громил дома испанцев и их приверженцев. Улицы города были полны вооружённых горожан, которые взяли на себя заботу об охране города и поддержании порядка. Испанское господство было низвергнуто. Но восставший народ стремился освободиться не только от испанской тирании, но и от угнетающих его феодалов, священников, ис-

панских пособников. Испанцы в Нидерландах старались привлечь на свою сторону всех реакционеров страны. Главной опорой испанцев в Нидерландах была католическая церковь, её многочисленные попы и монахи, владельцы несметных богатств. На стороне испанцев было также феодальное дворянство, особенно многочисленное на юге страны. Полной поддержкой пользовались испанцы и у богатых городских патрициев и цеховой верхушки, забравших в свои руки городские управления (магистраты) по всей стране.

Все эти господствующие группы населения с помощью испанцев нещадно эксплуатировали крестьянство и городскую бедноту. Они хотели сохранить остатки крепостного права в деревне, собирать по-прежнему церковную десятину с крестьян, оставить в силе законы, обрекавшие на бесправие крестьянство и бедноту. Одним словом, они хотели сохранить старый, уже разложившийся строй, задушить революцию и сохранить власть за собой.

Правда, грабежи и насилия разнузданной испанской солдатчины возмущали и их, и они готовы были оказать взбунтовавшимся испанским наёмникам вооружённое сопротивление. Но их противодействие испанскому владычеству было неустойчиво. Из страха перед революцией католическое духовенство, дворянство и городской патрициат вместе с цеховой мастеровщиной могли в любой момент изменить делу восстания и пойти на сговор с врагом, выторговав нужные им уступки у испанцев.

Поэтому восставший народ не только уничтожал испанцев, но и громил монастыри, захватывал помещичьи земли, подвергал разгрому и разграблению дома дворян и городских богатеев, якшавшихся с испанцами.

Революционная часть нидерландской буржуазии была верна идеям беспощадной вооружённой борьбы против иноземных угнетателей. Она отказалась от католической веры и приняла каль-{179}винизм, который был религией самой решительной части тогдашней буржуазии. Представители этих буржуазных кругов руководили вооружённым народом и были сторонниками смелой и решительной борьбы против испанцев. Народ им доверял и шёл за ними.

Но революционная буржуазия была немногочисленна. Поэтому революционно настроенный вооружённый городской мелкий люд и крестьяне играли большую роль в событиях национально-освободительной войны и революции в Нидерландах.

Когда Филипп II и его сановники узнали о событиях, которые произошли в Брюсселе 9 сентября, они решили, что нужно действовать быстро. В Нидерланды в спешном порядке был направлен побочный брат Филиппа II дон Хуан Австрийский. Это был смелый полководец и решительный человек, но весьма посредственный политик. В Мадриде рассчитывали, что он сумеет расположить к себе нидерландских вельмож и богатых купцов, которые боялись вооружённого народа больше, чем испанских поработителей.

И действительно, когда дон Хуан прибыл в Нидерланды, то большинство депутатов Генеральных штатов, к которым теперь перешла власть в стране, заявили, что необходимо перенести заседания штатов в резиденцию дон Хуана в Люксембург. Дворяне, католическое духовенство и богатые купцы, заинтересованные в торговле с испанскими колониями, хотели «миром» договориться с испанцами, а затем совместно с ними расправиться с народом. Они не желали революции и боялись её.

Хотя вооружённые массы Брюсселя сорвали эту попытку врагов революции, тем не менее депутаты Генеральных штатов сумели обмануть народ. Они усыпили его бдительность и в феврале 1577 г. заключили соглашение с дон Хуаном.

В мае того же года дон Хуан прибыл в Брюссель. Но он вовсе не думал выполнять условий соглашения и, увидев, что силы народного движения значительно больше, чем он предполагал раньше, поднял мятеж. В июле 1577 г. он захватил мощную, сильно укреплённую и вооружённую намюрскую цитадель и открыл военные действия. Теперь народное движение с новой силой разлилось по всей стране. Английский дипломат Вильсон, современник описываемых событий, писал в одном из своих донесений в Англию, что в Нидерландах «управляет только народ, и никто не может противиться его воле».

Действительно, вооружённый народ и революционная буржуазия стали на время хозяевами положения. По примеру Брюсселя, во многих городах Фландрии и Брабанта народ свергал старые городские магистраты, которые состояли из богачей, католиков и тайных испанских агентов. На их месте создавались революционные органы власти в лице «комитетов 18» или просто «18», как их тогда называли. После событий 4 сентября 1576 г. в цехах повсеместно

взяли верх подмастерья и ученики, по своему положению близкие к наёмным рабочим. Богатые мастера, со-{180}ставлявшие ранее правящую верхушку цехов, были оттеснены на задний план и лишены власти.

Файл ist181.jpg

Вильгельм Оранский.
С современной гравюры.

В состав «18» выбирались не только фактические члены цехов, но также и представители революционной буржуазии — адвокаты, мануфактуристы, купцы, которые лишь для формы вступали в члены того или иного цеха. Поэтому в составе «18» можно было видеть и подмастерьев и буржуа.

Главная задача этих революционных органов власти заключалась в обороне городов и их окрестностей от испанцев. «Комитеты 18» опирались на вооружённый народ, составлявший отряды городской милиции и стрелковых гильдий. Во главе этих отрядов стояли выборные командиры из числа подмастерьев, крестьян, а порой адвокатов и купцов. «Комитеты 18» пользовались большим авторитетом и значением. Они отдавали приказы местным властям, производили конфискации у богачей на нужды обороны городов, издавали приказы и распоряжения, которые регулировали все стороны городской жизни.

Повсюду, где возникали «комитеты 18», они запрещали католическое богослужение, конфисковывали и распродавали церковные имущества, а на вырученные от этого деньги укрепляли города и помогали нуждающимся беднякам. Католическое духовенство, которое открыто или тайно служило интересам испанцев, изгонялось из городов и подвергалось вполне заслуженным преследованиям.

Все распоряжения «комитетов 18» исполнялись беспрекословно, и враги революции трепетали перед ними. Оценивая их деятельность, один из современников, заклятый враг революционного народа, писал: «Этот народный сенат в действительности служил лишь для того, чтобы установить новую религию, подавить дворянство, подчинить себе судебные органы и поддерживать действия народного сброда».

Нидерландское дворянство, католическое духовенство и значительная часть крупной буржуазии пришли в смятение, видя {181} как развиваются события. Они решили, что пора положить конец «своеволию необузданной черни». С этой целью они призвали в Брюссель принца Оранского.

Принц был тонким дипломатом, хитрым политиком и двуличным интриганом. Приехав в Брюссель, Вильгельм Оранский прикидывался добрым малым и разыгрывал из себя «друга народа». В действительности он стремился лишь добиться личной власти, используя доверчивость народа. В душе принц ненавидел революционный народ и, хитро маскируя свои подлинные намерения, пытался сговориться с дворянами и церковниками, а потом общими силами подавить народное движение.

Догадываясь о честолюбивых намерениях принца, дворяне не очень ему доверяли. Поэтому они призвали в Нидерланды брата германского императора Рудольфа II эрцгерцога Матвея. С его помощью они рассчитывали расправиться с народом и расстроить замыслы принца. Дворяне составили заговор против революции. Они намеревались поселить тщеславного и ничтожного эрцгерцога Матвея в городе Термонде во Фландрии, окружить его своими ставленниками и править от его имени. Заседания Генеральных штатов намеревались перенести из революционного Брюсселя в столицу провинции Геннегау, Монс, где наиболее велико было засилие дворян.

Для того чтобы выполнить этот план, дворянским заговорщикам надо было овладеть властью в самой богатой провинции Южных Нидерландов Фландрии и её столице городе Генте.

С этой целью в Гент в качестве губернатора Фландрии был послан руководитель дворянской партии герцог Аршот. Он поставил своей целью подавить народное движение в этом городе и превратить его в оплот дворянства. Чтобы обмануть народ, он заявил: «Я приехал в город, чтобы дать хлеб народу и навести порядок в городе».

Однако выполнить этот коварный план было не так легко. Вожди гентских народных масс Рихове и Имбизе в резкой форме потребовали у герцога Аршота, чтобы он прежде всего

восстановил все прежние вольности и привилегии города, отнятые у него испанцами после большого народного движения в Генте в 1539 г. Но герцог совсем не хотел этого делать. Он понимал, что восстанавливать старые вольности в условиях революции, когда фактическая власть в любой момент могла перейти в руки революционной партии, означало бы срыв всех планов контрреволюционного дворянства. Поэтому в ответ на предъявленные ему требования в припадке ярости он замахал кулаками и крикнул, что он вновь, как это сделали испанцы в 1539 г., заставит гентцев молить о пощаде и пройти по улицам родного города с верёвками на шее.

В Генте начались открытые волнения. Народ вооружался. Создавались революционные отряды. Гент готовился к вооружённой борьбе с дворянскими заговорщиками. Принц Оранский решил воспользоваться создавшимся положением, чтобы руками {182} гентских народ-

Файл ist183.jpg

Вид Антверпена XVI века. {183}

ных масс разделаться со своим политическим соперником — герцогом Аршотом. Поэтому принц предупредил Имбизе о готовящемся дворянском перевороте в Генте, а верные люди принца сновали по улицам и площадям города, возбуждая народ и сея слухи о кознях дворян и герцога Аршота.

26 октября, поздно вечером, к дому, в котором жил принц Оранский в Антверпене, подскакал на взмыленном коне запылённый всадник. Оттолкнув подбежавшего к нему стражника, он быстро вбежал по лестнице в приёмную и потребовал у сидевшего в ней дежурного немедленного свидания с принцем. Это был Рихове, один из вождей гентцев, связанный с Вильгельмом Оранским. Принц принял его без промедления в одной из отдалённых комнат своей резиденции.

Рихове заявил принцу, что гентские народные массы готовы к восстанию против дворянских заговорщиков. Они ждут лишь сигнала и хотят, чтобы принц помог им войсками, оружием и одобрил их решение. Рихове был уверен, что принц обрадуется этому известию и даст всё, что он у него просит. Действительно, на миг в глазах принца промелькнула искорка радости. Но это было лишь одно мгновенье, после чего взор принца стал непроницаем, а лицо сохраняло тот оттенок холодности и безразличия, которые дали основание современникам называть этого красноречивого и общительного человека «Молчаливым». Хитрый и вероломный, принц вовсе не желал открыто объявлять себя сторонником гентцев, так как это могло бы отпугнуть от него богатую буржуазию и дворянство. Он предпочитал загребать жар чужими руками и, по выражению одного летописца, «по своему обычаю бросал камешки и прятал руки». Поэтому, выслушав с бесстрастным видом горячую и сбивчивую речь Рихове, он ледяным тоном ответил ему, что не имеет намерения вмешиваться в такое рискованное предприятие и предоставляет самим гентцам действовать так, как они сочтут нужным.

Обескураженный таким приёмом, Рихове молча повернулся и, проклиная двуличие вельмож, направился в дом, где он рассчитывал провести остаток ночи. Но ранним утром он был разбужен незнакомцем, плотно закутанным в тёмный плащ. Это был посланец принца, который по приказанию последнего пришёл сообщить Рихове, что Вильгельм Оранский на стороне гентцев и в секретном порядке окажет им необходимую помощь. Это был обычный приём «Молчаливого», обделывающего все свои дела под покровом тайны, при помощи интриг и вероломства.

Не теряя минуты, Рихове помчался обратно в Гент. Прибыв туда под вечер, он дал сигнал к восстанию. На улицах города зазвучали трубы и тамбурины, игравшие сбор. Со всех сторон к ранее намеченным пунктам стекались толпы вооружённого народа. Ударили в набат. В тёмное ночное небо взметнулись яркие зарева пожаров — это восставший народ жёг дома ненавистных вельмож, католических священников и дворянских заговорщиков. {184}

Вооружённая толпа осадила дом герцога Аршота и начала разбивать толстые дубовые двери его дома. Перепуганный герцог полуодетый выбежал навстречу толпе и в таком виде, без минуты промедления, был отправлен под конвоем в городскую тюрьму. Такая же участь постигла и других заговорщиков. Вслед им неслись проклятья, ругательства и крики: «Вот эти предатели призвали эрцгерцога Матвея!»

29 октября в Генте, по примеру Брюсселя, был создан «комитет 18», к которому перешла фактически вся власть в городе.

Весть о гентских событиях вызвала ликование в сердцах простого народа и бешенство у всех врагов революции, понявших, что их заговор разоблачён и ликвидирован руками вооружённого народа.

В Брюсселе «комитет 18», сторонники которого именовали себя «добрыми патриотами», под влиянием гентских событий продолжал действовать ещё энергичнее. 28 ноября 1577 г. «18» Брюсселя потребовали у Генеральных штатов объявления дон Хуана и его сторонников врагами страны и предложили всеми силами обезвреживать явных и тайных сторонников испанской тирании. На протесты реакционеров, которые завопили о «насилии» над депутатами Генеральных штатов, «18» ответили, что народ имеет право и должен вмешиваться в государственные дела, ибо дела, которые обсуждаются Генеральными штатами, являются народными делами, а главное сейчас заключается не в том, чтобы прокламировать верность королю и неприкосновенность католической веры, а в том, чтобы продвигать всеми силами дело сопротивления врагу. «18» требовали также демократизации избирательной системы в Генеральные штаты, пересмотра норм представительства в них от разных провинций и решительной чистки государственных учреждений от засевших в них в огромном количестве предателей, испанских агентов и врагов революции.

Но народ ещё не был тогда политически зрелым. Он не умел отличать подлинной революционности от лицемерия и демагогии. Народ доверял коварному принцу Оранскому и его подпевалам, ошибочно считая их революционерами и друзьями бедного люда. Поэтому народ и «18» делали множество гибельных политических ошибок. Вместо того чтобы, пользуясь силой, прогнать эрцгерцога Матвея и расправиться как должно с дворянскими реакционерами, народные массы Брюсселя, ворвавшись в зал заседаний Генеральных штатов, принудили их назначить коварного принца Оранского заместителем эрцгерцога. По своей наивности народ думал, что этим путём будут расстроены все козни дворян. Так свою победу революционная партия превратила в победу «Молчаливого», который от радости потирал руки, но в своих официальных речах в Генеральных штатах лицемерно отрекался от своего участия в гентских событиях и порицал «крайности необузданной толпы». {185}

31 января 1578 г. разразилась военная катастрофа. Дворяне, которые продолжали занимать все крупные посты в армии Генеральных штатов, не желали вести решительную войну с испанцами и разворовывали деньги, предназначенные на оплату солдат и покупку оружия. Армия Генеральных штатов была раздета, разута, солдаты голодали, дисциплина отсутствовала. В результате этого 31 января дон Хуан нанёс войскам Генеральных штатов сокрушительное поражение в битве при Жамблу.

Ответом на это была новая волна народных восстаний. В Генте «18» отказались продолжать выплату налогов Генеральным штатам, объясняя это тем, что штаты не желают вести настоящей борьбы с испанцами и контрреволюционерами. Монахи и католические священники были арестованы и изгнаны из города. С колоколен повсюду снимали колокола и переливали их на пушки.

С помощью революционных войск гентцев народ в других городах Фландрии низвергал реакционные магистраты и избирал на их место «комитеты 18». Такие перевороты произошли в Брюгге, Ипре, Куртре и других городах.

Восстали народные массы и в столице провинции Артуа — Аррасе. Вооружённый народ арестовал членов городского магистрата и других контрреволюционеров, разгромил их дома и создал «комитет 15», который быстро навербовал новые военные отряды. Был создан союз городов Артуа. У богачей конфисковали часть их имущества на нужды обороны. Но и здесь народ проявил свою политическую незрелость. В «комитет 15» были в большинстве своём избраны богатые люди и верные слуги принца Оранского. Они лишь на словах были революционерами. Всё же размах восстания был столь силен, а вооружённый народ на первых порах действовал столь энергично, что один из современников этих событий писал: «Духовное сословие было доведено до отчаяния, дворяне трепетали от страха, а богатые горожане чувствовали себя неуверенно в своих домах».

Принц Оранский и поддерживавшие его слои дворянства и буржуазии, видя такой мощный размах народного движения, решили призвать другого иноземного принца, обладав-

шего большими силами и возможностями, чем эрцгерцог Матвей. Выбор их остановился на брате короля Франции Генриха III герцоге Франциске Анжуйском. Это был алчный, честолюбивый и тщеславный интриган, обуреваемый идеей стать независимым монархом. Пользуясь помощью Генриха III и английской королевы Елизаветы, он собрал большую армию и весной 1578 г., не дожидаясь окончания переговоров с Генеральными штатами, вторгся на территорию Нидерландов.

Принц Оранский и его приспешники рассчитывали, что с помощью герцога Анжуйского они смогут разбить войска дон Хуана и подавить народное движение. Но они жестоко просчитались. Армия герцога, набранная из авантюристов и разного {186} сброда, не желала по-

Файл ist187.jpg

Неудавшееся нападение французов на Антверпен. {187}

настоящему воевать с испанцами и больше всего занималась грабежом населения, чиня самые дикие насилия и зверства. Вот как описывает один из современников поведение её солдат: «Как только они перешли пограничную реку Лис, они не думали более ни о каком повиновении и подчинении своим главным начальникам. Они потеряли всякое уважение к своим непосредственным командирам, предаваясь всякого рода злодеяниям. Они грабили, жгли, оскорбляли девушек и женщин, вымогали невероятными пытками выкуп за жизнь у множества крестьян. У одних они жгли ноги и руки до костей, других подвешивали на три-четыре дня, третьих морили голодом и жаждой».

Народ ответил на это иноземное вторжение сопротивлением. Все южные провинции, где появились французские захватчики, становились ареной народных восстаний. Горожане Кенуа и Ландреси отказались выполнить приказ Генеральных штатов впустить в свои стены войска герцога Анжуйского. Они заявили, что скорее сожгут свои города, а сами уйдут куда глаза глядят, чем позволят ненавистным иноземцам стать хозяевами отчизны. Крестьяне повсеместно создавали вооружённые отряды местной самообороны и безжалостно уничтожали разрозненные отряды французов и одиночных солдат.

Герцог Анжуйский понял, что призвавшие его люди не являются хозяевами страны. Поэтому, ненавидя народ, он перешёл на сторону дворянских контрреволюционеров, которые осенью 1578 г. подняли открытый мятеж.

Дворянские мятежники заявили, что они решили «помешать развитию ненавистных деяний и кровавой тирании гентцев». Иначе говоря, дворянская контрреволюция, объединившись с иноземными захватчиками, решила подавить огнём и мечом революционное движение в стране, а затем примириться с испанцами, выпросив у них нужные для себя уступки.

Крестьяне и городская беднота Фландрии уже давно видели, куда тянут дворяне. Поэтому ещё до их открытого мятежа вооружённые отряды крестьян с помощью гентцев громили мелкие отряды дворянских войск, которые занимались мародёрством. Ещё в августе 1578 г. большой крестьянский отряд разгромил батальон дворянских войск в количестве 300 человек близ города Уденар. При этом в карманах каждого убитого солдата было найдено по 30—40 флоринов денег, награбленных ими у крестьян прилегающих деревень. По тем временам это была очень большая сумма.

После того как в октябре 1578 г. граф Эммануель де Монтиньи поднял открытый дворянский мятеж, размах крестьянского движения во Фландрии стал ещё шире. Крестьяне понимали, что дворяне хотят снова закабалить их и отдать страну под власть испанцев. Поэтому они вместе с гентскими отрядами оказали ожесточённое сопротивление войскам дворянских бунтовщиков, {188} или, как их называли в то время, «недовольных». Произошёл ряд кровавых стычек. Крестьяне временно выбили «недовольных» из городка Лагорж, а когда граф Монтиньи двинулся со своими войсками к городу Менину, путь ему преградили гентские отряды под командованием Рихове и вооружённые крестьяне, количество которых он исчислял в 10 тыс. человек.

Однако гентцам и крестьянам было трудно бороться с дворянскими войсками, состоявшими из опытных, вооружённых до зубов профессиональных солдат. «Недовольные» одержали ряд успехов, вынудив крестьян и гентцев отступить вглубь Фландрии.

Но народ не думал сдаваться. По всем городам и деревням был брошен клич — «К оружию!». Повсюду создавались местные отряды самообороны. Во Фландрии и Брабанте началась подлинная крестьянская война. В окрестностях города Франка вооружённые крестьяне создали сильный объединённый отряд в количестве 2 тыс. человек. Все командные должности в нём замещались военачальниками, избранными крестьянами из своей среды. Отряд был организован по уставам настоящей воинской части и хорошо вооружён.

Крестьяне имели даже собственные пушки, которые они получили у горожан в обмен на колокола, снятые с деревенских церквей. Этот отряд проводил самостоятельные военные операции во взаимодействии с гентцами.

В районе его действия был расположен сильно укреплённый замок Гандтзем. Он был окружён мощными стенами, по углам стен высились башни с многочисленными амбразурами. Из них высовывались пушки. Широкий ров, заполненный водой, прикрывал стены замка. В этом замке был расположен сильный гарнизон «недовольных», солдаты которого совершали опустошительные набеги на соседние деревни и местечки.

Крестьяне обложили этот замок и после продолжительной осады принудили засевших в нём «недовольных» к капитуляции, а сам замок срыли до основания. Громя замки и монастыри, настоящие осиные гнёзда дворянской контрреволюции, вооружённые крестьяне захватывали помещичьи земли и делили их между собой.

И такая картина наблюдалась повсюду — во Фландрии, Брабанте, в северных провинциях. Вооружённый народ и революционные слои буржуазии поднимались на борьбу против дворянских заговорщиков и их союзников.

Совсем иную позицию занимал принц Оранский и поддерживавшие его богачи. Они старались всеми способами договориться с дворянскими мятежниками и клеветали на народ, который вёл самоотверженную борьбу с «недовольными». Особенным нападкам подвергались гентцы. Принц Оранский называл их не иначе, как «бунтовщиками» и «смутьянами». Ещё летом 1578 г. принц Оранский добился у Генеральных штатов издания эдикта, который разрешал свободное исповедание католической веры, а, {189} революционным «комитетам 18» запрещал всякую политическую деятельность и вмешательство в дела управления страной. Это была попытка разделаться с ненавистным для принца «народоправством».

Видя, что этот декрет остался мёртвой буквой, принц решил, что надо подрубить «корень зла» — гентскую демократию. Он приблизил к себе Рихове, отличавшегося тщеславием и корыстолюбием и стал подстрекать его против другого вождя гентцев — Имбизе. Принц разжигал у Рихове чувство зависти и злобы против Имбизе, нашёптывая, что последний, опираясь на свою популярность в народе, стремится к личной власти, а его, Рихове, хочет лишить всякого влияния в Генте. Рихове попался на эту коварную приманку. Между ним и Имбизе начались ссоры, доходившие порой до открытых столкновений. Заметив близость Рихове к принцу, его стали поддерживать богачи и замаскированные враги революционного народа. С ведома принца они стали распространять разные клеветнические слухи относительно Имбизе, превозносить государственную мудрость принца, призывали гентцев подчиниться принцу Оранскому, примириться с «недовольными».

Принцу таким путём удалось добиться своей цели. Гентская демократия была расколота на две борющиеся между собой партии.

В конце ноября 1578 г. Вильгельм Оранский, приглашённый лично Рихове, вопреки воле Имбизе и его сторонников, прибыл в Гент. Он высокомерно и презрительно обращался с Имбизе, грозил ему, что заставит его ответить за оскорбление своей личности, и принудил гентцев принять ряд унизительных для них обязательств: восстановить свободу католического вероисповедания, возвратить католическому духовенству конфискованные у него ранее «комитетом 18» церковные имущества, а арестованных контрреволюционеров передать до суда в нейтральные руки. Таким образом, перед лицом наступающей контрреволюции принц Оранский стремился подавить народное движение, рассчитывая таким путём достигнуть примирения с дворянскими мятежниками — «недовольными».

Предательская политика Вильгельма Оранского сказалась не только в Генте и других городах Фландрии и Брабанта, но и в Артуа. Мы уже видели раньше, что там также произошло восстание народа в городе Аррасе, итогом которого было свержение прежнего городского магистрата и образование «комитета 15». Дворянские заговорщики, начав свой мятеж, решили

прежде всего разгромить аррасскую демократию, видя в её существовании опасность для осуществления своих предательских замыслов.

Если бы народные массы Арраса были более организованны, политически зрелы и находились бы под руководством честных вождей, они смогли бы предупредить и сорвать замыслы дво-{190}рянских заговорщиков. На деле получилось иное. Народ слепо верил «комитету 15», который состоял в своём большинстве из оранжистов (сторонников Оранского). Это были богатые купцы и адвокаты. Они боялись решительных действий, совсем не думали об интересах и нуждах народа и стремились только использовать бедный люд в своих интересах. В их числе были предатели, уже давно сговорившиеся с дворянскими заговорщиками. «Недовольными» был подкуплен и начальник городской стражи оранжист Амбруаз ле Дюк.

«Комитет 15» поэтому не обращал внимания на все сигналы о готовящемся заговоре дворян и, подобно принцу Оранскому, старался мирным путём договориться с «недовольными». Члены комитета забеспокоились только тогда, когда заговорщики стянули к городу мятежные войска, а на протест «15» ответили, схватившись за эфесы своих сабель: «Вот что нас оправдает!» Тем временем войска заговорщиков уже входили в город. Изменник Амбруаз ле Дюк не оказал им никакого сопротивления. Войска, посланные на помощь Аррасу гентцами, были разбиты или задержаны «недовольными». Народ был захвачен врасплох. Дворянские же заговорщики не теряли времени. Они разогнали «комитет 15» и казнили тех его членов, которые пытались организовать сопротивление городских масс. На плахе под топором палача сложил свою голову и глава «комитета 15», богатый аррасский адвокат Госсон. Казням подверглись и десятки горожан, известных своей враждебностью к заговорщикам. Таковы были плоды предательской политики принца Оранского и его приверженцев. По существу они явились скрытыми, а потому ещё более опасными пособниками дворянской контрреволюции.

Дворянские заговорщики полностью овладели провинциями Артуа и Геннегау. В январе 1579 г. они заключили, между собой так называемую Аррасскую унию, целью которой была провозглашена борьба со «смутьянами» и с «врагами собственности и порядка». 5 апреля 1579 г., сбросив с себя окончательно маску, «недовольные» подписали мирный договор с палачом нидерландского народа, кровавым извергом Филиппом II.

Враги революции подняли голову и в других провинциях. Они повсюду с удесятерённой энергией начали вести агитацию за примирение с Филиппом II. С амвонов католических церквей раздавались проповеди о скором торжестве «истинной католической веры» и «гибели еретиков, погрязших в разврате и кознях с сатаной». Переряженные в нищих и «блаженных», католические монахи и священники на базарах и в других людных местах проклинали «кальвиновскую секту». Они кричали, что скоро «карающая десница божия» покарает вероотступников, а испанский король уже послал в Нидерланды «несметную армию». Этим путём они старались деморализовать народ и помочь испанским агентам осуществлять их предательские планы. {191}

Революционный лагерь ответил на это решительным контрнаступлением. 21 января 1579 г. была заключена так называемая Утрехтская уния, вокруг которой объединились все силы революции. Ядром их были революционные северные провинции. Здесь стрелковые гильдии и городские милиции составляли главную силу. Они состояли из вооружённого народа, руководимого революционной буржуазией. Силы дворянско-католической реакции были подорваны. Крупнейшее поражение им было нанесено в мае 1579 г., когда народное восстание низвергло реакционный патрицианский магистрат в крупнейшем городе Голландии Амстердаме. Власть повсюду переходила в руки сторонников непримиримой борьбы с испанцами.

К северным провинциям тянулись городские демократии Фландрии и Брабанта, примкнувшие по почину Гента к Утрехтской унии. Однако здесь очень сильна была организованная дворянско-католическая реакция. Колеблющаяся и двуличная политика принца Оранского и его приверженцев была ей на руку. Только борьба вооружённого народа сорвала на время планы дворянских контрреволюционеров.

В самом начале 1579 г. на юге Нидерландов началось сильное крестьянское движение. Крестьяне, несмотря на свою политическую неопытность, забитость и темноту, понимали, что дворянство является их главным врагом. Особенно сильно было крестьянское восстание во Фландрии, куда вторглись грабительские отряды «недовольных». В марте 1579 г. большой отряд крестьян, численностью в 8 тыс. человек, соединился с войсками Генеральных штатов для

борьбы против «недовольных», которые безжалостно грабили крестьян в окрестностях городов Бурбурга и Дюнкерка. Действия крестьян были весьма успешны, и они заставили «недовольных» очистить много деревень и маленьких городков.

Всю весну и лето 1579 г. продолжались кровопролитные стычки отрядов крестьянской самообороны с бандами «недовольных». Наиболее упорная борьба шла в районах городов Касселя и Берг-сент-Винокса. Умело ведя партизанскую борьбу, крестьяне сильно потеснили «недовольных». Но затем «недовольные», собрав большие силы, перешли в наступление и нанесли крестьянам ряд тяжёлых поражений. При этом дворяне проявляли страшную жестокость по отношению к крестьянам.

Однажды большой отряд «недовольных» осадил укреплённый пункт, оборонявшийся крестьянами. Часть осаждённых погибла в борьбе, но остальные продолжали стойко сражаться и наносили врагу большой урон. Тогда «недовольные» решили прибегнуть к вероломству. Они заверили осаждённых крестьян, что если они прекратят сопротивление, то им будет предоставлена свобода идти, куда они захотят. Доверчивые крестьяне положились на слово «благородных» дворян. Но лишь только они покинули укрытие, как подверглись предательскому нападению и {192} были безжалостно истреблены все до одного. В этой отвратительной резне приняли участие не только солдаты, но также офицеры и даже католические священники, находившиеся в большом количестве в армии «недовольных». Один из этих негодяев, по свидетельству хрониста, хвастал впоследствии, что он собственноручно зарезал 10 безоружных крестьян.

В дальнейшем отношения крестьян с Генеральными штатами начали портиться. Аббаты, дворяне и богатая буржуазия, которые имели большинство в Генеральных штатах, меньше всего думали об интересах крестьян. Они не отменили тяжёлых феодальных податей, взимавшихся с крестьян. По-прежнему собиралась разорительная церковная десятина, а войска Генеральных штатов, плохо оплачиваемые и недисциплинированные, грабили крестьян не хуже испанцев.

Крестьяне, видя, что со всех сторон они встречают только грабёж, насилие и безразличие к их нуждам, начали истреблять наряду с отрядами испанцев и «недовольных» также и солдат армии Генеральных штатов.

Особенно сильные восстания разразились на севере, в провинциях Гронингем, Фрисляндия и Дрент, где происходили военные действия. Здесь восставшие крестьяне объединились в большие отряды и сражались против войск Генеральных штатов под стягами, на которых было изображено яйцо, рассечённое мечом, с вытекшим зародышем цыплёнка и с надписью: «Мы сражаемся за скорлупу». Этим крестьяне хотели показать своё полное разорение от войны и грабежей наёмных войск Генеральных штатов. Повстанцы называли себя «отчаявшимися».

Во Фландрии крестьяне нескольких областей создали специальный союз, поклявшись вести совместные военные действия против мародёрствующих войск Генеральных штатов. Они создали сильную и стройную военную организацию, возглавлявшуюся выборными командирами. В одной из областей крестьяне потребовали у губернатора, чтобы он стал во главе их отрядов и возглавил их борьбу с войсками Генеральных штатов, в противном случае они грозили сжечь губернатора в его доме.

Вместо того чтобы удовлетворить справедливые требования крестьян, Генеральные штаты ответили на бунты крестьянского отчаяния свирепыми карательными экспедициями. Целые деревни начисто выжигались, а их обитатели подвергались уничтожению или ужасным пыткам. Крестьян сжигали в запертых домах и храмах, вешали вдоль дорог на деревьях, десятками топили в реках.

В результате этого крестьяне перестали поддерживать правительство, а местами подпадали под влияние контрреволюционного дворянства и испанцев, которые сумели их озлобить против революции.

Таковы были итоги предательской политики господствующих классов по отношению к нидерландскому крестьянству. {193}

Острые классовые бои разгорелись не только в деревне, но и в городах Фландрии и Брабанта. 28 мая 1579 г. католическое духовенство в Антверпене организовало религиозную манифестацию, подлинной целью которой было продемонстрировать силы дворянско-

католических реакционеров. Несмотря на то что шествие это было запрещено городскими властями и его организаторы были заблаговременно извещены об этом, католическая манифестация, многие участники которой были вооружены, двинулась по улицам города с развевающимися хоругвями в руках и с пением католических молитв. Во главе манифестации шёл сам эрцгерцог Матвей со своей свитой. На приказ поста городской стражи остановиться манифестанты ответили вооружённым сопротивлением.

Завязавшаяся перестрелка послужила сигналом к восстанию народа. Отовсюду бежал городской люд, вооружённый и готовый биться насмерть с католическими заговорщиками. Огромная толпа вооружённого народа обратила католических манифестантов в паническое бегство. Бóльшая их часть вместе с эрцгерцогом Матвеем была загнана в городской собор, который осадила разбушевавшаяся толпа. Лишь вмешательство принца Оранского и его гвардии помогло вывести из церкви эрцгерцога Матвея. Но все католические священники в количестве 121 человека были немедленно посажены на корабли и вывезены из Антверпена. Вооружённый народ сорвал католическую провокацию.

Через несколько дней произошла новая вылазка испанских пособников. Граф Эгмонт, сын казнённого герцогом Альбой вельможи, человек ничтожный и алчный, решил перекинуться на сторону испанцев. Чтобы повысить в глазах Филиппа II цену своего предательства и получить от него больше милостей, граф решил внезапным налётом овладеть городом Брюсселем, чтобы передать его потом в руки испанцев.

4 июня 1579 г. граф во главе сильного военного отряда, обманув бдительность городской стражи, ворвался в Брюссель и занял центральную городскую площадь, где 12 лет назад в этот самый день был казнён его отец. Но он просчитался. Весь народ Брюсселя восстал как один человек и взялся за оружие. Изменник вместе со своими солдатами был осаждён со всех сторон и не мог не только овладеть городом, но и выйти из него. Возмущённые таким чёрным предательством, горожане кидали в него и его солдат из окон своих домов всякие отбросы и кричали: «Эй! Негодяй! Выверни пару камней из мостовой! Под ними ты найдёшь кровь твоего отца, которая вопиет об отмщении!»

Видя провал своей отвратительной затеи, граф Эгмонт капитулировал, получив разрешение покинуть город вместе со своими солдатами. Так народ сорвал ещё одну предательскую попытку контрреволюционеров. {194}

Вскоре кровавые столкновения разыгрались в городе Брюгге. Здесь католические монахи и священники уже давно вели агитацию за свержение «комитета 18» и примирение с Филиппом II. 2 июля 1579 г. католические заговорщики перешли от слов к делу. Выбрав удобный момент, когда почти все кальвинисты и большинство солдат городской милиции находились на кальвинистской проповеди вне стен города, заговорщики овладели городской ратушей, издали приказ о роспуске городской милиции, низложили «комитет 18» и захватили в свои руки ряд важных в стратегическом отношении районов города. Революционная партия, однако, не дала запугать себя. Народ был призван к оружию. Места, захваченные заговорщиками, были окружены со всех сторон, а ночью в город были введены подкрепления. Сопротивление заговорщиков было сломлено, и в городе снова восторжествовала демократия.

Острая классовая борьба разгорелась в Генте. Соглашение, навязанное гентцам принцем Оранским, оказалось недолговечным. Католическое духовенство попыталось использовать данные ему этим соглашением уступки для организации контрреволюционного заговора. Гентцы ответили на это ликвидацией соглашения и изгнанием из города католического духовенства. 15 мая «комитет 18» Гента издал официальную прокламацию, в которой объявлялось, что Гент и прилегающая к нему округа находятся в неразрывной связи с Утрехтской унией, а кальвинизм является официальной религией жителей города. Имбизе приобрёл господствующее влияние в Генте.

Принц Оранский и его приверженцы в Генте заволновались. Они решили окончательно разгромить гентскую демократию. В город Уденар были направлены войсковые части, чтобы превратить этот пункт в опорную базу против Гента. Другую опорную базу было решено создать в городе Термонде, где правил Рихове. Одновременно принц Оранский продолжал науськивать Рихове против Имбизе и добился того, что Рихове открыто попытался арестовать Имбизе. Однако попытка эта не удалась. Городские массы не позволили Рихове выполнить его намерение.

Предательские манёвры принца тем не менее не прекращались. Вильгельм Оранский в душе ненавидел простой народ и боялся его. Он стремился стать независимым властителем всех Нидерландов или части их и лишь потому боролся с испанцами, что не мог ожидать от них поддержки в осуществлении своих планов. Однако внутри страны принц не видел сил, на которые он мог бы опереться. Демократию он стремился подавить, а дворяне и католическое духовенство ему не доверяли. Поэтому принц Оранский решил снова прибегнуть к помощи иноземного вмешательства и призвать в страну герцога Анжуйского, который уже в 1578 г. показал себя заклятым врагом нидерландского народа. Трусливая буржуазия Фландрии и Брабанта, напуганная {195} движением народных масс, изменила делу революции и примкнула к принцу Оранскому.

Герцог Анжуйский давно тешил себя надеждой прибрать к своим рукам богатые Нидерланды. Поэтому он охотно согласился принять предложенный ему титул герцога Брабантского и власть над всей страной. Но он смертельно ненавидел народ и особенно гентцев. В них он видел главную помеху своим планам в Нидерландах и своих заклятых врагов, немало повредивших ему в 1578 г. Теперь гентцы снова становились на пути герцога Анжуйского. Они категорически возражали против его приглашения в страну.

Учитывая это, герцог потребовал от принца Оранского и Генеральных штатов «обуздания» демократии, как предварительного условия вмешательства его в дела Нидерландов. Это подталкивало принца и его сторонников к тому, чтобы как можно быстрее разделаться с гентской демократией.

Гентцы отлично знали об этом сговоре принца Оранского с герцогом Анжуйским и решили одним ударом расстроить его. Они организовали переворот в Уденаре. Губернатор Уденара, оранжист Мансар, был изгнан из города вместе с верным принцу гарнизоном. Рихове решено было сместить с поста командующего гентскими войсками, а город Термонд захватить в свои руки.

28 июня 1579 г. Имбизе совершил переворот в Генте и сосредоточил в своих руках всю власть. Революционные слои буржуазии поддержали переворот, и Имбизе расплатился с ними, распродавая за бесценок конфискованные церковные имущества. Городская милиция была очищена от приверженцев Рихове.

Однако торжество Имбизе оказалось недолговременным. Оранжисты были настолько сильны в городе, что сумели дискредитировать политику Имбизе в глазах многих горожан. Повсюду распространялись слухи, что Имбизе стремится к установлению личной диктатуры и намеревается сдать город испанцам из личной ненависти к герцогу Анжуйскому. Имбизе издал манифест «14 статей», в котором разоблачал подлинные замыслы принца Оранского и его сторонников, целью которых было поработить свободолюбивых гентцев, восстановить католицизм и передать страну в руки иноземцев. Оранжисты ответили контрманифестом — «5 статей», — в котором со своей стороны заверяли гентцев, что принц Оранский даст все необходимые гарантии жителям города не предпринимать ничего против существующего в городе политического порядка и не вводить никаких новшеств, без согласия на то горожан. Но это была ловушка, в которую попались многие легковерные люди. Прибыв в Гент, принц категорически отказался дать какие-либо гарантии и заявил, что имеет достаточно сил, чтобы обуздать «крикунов», «смутьянов» и прочих «демагогов». За угрозами последовали и действия. {196} Созданный Имбизе после переворота 28 июня магистрат был низложен, войсковые части Имбизе объявлены распущенными. Сам Имбизе и часть его близких приверженцев, опасавшихся за свою жизнь и отчаявшихся в торжестве демократии, бежали из Гента.

Принц Оранский добился своего. Он разделался, наконец, с ненавистной для него гентской демократией. Вслед за этим наступил черёд северных провинций. Там крупная буржуазия мирилась до поры до времени с политическим могуществом демократии. В этом голландские купцы видели средство разделаться руками народа с испанцами и феодальным дворянством. Но когда эта цель была достигнута и голландское купечество сочло своё положение достаточно прочным, оно решило отделаться от ненавистной ему «опеки» демократических стрелковых гильдий, городских милиций и кальвинистских консисторий, вокруг которых группировались силы демократии.

Поэтому крупная голландская буржуазия охотно приняла предложение принца Оранского о необходимости «обуздать» демократию и на севере страны. Специальный закон 1581 г.

запретил стрелковым гильдиям и городским отрядам милиции принимать участие в решении государственных дел. Этим актом вооружённый народ устранялся от политической деятельности. Вся власть в северных провинциях отныне безраздельно принадлежала буржуазии.

Разделавшись таким образом с народом, принц Оранский и послушные ему Генеральные штаты 19 февраля 1582 г. торжественно провозгласили герцога Анжуйского государем Нидерландов. Но их надеждам не суждено было сбыться. Ничтожный и тщеславный герцог Анжуйский ничего не сделал для того, чтобы нанести военное поражение испанцам. Он думал лишь об одном — как бы ему самому стать полновластным хозяином страны.

17 января 1583 г. он сделал попытку насильственного захвата Антверпена и ряда других городов Фландрии и Брабанта. Это новое предательство было встречено отчаянным сопротивлением жителей. Войска герцога были разгромлены и с позором изгнаны из пределов Нидерландов.

Но изгнание герцога Анжуйского помогло и испанцам. После предательского разгрома Вильгельмом Оранским демократии во Фландрии и Брабанте там уже не оставалось сил, которые могли бы сопротивляться испанскому наступлению. Народ был деморализован и потерял веру в людей, правивших страной. Армия Генеральных штатов распалась.

На короткое время вновь восторжествовала демократия в крупнейших городах Фландрии и Брабанта. Но силы её были подорваны. Разобщённые, отчаявшиеся вследствие непрерывных измен своих бывших вождей, брошенные на произвол судьбы Вильгельмом Оранским и Генеральными штатами, они изнемо-{197}гали в неравной борьбе с превосходящими силами испанцев. Враг снова овладел всей Бельгией.

Только Север выстоял в борьбе с испанскими полчищами. Свободолюбивый народ Голландии не отдал свою страну на поругание жестокому врагу. Но народные массы Голландии не получили для себя от этого никаких выгод. Всеми выгодами революции и национальной независимости воспользовались богатые купцы и крупная буржуазия, нещадно эксплуатировавшие трудовой голландский народ. {198}

ОРДЕН ИЕЗУИТОВ

История человечества знает много чёрных страниц. И всё же в многовековой летописи насилий и злодеяний, которыми было куплено господство рабовладельцев, феодалов и капиталистов, едва ли можно отыскать пример деятельности, которая была бы такой гнусной, такой вредоносной, как деятельность иезуитов.

Начав служить католической церкви, иезуиты кончили прислуживанием американскому разбойничьему империализму.

От XVI в. до наших дней тянется цепь преступлений и грязных дел, постыдных злоупотреблений суеверием и невежеством и актов беспримерного вероломства и шпионажа. Свойственная иезуитам готовность не останавливаться ни перед чем для достижения поставленной цели, их стремление прикрыть любую низость обманом и лицемерием вызывали не раз волну широкого возмущения. Много раз их мошенничества и обманы приводили к тому, что иезуитов изгоняли из той или иной страны, где их злодейства становились нетерпимыми.

От гибели и уничтожения иезуитов всякий раз спасала благосклонность тёмных сил реакции, которым всегда требовались расторопные и не ведающие брезгливости агенты, преисполненные служебного усердия и ненависти к трудящимся.

Английский буржуазный протестантский историк Мако́лей говорит о влиянии иезуитов, об их проникновении во все страны, во все области деятельности: «Они проникали из одной страны в другую, переодеваясь самым различным образом, то под видом жизнерадостных рыцарей, то под видом простых крестьян, то в качестве пуританских проповедников. Их можно было обнаружить одетыми в платье мандарина, в роли руководителя Пекинской обсерватории...

С чувством полного подчинения иезуит предоставлял начальнику решить, должен ли он жить на северном полюсе, или под экватором... Они направляли советы королей... Тайны прави-{199}тельств и почти всех знатных фамилий во всей католической Европе находились в их руках».

Английский историк рисует здесь внешнюю картину: он отмечает пронырливость иезуитов, их стремление пролезать во все щели, их намерение всюду и везде навязывать свою волю. Он говорит о лживости и изворотливости иезуитов, об их уменьи разыгрывать любую роль, о дисциплине, связывавшей членов этой чудовищной организации. Но при этом вне поля зрения буржуазного автора остаётся главное: он не выясняет причин, вызвавших к жизни иезуитскую организацию, он не раскрывает содержание деятельности иезуитов и не объясняет классового характера этой деятельности.

Почему возник орден иезуитов.

Буря реформации и крестьянской войны затронула все страны Западной Европы. Она поколебала вековое здание католической церкви снизу доверху. Католическая церковь подверглась всеобщему осмеянию. Её невежественные и развращённые служители утратили свой былой авторитет, свою прежнюю власть. В ряде стран дворяне прибрали к рукам обширные епископские и монастырские земли. В Дании, Швеции, в Англии этому способствовали короли, желавшие щедрой раздачей церковных угодий привлечь и подчинить своему влиянию дворян. О захвате церковного добра помышляли и дворяне Польши и Испании, готовые приветствовать реформацию в своих странах. Скопидомные горожане Германии, Англии, Нидерландов решительно отвергали церковные поборы и вымогательства католической церкви, осмеивали пышный и дорогостоящий католический культ и бесчисленные праздники, объявляли себя последователями Лютера и других реформаторов. Народные массы всюду выступали против католической церкви, оберегавшей феодальные устои и благословлявшей вековое угнетение бесправного люда. Реформационное движение одерживало всё новые и новые победы, переходило из страны в страну, и в 30—40-х годах XVI в. многим казалось, что католическая церковь неминуемо рухнет под напором разрушительной критики, под натиском своих многочисленных врагов.

Этой угрозы не могли не ощущать прелаты католической церкви, её кардиналы и епископы, аббаты ещё не упразднённых монастырей, богословы и папские приспешники.

Оправившись от первых сокрушительных ударов, нанесённых реформацией, они пытались возвратить католической церкви её прежнюю роль, её былое господство. Но надежды и попытки отцов церкви остались бы бесплодными и тщетными, если бы эти отцы церкви не нашли союзников и помощников.

Реформационное движение, так широко развернувшееся в Европе, не было единым и однородным. У дворян и крестьян не могло быть общих задач, не могло быть одинаковых стремлений. Мартин Лютер, ставший верным прислужником князей, призы-{200}вал к жестокой расправе над восставшими крестьянами и сравнивал многострадальное немецкое крестьянство с ослом, обязанным безропотно нести тяжёлую поклажу. Великая гроза 1525 г. оставила неизгладимый след в сознании миллионов крестьян и городских плебеев. Гигантское зарево крестьянской войны озарило мир, и в свете его крестьяне и плебеи Европы увидели всю глубину общественной несправедливости. И хотя великая историческая битва была проиграна, память о ней сохранили и угнетатели и угнетённые. Идеи Томаса Мюнцера, идеи анабаптистов, требования швабских и франконских крестьян жили в народном сознании. Борьба с феодалами, протест против феодального угнетения не ушли в прошлое. То там, то здесь возникали новые крестьянские восстания.

На юге Германии, где оставались нерушимыми все старые и ненавистные формы феодального угнетения, крестьянские движения были очень часты. И неизменно эти движения носили реформационную окраску. Баварские крестьяне воскрешали идеи анабаптистов. Поэтому баварский герцог Альбрехт V писал мюнхенскому совету: «Слава бога и спасение души должны быть поставлены выше всех светских интересов».

Страх делал чванного герцога благочестивым. Тот же страх сделал его позднее покровителем иезуитов. Это был страх перед крестьянами, которые не мирились со своим положением и упорно искали своей крестьянской правды. Перепуганный герцог в своих баварских владениях и не менее испуганный император в своих австрийских землях спешили приостановить опасное брожение. Они желали сковать крестьянскую массу христианским смирением и повиновением католической церкви, умевшей усыплять умы верующих и парализовать их волю, умевшей убаюкивать людей сладкими речами о загробном мире и отвращать их мысль от непорядков и бедствий греховной земной жизни. Такую же опасность представляли для правителей мятежные выступления польского, испанского, сицилийского крестьянства. Государи

этих стран видели надёжный и испытанный оплот в старой католической церкви, умевшей порабощать тёмную массу. С этими надеждами сочетались и политические расчёты. Император в Вене связывал с торжеством католицизма мечту о подчинении гордых протестантских князей, мечту об усилении императорской власти в Германии.

Позднее испанский король Филипп II использовал католическую церковь как свою опору в борьбе за господство Испании над народами и государствами Европы.

Таким образом, мысль об укреплении, о спасении католической церкви находила убеждённых и ревностных сторонников в лице многих европейских государей и князей, в лице феодалов, смертельно ненавидевших и горожан и крестьянскую массу. В их лице католические прелаты и их верховный глава в Риме могли найти надёжных союзников. С их помощью можно было начать {201} борьбу за восстановление влияния и господства католической церкви.

Для того чтобы подобная борьба была успешной, необходимы были новые средства, новые приёмы борьбы. Необходима была новая организация.

Такой организацией и стал орден иезуитов.

Основатель ордена.

Испанский дворянин Иньиго (Игнатий) Лопец де Рекальде де Оназ-и-де-Лойола, отпрыск обедневшей дворянской семьи, был восьмым по счёту сыном дона Бельтрама Лойолы. Подобно сотням испанских дворян того времени, он не мог рассчитывать на отцовское наследство; подобно им, он был проникнут кичливым высокомерием, стыдился своей бедности, но презирал труд и никогда не помышлял о скромном трудовом заработке. Как и другие испанские дворяне, он мечтал о подвигах и отличиях, о ратной славе. Честолюбие рисовало ему пленительные видения будущего, в ожидания которого юный дон Иньиго развлекался, как умел. Он доверчиво выслушивал фантастические небылицы о проказах дьявола и приключениях ведьм, при случае разыгрывал влюблённого и писал скверные стихи. Он набожно молился по праздникам и исправно грешил в будние дни.

В 1521 г. Лойола участвовал в обороне Памплоны, осаждённой французами, и был тяжело ранен. Это ранение изменило его судьбу. Ему пришлось провести долгие месяцы на госпитальной койке, перенести мучительные операции, страдая от рук тогдашних неумелых хирургов, не имевших представления об обезболивающих средствах.

Переломанные кости постепенно срослись, но раненая нога оказалась короче другой, и это обстоятельство разрушило все надежды на рыцарскую карьеру.

Томительное безделье госпиталя заставило Лойолу читать и перечитывать жития святых и другую оказавшуюся под рукой церковную литературу. Сначала такое занятие казалось скучным, но за отсутствием рыцарских романов больной вынужден был примириться со святыми.

Понемногу он стал находить смысл в этом занятии, и мысль его получила новое неожиданное направление. Если слава невозможна для хромого рыцаря, то, быть может, она окажется доступной для хромого служителя церкви?

Впечатления от прочитанного причудливо смешивались и сочетались с рассказами о дальних странах, о языческом населении сказочных заморских островов. Тело Лойолы оставалось неподвижным, но его фантазия неустанно действовала. Разве приобщение жителей Индии и Китая к христианству не являлось бы подвигом? Разве посрамление еретиков не оказалось бы великой заслугой?

Легенда о Лойоле, созданная его последователями, полна занимательных подробностей. {202}

Эта легенда повествует о том, что Лойола, покинув госпиталь, повстречался в пути с мавром, который насмешливо отозвался о христианской вере. Лойола, оставшись один на дороге, долго думал, как ему поступить: догнать ли нечестивого мавра и по-рыцарски с ним расправиться, или, как подобает будущему святому, отказаться от преследования. Легенда говорит, будто Лойола решил доверить решение судьбе. Он выпустил из рук повод и предоставил мулу выбор пути. Мул не поехал вслед за мавром, а, свернув на боковую дорогу, доставил своего хозяина к часовне святой Марии.

Так осёл привёл Лойолу на путь благочестия.

Та же легенда рассказывает, будто Лойола провёл ночь в часовне богоматери, как рыцарь на страже, и в эту ночь окончательно созрело и оформилось его решение.

Лойола часто менял своё местопребывание. Его видели в Барселоне и Саламанке, Париже и Венеции. С необычным упорством бывший рыцарь стал изучать богословие. Среди совсем ещё молодых студентов Лойола производил впечатление человека немолодого, и его рвение казалось странным. Дважды Лойола навлекал на себя подозрения инквизиции и дважды представал перед отцами-инквизиторами как заподозренный в ереси.

Наука давалась нелегко, и Лойола не проявлял больших способностей. Но все затруднения он превозмогал с необычайным упорством. День ото дня росло его влияние на товарищей. Этот преждевременно постаревший человек, неизменно спокойный, внимательный, сосредоточенный, говорил всегда обдуманно и неторопливо, веско и решительно. Он подчинял себе друзей и делал их соучастниками своих планов. Этих друзей он соединил в небольшой кружок, который получил название «Компании Иисуса» (рота Иисуса).

Термин «компания» (рота) был хорошо известным в Испании и во Франции. Так назывались буйные дружины головорезов, отчаянных удальцов, готовых воевать под любым знаменем за горсть дукатов или обещание добычи.

В момент создания своей дружины Лойола ещё не представлял себе ясно её конкретных задач. Но он твердо знал, что его «компания» не должна быть похожа на прежние монашеские братства, не должна представлять собой группу сытых и пресыщенных клириков, сонно перебирающих чётки и после обильной трапезы бормочущих нескончаемые молитвы. Скорее всего его дружина должна была напоминать спаянный военной дисциплиной отряд, которому предстояли ожесточённейшие битвы.

Созданне ордена, его особенности и его первые шаги.

В 1540 г. папа Павел III признал новое «Общество Иисуса», как «Общество священников под верховным начальством папы для защиты веры». Учреждая новое общество, Павел III объявил, что цель его: «Вернуть заблудшие массы в ограду церкви», что должно было означать возврат в лоно католиче-{203}ской церкви всех тех, кто предпочёл реформированную религию. Прежде чем взяться за осуществление этой трудной задачи, Лойола решил привлечь к новому ордену всеобщее внимание. Он стремился к тому, чтобы все заговорили об этом ордене и удивлялись ему.

Немногочисленные в первое время иезуиты основывали приюты для сирот, убежища для престарелых, появлялись у ложа опасно больных, сражённых заразной болезнью, занимались делами благотворительности, всюду обнаруживая самое пылкое рвение. Но коварный Лойола отнюдь не собирался сделать своих сообщников воспитателями сирот или братьями милосердия.

Он прекрасно понимал, что судьба католической церкви будет решаться не у койки тифозного больного и не в богадельне для престарелых. Мнимые подвиги самопожертвования и сострадания потребовались Лойоле лишь на короткий срок, они понадобились как средство успешной и быстрой рекламы. И как только молва о «добрых» братьях Иисуса достаточно распространилась, Лойола освободил своих последователей от не нужной им больше роли подвижников милосердия. Отныне им открывалось более широкое поприще.

Монахи прежних орденов стремились показать, будто вся их деятельность преисполнена личным благочестием и подвигами самоотречения и что этим они якобы выполняют волю бога.

Соратники Лойолы «угождали богу» тем, что настойчиво и непреклонно подчиняли своему влиянию людей разного, но прежде всего высокого звания и положения.

Это несходство задач вело к коренному различию во всём. Старые монашеские ордена, подчёркивая свой «отказ» от жизни, от мирских соблазнов, отгораживались от окружающих высокими стенами монастырской обители, облачались в особые одеяния иноков.

Иезуиты поступали совсем иначе. Лойола обязывал своих учеников жить в миру, самым тесным образом общаясь с мирянами, ради полного покорения и порабощения последних. Иезуит должен был одеваться в мирскую одежду, меняя её в зависимости от того, куда и зачем он послан.

Иезуиты ретиво взялись за дело. Они стали добиваться влияния при помощи коварства, лести и вероломства, лукавого красноречия и наглого обмана. Вездесущий, пронырливый иезуит с вечно насторожённым слухом, вкрадчивым голосом и неизменной улыбкой на устах должен был снискать благосклонность королей и министров, втереться в доверие влиятельных

особ и богатых купцов, а если необходимо, то и в доверие простых людей. Чтобы достигнуть успеха, иезуит должен был уметь постоянно перевоплощаться, изображая то одного, то совсем другого человека, менять вместе с одеждой речь, манеры, всё своё поведение и таким способом змеей проскальзывать в самую узкую щель, обманывая бдительность, усыпляя страх, побеждая недоверие и во {204} что бы то ни стало прельщая «нужного человека» не знающей границ ус-

Файл ist205.jpg

Иезуиты. *Карикатура XVII века.*

лужливостью.

По совету Лойолы, в Сицилии его учениками было основано специальное кредитное учреждение для помощи нуждающимся крестьянам. Оно было закрыто, как только влияние иезуитов в Сицилии окрепло. Разумеется, иезуитам не было ни малейшего дела до крестьян, друзьями которых они лишь временно прикинулись.

Иезуиту Лайнесу было поручено завоевать доверие генуэзских граждан. Хитрый Лайнес усердно готовился к решению поставленной задачи. Много дней просидел он взаперти над книгами, рукописями и счетами. Генуя холодно встретила иезуита, но это Лайнеса не смутило. Он не спешил выступить с проповедью. Он предпочёл изумить город купцов и мореплавателей, город банкиров и ремесленников тщательно подготовленными речами о... торговом и вексельном праве. Этими речами Лайнес завоевал себе признание и подготовил благоприятную почву для религиозной проповеди.

Оба приведённых примера лишь иллюстрируют правило, которое Лойола преподал своим ученикам: «Для того, чтобы завоевать всех, надо быть всем для всех». Это правило знаменовало необходимость вечного приспособления, осторожного подхода и ловкой маскировки. Конечно, иезуиты вовсе не собирались быть на деле «всем для всех», но каждому они должны были казаться именно тем, что для него было наиболее желанным. Поэтому-то иезуит и обязан был предстать перед генуэзским купцом в роли знатока коммерции, перед знатным сеньёром в роли снисходительного исповедника, перед государем в качестве опытного и {205} искушённого советчика. Деятельность иезуитов с самого начала оказалась весьма разнообразной: ближайшие соратники Лойолы — Лайнес и Сальмерон — отстаивали права папы на Тридентском соборе, в то время как другие члены ордена натравливали ирландских католиков на английских протестантов или принимали участие в заговорах.

Где бы ни подвизались иезуиты, для них все средства были одинаково хороши, так как, по их мнению, «цель оправдывала средства».

А целью было повсеместное восстановление власти католической церкви и папы. И поскольку церковь была всегда защитницей сильных против слабых, эксплуататоров против эксплуатируемых, поскольку она ревностно утверждала божественное происхождение неравенства и господства одних над другими, — иезуиты были рьяными защитниками феодализма и в XVI—XVIII вв. отстаивали привилегии феодалов с таким же усердием, с каким в наше время они пытаются отстаивать интересы капиталистов.

Иезуиты в роли миссионеров.

Распространение христианства среди туземцев отдалённых стран было одним из средств организации самого бессовестного колониального грабежа и порабощения.

За миссионерами шли завоеватели и купцы, превращавшие туземцев в колониальных рабов.

Долго и упорно, но почти безуспешно, францисканцы и доминиканцы пытались распространить христианство среди жителей Индии и Китая. Иезуиты решили в самый короткий срок добиться успеха, недоступного другим церковным орденам. Ставя себе такую цель, иезуиты полагались не только на свою энергию, изворотливость, они больше всего надеялись на то, что им удастся провести туземцев, обмануть их и незаметным образом навязать ярмо христовой веры. Опытные шпионы и предатели, иезуиты добились того, что оказалось невозможным для их предшественников.

Проникнув в Китай, они старательно изучили язык и обычаи китайцев. Разрушить языческие верования, ниспровергнуть языческих богов и пламенно убеждать китайцев в преимуществах христианской веры — всё это иезуитам казалось делом трудным, долгим, да и не очень нужным.

Гораздо проще было под видом старых языческих верований подсунуть доверчивым китайцам несколько обрывков христианской проповеди и культа и таким образом навязать христианство как новую разновидность прежней китайской веры. Обмануть китайцев было легче, чем разубедить. Это иезуиты смекнули с самого начала. И вот отцы-иезуиты появляются в роли почитателей Конфуция. Они по языческому обряду приносят жертвы Конфуцию, приносят жертвы предкам. Иезуит Ле-Конт доказывал, что Конфуций «Вдохновлённый богом мудрец», и пытался изре-{206}чениями этого почитаемого китайцами авторитета обосновать христианство.

Иезуитов охотно слушали, как новых учителей старой истины. Иезуиты вывешивали в храмах полученные от императора дощечки с надписью: «Кинг-Тьен» (что означало «поклоняйтесь небу!»). День ото дня росло число людей, которых иезуиты считали христианами. Это были тёмные люди, которые удовлетворялись причудливым смешением языческих и христианских верований и обрядов.

Таким же образом иезуиты действовали и в Индии. Здесь они ещё в большей степени приспособились к господствовавшим общественным порядкам и обычаям. Они видели, что глубочайшая социальная и религиозная пропасть отделяет высшие касты от низших, влачивших жалкое существование; ещё более тяжела была судьба отверженных, «париев», не имевших права прикасаться даже к вещам людей, принадлежавших к высшим кастам. Парии не могли быть ремесленниками, а были вынуждены заниматься «нечистыми» работами, например, ассенизацией.

Лицемерная проповедь «христианской любви к ближнему» и «равенства всех перед богом» оказалась в вопиющем противоречии с кастовым строем, но иезуиты не смущались этим. Приспособляясь к воззрениям высших каст, иезуиты сочиняют поэмы и песнопения, подражая старым индийским образцам, и демонстративно отвергают всякое общение с париями. В случае причащения обращённого в христианство пария, такой иезуит протягивал парию причастие на конце длинной палки. Зато иезуиту Эммануилу Лопецу поручена другая роль: он бродит полуголым, в обрывках лохмотьев, находится в тесном общении с забитыми и тёмными индийскими париями и усердно приобщает их к христианству.

Один предприимчивый иезуит затеял массовое обращение туземцев. В 1560 г. он нанял сотню портных, которые шили для новообращённых христиан длинные крестильные рубашки. Тысячи туземцев спешили погрузиться в воду, поцеловать протянутый им деревянный крест, чтобы затем, выйдя на берег, бесплатно получить холщёвую рубашку. Эти туземцы, прельщённые ослепительно белыми рубахами, мало понимали смысл странного обряда, но они не утруждали себя размышлениями, подобно тому как крестивший их иезуит не обременял себя сомнениями.

Один из ближайших соратников Лойолы Франциск Ксавье объяснял жителям Молуккских островов, что вулканы, всегда поражавшие их воображение, свидетельствуют о близости резиденции владыки ада. Когда произошло землетрясение на острове Маротаи, он объявил, что в этот день архангел Михаил низвергнул адских духов, противившихся иезуитам.

Но лишь незначительная часть иезуитов занималась одурачиванием туземцев в отдалённых странах. Основные силы ордена {207} были сосредоточены в Европе, которая представлялась воинственному Лойоле широким полем упорной битвы.

Иезуиты «за работой».

Зима 1610 г. принесла Парижу и всей Франции толки о предстоящей войне с Габсбургами, на стороне протестантских князей Германии. Об этой войне говорили придворные и офицеры, скромные горожане и монахи.

Передавали, что под знаменами короля собрана небывалая по размерам армия в 101 тыс. воинов, готовых к немедленному выступлению. Давно не видел Париж такого скопления дворян, такого множества копейщиков и мушкетёров, такого обилия пёстрых мундиров и гербов, пищалей, знамён и копий. Давно не было у трактирщиков и пивоваров такой наживы, как в эту памятную зиму. Давно не знали харчевни, гостиницы и постоялые дворы такого оживления. Бесшабашные провинциальные дворяне, не таясь, говорили о планах будущей войны. Для них не было секретом, что протестантские князья Германии деятельно готовятся к схватке с собственным императором, ненавистным всякому французу Габсбургом, и с нетерпением ожидают обещанной им могущественной поддержки французского короля. Далеко за полночь тянулись хмельные беседы, каждый раз произносились хвастливые воинственные речи и не раз

какой-нибудь размечтавшийся дворянин говорил о щедрой добыче, которая ожидает будущих победителей за Рейном.

Велико было изумление Парижа, когда иезуитский проповедник отец Гонтье открыто выступил против предстоящего похода и с кафедры собора Парижской Богоматери громогласно объявил замысел короля безбожным и святотатственным предприятием. Все находившиеся в Париже иезуиты проповедовали и убеждали, грозили адскими муками и небесным гневом тем, кто будет поддерживать «богохульную затею» короля Генриха IV. В дом маршала Ла-Шатра явилась депутация иезуитов, побуждавших маршала немедленно отказаться от командования войсками и от выступления в поход.

Много шуток и острот можно было после этого услышать в харчевнях, где каждый раз с добавлением всё новых и новых подробностей рассказывали о том, как вспыльчивый маршал выпроводил из своего дома назойливых отцов-иезуитов.

Только один иезуит, казалось, не разделял пылкого «негодования» своих собратьев. Это был королевский духовник отец Котон. Он и в эти дни, как всегда, был олицетворением весёлого благодушия и самой радушной жизнерадостности. Своей неизменной улыбкой на сытом и круглом лице он как бы давал понять, что никакие политические треволнения не в состоянии рассорить его с «духовным сыном» — королём Генрихом IV. Впрочем, осторожные люди полагали, что король напрасно доверяет хитрому духовнику. Говорили, что отец Котон имеет тайный приказ ладить со строптивым государем и неустанно следить за {208} каждым его шагом... Генрих IV пренебрегал намёками и шутливо называл весёлого духовника Котона своим «мудрым Катоном».

Военные приготовления продолжались, и маленьким парижанам по-прежнему доставляли огромное наслаждение кавалькады вооружённых всадников и тяжеловесные пушки то громыхавшие, то застревавшие в грязи немощёных улиц.

Внезапное событие разом всё изменило... Король Генрих IV был убит юношей Равальяком, который прыгнул в проезжавший мимо королевский экипаж и с неистовым ожесточением несколько раз пронзил короля кинжалом. Взволнованные парижане и негодующие солдаты единодушно считали виновниками убийства отцов-иезуитов.

Как только королевский духовник узнал о случившемся, он поспешил в Лувр к трупу короля, лежавшему под чёрным суконным пологом. «О, кто злодей, убивший этого доброго государя, этого святого короля, этого великого короля!» — восклицал отец Котон, подымая при каждом возгласе вверх и глаза и руки. «Не гугенот ли он?» — добавил он, окидывая тревожным и быстрым взглядом круг молчаливых царедворцев. Гофмаршал, не поднимая головы, ответил: «Нет, это римский католик!» — «Ах, как жаль, что это не так!» — вырвалось из груди королевского духовника. Чей-то голос из задних рядов многозначительно добавил: «Гугеноты так не шутят!» Отец Котон поспешил отступить. Он закрыл лицо руками, привёл в движение локти и плечи, что должно было означать скорбное рыдание, и, пятясь, вышел из зала.

В тот же вечер неугомонный королевский духовник навестил Равальяка в тюрьме, двери которой раскрылись перед «другом» убитого короля.

Один из современников рассказывает, что, покидая узника, отец Котон строго и назидательно сказал ему: «Смотрите же, не введите в беду добродетельных людей...» Затем, прежде чем закрыть за собой дверь тюремной камеры, прибавил: «Я буду ежедневно поминать ваше имя на литургии!»

Париж шумел и напоминал собой потревоженный муравейник. Парижане вспоминали, что в 1594 г. воспитанник иезуитов Жан Шастель покушался на жизнь короля, и это повлекло за собой изгнание иезуитов из Франции на несколько лет. Священник церкви Варфоломея в своей проповеди стал смело обличать иезуитов. Он ссылался на книги известных иезуитов Марианны и Бекануса, оправдывавших насилия и цареубийство. Негодующий проповедник говорил, что «одно из главных человеколюбивых занятий иезуитов состоит в том, что они рано отсылают в рай души тех королей и принцев, которые не покровительствуют им так, как им хочется, или которые, по их мнению, не являются добрыми католиками».

Речь эта передавалась из уст в уста. Весь Париж узнал её {209} содержание. Все готовы были обвинять иезуитов, все ждали результатов следствия и суда над Равальяком.

На эти подозрения и упрёки, на гнев и неприязнь взволнованной столицы иезуиты ответили торжественной комедией. Когда-то лукавый духовник отец Котон упросил Генриха IV

завещать своё сердце ордену иезуитов, который желал хранить сердце короля после его смерти как драгоценную реликвию.

И вот чёрная процессия иезуитов направилась от Лувра к церкви святого Антония. Бережно несли иезуиты гипсовую урну, в которой лежало сердце, извлечённое хирургом из груди убитого короля. Народ шёл следом за иезуитами, которые своим поведением пытались доказать полную невиновность и безмерную скорбь. Просторную церковь заполнила толпа. У алтаря водружена была урна. Лучший иезуитский проповедник медленно поднялся на кафедру, с минуту постоял, потупив взор, затем поднял глаза вверх, приложил руки к груди и наконец заговорил. Речь его от слова до слова записал и сохранил один из друзей короля — Пьер Д'Этуаль.

«Увы!.. Увы!.. — начал свою речь проповедник прерывающимся и дрожащим голосом, — где взять нам достаточно перьев, языков, ума, чтобы написать на вечные времена, чтобы живо изобразить великую любовь и благодеяния, оказанные нашему ордену, его покорнейшему, преданнейшему и послушнейшему служителю? Боже вечный! О, какое доказательство своей любви дал он, оставив нам своё сердце, драгоценнейший в мире бриллиант, сокровище природы, кроткое вместилище всех даров небесных... Небо, земля! какой дар получили мы! Государь, за одно это сердце я приношу вам сто тысяч сердец. Нет такого иезуита, у которого это сердце не было бы запечатлено в собственном сердце... Варваром, бесчеловечнейшим, жесточайшим из всех татар будет тот иезуит, который не посвятит своего сердца и самой нежной части своего сердца служению этому великому королю и сладкому воспоминанию о том, кто отдавал нам своё сердце, даруя нам больше, чем все земные владыки...» Таково начало длинной-предлинной речи, произнесённой одним из тех, кто был причастен к убийству короля.

В те времена любили цветистое красноречие, преувеличения и смелые сравнения. Иезуит-оратор держал себя на церковной кафедре, как актёр на сцене. Он то повышал, то понижал голос и вибрирующими интонациями искусно подчёркивал своё мнимое волнение и мнимую искренность. Красивые слова обманывали слух, и поэтому лживая речь проповедника произвела на многих слушателей большое впечатление.

Долго, настойчиво, терпеливо допрашивали Равальяка. Следователю и судьям было ясно, что Равальяк был орудием в чьих-то опытных руках, что намерение убить короля этому юноше кем-то внушено. Понемногу выяснилось, что Равальяк ревностный католик, с детских лет привыкший поверять все свои думы {210} и чувства исповеднику, который от имени господа бога прощал грехи и давал наставления. Нехотя назвал Равальяк имя своего исповедника — иезуита Д'Обиньи.

Перед следователями предстал и сам Д'Обиньи, плотный, высокий, уверенный в себе, седеющий человек. Он держал себя спокойно, был вежлив, скуп на слова, отвечал не сразу и перед тем, как отвечать, пристально смотрел на следователей. Всем своим поведением он как бы стремился доказать, что его напрасно обеспокоили, что все обращённые к нему вопросы — плод прискорбного недоразумения. Не колеблясь, Д'Обиньи решительно отрицал своё знакомство с Равальяком. Нет, он не знает, он никогда не видел этого человека... Потребовалась очная ставка. Равальяк, истомлённый тюремным заключением, удручённый своими переживаниями, онемел от изумления, когда Д'Обиньи, глядя на него в упор, ещё раз спокойно повторил, что никогда не видел этого молодого человека...

Следователи понимали, что воля исповедника властно тяготела над суеверным юношей, что эта злая настойчивая воля привела Равальяка к роковому решению.

Но перед судом истинный вдохновитель убийства Д'Обиньи предстал не в роли подсудимого, а в роли свидетеля. Председателем суда был глава парижского парламента Гарле, преданный патриот Франции, смертельно ненавидевший иезуитов. Выслушав уклончивые показания Д'Обиньи, Гарле спросил его: «Как вы понимаете тайну исповеди?»

Д'Обиньи вздохнул, помолчал и, неторопливо перебирая чётки, ответил: «Бог даёт одному дар языков, другому дар пророчества, мне же он дал дар забвения всего слышанного на исповеди. — Помолчав ещё с минуту, Д'Обиньи назидательно добавил: — Кроме того, мы, монахи, и не знаем мира. Мы занимаемся только делами того света и только их понимаем».

Председатель суда Гарле гневно ответил: «А я нахожу, что вы достаточно знаете мир и слишком уж вмешиваетесь в его дела».

* *
*

Лорд Моунтигль, католик и член палаты лордов, в 1605 г. незадолго до начала парламентской сессии получил таинственное письмо, неведомый автор которого советовал ему не являться в парламент в день открытия сессии, чтобы таким образом избежать погибели. Об этом письме узнали власти, которые раскрыли заговор, прозванный «пороховым». Несколько католиков-аристократов приняли решение уничтожить короля, его наследника, а заодно и членов парламента, в лице которых ревностные католики видели своих ярых противников.

Один из заговорщиков Томас Перси купил дом, расположенный вблизи Вестминстерского дворца, и собирался подвести под-{211}коп под здание парламента. Вскоре заговорщикам удалось нанять пустой подвал, находившийся под самым залом парламентских заседаний. В этот подвал тайно доставили 35 бочонков с порохом и тщательно скрыли порох под слоем дров и всевозможной рухляди. 5 ноября полиция обнаружила приготовленные для взрыва запасы пороха и вместе с ними офицера-католика Гая Фокса. Некоторые из заговорщиков бежали, но были настигнуты и погибли в столкновении с вооружёнными людьми шерифа. Остальные участники заговора были приговорены к смерти.

В ходе следствия выяснилось, что заговорщик Гай Фокс ездил в Испанию и просил о помощи у короля Филиппа III. Выяснилось и другое: заговорщиками тайно руководили иезуиты. Иезуитский священник Текстмунд показал, что он не отважился взять на себя ответственность за решение заговорщиков и направил их к своему начальнику — «провинциалу Англии», т. е. главе всех английских иезуитов, — Генри Гарнету. Заговорщики искали одобрения и поддержки у этого опытного иезуита. Они поставили перед ним вопрос, волновавший их всё время. Этот вопрос гласил: «Можно ли, защищая католиков от еретиков, умертвить вместе с виновными и несколько невинных?» Отец Гарнет отлично понимал, что взрыв 35 бочонков пороха повлечёт за собой гибель всех участников парламентского заседания, в том числе и его единоверцев-католиков. Но это нисколько не смутило иезуита, и он поспешил успокоить совесть заговорщиков, сказав им: «Если от этого католики получат пользу и если число виновных превышает число невинных, то должно умертвить их всех вместе».

По приказанию отца Гарнета, иезуит Жерард принял присягу участников заговора, исповедал их и причастил. Впоследствии, будучи допрошенным, Жерард утверждал, что ему ничего не было известно о заговоре. Всё же один из заговорщиков, обуреваемый сомнениями, решил спасти жизнь католика Моунтигля и послал ему предупредительное письмо, позволившее обнаружить заговор.

Гарнет вместе с заговорщиками был привлечён к суду. Рассчитанными хитрыми ответами Гарнет пытался запутать дело, сбить с толку судей и доказать непричастность иезуитов к заговору кучки мятежников. Много дней подряд судьи были вынуждены уличать и опровергать показания лукавого иезуита. Всякий раз, когда ему напоминали его собственные слова, он неожиданно находил в этих ранее произнесённых словах новое значение, ловко используя нарочитую двусмысленность своих показаний. Уличённый в этой двусмысленности, Гарнет стал развивать перед судьями циничную теорию «дозволенной лжи», доказывая, что он, Гарнет, не говорит правды на суде, так как обязанность установить судебную истину лежит вовсе не на нём, а на судьях, которые поэтому и обязаны сами отыскивать необходимые им доказательства виновности подсудимых. Возмущённые судьи вы-{212}несли Гарнету смертный приговор. В течение многих десятилетий горожане Лондона отмечали день 5 ноября, день раскрытия порохового заговора. По городу проносили соломенное чучело, изображавшее Гая Фокса, с поличным пойманного подле пороховых бочек. Над этим чучелом из года в год глумились сотни людей, прежде чем предать его огню. Недогадливые ремесленники и торговцы, матросы и грузчики Лондона при этом осыпали проклятиями отнюдь не главного виновника покушения на короля и парламент. Этим главным виновником являлся не второстепенный исполнитель, а наставник заговорщиков, иезуит Гарнет, а в его лице и руководители ордена иезуитов, ордена, раскинувшего чёрную сеть заговоров и интриг по лицу всей Европы.

Как иезуиты добивались влияния и власти.

С самого начала Лойола желал поставить немногочисленный орден в положение организации, диктующей свою волю государям и епископам и властвующей над миллионами обыкновенных людей. Чтобы достигнуть подобной цели, Лойола считал необходимым применение и использование любых средств: обмана и подкупа, подлога и клеветы, шпионажа и убийства.

Свойственная иезуитам готовность к обману и преступлению проявлялась во всех их приёмах, во всех видах их деятельности.

Одним из средств привлечения и подчинения тёмных и простодушных людей иезуиты считали проповедь. Ярким образцом лицемерной иезуитской проповеди являлась уже знакомая нам речь, произнесённая по случаю гибели Генриха IV, убитого по указке ордена и оплаканного орденским проповедником.

Ещё большее значение иезуиты придавали другому средству одурачивания верующих — исповеди.

Реформация осмеяла и пригвоздила к позорному столбу продавцов индульгенций, на рыночной площади торговавших отпущением грехов.

Иезуиты ухитрялись делать то же самое, но не в сутолоке рыночной площади, а в уединении крохотной исповедальни, где иезуит внимательно выслушивал из уст кающегося повесть о его проступках и благосклонно примирял грешника с богом, умело разыгрывая роль снисходительного служителя небес, глубокомысленно вникающего в доверенную ему тайну и красноречиво убеждающего в том, что бог простил содеянное прегрешение. Чтобы привлечь как можно больше людей, стремящихся к прощению, иезуиты обычно никому не отказывали в прощении. Они заманивали в исповедальню и чванного феодала, и его легкомысленную супругу, и княжеского слугу, и купца, и чиновника. Шёпотом произнесённые признания давали ценный материал тайных сведений, которые отовсюду стекались в кабинет генерала ордена иезуитов и делали его обладателем самой широкой в те времена шпионской сети, человеком, способным использовать в интригах и происках своего ордена тысячи больших и маленьких секретов. {213}

Именно поэтому исповедь являлась для ордена драгоценным источником сведений и средством завоевания тысяч приверженцев. Ни одного из возможных приверженцев иезуиты не желали испугать строгостью или оттолкнуть осуждением злодеяний. Иезуит Филлуциус поучал: «Самое поверхностное раскаяние достаточно, чтобы получить отпущение. Достаточно, если кающийся выразил раскаяние совершенно неопределённое или хотя бы заявил о своём желании раскаяться».

Иезуит Тамбурини прямо говорил: «Исповедуя важное лицо, надо относиться к нему гораздо снисходительнее, чем к простому смертному, чтобы излишней строгостью не внушить ему отвращения к таинству исповеди».

Иезуит Гризель хвастал, что «в четверть часа столковался бы в исповедальне с самим дьяволом». И так как любое преступление знатного человека отцы-иезуиты готовы были объявить невинной шалостью, — князья и феодалы, алчные дворяне, хищники-купцы волокли в исповедальню всю грязь и мерзость своих насилий и обманов. Они уходили оттуда «примирённые с богом».

Короли и вельможи в лице иезуитов находили покладистых и беспредельно снисходительных божьих представителей, — а иезуиты, охотно прикрывая любые грехи и преступления, не раздражали властителей докучными назиданиями и упрёками, а убаюкивали совесть правителей сладкими словами, постепенно втираясь в доверие государей и исподволь подчиняя их своему влиянию.

Иезуитам было очень важно выведать, например, секреты у барских слуг, и поэтому исповедникам внушалось: «не считать грехом, если слуги вознаграждают себя сами, считая своё жалованье недостаточным». Таким образом поощрялось любое воровство, коль скоро проворовавшихся слуг можно было сделать своими шпионами.

Из исповедальни иезуита мог выйти с самодовольным видом магнат, «прощённый богом» за лютую расправу над крестьянами; из неё мог выйти вполне утешенным убийца; но если скромный человек признавался в том, что он не уплатил церковной десятины, — из уст

обычно снисходительного исповедника раздавались гневные слова укоризны, которой не могло смягчить указание на нищету.

Охотно прощавшие все злодеяния, губительные для тысяч людей, иезуиты становились беспощадными, как только затрагивались интересы церкви и церковной казны. Вся мораль иезуитов заключалась в том, чтобы интересы миллионов людей сознательно принести в жертву интересам католической церкви.

Наряду с проповедью и исповедью целям иезуитов служила созданная ими школа. Иезуитов нисколько не беспокоило невежество миллионов людей, не знавших грамоты и прозябавших в беспросветной темноте. Как раз наоборот. Эти лукавые и пронырливые плуты только и могли ловить рыбу в мутной воде {214} народного невежества. Поэтому свою школу иезуиты создавали не для деревенской детворы, не для миллионов тружеников, а для «избранной» молодёжи: для сыновей феодалов, чиновников и купцов, а также для тех наиболее способных юношей скромного происхождения, которых они рассчитывали в дальнейшем превратить в иезуитов.

Иезуитская школа была бесплатной. Всё школьное преподавание, всё воспитание в стенах школы и школьного общежития было подчинено одной задаче. Эта задача заключалась в том, чтобы обезличить и выхолостить сознание воспитанника школы, подчинить его целям и принципам иезуитского ордена, растлить его совесть грязной и лукавой иезуитской моралью и сделать выученика иезуитов безличным и послушным инструментом, рабом своих начальников, холопом алчной и жестокой церкви.

Дисциплина и «мораль» иезуитов.

Долг повиновения младшего старшему следующим образом определял сам Лойола: «Подчинённый должен смотреть на старшего, как на самого Христа; он должен повиноваться старшему, как труп, который можно переворачивать во всех направлениях; как палка, которая повинуется всякому движению; как шар из воска, который можно видоизменять и растягивать во всех направлениях; как маленькое распятие, которое можно поднимать и которым можно двигать как угодно».

«Наши братья, — учил Лойола, — должны блистать истинным, безусловным послушанием, отречением от всякой воли и собственного суждения...» «Если бы бог, — говорил он далее, — дал тебе в повелители животное, лишённое разума, ты должен был бы, не колеблясь, подчиниться ему, потому что так угодно богу». Лойола не случайно воспевал и возвеличивал слепоту мысли и воли, говоря: «Полное послушание слепо, — и эта слепота составляет мудрость и совершенство человека».

Считалось, что сам бог действует в лице орденского начальства; и ради внедрения этой мысли орденский устав упоминал о том, что генерал ордена является представителем Христа, ровнёхонько... 500 раз!

С этим слепым, не знающим сомнений послушанием было связано особое понятие «коллективной совести». Рядовому иезуиту предписывали совершать обман, предательство или убийство. Сомнение в дозволенности такого поступка подавлялось указанием на то, что поступок этот совершается «во имя святого послушания» и отвечает за него не непосредственный исполнитель, а начальник, начальник начальника, весь орден в целом.

Французский историк Мишле писал недаром, что, в то время как старые ордена говорили о «повиновении вплоть до смерти», орден иезуитов пошёл дальше, требуя повиновения «вплоть до греха, — вплоть до преступления...» Чтобы уничтожить в своих одурманенных слугах малейший проблеск сомнения и совести, иезуиты состряпали наглую теорию «кажущегося греха». Они {215} учили, что там, где человек, совершая свой проступок, не намеревается преднамеренно, сознательно грешить, — там нет и настоящего смертного греха, а есть только «кажущийся», т. е. простительный грех!

Иезуиты советовали разрешать сомнения совести не собственным суждением, а авторитетным мнением какого-нибудь святого. Они хорошо знали, что среди хлама богословских хитросплетений всегда можно найти фразу или намёк, которые оправдают самое чёрное дело! Иезуит должен был уметь нарушить любое обещание, и один из иезуитских авторов Эскобар учил: «Человек не должен считать себя связанным, если он не имел намерения себя связать [обещанием]...» Иезуит Лайман, с откровенностью разбойничьего атамана поучал: «Необходимо выплачивать обещанное вознаграждение нанятому убийце, если убийство принесло пользу и если убийца подвергал опасности собственную жизнь...»

Выходило, что можно было нарушать любые обещания, данные честным людям, но с наёмным убийцей, как с ближайшим собратом иезуита по ремеслу, надлежало расплачиваться «честно». Это неудивительно: десятки раз иезуиты прибегали к услугам наёмных убийц. Придавая огромное значение шпионажу, как важнейшему роду своей деятельности, иезуиты учили молодых своих членов нарушать тайну исповеди: готовясь выслушать тайну верующего, исповедник произносил торжественную клятву никому её не выдавать. Но при этом мысленно, про себя, он оговаривался: «никому, кроме моего ближайшего орденского начальника». Этот шулерский приём назывался «умственной оговоркой».

Подлинное лицо иезуитов выясняет поразительный документ: «Тайные наставления». Иезуиты доказывают всеми правдами и неправдами, что это документ подложный, что он представляет измышление врагов. Однако католический автор аббат Геттэ замечает по этому поводу:

«Если «Тайные наставления» не есть тайная книга иезуитов, то надо сознаться, что составителю её вполне удалось изобразить те средства, при помощи которых иезуиты приобрели свои богатства и своё влияние».

Приведём из этой книги несколько отрывков:

«Первую полученную милостыню следует раздавать бедным, чтобы богачи становились к нам щедрее. Необходимо, чтобы все члены казались проникнутыми одним духом, чтобы у них были одинаковые манеры, дабы поражать своим единством. Вначале наши должны воздерживаться от покупки имений иначе, как на имя скромного друга. Чтобы мы казались беднее, земли, находящиеся вблизи какой-либо нашей коллегии, надо приписывать к отдалённым коллегиям; таким образом никогда не узнают точно наших доходов. Для устройства различных учреждений надо выбирать предпочтительно богатые города. Следует стараться вы{216}манить как можно более денег у вдов под предлогом неотложных нужд. Только провинциалу должны быть известны доходы каждой провинции. Сокровища римского двора должны быть покрыты глубоким мраком тайны. Наши обязаны громко заявлять, что они не обременяют никого, как другие монашеские ордена; что они исполняют свои обязанности бесплатно, что они посвящают себя преимущественно воспитанию детей и благу народа...

Надо прилагать все старания, чтобы привлечь к себе благосклонность и внимание правителей и наиболее значительных лиц. С этой целью надо скрывать всё дурное в их поступках и подавать им надежду на прощение при нашем содействии. Поддерживая какого-нибудь правителя, берегитесь говорить ему что-либо определённое: если то, что имелось в виду, не удастся, следует выдвинуть тех из нас, которым ничего не известно и которые скажут, что на орден взводят напраслину, замешивая его в дело, совершенно ему неизвестное...

Надо приглашать вельмож на проповеди, собеседования, посвящать им стихотворения и тезисы, оказывать всевозможные любезности... Мы должны стремиться к получению должности воспитателя принцев. Если кто-нибудь из наших получит место духовника, он должен часто говорить о правосудии, заявляя, что не желает вмешиваться в дела государства. Затем можно перейти к достоинствам лиц, которым можно поручить высокие должности, и, наконец, указать на друзей ордена... Чтобы завладеть богатой вдовой, надо выбрать отца пожилого, но весёлого характера и умеющего вести приятную беседу... Если у вдовы есть дочери, то надо заставить их идти в монахини, чего можно достигнуть путём постоянных нападок со стороны матери... Таким образом можно будет довести её до того, что она отдаст ордену всё своё имущество...»

Строки этого документа, независимо от того, является ли он секретной инструкцией ордена или имеет другое происхождение, не требуют разъяснений. В них с предельной ясностью выражены низость, жалкое корыстолюбие, умственное и моральное убожество, которые характеризуют зловещий орден на всём протяжении его деятельности.

Роль иезуитов в политике.

Иезуиты каждой страны составляли «провинцию» ордена, возглавляемую «провинциалом». Провинциалы и заслуженные иезуиты составляли «конгрегацию» — своеобразный штаб, помогавший генералу ордена руководить своей послушной армией, разбросанной по всем странам мира.

Эта армия изо дня в день вербовала новых членов, приобретая их с помощью своей школы, проповеди, исповеди, подкупа и шпионажа. Эта армия преследовала и травила смелых

мыслителей и учёных, пользуясь всеми средствами клеветы, не брезгая при случае подлогом и убийством. {217}

Чёрное воинство иезуитов помогало католической церкви держать народы в оковах средневекового суеверия и отвлекать трудящихся от критики земных порядков, от борьбы за свои права.

Стремясь к всемерному распространению и повсеместному господству католической церкви, иезуиты активно вмешивались в политику. Они пытались натравливать католических государей на протестантских и православных государей. Они предавали интересы одного католического государя в пользу другого, более сильного. Но чем более очевидным и явным становилось вмешательство иезуитов в политическую жизнь народов и государства, тем большее оно вызывало массовое негодование и с тем большей настойчивостью иезуиты пытались скрыть своё участие в политике. Генерал ордена Аквавива в 1602 г. строго предписывал духовникам держаться в стороне от политических дел и не принимать никаких милостей и даров. Под страхом отлучения от церкви он запрещал членам ордена касаться в своих публичных выступлениях цареубийства. Но эта директива имела целью лишь замаскировать подлинные намерения ордена. В 1609 г. тот же Аквавива тайно одобрил книгу иезуита Марианы, изданную в том же году в Майнце. В этой книге Жак Клеман — убийца французского короля Генриха III — назван «лучшей славой Франции». В 1610 г. рукой Равальяка, воспитанника иезуитов, был убит Генрих IV. Лживая директива Аквавивы была подписана после раскрытия порохового заговора и во время подготовки убийства Генриха IV. Но иезуитам не удалось замести следы. Тысячи людей открыто называли иезуитов не только виновниками убийства королей, но и виновниками многих кровавых злодеяний.

Во время Тридцатилетней войны жаждавший крови и добычи иезуит Форер, всячески разжигая ненависть католиков к протестантам, писал командующему императорскими войсками: «Будьте усердны, если вы встретите сопротивление, то зажгите такой огонь, чтобы у ангелов загорались ноги и чтобы звёзды расплавились на небесах!»

Шведский король Густав-Адольф не без основания говорил иезуитам в Штеттине: «Я знаю вас лучше, чем вы думаете. Вы виновники бедствий всей Германии. Ваши намерения преступны, ваше учение опасно, ваш образ действий гнусен!»

Ещё в 1578 г. иезуиты уговорили испанского короля Филиппа II заключить союз с Польшей. Прибывший в Польшу отец Маласпина соблазнял польских шляхтичей планом победоносного похода польского и испанского католического войска против православной России, которую иезуит мечтал с помощью оружия сделать католической страной и данницей Рима.

Эти сумасбродные и фантастические планы оказались бесплодными. В начале XVII в. иезуиты ревностно поддерживали самозванца и всеми способами подстрекали польскую шляхту к вторжению в Россию, надеясь урвать для себя значительную {218} долю грабительской добычи. Много крови, много жертв и разрушений принесла, как известно, польская интервенция, пока русский народ не положил конец злодеяниям интервентов и не разбил замыслы иезуитов.

И в наши дни иезуиты служат чёрным силам реакции и с изуверской яростью ведут борьбу против социализма и демократии, против всего того, что дорого прогрессивному человечеству, против того, что стало радостной действительностью в странах народной демократии, против того, что станет действительностью и в других странах. Представший перед судом венгерский архиепископ Миндсенти был изобличён как шпион и жалкий наёмник американских банкиров, как злобный враг собственного народа. Вместе с ним были изобличены его католические единомышленники, люди Ватикана, продавшие себя Уолл-стриту с той же готовностью, с какой когда-то иезуиты XVI в. служили папскому Риму и изуверу-королю Филиппу II.

Иезуиты всегда обнаруживали изворотливость и невиданное коварство. Они всегда поражали своим уменьем менять обличье, обманывать и предавать. Их деятельность вредна для человечества, для трудящихся, для культуры. Но, несмотря на все их коварные ухищрения и беспредельную низость, — конкретные, осязательные результаты деятельности иезуитов оказывались неизменно жалкими.

Ничтожность этих результатов объясняет история. Когда абсолютная монархия была прогрессивной, когда она шла на смену феодальной раздробленности, иезуиты в угоду силам тогдашней реакции шли на убийство монархов.

В наши дни, когда народы Востока и Запада стремятся к полному освобождению от империалистического и колониального гнёта, иезуиты выступают в качестве агентов американского империализма, — злейшего врага всех свободолюбивых народов и всех простых людей мира.

В Испании они усердно поддерживают палача испанского народа — фашистского ставленника — Франко, в Бельгии они навязали бельгийскому народу вчерашнего сотрудника гитлеровских бандитов — короля Леопольда III. С помощью диверсий, преступлений, провокаций и шпионажа они пытаются помешать народам Венгрии, Польши, Румынии строить новую жизнь, пытаются вернуть эти народы к тем прежним порядкам, о которых эти народы не могут вспомнить без отвращения и брезгливости.

Иезуиты — прислужники реакции — оказывались битыми в прошлом, они оказываются битыми и теперь.

Иезуиты появились на исторической сцене в роли реставраторов и спасителей надломленной католической церкви. Они неизбежно оказались реставраторами и защитниками отживающего феодализма в его безнадёжном конфликте с новыми общественными силами. Логика истории, логика их собственного поведения поставила теперь чёрное воинство иезуитов в столь же без-{219}надёжное положение реставраторов и горе-спасителей отживающего и обречённого на слом капитализма.

Ни беспредельное коварство, ни готовность к преступлению, ни деньги американских покровителей не спасут иезуитов от полного поражения, не спасут их от заслуженного презрения миллионов людей, которые с каждым днём всё яснее и яснее осознают свои собственные интересы и преисполняются ненавистью к гнусным целям иезуитов и к жалким методам их деятельности.

Об этих-то жалких методах с исчерпывающей ясностью отозвался И. В. Сталин в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом: «Да, у них есть систематичность, настойчивость в работе для осуществления дурных целей. Но основной их метод — это слежка, шпионаж, залезание в душу, издевательство, — что может быть в этом положительного?» [1]. {220}

НИКОЛАЙ КОПЕРНИК

В древние времена, когда люди впервые стали задумываться над строением окружающего их мира, у них сложилось представление о Земле, как о небольшой плоской равнине, прикрытой сверху опирающимся на неё куполообразным сводом; Луна, Солнце и звёзды прикреплены к этому своду и кружатся вместе с ним вокруг Земли; где-то на краю этой плоской равнины находится большая гора, за которую Солнце прячется, — и тогда наступает ночь. При этом древним казалось, что страна, где они обитают, занимает, на этой плоской равнине центральное положение. Китайцы так и называли свою страну — Срединным царством; инки Перу считали, что центр мира находится в их главном храме — храме Куцко (в переводе — «пу́п»), древние греки помещали «пуп земли» в храме Аполлона в Дельфах. Такое представление о мире держалось в течение очень долгого времени и получило своё отражение в библии.

С развитием мореплавания расширился круг деятельности человека, появилось много новых сведений и впечатлений. В VII в. до н. э. жители греческих колоний на берегах Малой Азии знали уже, что некоторые звёзды описывают полный круг над горизонтом, другие же как бы погружаются под него и восходят вновь. Так возникла мысль о том, что небо — это не полушарие над Землёй, а целый шар, внутри которого находится Земля, представляющая собой, по мнению одних, плоский диск, по мнению других — цилиндр.

Древнейшей из известных нам теорий строения вселенной является так называемая «пифагорейская» система, которая, по преданию, ведёт своё начало от полулегендарного древнегреческого философа и математика Пифагора (VI в. до н. э.). Согласно этой системе, Земля

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 114.

имеет форму шара и вращается вокруг своей оси и вокруг Солнца, но при этом пифагорейцы ошибочно считали, что оба вращения заканчиваются в одни сутки. Идею о вращении Земли вокруг Солнца находим и в одном из произведений философа античного мира Платона (IV в. до {221} н. э.). Но в то же время другой древнегреческий философ Аристотель (IV в. до н. э.) отбрасывает гипотезы последователей Пифагора о движении Земли, как абсолютно, по его мнению, вздорные и недостоверные. По учению Аристотеля, Земля имеет форму шара (это положение у Аристотеля очень удачно доказывается), но она неподвижна и покоится в центре мира, а все небесные светила, в том числе и Солнце, вращаются вокруг неё. Взгляды Аристотеля разработал греческий астроном Птолемей (II в. н. э.) в своём сочинении «Большой трактат по астрономии». Система мира Аристотеля—Птолемея носит название геоцентрической (от греческого слова «ге», что значит «земля»), т. е. такой системы, согласно которой центром мира является Земля.

Позднее арабские учёные перевели с греческого на арабский сочинение Птолемея, которое стало у них самой авторитетной книгой по астрономии. Через арабов познакомились с трудами Аристотеля и Птолемея европейские учёные. В XII в. появился перевод с арабского языка на латинский сочинения Птолемея, ставшего известным под искажённым названием «Альмагест» [1]. До этого времени среди европейцев имело место лишь библейское представление о мире.

Монополию на образование в средние века имело духовенство, и поэтому все науки стали простыми отраслями богословия, а научные достижения язычников-греков были преданы забвению. Преклонение перед авторитетами и пренебрежение опытом составляли ту основу, на которой покоились тогда все научные знания.

В середине XIII в. один из крупнейших представителей схоластики Фома Аквинский создал целую систему мировоззрения, которая до сих пор является для всей церковной науки неопровержимо авторитетной. Фома Аквинский сумел путём всякого рода ухищрений и натяжек приспособить философию Аристотеля к христианской религии. С тех пор система мира Аристотеля— Птолемея господствовала в средневековой науке. Это продолжалось вплоть до переворота, произведённого великим преобразователем астрономии Николаем Коперником.

Никому из предшественников и современников Коперника не приходило в голову обратиться к отвергнутой и давно заброшенной идее пифагорейцев — идее о вращении Земли вокруг Солнца. Были попытки критиковать систему Птолемея, но никто не решался отвергнуть её основных принципов. Мало было, однако, воспринять мысль пифагорейцев: предстояло переработать всю массу накопленных веками фактов с точки зрения этой мысли, т. е. создать новую систему. Это совершил Коперник, написав-{222}ший свой бессмертный труд «Об обра-

Файл ist222.jpg

Николай Коперник.

щениях небесных тел», вышедший в свет в 1543 г.

Великий польский астроном Николай Коперник родился 19 февраля 1473 г. в городе Торуни, расположенном у нижнего течения реки Вислы. Торунь вскоре приобрела большое значение как посредница в торговле Западной Европы с Польшей и Венгрией и стала одним из самых видных членов Ганзейского союза. Население Пруссии составляли славянские и литовские племена, которые вели непрекращающуюся борьбу с тевтонскими рыцарями-немцами. В середине XV в. прусские города во главе с Торунью начали войну с орденом, стремясь освободиться от его деспотической власти. Одновременно против ордена выступила и Польша. Прусские города были на её стороне. После 13-летней борьбы рыцари были почти целиком вытеснены с захваченных ими земель, а большая часть Пруссии вместе с городом Торунью была присоединена к Польскому королевству. В тот тревожный период из Кракова в Торунь переселился отец будущего великого астронома Николай Коперник. Это был богатый купец, один из самых именитых граждан города Кракова. Он вёл крупные торговые операции и в Торунь переселился по деловым соображениям. Здесь он оставался до самой своей смерти, всё время со-

[1] *Аль* — арабское слово, означающее артикль для существительных; *мегистос* — древнегреческое слово, означающее *наибольший, величайший.*

{223}храняя почётное положение и почётную должность — члена городского суда. Мать Коперника Варвара Ватцельроде происходила из богатой патрицианской семьи города Торуни.

О том, как протекали детские годы Коперника, мы почти ничего не знаем. Во всяком случае, первоначальное образование он получил по тому времени хорошее. Он посещал школу св. Яна в Торуни, которая привлекала учеников со всех концов Пруссии и Польши. Школьные занятия Коперника дополнялись, по-видимому, домашними занятиями с дядей Лукою Ватцельроде, который после смерти отца Коперника (мальчику было тогда 10 лет) взял на себя все заботы о племяннике. Лука Ватцельроде был человеком крутого нрава, но очень энергичным и образованным. Он имел степень доктора церковного права и занимал должность каноника [1] в городке Фрауенбурге, который впоследствии стал на долгие годы местом жительства и самого Коперника.

По окончании курса в школе св. Яна Коперник был вместе с братом Андреем направлен дядей в Краковский университет. Сохранилась книга вновь поступающих, где под 1491 г. значится следующая запись: «Николай Коперник, сын Николая из Торуни». Краковский университет, основанный в 1400 г., пользовался в то время большой известностью и славился прежде всего своей кафедрой астрономии. Эта кафедра ведала преподаванием следующих предметов: геометрии по Евклиду, учения о перспективе, теории музыки, теории движения планет, теории затмений, составления астрономических календарей и астрономических таблиц. Самой яркой фигурой в Краковском университете был профессор Альберт Брудзевский, под руководством которого Коперник основательно изучил астрономию. Правда, Брудзевский безусловно придерживался системы мира Птолемея, но он умел привить своим ученикам интерес и любовь к преподаваемой им науке, а работами его пользовались как учебниками даже в прославленных итальянских университетах.

Гуманистическое просвещение, охватившее к этому времени всю Италию, проникло и в Краковский университет. Здесь были профессора, которые изучали Вергилия, Цицерона и других знаменитых латинских поэтов и прозаиков. Коперник поступил на факультет свободных искусств и в течение трёх лет изучал математику, астрономию, астрологию, физику, поэтику, риторику и античных классиков. Кроме того, Коперник усердно занимался живописью и даже нарисовал удачно свой собственный портрет, смотрясь в зеркало. Проникновение идей гуманизма в Краковский университет привело там к образованию двух партий — гуманистической и схоластической. Шли ожесточённые споры по вопросу о чтении в подлинниках античных авторов. Профессора-схоластики заявляли, что чтение в подлинниках класси-{224}ков неизбежно приведёт к различным ересям и даже к язычеству! Нельзя, говорили они, служить одновременно и Христу и Юпитеру. Студенты же, не довольствуясь спорами в аудиториях, часто доходили до рукопашных схваток: сторонники обеих партий сходились на Братской улице и с яростью дрались, нанося подчас друг другу серьёзные повреждения. Мы не знаем, принимал ли Коперник участие в этих схватках. Но во всяком случае он уже в то время был большим поклонником древних авторов. Если он и бывал в горячие дни на Братской улице, то, конечно, как сторонник гуманистов. В конце концов победила схоластическая партия. Преподавание сразу же резко ухудшилось, а вместе с тем сократился и приток студентов. Оставил университет Альберт Брудзевский. В результате этих перемен Коперник покинул университет, не закончив курса.

В это время дядя Коперника Лука Ватцельроде, достигший уже сана епископа Вармии [1], выдвинул кандидатуру племянника на должность каноника своей епархии. Это было выгодное место. Обязанности каноников отнюдь не были обременительными. Каноники занимались не столько делами религиозными, сколько управлением именьями капитула и дележом доходов. Последних было вполне достаточно для обеспечения сытой, спокойной жизни. В дополнение же ко всем этим благам — обилие досуга, что могло бы дать возможность Копернику беспрепятственно углубиться в свои исследования. В ту эпоху такие выгодные должности не

---

[1] *Каноник* — духовное лицо, входящее в состав так называемого капитула, т. е. корпорации священников при больших церквах или соборах.

[1] *Вармия* — область Пруссии, которая после присоединения большей части Пруссии к Польше в середине XV в. была выделена в княжество; епископ в качестве светского владыки подчинялся польскому королю.

стеснялись занимать даже самые передовые и образованные люди. Неудивительно, что на имевшуюся вакансию явилось много претендентов и, несмотря на влияние епископа Луки, Копернику на этот раз не удалось получить места, облюбованного для него заботливым дядей. Зато Коперник мог теперь немедленно приступить к завершению своего образования: он стал готовиться к поездке в Италию.

Италия была в те времена передовой страной Европы. Ни один человек, занимавшийся наукой или искусством, не мог считать в то время своё образование законченным, если он не побывал в Италии — в стране, славившейся своими университетами, великолепными образцами нового искусства и памятниками древнеримской культуры. Коперник пробыл в Италии с кратковременными перерывами с 1496 по 1506 г. и занимался последовательно в трёх университетах: Болонском, Римском, Падуанском. Болонский университет славился своим юридическим факультетом, а Падуанский считался одной из лучших медицинских школ. Но главное внимание Коперника было обращено на математику, астрономию, и изучение греческого языка, который в Кракове не преподавался. А греческий язык ему был необходим, чтобы читать в подлиннике греческих философов и учёных. {225}

В Болонском университете Коперник нашёл себе хорошего учителя, ставшего впоследствии и его другом: это был профессор астрономии Доминико Мария ди Нова́ра. Нова́ра находил ошибки и противоречия в теории Птолемея. Он указывал на них и стремился в своих научных исканиях прийти к каким-то новым выводам, если не в основных принципах, то хоть в частностях. Современники так отзываются о Нова́ре: «муж, одарённый божественным разумом, человек с свободным умом и духом, побуждавший других к преобразованию астрономии словами и примером».

Нова́ра и Коперник стали вместе заниматься астрономическими наблюдениями. Известно одно из них, произведённое 9 марта 1497 г. Они наблюдали покрытие яркой звезды в созвездии Тельца Луной. Коперник использовал это наблюдение в своих дальнейших исследованиях и подробно описал его в своём сочинении «Об обращениях небесных тел». Вероятно, именно в это время появились у Коперника первые мысли о создании новой системы.

В период пребывания Коперника в Риме весь папский двор и учёный мир «вечного города» были заняты обсуждением вопроса о реформе календаря. Ошибка в исчислении времени по «старому стилю» возросла почти до десяти дней. Церковь была заинтересована в этой реформе, так как требовалось точное установление дней пасхи и других церковных праздников. Поэтому с момента появления этой проблемы (в 70-х годах XV в.) математики и астрономы бывали нередко в почёте у церкви: знаменитый астроном XV в. Региомонтан получил от папы сан епископа за свои заслуги в области астрономии. Региомонтан перевёл на латинский язык «Альмагест» Птолемея и устроил в Нюрнберге первую в Европе астрономическую обсерваторию. Он составил, таблицы движения Солнца, Луны и планет, которыми пользовались Колумб, Васко да Гама и другие мореплаватели. Его работы в области тригонометрии подняли последнюю на уровень самостоятельной науки.

Реформа календаря, неоднократно обсуждаемая, была произведена лишь в 1582—1583 гг. (в странах католического вероисповедания; в других же ещё позже): был установлен новый «грегорианский» календарь, названный так по имени папы Григория XIII, при котором эта реформа была произведена. Но это произошло уже после смерти Коперника.

Коперник в течение всей своей жизни уделял большое внимание реформе календаря, а в своём сочинении «Об обращении небесных тел» он указывает, что принятие его системы должно облегчить необходимые для нового календаря вычисления. В Риме Коперник усиленно занимался астрономическими наблюдениями, в частности 6 ноября 1500 г. он наблюдал лунное затмение, которое было им тщательно описано.

Время, когда жил и трудился Коперник, было эпохой великих географических открытий, эпохой бурного развития хозяйствен-{226}ной жизни и расцвета наук в Европе. Астрономия не могла уже оставаться мёртвой и сухой наукой, интересной лишь для представителей учёного мира: она должна была теперь вместе с математикой и физикой служить самым насущным потребностям нового мореплавания и новой промышленности.

В период своего пребывания в Италии Коперник благодаря стараниям дяди был заочно избран каноником вармийского капитула. Но ему было разрешено продолжать свои занятия в Италии, дабы получить степень доктора церковного права. Степень доктора Коперник получил

в Ферраре. Это была торжественная церемония, происходившая в архиепископском дворце. В архиве Феррарского университета сохранился диплом, выданный тогда Копернику. В нём значится: «Достойнейший муж, господин Николай Коперник из Пруссии, каноник Вармийский, который изучал науки в Болонье и в Падуе, был признан вполне удовлетворительным в знании канонического [1] права и награждён знаками докторского достоинства господином Георгием, викарием». Копернику были вручены три знака докторского достоинства: книга как символ знания, золотое кольцо и докторская широкополая шляпа.

Копернику очень не хотелось уезжать из Италии, но пришлось, наконец, в 1506 г. собраться в обратный путь. На родину он ехал с большим запасом знаний и впечатлений. Ехал он на должность каноника, но все его стремления и желания были по-прежнему направлены к одной цели — к изучению астрономии и математики.

Сначала Коперник жил в течение шести лет в епископской резиденции дяди, в замке Гейльсберг, в качестве врача при епископе. Здесь были сделаны первые черновые наброски его сочинения, увидевшего свет лишь в 1543 г. Про эту рукопись в то время ещё никто не знал. Коперник ни с кем не делился своими планами, работал уединённо, в тиши своего кабинета. Но его новые идеи, очевидно, были уже в то время известны узкому кругу лиц. Один из его друзей писал в ту пору в посвящённом Копернику стихотворении: «Он [Коперник] исследует и быстрый бег Луны и переменчивые движения созвездий, и всё небо с блуждающими планетами — удивительное творение всемогущего; он умеет, исходя из поразительных начал, доискиваться до скрытых причин вещей».

В часы досуга Коперник занимался переводами с греческого языка на латинский и напечатал сборник переведённых им стихотворений одного византийского писателя VII в., представляющих собой коротенькие нравоучительные послания. Эта сторона деятельности Коперника замечательна тем, что он вносил таким образом свою лепту в общее дело гуманистов. Гуманисты старались как можно больше заинтересовать публику греческой {227} литературой и распространяли множество лёгких для чтения произведений в переводе, что очень облегчало изучение греческого языка. Греческий язык был необходим для изучения сочинений античных авторов. К ним Коперник, как и все гуманисты, всегда относился с глубоким уважением. «Древние, — говорил Коперник, — с величайшей заботливостью и рвением собирали свои наблюдения, благодаря которым явилась возможность таких прекрасных и достойных удивления выводов». Схоластики же в ответ выдвигали следующее заявление: «Писания греческие — источник ереси; бойся греков, чтобы не стать еретиком».

После смерти дяди Коперник переехал во Фрауенбург, резиденцию вармийского капитула, чтобы приступить, наконец, к исполнению своих обязанностей каноника. Духовного сана он, по-видимому, не принимал и, следовательно, не совершал богослужений.

Фрауенбург был маленьким городком, расположенным на берегу залива Балтийского моря. На холме — грандиозное здание собора, обнесённое крепкой каменной стеной с башнями: всегда можно было ожидать нападения со стороны шайки разбойников или недоброжелательного соседа. Иногда, в спокойное время, башни служили в качестве жилья для каноников. В одной из таких башен с выходом на стену была отведена квартира Копернику. Отсюда было удобно производить астрономические наблюдения: перед наблюдателем открывался широкий вид на море — и весь небосвод был доступен его взору.

В этой башне, которая сохранилась и по сей день (она так и называется «башня Коперника»), Коперник прожил вплоть до своей смерти, отлучаясь лишь на короткие сроки по административным делам. Коперник сам изготовил из дерева простейшие инструменты, необходимые для наблюдений, и со всей энергией отдался разработке своей системы мира. Эта система, в отличие от птолемеевской, носит название гелиоцентрической (от греческого слова «гелиос», что значит Солнце), т. е. такой системы, согласно которой центром мира является Солнце. Коперник производил большое количество сложных вычислений, задавшись целью построить математически строгую теорию движения Земли, Луны и пяти планет, согласно принципам своей системы. Хотя никто, даже среди членов капитула, не подозревал, какой переворот в астрономии подготавливает скромный каноник вармийской епархии, но все во Фрауенбурге знали, что Коперник занимается астрономией и что он на редкость большой знаток её. Вскоре

[1] *Канонического,* т. е. церковного.

слава о новом замечательном польском астрономе распространилась далеко за пределами Вармии. В 1514 г. Коперник был приглашён на Латеранский собор, созванный папой Львом X, для утверждения работ комиссии по составлению нового календаря. Было известно, что Коперник уже давно занимался определением длины года. Но Коперник на собор не пое-{228}хал. В своём ответном письме он указал на то, что движение Солнца и Луны ещё недостаточно изучено, а поэтому производить исправления в календаре преждевременно: могут быть допущены ещё новые ошибки. Собственные исследования его о длине года к этому времени ещё не были закончены. Поэтому Коперник в ответ на просьбу комиссии изложить своё мнение по вопросу о календаре воздержался от какого-либо определённого предложения. В его книге, вышедшей в 1543 г., приведены его исследования о продолжительности года. Найденная им длина года была положена в основу грегорианского календаря.

Однако спокойная обстановка для научных занятий, на которую, казалось бы, можно было рассчитывать, продолжалась недолго. Коперника назначили управляющим владениями капитула, расположенными вдали от Фрауенбурга, и великому учёному пришлось почти всё своё время тратить на самые разнообразные хозяйственные дела. Вскоре после этого на долю Коперника выпала и другая роль — оборонять владения капитула от Тевтонского ордена.

Орден время от времени возобновлял свои покушения на Вармию. Так было и в этот раз: отдельные отряды тевтонских грабителей производили большие опустошения даже в городах. Жалобы капитула великому магистру ордена не помогали. Наконец, орденские разбойники открыто наводнили Вармию. Они опустошали поля, вырубали сады, угоняли скот, избивали и уводили в плен жителей. Уцелевшие от разгрома укрывались в лесах, кто как мог. Присланные с большим опозданием польские войска иной раз и сами были непрочь пограбить по деревням. Орденские войска стали подходить к Фрауенбургу. Многие члены капитула, охваченные ужасом, разбежались по различным крепостям, более надёжным. Некоторые даже совсем покинули пределы Вармии на время войны. Но Коперник не только не оставил Фрауенбурга, но даже не прекращал своих астрономических наблюдений. Кроме того, на нём лежала теперь большая часть административных дел капитула из-за бегства других каноников. Когда орденские войска осадили Фрауенбург, Коперник проявил большую энергию в деле организации защиты города. Рыцари вынуждены были снять осаду. В переговорах о мире между Польшей и орденом Коперник принимал непосредственное участие.

О Копернике знали не только как об астрономе: он был известен и как прекрасный врач. При этом больше всего он пользовался своим врачебным искусством для оказания помощи неимущим больным. На одном из портретов Коперник изображён с ландышем в руках: ландыш был эмблемой врачебного сословия.

Замечательна деятельность Коперника как экономиста. В 1521 г. на сейме был поставлен вопрос о монетной реформе. Порча монеты была доведена в Польше до крайности. Многие {229} города имели привилегию — чеканить свою монету, чем всячески злоупотребляли. Иностранные купцы отказывались брать низкопробную монету, требуя только чистое золото и серебро. Коперник представил на сейме докладную записку — «Соображения о чеканке, монеты», где говорил: «Между многими бедствиями, угрожающими царствам и республикам, особенно важны четыре: раздор, смертность, неурожай и упадок стоимости монеты. Три первые причины очевидны и известны всякому; что же касается четвёртой причины — упадка стоимости монеты, — то многие не обращают на неё внимания именно потому, что она вредит государству не вдруг, а оказывает вредное действие мало-помалу, как бы втайне». Коперник говорит далее, что для спасения польской промышленности и торговли от гибели, надо отменить привилегии городов чеканить монету, установить один город, где будет производиться монета по одному и тому же образцу, изъять из оборота старую монету. Но проект Коперника принят не был: лица, наживавшиеся на падении курса, изыскивали тысячи возражений против реформы монетной системы, а города ревностно защищали свои привилегии. «Соображения о чеканке монеты» были в 1526 г. напечатаны, но не привлекли должного внимания. А между тем в этой работе Коперник опередил в своих выводах английского финансиста Грешема (1519—1579), которому впоследствии стали приписывать формулировку того положения, что лучшие деньги вытесняются из обращения худшими.

Между тем слухи о новой системе мира Коперника распространялись через его друзей всё далее и далее за пределы вармийской епархии, возбуждая всеобщее внимание. Одни очень

интересовались взглядами Коперника, переписывались с ним и даже ездили к нему для ознакомления с его системой. Другие же, напротив, не скупились на всяческие нападки и насмешки по его адресу. Среди последних был Лютер, обнаруживший своим выпадом лишь собственное глубокое невежество: «Говорят о каком-то новом астрологе, который доказывает, будто Земля движется, а небо, Солнце и Луна неподвижны, будто здесь происходит то же, что при движении в повозке или на корабле, когда едущему кажется, что он сидит неподвижно, а Земля и деревья бегут мимо него. Ну да ведь теперь всякий, кому хочется прослыть умником, старается выдумать что-нибудь особенное. Вот и этот дурак намерен перевернуть вверх дном всю астрономию».

Не оставила без внимания Коперника и сатирическая литература: в одном из ганзейских городов на масленице при большом стечении народа был разыгран фарс, где в самом комическом виде был представлен «астроном, заставляющий Землю двигаться, а Солнце стоять неподвижно».

В 1530 г., уступая настояниям друзей, Коперник составил краткое изложение своей системы под заглавием: «Комментарий Николая Коперника о его гипотезах небесных движений». «Ком-{230}ментарий» этот был разослан в рукописном виде специалистам-астрономам в различные города Польши и Германии. В этой работе сначала описываются древние системы мира, затем — основные принципы гелиоцентрической системы (6 аксиом), а далее даётся популярное, без математических рассуждений и вычислений, описание новой системы. Коперник указывает, что Земля отнюдь не является центром мира, а таковым является Солнце, вокруг которого и движутся все планеты; Земля вращается вокруг своей оси, отчего и происходит смена дня и ночи, а небесное пространство остаётся совершенно неподвижным; наблюдаемое движение Солнца не есть его движение, а происходит от движения Земли; Земля в течение года обращается вокруг Солнца, что при неизменном наклоне оси Земли обусловливает смену времён года. Коперник поясняет, что его система проще птолемеевской, ибо достаточно одного движения Земли, чтобы объяснить сложность всех движений на небе. Птолемеева система характеризуется необычайной сложностью и запутанностью из-за так называемых эпициклов, т. е. бесчисленных кругов, изобретённых для того, чтобы примирить кажущиеся неправильности в движении светил с идеей о равномерном круговом движении. По мнению древних, вещам «божественным», а следовательно, и всем небесным телам приличествует только равномерное круговое движение и совершенно не подобают остановки, колебания. Коперник так говорил о старой системе мира: «Представьте себе собрание членов человеческого тела, принадлежавших индивидам разного роста и сложения. Если бы кто-нибудь вздумал соединить их в органическое целое, то получил бы чудовище, а не правильную человеческую фигуру. Вот в каком виде явилось мне здание древней астрономии». Коперник в своём «Комментарии» показывает, что остановки и возвратные движения планет являются неизбежным результатом годового движения Земли.

Слухи об удивительных идеях скромного вармийского каноника дошли и до папы римского. В 1533 г. в ватиканском саду папский секретарь в присутствии самого папы и высших сановников римской церкви прочёл лекцию о системе мира Коперника. Казалось бы, церковь должна была оценить учение Коперника как еретическое. Но этого пока что не произошло. Католическая церковь не поняла тогда революционной сущности идей Коперника. Она отнеслась к его системе как к удобной гипотезе, облегчающей необходимые для календарной реформы вычисления.

Коперник долго не решался на издание своего труда. Противоречия между его теорией и текстом священного писания были настолько очевидны, что Коперник не мог чувствовать себя в безопасности, несмотря на благосклонное отношение к его теории в церковных кругах.

Коперник думал ограничиться при жизни только напечатанием составленных им таблиц, необходимых для вычисления {231} положения планет. Он считал, что для практических целей достаточно опубликовать только таблицы, которыми сможет пользоваться каждый астроном в своей работе, а наиболее проницательные среди учёных сами, по его мнению, смогут извлечь из его таблиц те идеи, которые он положил в основу своей системы. Сам Коперник вообще отличался необычайной скромностью и никогда не заботился об обнародовании своих трудов.

В 1542 г. были изданы две чисто математические главы будущей книги. Ближайшие друзья Коперника продолжали самым настойчивым образом убеждать Коперника издать всё своё сочинение полностью, и Коперник, наконец, согласился. В начале своего сочинения он поместил посвящение папе Павлу III. Это посвящение даёт полное представление об убеждениях Коперника — и прежде всего о том, что он был абсолютно уверен в истинности своей гелиоцентрической системы мира.

За хлопоты по изданию книги взялся восторженный поклонник Коперника Ретик, талантливый математик и астроном. Получив от Коперника рукопись, он немедленно отправился в Нюрнберг. Нюрнберг был в то время центром, где процветали математические науки и было хорошо поставлено типографское дело. Здесь жил и трудился Региомонтан и многие другие математики и астрономы. Здесь, между прочим, находился и хранится до сих пор первый земной глобус, сделанный в 1492 г. гражданином этого города Мартином Бехаймом.

Сначала за печатанием книги наблюдал Ретик, но затем он вынужден был уехать и поручил надзор за печатанием богослову Осиандру. Последний много занимался астрономией и математикой, хорошо знал эти науки и находился в учёной переписке с Коперником. Но Осиандр плохо оправдал оказанное ему доверие. Не испросив разрешения Коперника и без ведома Ретика, он поместил в начале книги анонимное предисловие. Заключалось оно в следующем. Осиандр заявлял, что воззрения Коперника, «потрясающие исконные основы науки», суть лишь условные гипотезы, необходимые для облегчения вычислений; «не нужно, — писал Осиандр, — чтоб гипотеза была верна, ни даже правдоподобна, — лишь бы она помогала вычислениям». Хотел ли Осиандр этим предисловием смягчить ожидаемые нападки со стороны церкви или же он преследовал иную цель — неизвестно. Во всяком случае это предисловие, помещённое без подписи, на долгие годы в значительной степени обесценило труд великого учёного, так как оно приписывалось Копернику и вызывало по его адресу упрёки в малодушии. Смерть помешала Копернику выразить свой протест Осиандру. Друзья пытались принять меры к перепечатке первой страницы книги, но было уже поздно: книга поступила в продажу, да и вряд ли издатель книги согласился бы на изъятие «душеспасительного» предисловия, которое могло обеспечить книге хороший сбыт. Только в XIX в., благодаря тщательным исследованиям в различных архивах, была в деталях {232} восстановлена история напечатания рукописи бессмертного труда Коперника.

В последний год своей жизни Коперник был прикован к постели. Неоднократно повторялось кровотечение из лёгких, за которым последовал паралич всей правой стороны тела. Когда друзья принесли Копернику только что отпечатанный экземпляр его сочинения, он уже лежал без сознания. Книгу вложили в похолодевшие руки великого астронома, но он не приходил в себя и через несколько часов скончался. Это было 24 мая 1543 г.

Книга Коперника — это первый набросок современной гелиоцентрической системы, набросок, правда, ещё далеко не совершенный, со многими ошибками, но иначе и не могло быть. Коперник был первым в плеяде гениев, являющихся создателями современной астрономии. Галилей, Кеплер, Ньютон, опирались на систему Коперника, в то время как самому Копернику опираться было не на кого. Понятие Коперника о мире значительно отличается от современного нам: Коперник считал Солнце не только центром солнечной системы, но и центром всей вселенной; звёзды, по его представлению, неподвижны и находятся все на одинаковом расстоянии от Солнца; планеты, как он считал, движутся по кругу (в действительности же, как это открыл Кеплер, они обращаются по эллипсам).

Книга Коперника начинается изложением общих соображений относительно формы тел вселенной. «Вселенная, — пишет Коперник, — имеет форму шарообразную, ибо шар из всех геометрических тел есть наисовершеннейшее, не нуждающееся в опоре; шар заключает наибольший объём и по этой причине главнейшие тела, каковы Солнце, Луна и звёзды, также имеют форму шарообразную. И капли воды и других жидкостей стараются принять форму шара, стремясь ограничивать самих себя. Поэтому не может быть сомнения в том, что шаровидная форма присуща и небесным телам». Затем Коперник переходит к изложению доказательств шаровидности Земли. Эти доказательства не отличаются от тех, какие мы и теперь имеем в учебниках географии и астрономии: предмет, невидимый с палубы корабля, становится видимым с его мачты; светильник, повешенный на вершину корабельной мачты, по мере удаления от берегов постепенно как бы снижается к поверхности моря и, наконец, делается окончатель-

но невидимым. Далее Коперник доказывает, что Земля вместе с водой составляет один шар, «ибо, — говорит Коперник, — тень, отбрасываемая Землёй во время лунных затмений — круглая». Коперник подчёркивает значение географических открытий конца XV — начала XVI в. для рассмотрения всех этих вопросов. Затем он переходит к рассмотрению движения небесных тел. В эпоху Коперника не были ещё открыты законы движения тел, на которых базируется современная механика. Поэтому Коперник принял за исходную точку своих рассуждений следующий основной принцип Птолемея: «Всё по при-{233}роде своей преходящее имеет отличительным признаком движение прямолинейное, всё же вечное и непреходящее — движение круговое». Коперник показывает, что в пользу движения Земли свидетельствует целый ряд явлений природы. Птолемей собрал в своём труде немало фактов, которые, как он полагал, исключают возможность движения Земли. Коперник подробно разбирает аргументы Птолемея и Аристотеля, поясняет и доказывает их неправильность. Этому посвящены главы VII—VIII первой книги (их всего шесть) сочинения Коперника. Здесь же находит своё выражение мысль Коперника о бесконечности вселенной: «В сравнении с небом Земля не более, как точка, или как бы определённое количество в сравнении с бесконечным. Невозможно, чтобы Земля представляла центр мира. Как! Неизмеримое будет вращаться в 24 часа вокруг ничтожества». Главы VII и VIII первой книги особенно ярко свидетельствуют о революционном значении труда великого польского астронома.

В учёном мире система Коперника стала оказывать заметное влияние только с конца XVI в. Из современников её оценили лишь два-три специалиста-астронома и первый среди них Ретик, но и он не решался проповедовать идеи Коперника с кафедры, а продолжал читать лекции по Птолемею. Вообще ни враги, ни друзья не оценили теорию Коперника по достоинству. Враги чуяли в ней что-то неладное, не согласное со священным писанием; друзья восхищались ясностью и простотой её, но никто не понял, какой громадный коренной переворот во всём миросозерцании связан с её торжеством. Это поняли лишь позже, при выступлении Джордано Бруно и Галилея, убеждённых последователей Коперника, смело и открыто провозгласивших, что учение Коперника — не математическая фикция, а картина того, что совершается в действительности. Джордано Бруно развил дальше учение Коперника и во многих отношениях предвосхитил идеи современной науки [1]. Вывод Бруно о вращении Солнца подтвердил своими наблюдениями Галилей. Он изготовил телескоп, с помощью которого открыл ряд новых фактов, свидетельствующих о правильности учения Коперника. А вращение звёзд было открыто астрономами лишь в XX в., в 1925—1930 гг.

Вместе с крушением обветшалой системы мира Птолемея зашатались и устои религиозного мировоззрения. Отпало старое представление об исключительном положении Земли во вселенной. Оказалось, что Земля — обычное небесное тело, каких во вселенной имеется множество. Теряла своё прежнее значение в глазах верующих легенда о Христе. Ведь если во вселенной существует не одна Земля, а бесчисленное множество таких Земель, то зачем тогда бог посылал Христа именно на эту Землю? А раз оказывалось неверным церковное учение о мире, то уже вызывало сомнение всё, что сказано в библии. {234}

Теперь церковь со всей жестокостью обрушилась на новое учение о мироздании, и первой жертвой её пал Джордано Бруно: в 1600 г. по приговору инквизиции он был сожжён на костре в присутствии папы и кардиналов. В 1616 г. был издан декрет, объявлявший учение Коперника еретическим; книга его должна была быть изъята из обращения, «впредь до её исправления».

Церковь всеми силами пыталась бороться с наукой, но не в её силах было остановить работу научной мысли. Всё новые и новые научные открытия, доказывающие правильность теории Коперника, с непобедимой силой овладевали умами людей. И церковь вынуждена была отказаться от отрицания факта движения Земли, а затем капитулировать и по другим основным положениям. В начале XIX в. декрет 1616 г. был формально отменён. Но церковь, по-видимому, всё ещё не могла простить Копернику: когда в Варшаве в 1829 г. была воздвигнута статуя великого польского астронома, то духовенство отказалось принять участие в церемонии, сопровождавшей открытие этого памятника.

---

[1] См. статью «Джордано Бруно», стр. 309—328.

В эпоху же загнивания капитализма буржуазия сама бросилась в объятия религии, видя в ней последнее своё духовное прибежище. Тем более велика в глазах советского народа заслуга гениального польского учёного, нанёсшего решительный удар церкви своим замечательным научным открытием. {235}

ФРАНСУА РАБЛЕ

Тридцатые годы XVI в. и несколько лет следующего десятилетия — это один из самых блестящих периодов французского Возрождения, наиболее ярким представителем которого является Франсуа Рабле. Именно в это время выходят первые книги бессмертного романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», в котором гениальный сатирик Рабле откликнулся почти на все темы, волновавшие его современность.

Биография Рабле.

О жизни Рабле у нас имеются весьма скудные сведения, и особенно это относится к первым двадцати пяти годам его жизни. Родился он в 1494 г. на ферме Девиньер, близ города Шинона, расположенного в цветущей и солнечной французской провинции Турени. Отец его, Антуан Рабле, был адвокатом и имел прекрасный дом в Шиноне и земли с виноградниками за городом.

Детство Рабле провёл в родной семье, в деревенской округе, впечатления от которой глубоко запали ему в душу. Именно эти запечатленные на всю жизнь родные места, весь этот патриархальный деревенский мирок со всеми подробностями его быта и нравов Рабле любовно воспроизвёл позднее в первой книге своего романа. В 1510 г. мы застаём Рабле уже послушником в одном монастыре, а ещё через десять лет он предстаёт перед нами в качестве монаха францисканского монастыря.

Таким образом, со школьной скамьи жизнь Рабле протекала в монастырских стенах. Здесь для острого и жадного ума юноши Рабле открылось новое и, по сравнению с деревенским миром, широкое поле для наблюдений. Всё порочное, тупое и смешное в монастырской жизни притягивало к себе пристальное внимание будущего сатирика. Здесь он имел возможность на собственном опыте ознакомиться, с одной стороны, с тем, что представляло собой средневековое схоластическое обучение, и, с другой стороны, изучить во всей её неприглядности монастырскую жизнь. Этот постылый монастырский быт и методы средневекового обучения Рабле впоследствии осмеял в своём гениальном романе. {236}

Файл ist237.jpg

Франсуа Рабле. С *портрета неизвестного художника.*

Уже во время своего пребывания в монастыре Рабле стал интересоваться молодой, передовой гуманистической культурой, шедшей на смену средневековой схоластике. Эта новая гуманистическая культура придавала особое значение изучению всех богатств древнего мира, изучению наследия античности. И стремясь ознакомиться с новой культурой, Рабле вместе со своим другом Пьером Ами стал основательно изучать древние языки, в частности греческий. Это послужило поводом к преследованию обоих друзей со стороны монастырских властей. Учёные занятия Рабле и Ами вызвали подозрения монастырского начальства; у них отобрали все греческие книги. Возмущённый этим преследованием, Рабле покинул монастырь и, воспользовавшись покровительством одного влиятельного епископа, стал его секретарём.

Спустя несколько лет, Рабле в 1527 г. пустился в странствие по Франции. Мы не знаем в точности, какие города и провинции объезжал Рабле, но, судя по великолепному знанию разных местных говоров и наречий, можем заключить, что во время этих скитаний Рабле проявил огромную любознательность, интерес ко всем областям человеческой деятельности, основательно познакомился с жизнью простого народа Франции, его метким языком и природным юмором. Он хорошо понял трудовую жизнь народа и сам проникся плебейским духом, нашедшим отражение в его знаменитом романе. Он уподобляет себя там гусю в стаде лебедей, мужику в толпе образованных и изящных писателей своего времени и говорит, что его назначение — варить похлёбку для каменщиков, а не обитать в Коринфе (т. е. писать для народа, а не для небольшого круга высокообразованных людей).

С 1528 по 1530 г. Рабле жил в Париже, а во второй половине 1530 г. мы уже застаём его студентом медицинского факультета в Монпелье, где он вскоре, получив учёную степень, стал читать курс по медицине.

К этому же времени Рабле сложился и как художник. В 1532 г. Рабле переехал в Лион, в котором, не считая отдельных, иногда довольно продолжительных отлучек, прожил непрерывно несколько лет. Здесь Рабле выступает перед нами то как образованный медик, врач городской лионской больницы, то как учё-{237}ный филолог, издающий работы некоторых античных авторов по медицине, праву и археологии. Но одновременно в Лионе расцветает и писательское дарование Рабле.

Огромный успех на лионской летней ярмарке народной лубочной повести «Великие и бесценные хроники великана Гаргантюа», рисовавшей в карикатурном виде отживший мир рыцарских подвигов, натолкнул Рабле на мысль изобразить современное ему общество и изложить свои многочисленные наблюдения в духе этого народного повествования. В конце того же 1532 г. Рабле написал книгу «Об ужасающих подвигах сына Гаргантюа — Пантагрюэля».

Книга Рабле представляла собой произведение особого рода, Наряду со всевозможными, столь любимыми простыми читателями приключениями, наряду с забавными эпизодами, она содержала ряд очень опасных еретических рассуждений, резкую критику церковных и судебных порядков Франции и слабо прикрытые насмешки над священным писанием. Это привело к тому, что не далее чем через год после своего выхода «Пантагрюэль» был осуждён как еретическое произведение.

В начале 1534 г. Рабле удалось впервые попасть в Италию, куда он поехал сопровождать в качестве врача одного видного дипломата. Побывать в Италии, этом центре культуры древнего мира, было давнишним желанием Рабле, и, очутившись в Риме, он с жаром принялся по целым дням изучать развалины древнего Рима и другие достопримечательности и одновременно знакомиться с интереснейшими людьми своего времени — гуманистами: учёными, поэтами, архитекторами, стекавшимися в Италию из разных стран Европы.

В дальнейшем Рабле совершил ещё две поездки в Италию. Эти поездки наряду с усиленными научными занятиями необычайно содействовали расширению кругозора великого художника, ставшего одним из самых образованных людей своего бурного и жадного до знаний века.

Осенью 1534 г., по возвращении в Лион после первой поездки в Италию, Рабле издал вторую книгу своей эпопеи (а по расположению материала составившую затем первую книгу романа) — «Повесть об ужасающей жизни великого Гаргантюа». Как и «Пантагрюэль», эта книга основана на популярной народной легенде о похождениях великанов и рассказывает историю Гаргантюа, отца Пантагрюэля. В художественной форме, под видом воспитания Гаргантюа, Рабле развивает здесь обширную гуманистическую программу воспитания нового человека, на которой мы подробно остановимся ниже.

После выхода второй книги наступает довольно продолжительный перерыв в творчестве Рабле, связанный с усилением во Франции католической реакции, преследованиями «еретиков» и всякой вообще свободной мысли. Рабле приходится в это время не раз покидать пределы Франции и укрываться в разных ме-{238}стах. Но он продолжает усиленно заниматься медициной, выступая с такими новшествами, как, например, публичное вскрытие трупа, произведшее большое впечатление на лионцев.

Только после 12-летнего молчания, истекшего со времени выхода второй книги, Рабле вновь возвращается к своей эпопее: в 1546 г. появляется «Третья книга героических деяний и сказаний доброго Пантагрюэля». А в январе 1552 г. выходит четвёртая книга эпопеи Рабле. Содержание как третьей, так и четвёртой книги романа значительно отличается от первых двух; основное место в них занимают злободневные события: весьма животрепещущий для того времени вопрос о женщине и браке, которому в значительной мере посвящена третья книга романа, очень живая тема кругосветных путешествий, в которой Рабле блеснул исключительными географическими познаниями, богатством мореходных терминов и превосходным знанием матросского жаргона. В четвёртой книге дана была убийственная сатира на католическое духовенство.

Рабле ненадолго пережил выход своей четвёртой книги: в апреле 1553 г. он умер в Париже.

«Пятая и последняя книга героических деяний и сказаний доброго Пантагрюэля» вышла через одиннадцать лет после смерти Рабле. Относительно этой книги мнения исследователей до сих пор расходятся — принадлежит ли она перу Рабле, или другому лицу, искусно использовавшему задуманные Рабле планы. Но так или иначе, эта заключительная часть романа всегда печатается как его составная часть.

Таковы в самых общих чертах вехи жизни Рабле и обстоятельства написания им своего романа.

* * *

Цель романа.

Не может быть никаких сомнений в том, что роман Рабле о забавных приключениях великанов и обыкновенных людей не был просто повестью на потеху людям, как это может показаться с первого взгляда. Автор сам спешит предупредить нас об этом на первой же странице своего романа. В прологе к «Гаргантюа» Рабле советует читателю не судить легкомысленно, будто в его книгах «говорится только о нелепостях, глупостях и весёлых небылицах», а «раскрыть книгу и старательно продумать, что в ней написано». И Рабле прибегает к следующему сравнению: «Видели ли вы когда-нибудь, спрашивает, он своего читателя, собаку, нашедшую мозговую кость?.. А если видели, то могли заметить, с каким благоговением она её сторожит, с какой заботой охраняет, с каким жаром ее держит, как осторожно раскусывает, с какой любовью разгрызает, как тщательно высасывает? И для чего эти усилия?.. Что заставляет её делать это? Только чтобы добыть из кости ка-{239}пельку мозга». И вот, говорит Рабле, «по примеру этой собаки вам следует стать мудрецами, чтобы уметь вынюхать, прочувствовать и оценить эти прекрасные лакомые книги... чтобы потом после тщательного чтения и зрелого размышления разломать кость и высосать оттуда капельку мозга».

Таким образом, читатель с самого же начала предупреждён насчёт весьма серьёзных намерений крайне весёлого автора. Читатель должен постараться найти ту капельку мозга, которая содержится в мозговой кости романа. Рабле по природе своей большой весельчак и шутник. Но нередко он надевает наряд шута, чтобы, пользуясь им, сказать опасные истины. Свои критические мысли об окружающем мире Рабле вынужден был выражать «в оболочке скоморошьей шутки». И чем острее и серьёзнее то суждение, которое собирается произнести Рабле, тем усиленнее позвякивает он бубенцами своего шутовского колпака, ибо под скоморошьей оболочкой этот несравненный мастер смеха ведёт отважную, решительную борьбу против отживающего средневекового мира.

Сатира на схоластическое воспитание и обучение.

Действительно, посмотрим, как использует Рабле образы популярной народной повести для своих целей. Остановимся прежде всего на той картине схоластического воспитания и обучения, которую рисует нам Рабле под видом воспитания и обучения великана Гаргантюа. История воспитания Гаргантюа — это один из важнейших моментов романа Рабле. Сперва молодого Гаргантюа воспитывает схоласт Тюбаль Олоферн, а после его смерти такой же никчёмный педагог-схоласт Жобелен Бридё. Оба учёных мужа как бы списаны с натуры и олицетворяют убожество и отсталость схоластического обучения.

В чём же состояла система воспитания и обучения обоих схоластов — первых воспитателей Гаргантюа? Они пичкали Гаргантюа всякой средневековой книжной дребеденью: они заставляли его зубрить замшелые, устаревшие схоластические учебники, злую пародию на которые Рабле дал в VII главе второй книги, где он придал авторам этих книг красноречивые имена Глупцов, Пустобрёхов и Пустозвонов.

Вот как описывает Рабле «рабочий день» Гаргантюа. «Время Гаргантюа было распределено таким образом, что он обычно просыпался между восемью и девятью часами, было ли светло или нет... в постели некоторое время болтал ногами, валялся на матраце... потом, смотря по времени года, одевался... затем причёсывался немецким гребнем, то есть пятернёй, потому что его воспитатели говорили, что причёсываться иначе, а также мыться, и чиститься — значило тратить даром время на этом свете. Затем он... зевал, плевал, кашлял, икал, чихал, сморкался... и для предохранения себя от сырости и простуды завтракал чудесными варёными потрохами, жареным мясом, прекрасной ветчиной, жареной козлятиной и хлебом с супом... Позавтракав как следует, {240} Гаргантюа отправлялся в церковь; в громадной корзине за ним несли

толстенный, завёрнутый в мешок, молитвенник, весивший вместе с салом от пальцев, застёжками и пергаментом не более не менее как 11 квинталов (6 фунтов). В церкви отстаивали 26 или 30 обеден... По выходе из церкви ему привозили на телеге, запряжённой волами, кучу чёток... и он, прогуливаясь по монастырскому дворику, галереям или саду, прочитывал больше молитв, чем шестнадцать пустынников.

Потом он учился каких-нибудь жалких полчаса, с глазами, уставленными в книгу, но, как говорит комический поэт: «Душа его была на кухне».

Далее... он садился за стол и... начинал свой обед с нескольких дюжин окороков, копчёных языков и колбасы, икры и других закусок, предшествующих вину. Потом он делал огромный глоток вина, чтобы облегчить свои почки... Затем, смотря по времени года, съедал в меру своего аппетита говядины и прекращал еду только тогда, когда живот начинало пучить. Но для питья никаких законов и пределов не было...

Потом, с трудом промямлив обрывок благодарственной молитвы, Гаргантюа... принимался играть (в карты, кости и др.). Вдоволь поигравши, порастрясши и пустив по ветру своё время, следовало немножко выпить, а после угощенья растянуться на хорошей скамье или на хорошей кровати, да и поспать часика два-три...

После сна Гаргантюа, как говорится, слегка протряхивал уши. В это время ему подносили свежего вина, тут он выпивал много, получше прежнего...

Затем он кое-как принимался твердить уроки и в первую очередь «отче наш»... Потом он заходил на кухню посмотреть, что жарится на вертеле.

Ужинал он, скажу по совести, очень хорошо и охотно приглашал к себе собутыльников из своих соседей... После ужина опять вынимались шашечницы, либо колода карт... Потом Гаргантюа спал без просыпу до восьми часов следующего утра».

Для усиления комического впечатления Рабле исчисляет десятками лет время, потраченное Гаргантюа на бессмысленное заучивание схоластических учебников. И в результате такого распорядка дня, вернее, такого оглупления воспитанника, когда отец Гаргантюа, Грангузье, замечает, что от этих усиленных занятий его сын становится всё глупее и бестолковее, то второго педагога — Жобелена Бридé — изгоняют из дома великанов «ко всем чертям», и схоластическое воспитание на этом кончается.

Так, под видом воспитания Гаргантюа схоластами, Рабле создаёт уничтожающую сатиру на схоластическое воспитание и обучение того времени. {241}

Гуманистическая программа воспитания.

Чтобы подчеркнуть полную противоположность между старым и новым образованием, Рабле, расправившись со схоластами, переходит к изображению обучения великана Гаргантюа у гуманиста Понократа. Всестороннее, равномерное развитие всех заложенных в человеке способностей — физических и духовных, — вот идеал, который поставил себе Понократ. Теперь воспитание Гаргантюа перестраивается по-новому. Представление о нём даёт впоследствии Гаргантюа в письме к своему сыну, Пантагрюэлю.

«Я стремлюсь и хочу, — пишет Гаргантюа своему сыну, — чтобы ты в совершенстве изучил языки. Во-первых — греческий... во-вторых, латинский и потом еврейский ради священного писания, а равно халдейский и арабский». [Рабле сам в бытность свою в Риме усиленно занимался изучением арабского языка, а в монастыре — греческим.] «Ты должен сохранять в своей памяти все исторические события... К свободным искусствам, как-то: геометрии, арифметике и музыке, я вложил в тебя некоторую склонность, когда ты был ещё совсем маленький... продолжай их изучение, знай все законы астрономии. Выучи наизусть прекрасные тексты гражданского права... Что касается изучения явлений природы, то я хотел бы, чтобы ты отдался ему с любознательностью, чтобы не было ни моря, ни родника, коих бы ты не знал, и всех птиц в воздухе, все деревья, кусты и кустики лесов, все травы на земле, все металлы в недрах её, все драгоценности Востока и Юга — всё это изучи, пусть ничего не будет тебе неизвестно. Тщательно перечитай книги греческих, арабских и латинских врачей... при помощи анатомии приобрети совершенное познание другого мира, каков есть человек. Несколько часов в день отдавай на чтение священного писания. Сначала на греческом прочти «Новый завет» и «Послания апостолов», а потом на еврейском — «Ветхий завет». Словом, как видишь, бездна премудрости. Ибо когда ты станешь взрослым мужчиной, тебе надобно будет выйти из спо-

койного течения занятий, и учиться ездить верхом и владеть оружием для защиты моего дома и для помощи нашим друзьям, в случае нападения на них со стороны каких-либо злодеев».

Итак, во главу угла этой программы воспитания поставлено изучение древних языков, но в неё включены также история, математика, астрономия, юридические науки, анатомия, медицина, география, ботаника и другие относящиеся к явлениям природы науки — словом, бездна премудрости, как говорит сам Гаргантюа.

Эта всеобъемлющая гуманистическая программа воспитания была по отношению к Гаргантюа в совершенстве выполнена наставником-гуманистом Понократом, распределившим занятия Гаргантюа так, что, по словам Рабле, «он не терял ни одного часа дня, и всё своё время употреблял на изучение благородных наук». И, не довольствуясь развитием ума Гаргантюа, Понократ {242} не меньше внимания уделял всякого рода физическим упражнениям: верховой езде, плаванию, игре в мяч и т. д., а также военному искусству: упражнениям с пикой, шпагой, алебардой и пр.

Интересно описывает нам Рабле, как Гаргантюа проводил время в дождливую погоду. «Если бывала дождливая и холодная погода, — сообщает Рабле, — то... после обеда вместо гимнастических упражнений, оставались дома и из соображений гигиены принимались сгребать сено, колоть и пилить дрова, молотить в риге зерно; кроме того, упражнялись в живописи и скульптуре.

Иной раз ходили смотреть, как плавят металлы и отливают орудия, или же посещали лавки гранильщиков, ювелиров, резчиков драгоценных камней, лаборатории химиков и монетчиков, ковровые, шёлковые, бархатные и ткацкие мастерские, ходили к часовщикам, к зеркальщикам, типографщикам, органистам, красильщикам и всякого рода другим мастерам. Везде, давая на вино, они изучали всякого рода ремёсла и разные нововведения в них.

Ходили слушать публичные лекции, на торжественные акты, ораторские упражнения, декламации, на соревнование лучших адвокатов...»

Мы можем теперь подвести итог тому, к чему сводился идеал воспитания Рабле: создание цельной, здоровой, гармонически развитой, физически и духовно, личности.

Тема о мире и войне в романе Рабле.

Вслед за гуманистической системой воспитания Рабле переходит к героическим деяниям Гаргантюа, к его военным подвигам, к знаменитой войне отца Гаргантюа — Грангузье — с захватчиком Пикрошолем. Рабле использует этот важнейший эпизод первой книги своего романа, чтобы выразить своё отношение к феодальным войнам и наглядно показать на примерах Грангузье и Пикрошоля, каким должен и каким не должен быть государь.

Как и в эпизоде с воспитанием Гаргантюа, которым Рабле пользуется, чтобы противопоставить невежественным, схоластическим воспитателям Гаргантюа его гуманистических наставников и чтобы высказать некоторые дорогие ему мысли о воспитании, так и здесь, в эпизоде войны Пикрошоля, Рабле прибегает к тому же приёму. Безрассудному, не слушающему разумных доводов, вздорному, кипящему бешенством, драчливому Пикрошолю Рабле противопоставляет мирного, гуманного, заботящегося о своём народе, идеального монарха Грангузье, каким — увы — никогда и никакой монарх в действительности не был. Цель Рабле — дать острую сатиру на феодалов, какими они действительно были. Пикрошоль, которого Рабле рисует взбалмошным дураком, лелеет самые честолюбивые планы: он обуреваем претензиями на мировое господство. Воспользовавшись пустяко-{243}вым поводом — дракой между его подданными, пастухами, и подданными Грангузье, пекарями, — он отдаёт приказ вторгнуться во владения Грангузье своим войскам, которые начинают зверски их опустошать. Напрасно Грангузье всеми силами старается уладить дело мирным путём. Пикрошоль неумолим: его советники нарисовали ему фантастическую перспективу создания громадной империи, на пути к которому победа над Грангузье должна быть только первым шагом. И тут же Рабле рисует бесподобную картину военного совета у Пикрошоля, на котором его советники предлагают ему точные маршруты войск, отправляемых на завоевание всего мира (см. гл. XXXII романа).

В этом эпизоде Рабле бичует политику захватнических феодальных войн и тех насилий и грабежей, которыми эти войны сопровождались. В лице Пикрошоля Рабле вывел на потеху читателю самодура-захватчика — Пикрошоля, его военных советников с многозначительными именами Ветреника, Обжоры, Фанфарона и т. д. Сатира на войну звучала тогда весьма злобо-

дневно, так как Рабле писал в то время, когда Франция вела нескончаемые итальянские войны, войны за захват и обладание Италией.

Рабле подчёркивает, что война начинается без какой-либо основательной причины, потому что раздоры, драки, войны для средневекового феодала — обычное занятие. Его Пикрошоли и Анархи, грубые и хвастливые вояки, задиры и драчуны, с чрезвычайной лёгкостью пускаются во всякие военные авантюры. Рабле не щадит своего остроумия для того, чтобы показать всю их непроходимую глупость и жадность, чтобы ощипать этим важным птицам перья и пустить их на посмешище толпы. Предприятие Пикрошоля заканчивается крахом и позорным бегством с поля битвы.

Рабле не может отказать себе в удовольствии позлорадствовать и поиздеваться над побитым дураком-королём. Можно представить себе, какой восторг вызывал у простых читателей и слушателей рассказ Рабле о том, что случилось с Пикрошолем после поражения. Пикрошоль бежит. По дороге его конь спотыкается и падает. Пикрошоль так на него рассердился, что выхватил шпагу и в гневе убил его. Но так как другого коня у него нет, то он вздумал было раздобыть осла на мельнице. Но мельники избили его, отняли у него всё платье и дали какую-то рвань, чтобы прикрыть голое тело.

Пикрошоль путешествует в таком виде дальше и, встретив по дороге колдунью, узнаёт от неё, что ему будет возвращено его королевство, когда приедут турусы на колёсах. С тех пор, рассказывает Рабле, неизвестно, куда он девался. Однако говорят, что он проживает в настоящее время в Лионе, где подённым трудом зарабатывает себе хлеб насущный, но гневлив по-прежнему и постоянно спрашивает у всех встречных и поперечных, не приехали ли турусы на колёсах. {244}

Рабле любит наказывать феодальных королей и героев тем, что превращает их в чернорабочих и вообще мелких людишек. Один из героев его романа Эпистемон (любознательный) потерял в сражении голову. Другой из героев Панург (всё умеющий делать) излечивает его, приставляет ему опять оторванную голову и тем возвращает его к жизни. Пока Эпистемон был мёртвым, он успел побывать в аду, и вот что он там видел. Оказывается, все драчуны древности и средневековья, великие короли и папы поменялись на том свете ролями с простолюдинами и занимаются самыми неподобающими для их прежнего звания занятиями.

«Меня очень развлекало, — рассказывал Эпистемон, — когда я глядел на них. Александр Македонский чинит старые штаны и этим зарабатывает себе скудное пропитание, Кир стал скотником, Ксеркс продаёт на улице горчицу, Ромул — солевар, Нума — кузнец, рыцари круглого стола катают чертей, своих господ, на лодках по Стиксу, Ахерону и Лете и получают в награду за это щелчок по носу и кусок чёрного хлеба» и т. д. Одним словом, заканчивает свой рассказ Эпистемон, все те, которые в здешней жизни были важными господами, на том свете с трудом добывают себе жалкое пропитание. Напротив, философы и те, кто в этой жизни был бедняком, на том свете, в свою очередь, стали важными людьми. Насмехаясь над католическим вероучением о наградах и наказаниях в потустороннем мире и превращая ад в забавную картину, Рабле не только потешал своих слушателей и читателей, но и давал им моральное удовлетворение, наказывая сильных мира сего по крайней мере в воображении.

Ещё более поучительна судьба другого короля, Анарха. Победив этого азартного вояку, Пантагрюэль подарил его Панургу, и тот распорядился одеть его в шутовскую куртку и штаны, голову украсил дурацким колпаком и заставил его торговать зелёным луковым соусом. «Вот вам господин король над тремя печёными яблоками, — представляет он своего воспитанника Пантагрюэлю. — Я хочу сделать из него порядочного человека...»

«Эти черти короли, — замечает в другом месте романа гуманист Панург, — годятся только на то, чтобы подвергать всяческим бедствиям своих несчастных подданных и смущать мир войной ради собственного беззаконного удовольствия».

Так пусть же они торгуют луковой подливкой, работают в качестве скотников, солеваров, стекольщиков и т. д. «Нынче не те времена, чтобы завоёвывать королевства в ущерб благосостоянию ближних... И то, что прежде носило громкое название подвигов, мы теперь просто называем разбоем». Рабле, как видим, не пожалел красок, чтобы беспощадно обличить завоевательные войны феодалов и со всей силой подчеркнуть, что «человек создан для мира, а не для войны». {245}

Критика судебных порядков во Франции.

Осмеянию подвергает Рабле крючкотворство и судебную волокиту, царившие во Франции его времени, да и во всяком феодальном суде, милостивого к феодалам и свирепо расправлявшегося с простым человеком.

Рабле рисует это на примере судебного дела двух крупных вельмож, которое отдаётся на рассмотрение Пантагрюэлю. «Тяжба их была такая запутанная и трудная, — пишет Рабле, — что парламентский суд разбирался в ней не лучше, чем в верхненемецком языке. В результате дело настолько разбухло, что все бумаги и документы по нему составляли «воз», свезти который было не по силам не менее как четвёрке здоровых ослов». Этот воз исписанной бумаги — прекрасное олицетворение бюрократической действительности тогдашней Франции — вызывает взрыв возмущения у Пантагрюэля, обрушившегося с громовой речью против такой системы ведения дел и против крючкотворства средневекового права вообще. «На кой же чёрт, — энергично заявляет Пантагрюэль, — столько изводить бумаги и плодить такое количество копий? Не лучше ли выслушать от них самих [т. е. тяжущихся сторон] их спор, вместо того, чтобы читать всю эту ерунду, которая есть не что иное, как натяжки, дьявольские ухищрения и всякие извращения права». И после того как все эти бумаги — бесчисленные «вопросы, отношения, замечания, прошения и т. д.» были сожжены, Пантагрюэль приглашает истца и ответчика к живому разбору дела. Это даёт повод Рабле ещё раз поиздеваться над судебным красноречием того времени. Образчиками этого красноречия являются речи обоих тяжущихся, состоящие из чудовищного нагромождения нелепиц, которые и сейчас невозможно читать без смеха.

Однако, не довольствуясь этим, Рабле в четвёртой книге при описании странствий Пантагрюэля, опять подробно остановился на теме о продажности и взяточничестве судебных чиновников. Рабле нарисовал нам незабываемую картину нравов «сутяг». Вот как он их описывает:

«...Мы доплыли до Прокуратии, — рассказывает Рабле о Пантагрюэле и его спутниках, — страны безобразной и грязной... Мы видели там... сутяг — людей всякой масти. Они не предложили нам ни поесть, ни попить, но после бесчисленных и сложных поклонов заявили нам, что за плату они всецело к нашим услугам. Один из наших переводчиков рассказал Пантагрюэлю, каким странным способом эти люди добывают себе пропитание... Здешние сутяги живут тем, что их... избивают». Когда один из спутников Пантагрюэля обратился к толпе сутяг с вопросом: «Кто хочет заработать 20 золотых за то, что его чертовски изобьют?» «Я! Я! Я!.. — отвечали все. — Вы нас оглушите ударами, — это верно, но заработок всё-таки очень хорош! Все сбежались к нему гурьбой. Каждый старался попасть первым, чтобы его избили по высокой цене». {246}

Своё увенчание сатира на средневековое судопроизводство получает в пятой книге романа, посвящённой окончанию странствий Пантагрюэля и его спутников. Здесь изображается страна «Пушистых котов», т. е. кляузников-судей. Пушистые коты населяют «остров застенка», властителем которого является их эрцгерцог — «когтистый хвастун» Грипмино. «Пушистые коты», — характеризует их нам Рабле, — животные страшные и лютые: они питаются маленькими детьми... у них когти такие крепкие, длинные и острые, что ничто не вырвется из них, если будет однажды схвачено... Они всё хватают, всё пожирают и на всё гадят; вешают, жгут, четвертуют, обезглавливают, сажают в тюрьмы, умерщвляют, разрушают и губят всё без разбору — доброе и худое. Среди них порок называется добродетелью, злоба считается добротой, измена носит имя верности, кража именуется щедростью, грабёж — их девиз». Хищные когти «Пушистых котов» впиваются прежде всего в простых людей, но они не страшны сильным мира сего. Вот как сам Грипмино отзывается о феодальных законах: «наши законы как паутина... простые мушки и маленькие бабочки попадаются в них... большие зловредные оводы их прорывают насквозь». Нужно ли ещё прибавлять что-либо к этой выразительной характеристике?

Критика налогового гнёта во Франции.

Беспощадному изобличению подвергает Рабле налоговую политику французского государства, высасывающего все соки из населения. Разветвлённейший налоговый аппарат Франции описывается в XVI главе пятой книги романа в виде особой страны. Это остров Апедефтов (т. е. невежд), под которыми Рабле подразумевает чиновников казначейства.

Обитатели острова превращали в «золотой сок» виноградные лозы, попадавшие к ним по разным приходным статьям. «Пантагрюэль был очень изумлён,— повествует нам автор, — устройством домов и жилых помещений: все жители обитали в большом давильном прессе, куда можно было пройти, поднявшись по 50 ступенькам. Прежде чем попасть в Главный пресс (там были ещё прессы маленькие, большие, тайные, средние и всякие другие) вы проходите высоким каменным зданием, заполненным всевозможными орудиями казни: тут были виселицы, костыли... дыбы, невольно нагонявшие страх». Разве это не мастерское описание тех методов, которыми происходило обирание народа государством и церковью? Великолепны названия отдельных частей пресса. «Над каждой частью пресса, — рассказывает Рабле, — стояла надпись на туземном языке: винт пресса назывался — приход, его лохань — расход; большая гайка — государство, днища — деньги недоимочные и т. д.». «Пройдя на место, — сообщает далее Рабле, — мы увидели в Большом прессе человек 20—25 здоровенных парней, сидевших за зелёным столом... руки у них были длиной в журавлиную ногу, ногти — никак не короче двух футов... В ту минуту им только что подали {247} огромную виноградную кисть, собранную по статье «Экстраординарной» [т. е. чрезвычайной], которая часто доводит людей до эшафота. Как только кисть попала им в руки, они бросили её в пресс. Они не пропустили ни одной ягодки и каждую из них превратили в золотой сок, — так что кисть была вынута до того сухой, до того выдавленной, что никакими силами не удалось бы извлечь из неё хоть капельку влаги».

«Скажите, куманёк, — осведомился один из спутников Пантагрюэля, — много ли у вас лоз? — О да, — сказал Ганьбоку (что означает по-французски «загребала», это был один из начальников острова, который сам о себе говорит, что он «подстригает чужие кошельки»), — взгляните-ка на эту маленькую, которую сейчас кладут в пресс. Она к нам пришла с Десятины [налог в пользу церкви], на днях её уже клали в пресс, но сок её отзывался поповской кубышкой, и господам от неё прибыли было немного. — Но почему её опять положили в пресс? — А для того, чтобы посмотреть, нет ли где каких упущений и не осталось ли ещё соку в кожурке».

Критика католической церкви.

Но совсем особое место — и притом огромное по размерам — занимает в эпопее Рабле критика католической церкви и всего духовенства в целом. Эта сатира столь остра, что недаром многие современники Рабле поражались, как он не угодил из-за этой своей критики на костёр, и дело обычно кончалось для него только запрещением каждой очередной выходившей в свет книги его романа. Рабле был весьма осторожен; он сам, смеясь, говорил о себе, что он позволяет себе шутить «до костра исключительно», но он очень искусно использовал всякий благоприятный в тогдашней обстановке Франции момент для сокрушительной критики католической церкви и всех её установлений. Особенно резкий характер разоблачение католической церкви носит в четвёртой книге, в которой Рабле даёт исключительную по силе сатиру на папство и так называемых «папиманов» — католиков, почитающих папу, как земного бога. Беспощадно разоблачает Рабле реакционную сущность папских указов или законов, так называемых декреталий. Послушаем, как прославляет их папиманский епископ Гоменац: «...Кто, скажите по совести, — говорит он, — установил, укрепил и превознёс славные монашеские ордена, коими мир христианский повседневно украшен, расцвечен и озарён!.. Божественные декреталии... Кто изо дня в день в изобилии преумножает все блага земные, телесные и духовные?.. Святые декреталии». И когда один из спутников Пантагрюэля выражает желание ознакомиться в подлиннике с соответствующими статьями декреталий, которые «ежегодно выкачивают из Франции в Рим свыше 400 тысяч дукатов», то Гоменац по этому поводу замечает: «Деньги, конечно... немалые... Но, по-моему, это не так уж много, поскольку наихристианнейшая Франция является единственной кормилицей Римского престола. Но назо-{248}вите мне, пожалуйста, какую-нибудь такую философскую, медицинскую, юридическую или даже... священную книгу, которая была бы способна выкачать столько денег. Нет, такой и не бывало».

Многие лучшие страницы романа посвящены изображению жизни католических монахов, «отнимающих десятину от заработка, добываемого людьми в поте лица своего». Автор описывает особую страну монахов — Звенящий остров, населённый неустанно поющими разными птицами с издевательскими названиями — «монаго» (монахи), «претрего» (священники), «аббего» (аббаты), «эвего» (епископы), «карденго» (кардиналы), «папего» (папа). Посмотрим прежде всего, как пополняется пернатое население острова. Кто идёт в монахи? Оказывается,

что это люди, либо отданные в монастырь, когда они были ещё детьми, своими бедными родителями, либо же люди, не желающие честно трудиться, либо избегающие наказаний за совершённые преступления, либо бесполезно обременяющие землю и просто всякого рода неудачники. Церковный сторож острова рассказывал следующее об особенностях жизни на этом острове:

«Все они, — сказал он о жителях острова, — птицы перелётные и прилетают к нам из других краёв. Частью из большой и удивительной страны, именуемой «Хлеба-нету», а частью из другой, расположенной к западу и именуемой «Слишком много нас»... Вот какой там порядок: иной раз в каком-нибудь благородном доме этой страны оказывается слишком много детей мужского или женского пола. Если бы все они получали наследство... то дом, несомненно бы, захирел; а поэтому многосемейные родители «освобождаются» от детей, посылая их к нам... Больше всего приходит их из страны «Хлеба-нету», которая чрезвычайно обширна. Когда... обитателям этой страны угрожает малоприятная голодовка, вследствие ли недостатка пищи или неуменья и нежеланья работать... или когда, совершив какое-нибудь гнусное преступление, они скрываются от постыдной казни, — все они прилетают сюда: тут они живут припеваючи. Прилетев сюда тощими, как иголки, они здесь сразу жиреют, как сурки, здесь они в совершенной безопасности и неприкосновенности». Обитатели острова живут в полнейшем безделии. Удивившись этому, один из спутников Пантагрюэля спрашивает: «На этом острове у вас только клетки да птицы. Они не занимаются земледелием и не обрабатывают земли. Всё их занятие — прыгать, щебетать и петь. Из каких это краёв проливается на вас этот рог изобилия, такое количество благ земных и лакомых кусков?» — «Со всех концов света», — отвечал сторож (имеются в виду поборы со всех стран, стекавшиеся в папскую казну).

Почти каждая страница эпопеи Рабле уснащена критикой монашества: монах — невежда, бездельник, ханжа, лицемер, обжора, пьяница, развратник — изображается Рабле с таким тонким знанием дела, которое возможно было потому, что Рабле {249} сам был в молодости монахом, яростно возненавидевшим монашескую среду и весь монастырский быт в целом. Основной причиной острой ненависти Рабле к монахам было их безделие, тунеядство. Устами Гаргантюа Рабле так и объясняет это, говоря о том, «почему монахов избегают»: «Если вы понимаете, — говорит Гаргантюа, — почему в семье всегда высмеивают и дразнят какую-нибудь обезьяну, вы поймёте также, почему все — и старики и молодые — избегают монахов. Обезьяна не сторожит дома, как собака, не тащит плуга, как вол, не даёт шерсти и молока, как овца, не возит тяжестей, как лошадь. Её дело — везде гадить и всё портить, а потому она получает от всех насмешки и пинки. Полное сходство с монахом, который не работает, подобно крестьянину, не охраняет страны, подобно воину, не лечит больных, подобно врачу... не доставляет удобных и необходимых для государства предметов, подобно купцу».

Телемская обитель.

Не ограничиваясь одним только изобличением монахов и монастырской жизни, Рабле дал нам в своём романе и вывод из этой критики. Он описывает гуманистический монастырь, здоровое и весёлое общество гуманистически образованной аристократической молодёжи, так называемую Телемскую обитель, которую Гаргантюа повелел построить для одного из лиц, наиболее отличившихся в победе над Пикрошолем, — для «весёлого монаха Жана». «Монах попросил у Гаргантюа разрешения, — разъясняет нам Рабле, — учредить свой собственный монастырь, не похожий на все остальные». Подобно тому как при описании средневекового схоластического воспитания Рабле не мог не противопоставить ему своего идеала — гуманистической системы воспитания, — подобно тому как при обличении феодального деспота и захватчика Пикрошоля Рабле в противовес ему выдвинул своего положительного героя — гуманного и радеющего о благе своих подданных государя — Грангузье, точно так же Рабле, изобличая монахов и ненавистный ему монастырский быт, противопоставил им свой гуманистический монастырь, Телемскую обитель. В средневековых монастырях всё было размерено по часам и жизнь текла согласно уставу; в Телемской обители, которую рисует нам Рабле, нет никаких уставов; в обычные монастыри не было доступа: в мужские — женщинам, в женские — мужчинам; в Телемской обители обязательно должны были быть мужчины и женщины; в обычные монастыри принимались уродливые, тупые, хворые, хилые мужчины и женщины, в гуманистический монастырь только хорошо сложенные, красивые, с хорошим характером мужчины и женщины. Телемиты и телемитки, как на подбор, получили все образование, вроде того, которое Понократ дал Гаргантюа. Все они зна-

ли по пять-шесть языков и умели писать на этих языках, как стихами, так и прозой. Все умели петь и играть на музыкальных инструментах, мужчины чудесно владели разным оружием, отличались ловкостью, храбростью, а дамы — {250} красотой, искусством во всякого рода рукоделиях. Не было, по словам Рабле, людей бодрее и веселее, чем телемиты. Каждый поступал так, как ему было угодно, ибо в их уставе была только одна статья: «Делай, что захочешь!» Но из этого не получалось никакого хаоса, никакой помехи друг другу, ибо, поясняет Рабле, «люди свободные, благородные, образованные, вращаясь в порядочном обществе, уже от природы обладают инстинктом и побуждением, которые их толкают на поступки добродетельные и отвлекают от порока; этот инстинкт называют они честью».

Телемиты жили в замке, который был «во сто раз великолепнее» дворцов короля Франциска I и его вельмож. К их услугам было бесчисленное множество слуг: горничных, гардеробщиков, парфюмеров, цирюльников, конюхов, сокольничьих и т. д. На них работали ремесленники разнообразнейших профессий; как сообщает Рабле, «около Телемского леса на добрые полмили тянулось здание, чистое и светлое, в котором проживали все ювелиры, гранильщики, швецы, златошвеи, портные, ткачи обоев и ковров, бархатники». В распоряжении телемитов были прекрасные залы, богатейшие книгохранилища с книгами на греческом, латинском, еврейском, французском, тосканском и испанском языках, стадионы, ипподромы, театр, бассейны для плавания и великолепные трёхъярусные бани, снабжённые всем необходимым. Но любопытная особенность: в обители, в которой было 9332 комнаты, не было ни одной церкви или общей часовни, зато при каждой комнате имелась наряду с кабинетом, гардеробной, уборной — и своя отдельная часовенка. Таким образом, о каком-нибудь общем богослужении, о каких-нибудь общих молитвах в гуманистическом монастыре у Рабле не говорится ни слова. Рабле постарался отвести здесь церкви самое незначительное место. Есть основания предполагать, что и эту отдельную часовню Рабле вынужден был создать только в угоду цензорам, в качестве, так сказать, громоотвода. И действительно, очень похоже на то, что Рабле предпочёл создать 9332 громоотвода, чем одну общую церковь...

Описывая своё Телемское аббатство, Рабле не задавался целью нарисовать идеальное общественное устройство, подобно своему великому современнику Томасу Мору. Да и во всём романе он не поднялся выше насмешки над существующими порядками. Но для его времени разящая сатира и смелая критика по адресу эксплуататоров-дворян и тёмных сил церкви имели большое значение и сохранили для потомства имя Рабле.

Нет никакой возможности в небольшой статье коснуться всех вопросов, поднятых Рабле на страницах его романа. Нам пришлось лишь очень бегло пройтись по грандиозной эпопее Рабле. Мы убедились, что Рабле в ней откликнулся на все самые злободневные темы его времени. В самом деле, вспомним разгром, который Рабле учинил средневековому обучению и воспитанию. {251} Вспомним обличение таких язв феодального строя, как постоянные войны, как нескончаемые кляузы и волокита феодального судопроизводства; вспомним, наконец, убийственное разоблачение католической церкви, сатиру на папство, монашество, издевательства над католическими суевериями и обрядами, насмешки над текстами Евангелия. С полным правом можно сказать, что удары Рабле обрушивались на все важнейшие стороны средневековой жизни. Эти удары расшатывали, подрывали устои средневекового строя. В этом бессмертная заслуга Рабле, в этом неумирающая ценность его романа. {252}

БЕНВЕНУТО ЧЕЛЛИНИ

Люди Возрождения жили полнокровной, многогранной жизнью и нередко достигали высокой степени совершенства одновременно в разных областях знания и искусства.

Эти люди, по словам Энгельса, «...были более или менее овеяны характерным для того времени духом смелых искателей приключений. Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества... Герои того времени... почти все жи-

вут в самой гуще интересов своего времени... Отсюда та полнота и сила характера, которые делают их цельными людьми» [1].

Жизни одного такого человека Возрождения, настоящего сына итальянского Возрождения, Бенвенуто Челлини, и посвящена эта статья.

В ночь на 3 ноября 1550 г. в семье флорентийского горожанина Джованни Челлини родился мальчик. Обрадованный отец назвал его «желанным», по-итальянски — Бенвенуто.

Отец Бенвенуто был одарённым и разносторонним человеком. Он хорошо играл на флейте и виоле, сам изготовлял клавесины, виолы, лютни, арфы и органы, искусно вырезал фигуры из слоновой кости, был инженером, умел строить мосты и многие другие сооружения.

Его заветной мечтой было сделать из сына знаменитого музыканта, и он заставлял Бенвенуто с раннего детства заниматься игрой на флейте. Но Бенвенуто любил рисование и лепку больше, чем музыку. Поэтому, достигнув 15-летнего возраста, он против воли отца поступил учеником к золотых дел мастеру, надеясь таким образом проложить себе дорогу к любимому искусству. Следует отметить, что в XV—XVI вв.— период пышного расцвета искусств в Италии — золотых дел мастера перестали быть простыми ремесленниками, ибо они смогли превратить своё ремесло в настоящее искусство. Годы ученичества Бенвенуто проводит в {253} странствиях из одного города в другой, от одного ювелира к другому. Из Флоренции он отправляется в Сиену, оттуда в Пизу, затем в Болонью и, наконец, возвращается во Флоренцию. Так проходит несколько лет. Годы странствований не были бесплодными для Челлини. Он научился рисовать, чтобы самому делать рисунки для своих изделий. Челлини, как и все люди, занимавшиеся в эпоху Возрождения искусством, с воодушевлением изучал античные образцы, стремясь подражать изяществу и простоте античных линий. Так, например, он пишет: «Живя в Пизе, я пошёл посмотреть Кампо Санто и нашёл там много прекрасных древних гробниц из мрамора; во многих других местах в Пизе я видел много остатков античного искусства, которые все те дни, какие у меня оставались от работы в мастерской, я прилежно изучал». Позднее, в Риме, он снова срисовывает и копирует древности. Большое влияние оказали на него скульптуры и картины его великого современника — Микеланджело. «Я продолжал всё время учиться на прекрасном стиле Микеланджело, — говорит он, — и от такового никогда не отступал».

После возвращения во Флоренцию Бенвенуто сделал, наряду с другими работами, серебряную пряжку для мужского пояса, величиной с ладонь ребёнка, на которой были вырезаны листья, множество играющих детей и различных фантастических изображений. Эта пряжка создала Бенвенуто славу лучшего молодого работника в цехе золотых и серебряных дел. Пребывание Челлини в родном городе не было продолжительным. Как-то, поссорившись с отцом, он вместе со случайно встретившимся ему приятелем неожиданно вновь покинул Флоренцию. Привязав фартуки за спину, распевая и смеясь, 19-летние юноши отправились в Рим. Такие же внезапные решения впоследствии часто побуждали Челлини резко менять свой образ жизни и вновь пускаться вплавь по бурным волнам «этого бешеного времени» (как называет свою эпоху сам Челлини), не заботясь о том, к какому берегу они его прибьют.

В течение двух лет Челлини работает у разных римских мастеров, продолжая учиться и всё более совершенствуясь в своём искусстве. Возвратившись во Флоренцию уже законченным мастером своего дела, он чеканит много красивых золотых и серебряных вещей. Но спокойная жизнь никогда не была уделом Челлини. Она прервалась неожиданно. Мастерству Челлини начали завидовать другие ювелиры страны. Однажды один из них — Герардо, — поссорившись с Бенвенуто, сильно толкнул его. Бенвенуто ударом кулака свалил Герардо на землю. Суд приговорил Бенвенуто в качестве штрафа к уплате четырёх мер муки. Но пока шёл суд, гнев Бенвенуто всё более разгорался. Дождавшись ухода судей, разъярённый Челлини выбежал из здания суда, чтобы отомстить. Дальнейшее передадим его словами: «Воспламенённый гневом, выйдя из дворца, я побежал к себе в мастерскую и, отыскав там кинжальчик, бросился в дом к {254} своим противникам... Я застал их за столом, и этот молодой Герардо, который был причиной ссоры, набросился на меня. Я ударил его кинжалом в грудь так, что проткнул ему насквозь камзол, колет, вплоть до рубашки, не задев, впрочем (как потом оказалось) тела и не причинив ему ни малейшего вреда. Решив по тому, как входит рука и трещит одежда, что я натворил превеликую беду, и так как он от страху упал наземь, я сказал: «О предатели, сегодня

---

[1] Ф. Энгельс, Диалектика природы, М., 1952, стр. 4.

тот день, когда я вас всех убью». Отец, мать и сестры, тотчас же бросившись на колени, громким голосом, как из бочек, взывали о пощаде; видя, что они никак против меня не защищаются, а этот растянулся на земле, как мертвец, мне показалось слишком недостойным делом их трогать, и я в ярости сбежал с лестницы и, очутившись на улице, застал всех остальных родичей, каковых было больше дюжины; у кого была железная лопата, у кого толстая железная труба, у иных молотки, наковальни, у иных палки, Налетев на них, как бешеный бык, я четверых или пятерых сбил с ног и вместе с ними упал, всё время замахиваясь кинжалом то на одного, то на другого».

Файл ist255.jpg

Бенвенуто Челлини. *Масло.*
Джоржо Вазари.

Это происшествие как нельзя лучше характеризует своеобразную фигуру Челлини. Ему нельзя отказать в большой храбрости, он сам пишет о себе, что «не знал, какого цвета бывает страх». Но вместе с тем эта храбрость в данном случае, как и во многих других, сослужила ему дурную службу. Ослеплённый яростью, припадки которой внезапно и на довольно длительный срок охватывали Челлини, он разит своим кинжалом направо и налево, поражая виновных, а чаще невинных. Он пытается заколоть Герардо, виновного лишь в том, что толкнул Челлини, и готов убить его ни в чём не повинных родственников. Он не чувствует раскаяния и позднее наивно объясняет своё поведение воздействием звёзд, которые, по средневековым поверьям, влияли на жизнь человека. «Здесь познаётся, — пишет он, — как звёзды не только направляют нас, но и понуждают».

И в дальнейшем в жизни Челлини много раз повторялись такого рода неистовые вспышки бешенства, когда он, не рассуждая, молниеносно решался на самые отчаянные поступки. Челлини глубоко убеждён в своём праве быть как судьёй во всех делах, которые его касаются, так и исполнителем принятых им самим решений. В своей автобиографии, написанной «в назида-{255}ние потомству», он повествует о бесчисленных стычках и убийствах, являвшихся результатом этих стычек. Буйство Челлини не казалось современникам преступным. Чем же это объясняется?

Италия XVI в. представляла собой арену разнообразных и острых политических столкновений. Бесчисленные мелкие и крупные тираны, захватившие власть в большинстве городов Италии, непрерывно воевали между собой. Италия раздиралась на части иноземными завоевателями — французами и испанцами. В каждом городе кипела борьба партий и группировок, представлявших разные классы и слои общества. При дворах тиранов не прекращались интриги, заканчивавшиеся казнью заговорщиков или убийством тирана, место которого занимал его более удачливый соперник. Человеческая жизнь стоила дёшево, ей постоянно грозили всевозможные опасности. Выходить на улицу без шпаги и кинжала было небезопасно даже днём. Правосудие бездействовало или служило тому, кто лучше платил судьям. Каждый горожанин, особенно если он был воинственным по природе, предпочитал сам защищать себя и мстить за действительные или воображаемые обиды. Если же он не обладал храбростью, но обладал средствами, он пользовался услугами наёмных убийц — «брави».

Однако не следует думать, что каждый итальянец вёл себя так же, как Бенвенуто Челлини. Челлини является воплощением одновременно и пороков и высоких достоинств, свойственных в наиболее яркой форме представителям Возрождения. Это объясняется страстностью, которую он проявляет как в хорошем, так и в плохом. Но если страстность, могучий, не знающий никаких рамок темперамент часто толкали его на ссоры и поединки, то ещё чаще они помогали ему создавать чудесные произведения искусства. Ибо самой сильной из страстей Челлини была страсть к творчеству, которое он ценил выше всего на свете.

После нападения на Герардо и его родственников Челлини пришлось поспешно и тайком, переодевшись в платье монаха, покинуть Флоренцию. Он сначала работал у римских ювелиров, но вскоре устроился самостоятельно, в своей собственной мастерской. Бенвенуто чеканил золотые и серебряные подсвечники, вазы, шкатулки, пряжки для поясов, бляхи, которые по тогдашней моде носили на шляпе, кольца, оправу для драгоценных камней. Кроме этих отраслей золотых дел мастерства (отделка и оправа камней), в XVI в. обособились отдельные узкие специальности: одни мастера занимались изготовлением печатей, другие — монет, тре-

тьи — эмалевых изделий. Но Челлини, обладавший многосторонним дарованием и способностью легко и успешно усваивать новые, ранее незнакомые ему области изобразительного искусства, заинтересовался всеми этими специальностями. Он изучил искусство делать медали, изделия, покрытые эмалью, и большие, сложного рисунка, украшенные различными фигурами печати. Во всём этом проявлялась кипучая творческая энергия {256} Бенвенуто; он работал ревностно и находил удовольствие в преодолении встречавшихся трудностей: «сказанные великие трудности мне казались как бы отдыхом», — пишет он.

Талант Челлини так велик, так разнообразен, что он не ограничивается чеканными и ювелирными работами. Его изобретательный и пытливый ум постоянно ищет всё новых сфер деятельности. Челлини стремится к тому, чтобы стать скульптором; в сорокалетнем возрасте он, будучи уже одним из лучших золотых дел мастеров и ювелиров XVI в., начинает заниматься скульптурными работами. Он высекает фигуры из мрамора, отливает их из серебра и бронзы, добиваясь вскоре выдающегося успеха и в этой области. Он изобретает новый способ отливки бронзы, который оказал в дальнейшем большое влияние на развитие литейного дела. Интересы Челлини многообразны. Он сам мастерит себе превосходную пищаль и изготовляет порох особого, изобретённого им состава. Челлини великолепный стрелок, он любит охоту и без промаха попадает из своей пищали на расстоянии 200 шагов в птицу. Не менее удачно стреляет он из артиллерийских орудий. Он с успехом занимается музыкой; наконец, он написал книгу, которая и теперь читается с захватывающим интересом.

За что бы Челлини ни брался, он всё делает с увлечением. Именно потому, что он стремится превзойти самого себя, им овладевает вдохновение при работе над каждым перстнем, над каждой серебряной вазой, над каждой медалью. Вещи выходят из его рук столь совершенными, что вызывают изумление современников. Получив заказ, Бенвенуто торопится домой, потому что его одолевает нетерпение скорее приняться за дело. Много раз Челлини приходилось ссориться со своими заказчиками, даже если ими были такие могущественные лица, как папа римский или герцог Флоренции. Эти ссоры происходили из-за того, что сколько бы его ни торопили, он не соглашался сдать работу в не вполне законченном виде. Иногда он теряет из-за этого деньги, полагавшиеся за работу, и заказчиков. Но Челлини непреклонен. Перед требованиями совершенства работы отступают все другие соображения. Челлини настолько любит свой труд, что он никогда не может решиться сделать лишь набросок работы, а само исполнение предоставить ученикам. Когда позднее французский король уговаривал его не утруждать себя и заставить работать подмастерьев. Челлини ответил, что он заболеет, если не будет работать, а произведения его не выйдут такими, какими он хочет их видеть.

В XVI в. Италия всё более беднеет, так как иноземные завоеватели хищнически грабят ее богатства, торговля итальянских городов с Востоком прекращается, а итальянская промышленность не выдерживает соперничества с промышленностью Англии, Нидерландов и других государств. Основными заказчиками художников становятся дворы государей и папы, ибо разоряющиеся {257} буржуа не в состоянии приобретать произведения искусства. Поэтому художники кочуют от одного двора к другому, предлагая свои услуги. Такую жизнь вёл и Челлини, который, приобретя известность, работал, главным образом, для итальянских тиранов, для папы, некоторое время для французского короля. Но, несмотря на то, что его работа при дворах была главным источником его заработка, он не пресмыкался перед королями и герцогами и упорно отстаивал свою точку зрения даже в тех случаях, когда это вызывало ссоры с ними. Ему случалось весьма непочтительно отзываться о папе, о том или ином государе. Но всегда с величайшим восхищением он говорил о Рафаэле, Микеланджело и других великих мастерах своего времени. «Я горжусь, — заявляет он, — что, будучи происхождения низкого, дал почётное начало моему дому. Это лучше, чем если бы, рождённый на верхах, своими пороками я запятнал бы и обесчестил свой знатный род». Он чрезвычайно высокого мнения о себе. Почти о каждой вещи, вышедшей из его рук, он пишет, что мир не видал ничего подобного, или же утверждает, что на свете нет человека (кроме Микеланджело в период расцвета его сил), способного довести до конца такое дело. Именно свой талант он считал решающим в оценке своей личности. Он говорит мажордому герцога Флоренции: «Такой, как я, может быть только один во всём мире, а таких, как вы, по десятку у каждой двери». Именно потому, что в основе самовосхваления Бенвенуто лежит его всепоглощающая любовь к творческому труду, такое наив-

ное хвастовство не кажется нам только смешным, но и вызывает к нему некоторую долю симпатии.

В годы пребывания Челлини в Риме он вращается в блестящей среде художников, скульпторов, золотых дел мастеров, поэтов, учёных. Челлини ведёт жизнь, полную разнообразными событиями; он напряжённо трудится, но одновременно бывает на весёлых ужинах художников, на которых присутствуют ученики Рафаэля, переживает бесчисленные приключения. Природная жизнерадостность не изменяет Челлини, несмотря на то, что «мир был омрачён чумой и войной». Чума, от которой в средние века погибало вследствие крайне низкого уровня медицины огромное количество людей, долго свирепствовала в Риме. У Челлини умерло много друзей, но сам он уцелел. Вскоре на Рим надвинулось новое бедствие. Испанские и немецкие войска Карла V, стремившегося захватить Италию, в мае 1527 г. взяли Рим. Начался беспощадный грабёж города. Замок св. Ангела — самая мощная крепость Рима — был осаждён. В течение всего месяца, пока длилась осада, Челлини находился в числе немногочисленных защитников замка; он стрелял из орудия и причинял своими выстрелами немалый вред врагам, «каждый день совершая что-нибудь замечательное». Наконец, папа подписал акт о капитуляции, и военные действия прекратились. Челлини отправился во Флоренцию. Подъехав к дому отца, он нашёл в нём {258} лишь какую-то незнакомую ему женщину и узнал, что вся его семья погибла от чумы, свирепствовавшей также и во Флоренции. Спаслись только сестра и младший брат Челлини. Челлини разыскивает их и вместе с ними горюет о смерти близких ему людей. Но присущая Челлини и его современникам любовь к жизни не позволяла долго предаваться горю. Челлини так описывает первый вечер, проведённый им с сестрой во Флоренции: «Поплакав немножечко об отце, о сестре, о муже, о своём сынишке, которых она лишилась, сестра моя Липерата стала собирать к ужину. Весь вечер о смерти не было уж и помина, а говорили о тысяче весёлых и забавных вещей, так что ужин вышел один из самых приятных». А между тем Челлини любил умершего отца и постоянно заботился о нём, посылая ему большую часть своего заработка. Челлини вообще был сильно привязан к своим родным. Он всю жизнь помогал своей сестре Липерате; когда она осталась вдовой, взял её с детьми в свой дом, а после смерти Липераты продолжал заботиться о её детях. Ученики Бенвенуто любили его, несмотря на то, что им часто доставались пинки от вспыльчивого хозяина. У Бенвенуто было много друзей, но и много врагов. Он с такой горячностью относился к окружающим, что все они в сущности делились в его глазах на две группы: одних он называет своими лучшими друзьями и высоко превозносит, а других считает своими врагами и изображает величайшими злодеями, какие когда-либо существовали на свете.

Файл ist259.jpg

Замок св. Ангела в Риме. *Гравюра Джамбаттиста Пиранези.*

Бенвенуто, проведя в основном первый период своей жизни в Риме, всё же часто путешествовал, — отчасти по делам, но больше из-за любви к приключениям, которые постоянно слу-{259}чались с ним в дороге, и из-за стремления видеть новые места и новых людей. Он совершил поездку в Южную Италию — в Неаполь, несколько раз был во Флоренции, Венеции. Основным заказчиком Челлини в эти годы был папа римский. Но, обладая в высшей мере чувством собственного достоинства и не умея льстить, Бенвенуто не смог ужиться при папском дворе. Поэтому в 1537 г. он сделал попытку переехать во Францию к королю Франциску I.

Путешествие было очень трудным и опасным. Альпийские горы были покрыты снегом, и Бенвенуто миновал их «с превеликой опасностью для жизни». Наконец, он приехал в Париж. Но путешествие оказалось бесцельным. Король был занят военными делами, так как в это время шла война Франции с германским императором и испанским королём Карлом V. Устав дожидаться приёма у Франциска I, Челлини решил вернуться обратно.

Вскоре после возвращения Челлини в Рим наступила самая тяжёлая полоса в его жизни. Один из работников Челлини послал папе римскому Павлу III донос, в котором сообщалось, что Челлини обладает большим состоянием, так как во время осады замка св. Ангела испанцами он якобы похитил из папской казны много золота и драгоценных камней. Донос был ложным, у папы не было никаких доказательств вины Челлини, но алчный папа, поверив доносу, посадил его в крепость — в замок св. Ангела, надеясь, что Челлини вернёт золото. Вскоре было выяснено, что недостачи в драгоценных камнях в казне нет, но папа продолжал держать

Челлини в тюрьме. В тюрьмах и подземельях Рима томилось много невинных жертв папской жадности или ненависти, поэтому история злоключений Челлини весьма характерна.

Спустя некоторое время после ареста, Челлини стал готовиться к побегу из крепости. Он накопил много простынь, разрезал их на длинные полосы и спрятал в своём тюфяке. Раздобыв у одного сторожа клещи, он начал вытаскивать гвозди из двери, а для того чтобы сторожа этого не заметили, смешал ржавчину с воском и подделал головки гвоздей. Когда всё было готово, Бенвенуто ночью открыл дверь и выбрался на крышу. Прикрепив к выступавшему куску черепицы полосу простыни, он спустился по ней с большой высоты на землю. Здесь он с отчаянием заметил, что замок окружён с этой стороны ещё двумя высокими стенами. Бенвенуто удалось перебраться через них с помощью оставшихся полос простынь, но при спуске со второй, наружной стены он упал и потерял сознание. Много времени спустя, придя в себя, он обнаружил, что у него разбита голова и сломана нога. Собрав все свои силы, Бенвенуто на четвереньках пополз к воротам стены, окружавшей Рим. Ворота оказались запертыми, так как в средневековом городе они открывались только утром, но Бенвенуто, сдвинув с места камень под ними, сумел проникнуть в образовавшееся пространство. Когда он пополз дальше, на него набросились собаки и сильно иску-{260}сали Челлини. Истекающий кровью, со сломанной ногой, Бенвенуто продолжал двигаться вперёд. Начинало светать, и ему грозила опасность быть замеченным. Встретив водоноса, он уговорил последнего поднести его до дворца одного из кардиналов. Этот кардинал дал ему убежище и начал его лечить. Но убежище оказалось ненадёжным. В конце концов кардинал выдал Челлини папе, получив за это выгодную церковную должность для одного из своих любимцев. Челлини снова попал в крепость.

Его бросили в подземелье, «где было много воды, полно тарантулов и множество ядовитых червей». Он лежал на тюфяке, брошенном на пол, и пропитанном водой. Двигаться он не мог, так как нога ещё не зажила. Лишь полтора часа в день в подземелье через маленькие отверстия проникал свет, остальное время Бенвенуто находился в полной темноте. У него начали выпадать зубы и волосы. Но Бенвенуто был так силен духом и телом, что перенесённые испытания не сломили его. Получив две книги, он ежедневно, в тот короткий промежуток времени, пока в его темнице было светло, читал и писал на листах книг сонеты, используя в качестве пера отколотую от двери щепку и вместо чернил сырой кирпич.

Из этой камеры Челлини перевели позднее в другую, лучшую, но ему пришлось бы томиться в заключении всю жизнь, если бы в конце 1539 г. в Рим не явился кардинал Ипполито д’Эсте, представитель Франциска I, стремившегося привлечь к своему двору столь прославленного мастера. Улучив подходящий момент, после ужина, когда папа находился в состоянии сильного опьянения, Ипполито д’Эсте добился у него распоряжения об освобождении Челлини. Челлини отправился во Францию. Начался новый период в его жизни.

XVI век был веком французского Возрождения. Французские дворяне, побывавшие во время военных походов в Италии, непосредственно столкнулись там с новой блестящей культурой, глубоко поразившей их воображение. Король и богатые дворяне не прочь были жить так же роскошно, как и итальянские купцы и банкиры. Франциск I приглашает к себе выдающихся итальянских художников и скульпторов, чтобы они украсили произведениями искусства его дворцы, замки и парки. Некоторое время при его дворе жил Леонардо да Винчи, несколько позднее, одновременно с Челлини, во Франции работало ещё несколько крупных итальянских мастеров.

В 1540 г. Челлини приехал во Францию. Он получает от Франциска I обширный замок, называвшийся «Малый Нель», берёт этот замок с бою, так как его прежние обитатели не хотели удалиться, и с жаром принимается за любимое дело, заполнив весь замок своими мастерскими и набрав много учеников, Бенвенуто начинает одновременно целый ряд работ. Впервые у него появилась возможность заняться, наряду с золотых дел мастерством, и скульптурой, которую он считал самым {261} высоким искусством. Он отливает серебряного Юпитера в чело-

Файл ist262.jpg

Золотая солонка Франциска I. *Бенвенуто Челлини.*

веческий рост, с факелом в поднятой руке (статуя должна была служить светильником около королевского стола), а также бронзовую голову Юлия Цезаря и голову девушки. По заказу короля Челлини делает бронзовую дверь для дворца в Фонтенебло; у подножья двери лежала

нимфа, обнимавшая за шею оленя, окружённая охотничьими собаками и дичью — косулями, кабанами. Самой замечательной из созданных Челлини во Франции вещей была не скульптура, а знаменитая большая золотая солонка. Челлини изобразил море и землю в виде фигур мужчины и женщины, сидевших друг против друга. В одной руке у моря был трезубец — обычная принадлежность морского бога Нептуна, другой он опирается на ладью (в которую насыпали соль). Около Нептуна из волн высовывались головы причудливых морских животных и рыб. Земля была изображена в виде прекрасной женщины, в одной руке державшей рог изобилия, из которого сыпались листья, цветы и фрукты, а в другой — небольшой храм. Её окружали скалы и «самые красивые животные, каких производит земля». Подставка для солонки была сделана из чёрного дерева и украшена золотыми фигурками.

Челлини работал всё время с неистовым пылом, днём и ночью. Многие его работники были не в силах выдержать такое напряжение и либо заболевали, либо покидали его, но силы самого Челлини казались неистощимыми. Работа сменялась многочисленными приключениями; неоднократно, как выражается Бенвенуто, его «жизнь была на стрелке весов». Так, например, {262} он подвергся нападению, когда нёс к себе в мастерскую золото для солонки, над которой он работал, но Бенвенуто один сумел отбить натиск четырёх грабителей, вооружённых шпагами.

Несколько позднее Челлини пришлось предстать перед французским судом: один из жильцов, изгнанных им из замка, обвинил Челлини в похищении части принадлежавшего ему имущества. Бенвенуто пишет, что, по французскому обычаю, этот жилец продал тяжбу другому лицу, который, подкупив свидетелей, рассчитывал извлечь из судебного процесса против неопытного иностранца немалую выгоду. Явившись в судебный зал, Челлини увидел рослого, толстого и сурового с виду судью, около которого теснились стряпчие и поверенные, излагавшие порученные им дела все одновременно. Шум ещё более увеличивался от того, что зал был полон людей, и многие, не попавшие в него, пытались прорваться в двери, охраняемые особым стражем. Челлини был крайне удивлён тем, что судья мог разбирать дела при таком шуме. Побывав в суде, Челлини решил далее действовать своими обычными методами, чтобы прекратить обременительную тяжбу и вырваться из цепких лап французского правосудия. «Не видя никакого способа помочь себе, я прибег для помощи себе к большому кортику, который у меня имелся», — пишет он. Он напал на своих противников и тяжело ранил их; после этого они предпочли приостановить судебный процесс.

Несмотря на то, что королю очень нравились творения Челлини и он не жалел денег, нужных для работы, положение Челлини во Франции всё более осложнялось. Его гордость, прямота, независимость в суждениях мешали ему приспособиться к условиям придворной жизни. Он вызвал ненависть к себе герцогини д’Этамп, имевшей большое влияние на Франциска I. Герцогиня добилась того, что ряд заказов, в том числе заказ на скульптурную группу для фонтана парка, были переданы другим скульпторам. Кроме того, зависть, которую питали по отношению к Челлини другие мастера, и его необузданность приводили к ссорам и постоянным столкновениям между ними.

Однажды (это было в 1545 г.) в порыве досады Бенвенуто покинул замок со всем принадлежавшим ему имуществом и, что ещё более удивительно, множеством незаконченных работ (среди них гипсовую модель колоссальной статуи бога войны — Марса), которые он оставил своим ученикам, и уехал обратно в Италию. Впоследствии Бенвенуто неоднократно раскаивался в этом необдуманном поступке, но вернуться во Францию уже не смог.

Челлини возвратился на свою родину во Флоренцию, которую он больше уже не покидал. Ему сразу же пришлось испытать на себе гнетущую атмосферу двора тирана Флоренции — герцога Козимо Медичи. Козимо, угрюмый, мелочный и недоверчивый, всюду подозревавший измену, был человеком, ничем не напоминавшим своего предка — Лоренцо Великолепного, во {263} время правления которого Флоренция XV в. была центром искусств и средоточием величайших дарований Италии. Правда, и теперь во Флоренции имелись ещё крупные художники и талантливые скульпторы, но жить и творить стало трудно. Козимо хотел играть роль покровителя искусства, но он мало понимал в искусстве, постоянно мешал Челлини, стремясь навязать ему свои собственные представления о том, какими должны быть художественные произведения. Челлини смело отстаивал свои взгляды и даже заявлял герцогу, что тот не раз-

бирается в вопросах искусства, чем нередко навлекал на себя недовольство герцога и в особенности герцогини.

Файл ist264.jpg

Персей. *Бенвенуто Челлини.*

Самыми лучшими годами этого последнего периода жизни Бенвенуто были годы работы над большой бронзовой статуей Персея. Он начал трудиться над статуей сразу же после приезда во Флоренцию.

Согласно древнегреческому мифу, Персей убил Медузу, существо с ужасным лицом, от одного взгляда на которое люди превращались в камень. Челлини решил изобразить Персея в тот момент, когда он только что убил Медузу и, в порыве торжества, попирая ногами её скрюченное тело, держит в высоко поднятой руке за волосы отрубленную им голову. При лепке и отливке скульптуры Челлини натолкнулся на многочисленные трудности. Герцог не давал ему денег, необходимых для работы. Бенвенуто не имел возможности нанять достаточное количество подмастерьев. Он несколько раз впадал в отчаяние и готов был бросить работу и уехать, но затем вновь обретал мужество, чтобы «сразиться со своей судьбой». Наконец, восковая модель Персея была готова, оставалось отлить фигуру из бронзы. Обложив модель глиной, скреплённой железом, Бенвенуто развёл {264} медленный огонь, и растаявший воск начал вытекать из глиняной оболочки через специальные отверстия. Когда воск вытек, Бенвенуто в течение двух суток обжигал полученную таким образом глиняную форму. Затем он опустил форму в яму и поставил около ямы горн, сделанный им по собственным чертежам и соединённый глиняными трубами с формой. Расплавленный в горне металл должен был стечь и заполнить форму. Наступил самый ответственный и напряжённый момент. Заполнив горн кусками бронзы, Челлини с помощниками разжёг под ним огонь. Огонь разгорелся так сильно, что работать стало крайне тяжело. Челлини пишет: «Я был вынужден помогать то с одной стороны, то с другой и так напрягался, что почти выбился из сил, но работы не бросал. И вдобавок меня постигло ещё и то, что начался пожар в мастерской. Мы боялись, как бы на нас не упала крыша. С другой стороны, дождь хлестал с такой силой, был такой ветер, что горн остывал. Сражаясь, таким образом, с этими превратными обстоятельствами несколько часов, пересиливаемый трудом намного больше, нежели крепкое здоровье моего сложения могло выдержать, я схватил скоротечную лихорадку, величайшую, какую только можно себе представить, ввиду чего я был принуждён пойти броситься на постель».

Челлини был уверен, что он умирает, ему становилось всё хуже. Плавку продолжали его работники. Через несколько часов к нему в комнату вбежал испуганный подмастерье и сообщил, что работа испорчена и поправить её уже нельзя. Челлини испустил отчаянный крик и, забыв о своей болезни, бросился в мастерскую. Он увидел, что расплавленный металл в горне сгустился и перестал течь в форму, а работники, ошеломлённые и растерянные, стоят вокруг горна, не зная, что предпринять. Челлини охватил настоящий творческий экстаз. Он развёл такой сильный огонь, что металл снова начал светлеть. Одних работников он послал на крышу тушить разраставшийся пожар, других заставил вешать полотнища и ковры, чтобы защитить пылающий горн от дождя. Его воодушевление передалось окружающим, и каждый из них работал за троих. Но Челлини заметил, что металл не бежит по желобам с обычной быстротой, так как вследствие чрезмерного накала выгорело примешанное к меди олово. Тогда Бенвенуто приказал собрать все имевшиеся в доме оловянные блюда, чашки и тарелки. Он нашёл около 200 оловянных предметов и бросил их в горн, после чего бронза стала жидкой и понемногу наполнила всю форму. Бенвенуто почувствовал, что болезнь его прошла, и отправился спать, ибо ночь уже близилась к концу. На следующий день он весело пообедал вместе со своей семьёй на глиняной посуде, купленной взамен расплавленных оловянных блюд. Флорентийцы были настолько поражены огромной творческой энергией, проявленной Челлини, что говорили о нём: «Это не человек, а сущий дьявол, потому что он сделал то, что искусство не могло сделать». {265}

Когда отделка статуи была окончена, Персея поместили для всенародного обозрения в знаменитой галерее, где находились величайшие произведения флорентийского искусства, в том числе «Давид» Микеланджело. Согласно обычаю того времени, горожане вешали на пьедестал выставленных скульптурных произведений сонеты, выражавшие их оценку этих

скульптур. Создание Персея было самым большим триумфом в жизни Челлини. Пьедестал Персея весь был увешан итальянскими, греческими и латинскими стихотворениями, восхвалявшими статую, причём в числе авторов сонетов был Брондзино и другие крупные художники и ваятели.

Файл ist266.jpg

Борзая. *Бенвенуто Челлини.*

Челлини закончил Персея в 1554 г. За годы, посвящённые этой работе, он одновременно создал ещё несколько прекрасных скульптур — бронзовый бюст Козимо Медичи, мраморное распятие Христа и др.

Последние 17 лет жизни Челлини были весьма тяжёлыми. Против простодушного Челлини плелись нити сложных интриг. Более ловкие, хотя и менее талантливые мастера добивались герцогской милости и завладевали заказами на скульптурные работы, первоначально предназначавшиеся Челлини. Скупой Козимо приказал выплачивать деньги за Персея ежемесячно мелкими частями, причём так и не заплатил всей суммы, а остальные работы оценил намного ниже их действительной стоимости. Престарелому художнику приходилось постоянно обращаться к герцогу с просьбами об оплате. Челлини с горьким упрёком пишет Козимо: «Я часто спрашиваю себя, имеет ли ваша светлость вообще душу и человек ли вы?» Несмотря на одиночество, нужду и болезни, Челлини в последние годы своей жизни проявлял всё ту же силу духа, всё те же яростные страсти. Челлини умер в 1571 г., в возрасте 71 года.

Скульптуры Челлини изображают совершенное человеческое тело, изваянное с глубоким знанием анатомии. Идеал Челлини — прекрасное человеческое тело. Чтобы показать, как лепил Челлини, приведём его слова о неудачной фигуре Геркулеса, сделанной скульптором Бандинелло: «Если обстричь волосы Геркулесу, то у него не останется головы, достаточной для того, чтобы упрятать в неё мозг; его лицо не смотрит на то, что делает, и плохо прилажено к шее... ноги неизвестно каким образом прила-{266}жены к этому туловищу, потому, что неизвестно, на какую ногу он опирается».

Челлини полон негодования, потому что Бандинелло в своей скульптуре изуродовал тело человека, а это, по мнению Челлини, является величайшим преступлением. Для правильного изображения человека надо учиться у природы, утверждает Челлини, «потому что у нас нет других книг, чтобы научить нас искусству, кроме книги природы».

Челлини был непревзойдённым ювелиром и золотых дел мастером, и в этой области оказал такое влияние, что целая эпоха в развитии этих видов искусства была названа эпохой Челлини. К сожалению, из бесчисленных созданных им ювелирных изделий, золотых и серебряных, почти ничего не сохранилось, кроме золотой солонки Франциска I. Это объясняется тем, что сделанные из золота и серебра и украшенные драгоценными камнями изделия в последующие века были расхищены или переплавлены. Больше повезло его медалям и монетам, значительная часть которых сохранилась, а главное — его скульптурам, дожившим до нашего времени.

Книга Челлини — его автобиография — представляет большой интерес и в наши дни. Она написана с таким же неукротимым пылом, с каким Бенвенуто работал в течение всей своей жизни, наполнена страстями этого беспокойного времени. По рассказам Челлини нельзя судить об исторических событиях, происходивших в те годы. Он замечает только самого себя, всегда в центре описанных им событий находится он сам. Но нас интересует в данном случае больше всего сам Челлини, ибо он являлся, со всеми своими достоинствами и недостатками, типичным представителем этой эпохи. Челлини не был одинок в своих взглядах, вкусах, стремлениях. Не он один сочетал в себе талант художника с душой искателя приключений, не он один обладал огромной энергией, которая проявлялась то в ссорах и столкновениях с окружающими, то в сверхчеловеческом труде, в котором чувствуется подлинный пафос. Суеверия, простодушное хвастовство, откровенное стремление к славе, жажда жизни во всех её проявлениях и вместе с тем многостороннее дарование, беззаветная любовь к творчеству, без которого жизнь кажется немыслимой — таковы качества, которые Бенвенуто Челлини делит со многими своими современниками — скульпторами, художниками, писателями. Все они являются порождением этой бурной титанической и противоречивой эпохи. Им обязана эпоха Возрождения своим величием и блеском. {267}

ВЕЛИКИЙ ГОНЧАР

На одной из площадей Парижа стоит памятник. Человек в фартуке держит в руке фаянсовое блюдо. В глубоком раздумье он опустил голову с высоким лысеющим лбом. Свободная рука его указывает на раскрытую книгу. У его ног обломки минералов и раковин. На постаменте надпись «Бернар Палисси».

Замечательный французский художник, гончар и учёный Бернар Палисси был свидетелем и участником многих знаменательных событий. На протяжении всей второй половины XVI в. во Франции почти не прекращались кровавые гражданские войны. По стране, озарённой отблесками пожаров, рыскали орды вооружённых наёмников. Во славу католической и протестантской религии озверевшие солдаты грабили и убивали мирных жителей. Но, несмотря на разруху и одичание, вызванные беспрерывными войнами, Франция, так же как и другие страны Европы, двигалась вперёд. Старая феодальная культура, скованная по рукам и ногам всесильной церковью, доживала свои последние дни. Под натиском новой, буржуазной культуры, зародившейся в XIV—XV вв., она сдавала одну позицию за другой.

До эпохи Возрождения во Франции, как и везде в Европе, наука находилась в зачаточном состоянии. Католическая церковь прилагала все усилия к тому, чтобы задержать её развитие. Учёные писали на непонятном народу латинском языке и выбирали отвлечённые, не имеющие практического значения темы. Привыкнув слепо доверять утверждениям библии и некоторых древних авторов, они почти никогда не пытались проверить то или иное положение на практике. Тех из них, которые осмеливались противоречить священному писанию и мнениям богословов, жестоко карала инквизиция. Зато такие шарлатаны, как астрологи и алхимики, пользовались всеобщим признанием и уважением.

Средневековое искусство было так же далеко от жизни, как и средневековая наука. Рабская зависимость от католической церкви вынуждала художников и скульпторов того времени выбирать для своих произведений религиозные темы, ибо в средние {268} века искусство служило преимущественно украшению храмов. Замки феодальных сеньёров и дома зажиточных горожан поражали бедностью своей обстановки. Охотничьи трофеи да грубая золотая и серебряная утварь — вот почти единственные украшения замка французского сеньёра XIV—XV вв. Что же касается картин и статуй религиозного характера, то они не отличались большой художественностью. Средневековые художники стремились лишь к тому, чтобы подчеркнуть в своих произведениях религиозное, или, как они выражались, «духовное», начало и совершенно не заботились о правдивом изображении природы.

Так продолжалось до тех пор, пока на сцену не выступил новый класс — буржуазия. Для развития промышленности и сельского хозяйства ей нужна была такая наука, которая объясняла бы явления природы и помогала бы ей практическими указаниями. Не следует забывать, что буржуазия была молодым и полным веры в своё будущее классом. Ей тогда не нужно было искажать науку и действительность, как она это делает теперь.

Средневековое искусство удовлетворяло буржуазию не больше, чем средневековая наука. Стремясь всесторонне использовать накопленные богатства и насладиться жизнью, разбогатевшие буржуа и дворяне предъявляли спрос на художественные произведения светского характера. Они охотно покупали красивые картины и скульптуры, которые должны были украсить их дворцы и замки. Выше всего они ценили правдивое, реалистическое изображение людей и природы, основанное на высоком художественном мастерстве.

Вызванная к жизни этими требованиями, во Франции, так же как и в других странах, расцвела новая, буржуазная культура. Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того человечеством, пишет об этом времени Энгельс. Люди, совершившие этот переворот, «...были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными. Наоборот, они были более или менее овеяны характерным для того времени духом смелых искателей приключений. Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества» [1].

[1] Ф. Энгельс, Диалектика природы, М., 1952, стр. 4.

Именно таким человеком был один из создателей французского фаянса и крупнейший естествоиспытатель своего времени Бернар Палисси.

* *
*

Труден и мучителен был жизненный путь Бернара Палисси, закончившийся в Бастилии. О первых тридцати годах его жизни известно немногое. Лишь приблизительно можно установить, что он родился в 1510 г. в семье крестьянина. Как только мальчик немного подрос, родители отдали его в ученье. Семь лет обучался Бернар Палисси сложному искусству живописи по стеклу. Из кусочков разноцветного стекла нужно было составлять изображения святых. Такие цветные стёкла — витражи — шли на украшение храмовых окон. Уже тогда проявились отличительные черты характера Палисси — необычайная трудоспособность, любознательность и железная воля.

Окончив ученье, Палисси, по обычаю подмастерьев того времени, отправляется странствовать. С мешком за плечами и палкой в руках он обошёл многие провинции Франции, Нидерландов и Германии. Перед ним расстилались необозримые леса и поля, деревни и города. Пытливый юноша внимательно присматривался ко всему окружающему. Диковинные камни, горячие источники и другие неразгаданные тогда тайны природы надолго приковывали к себе его внимание. В молодом подмастерье рано просыпается страстная жажда знаний. Но бедняк, которому надо зарабатывать на жизнь, не может поступить в школу или университет. С большим трудом ему удаётся изучить геометрию и черчение, необходимые для межевания. Таким образом, у него появляется вторая специальность — землемерие. Не ограничиваясь этим, Палисси и в дальнейшем старается расширить свой скудный запас знаний. Он читает все научные книги на французском языке, которые ему удаётся достать, и пополняет недостаток школьного образования наблюдениями над людьми и природой.

В 1538 г. странствованиям Палисси приходит конец. Он женится и открывает собственную мастерскую в Сенте. На одной из окраин живописного города четыреста лет назад стоял домик. Из его окон открывался чудесный вид на плодородные поля Юго-Западной Франции. В этом домике около развалин крепостной башни Палисси прожил двадцать лет.

Сначала дела Палисси шли неплохо. Он был молод, силен и работал не покладая рук. Но постепенно ремесло живописца по стеклу начинает выходить из моды. А между тем семья Палисси быстро увеличивалась. Нужно было искать дополнительных средств к существованию. В поисках новой специальности Палисси обращает свой взор на развитое в Сенте гончарное производство. Но сосуды, которые здесь выделывались, были слишком грубы и некрасивы, чтобы внушить художнику желание создать что-либо подобное. Судьбу Палисси решила «чаша изумительной красоты», случайно попавшая в его руки. Мы с вами вряд ли удивились бы, увидав подобную чашу. Но во Франции XVI в. фаянсовая посуда была редкостью.

Фаянс, т. е. глиняная посуда, покрытая красивой стекловидной глазурью выделывалась тогда преимущественно в Италии. Центром фаянсового производства был город Фаэнца, от которого фаянс заимствовал своё название. Сосуды, которые там производились, славились своей ослепительной белизной и красоч-{270}ной росписью. Лучшие художники того времени не гнушались создавать орнаменты для их украшения. Неудивительно, что, увидав такой сосуд, Палисси загорелся желанием во что бы то ни стало открыть секрет белой глазури. Ведь если ему это удастся, он будет делать сосуды и другие красивые вещи из глины и сможет хорошо заработать.

Нужно было обладать огромной силой воли и неистощимым терпением, чтобы осуществить подобное решение. Достаточно сказать, что Палисси не знал ни гончарного производства, ни химического состава глазури, ни способов его обжига. Все эти сведения передавались от поколения к поколению в семействах гончаров и были тайной для посторонних.

Файл ist271.jpg

Бернар Палисси.

«Я начал искать глазурь, — рассказывает о своих первых опытах Палисси, — как человек, который движется в потёмках. Не имея никакого представления о том, из каких материалов делается глазурь, я растирал тогда все вещества, которые, по-моему, могли пригодиться».

Растёртые вещества Палисси смешивал в самых разнообразных пропорциях и сочетаниях и покрывал ими черепки глиняных горшков. Теперь оставалось положить их в печь, которую мастер построил «по своему разумению», и развести сильный огонь, чтобы посмотреть, не сплавятся ли вещества в глазурь.

Первый же опыт принёс Палисси жестокое разочарование. Печь, построенная неумелыми руками, не давала достаточного жара, и вещества не сплавлялись. Не понимая, в чём дело, Палисси комбинирует всё новые и новые материалы, но всё напрасно. В конце концов он отказывается от мысли построить собственную печь и начинает обжигать свои черепки в печи соседнего гончара.

В мучительных поисках проходят годы за годами, а глазурь всё не получается. На покупку материалов и топлива уходят все сбережения прежних лет. Волей-неволей приходится на время прекратить опыты и вернуться к прежнему ремеслу. Но едва накопив некоторую сумму денег, Палисси снова начинает поиски секрета глазури. Теперь он обжигает свои образцы уже не в гончарных печах, а в стекольных. Ведь стекольные печи, рассудил он, дают более высокую температуру, чем гончарные.

Первый же опыт, проведённый в новых условиях, показал Па-{271}лисси, что он находится на правильном пути. На некоторых черепках, обожжённых в печи стекольщика, образовалось какое-то подобие глазури. Окрылённый удачей, Палисси ещё более настойчиво продолжает работу. Он хочет найти такой состав, который дал бы совершенно белую глазурь. Годы за годами тянутся нескончаемые опыты. И вот, когда почти уже не остаётся надежды, среди трёхсот или четырёхсот черепков, только что вынутых из печи, находится один, покрытый совершенно белой глазурью.

«Я испытал такую радость, — пишет о своём открытии Палисси, — что почувствовал себя совершенно новым человеком». Ему казалось, что все испытания остались теперь позади и он сможет вознаградить себя за годы тяжёлого труда. Но он ошибался. «Я был таким глупцом тогда, — рассказывает об этом времени Палисси, — что, получив эту удивительную красивую белую глазурь, сразу же принялся изготовлять глиняные сосуды, хотя я никогда не был знаком с гончарным делом».

Восемь месяцев потребовалось неопытному в гончарном искусстве мастеру, чтобы изготовить сосуды и построить печь «наподобие тех, какие употребляют стекольщики». «Я сам должен был разводить известь, носить для этого воду и таскать на собственной спине кирпичи, так как у меня не было денег, чтобы нанять хотя бы одного рабочего», — вспоминает о пережитых трудностях Палисси. Больше месяца потребовалось ему на то, чтобы растереть и смешать материалы для глазури и покрыть ими сосуды. Шесть суток Палисси не отходил от топок, поддерживая в печи ровный и сильный огонь. И после всех этих испытаний, после десятимесячного неустанного труда глазурь не сплавилась!

Предполагая, что причиной был недостаток веществ, которые сплавляют глазурь, Палисси снова повторяет опыты, но в критическую минуту ему не хватает дров. В отчаянии Палисси сжигает изгородь своего сада, пол и даже мебель, но всё напрасно.

«Невозможно передать моё горе, — описывает Палисси своё состояние. — От изнурительного труда и жара я совершенно извёлся и высох, моя рубашка уже более месяца как не просыхала и, в довершение всего, вместо утешений я встречал лишь одни насмешки. Даже те, кто должны были мне помогать, ходили по всему городу и кричали, что я сжёг полы в своём доме».

Соседи покачивали головами, встречая на улицах осунувшегося и небритого мастера. Многие из них откровенно называли его безумцем, другие подозревали в нём фальшивомонетчика. Подавленный несправедливыми подозрениями, Палисси ходил по городу, не подымая глаз, как человек, сгорающий от стыда. Никто не хотел давать ему в долг. Дома плакали голодные дети. «Мне не только не помогали, — с горечью рассказывает Палисси, — наоборот, надо мной смеялись». «Так ему и надо, {272} пускай помирает с голоду за то, что оставил своё ремесло», — говорили обыватели.

Но лишения, так же как преследования и насмешки, не могли сломить духа непреклонного мастера. Проходит некоторое время, и он снова принимается за работу. На этот раз, чтобы сберечь время и труд, Палисси нанимает себе в помощь опытного гончара. В течение шести месяцев он со своим подмастерьем изготовляет новую партию глиняных сосудов. Всё это вре-

мя ему приходится кормить своего помощника в трактире, так как дома ничего нет. Этот трактир едва ли не единственное место в городе, где ему ещё отпускают в долг. Закончив лепку сосудов и рассчитавшись с гончаром (за неимением денег пришлось отдать ему собственное платье), Палисси перестраивает печь и приступает к обжигу.

Сначала всё шло хорошо, но непредвиденный случай испортил дело. От сильного жара известковая обмазка печи потрескалась, и расплавленная глазурь покрылась крошечными осколками щебня. Велико было отчаяние Палисси, когда он увидал испорченные сосуды. Его не утешило даже то, что, несмотря на свой недостаток, они получились очень красивыми, и нашлись люди, предложившие за них большие деньги. Слишком гордый и требовательный к себе, чтобы продавать недоброкачественный товар, Палисси предпочёл уничтожить всю партию. Соседи увидели в этом новое доказательство его безумия. «Этот дурак уничтожил товара больше, чем на восемь франков», — говорили они.

Измученный нечеловеческим трудом, Палисси заболел от огорчения. Да и как было не огорчаться, когда его со всех сторон осаждали кредиторы. «У меня не было средств, чтобы поддержать свою семью, — вспоминает он об этом времени. — Вместо утешений на меня обрушивались проклятия!» Но Бернар Палисси был не из тех людей, которые долго предаются отчаянию. «Человек, который упал в яму, должен попытаться встать», — говорил он себе. Прежде всего нужно расплатиться с многочисленными долгами и запастись средствами. Тут на его счастье подворачивается выгодная работа по межеванию. Поправив несколько свои дела, он снова возобновляет свои опыты.

Хотя теперь Бернар Палисси знает, из чего делается глазурь и как она обжигается, его испытания на этом не кончаются. Вследствие несовершенства печи глазурь нередко покрывается пеплом, сосуды обжигаются неравномерно, полива получается то слишком плотной, то чересчур прозрачной. «Как только я придумывал способ предотвратить одну опасность — тотчас же возникала новая, непредвиденная», — рассказывает изобретатель.

Бернару Палисси приходилось постоянно совершенствовать свои печи, что вызывало бесконечные насмешки соседей. «Он строит лишь затем, чтобы разрушать», — посмеивались они. Но что значили насмешки для человека, который не останавливался перед самыми тяжкими лишениями, чтобы добиться своей цели! {273} Вот что рассказывает Палисси в своём трактате «О гончарном искусстве» о выпавших на его долю испытаниях. «В течение долгих лет, не имея чем покрыть свои печи, я проводил целые ночи под дождём и ветром, не встречая ни в ком поддержки и сочувствия, если не считать сов, которые кричали с одной стороны, и собак, завывавших с другой. Подчас разыгрывались ветры и бури, которые с такой силой бушевали вокруг моих печей, что я вынужден был бросать там всё, теряя весь свой труд. Нередко случалось и так, что, бросив там всё и не имея на себе сухой нитки из-за лившихся дождей, я отправлялся спать в полночь или на рассвете в такой одежде, точно меня таскали по всем лужам города. И, отправляясь в таком виде спать, я брёл без свечки, шатаясь из стороны в сторону, как пьяный...» Непосильный труд и лишения совершенно истощили Палисси. Он походил на скелет. От нужды и болезней у него умерло шестеро детей. Но несокрушимая воля и талант в конце концов победили. После шестнадцати лет непрестанного труда он научился делать фаянсовые сосуды.

Кто-нибудь другой на его месте, возможно, и удовлетворился бы достигнутым, но Палисси не хотел быть простым подражателем итальянских мастеров. Он ставит перед собой новую задачу — получить невиданную дотоле глазурь, и после нескольких лет поисков приходит к мысли комбинировать глазурь различных цветов. Это было нелёгкое дело, так как глазурь различных цветов плавится при разной температуре. Но благодаря свойственному ему упорству Палисси преодолел и это затруднение. Так появилась на свет знаменитая «крапчатая» глазурь, напоминающая мрамор с разноцветными искрами. Тайну этой замечательной глазури Палисси унёс с собой в могилу.

Дальнейшие поиски наталкивают нашего мастера на мысль украшать свои блюда и вазы различными изображениями растений и животных. Пользуясь этим приёмом, он создал совершенно новый вид фаянсовых сосудов — так называемую «сельскую посуду». Фаянсовые сосуды с изображением змей и ящериц и других животных имели большой успех у современников. В короткое время они стяжали своему создателю громкую славу.

Неустанно совершенствуя своё искусство и осваивая технику лепки, Палисси создал в последующие годы много замечательных произведений. В этих произведениях он предстаёт перед нами как законченный и зрелый художник. С глубоким знанием природы и подлинным мастерством изображает он на своих сосудах животных, насекомых и растения. Данные в натуральную величину и покрытые разноцветной глазурью, они производили впечатление живых. Как подлинный художник эпохи Возрождения, Палисси превыше всего ставил жизненность. «Ничто не доставляет мне такого удовольствия, как собаки, лающие на своего фаянсового собрата в моей мастерской», — говаривал он. Его девиз — «всё должно быть как в жизни». {274}

И действительно, когда смотришь на блюда и вазы, сделанные его рукой, то кажется, что все эти рыбы, раковины и растения попали сюда случайно. Вот, например, блюдо овальной формы, в центре которого находится изображение змеи. Змея лежит на песчаном островке, поросшем травой и листьями, вокруг островка протекает струя прозрачной воды с плавающими в ней серебристыми рыбками, по краю блюда расположены ящерицы, лягушки и бабочки в обрамлении растений. Очень интересен кувшин крапчатой глазури, украшенный белыми раковинами, и круглое блюдо со сквозным орнаментом из цветов и листьев, напоминающее тонкостью своей работы кружево. Другой образец «сельской посуды» Палисси это фонтаны и гроты, которыми украшались в то время парки знатных сеньёров. Один из таких фонтанов представлял собой большую плоскую чашу с изваянными на дне змеями, черепахами, рыбами и прочими обитателями вод. В центре фонтана возвышалась скала с сидевшими на ней лягушками. Лягушки выбрасывали из своих ртов струи воды.

Несмотря на то, что «сельская посуда» приносила Палисси большой доход, его скоро перестаёт удовлетворять простое подражание природе. Постепенно изображения растений и животных отступают в его творчестве на задний план. Подобно многим другим художникам Возрождения, Палисси начинает украшать свои сосуды композициями из греческой мифологии.

Файл ist275.jpg

Блюдо. *Бернар Палисси.* {275}

Файл ist276.jpg

Ваза для фруктов. *Бернар Палисси.*

На блюдах и вазах, созданных рукой несравненного мастера, появляются фигуры Дианы, Прозерпины, Плутоса и других греческих богов. Растения и животные служат здесь уже деталью фона или рамкой.

Наибольшей известностью среди произведений этого рода пользуется блюдо с изображением Дианы-охотницы. Всю центральную часть блюда занимает фигура богини в длинной голубой тунике. Одной рукой она обнимает шею оленя, другая её рука опирается на лук, у её ног расположилась свора собак. К числу лучших произведений Палисси относится также большая фаянсовая доска под названием «Милосердие». В овальной раме из белых раковин красивая молодая женщина кормит грудью ребёнка. Одной рукой она ласково прижимает к себе мальчика постарше, другая её рука протянута к мальчику, стоящему слева, два других мальчика выглядывают из-за её спины. Замечательно лицо женщины, исполненное глубокой материнской нежности. С поразительным искусством Палисси комбинирует здесь белую, голубую и фиолетовую глазурь.

Много других красивых вещей создал Бернар Палисси. Самые знатные сеньёры поручали ему украшение своих дворцов и парков. Но период относительного благоденствия длился недолго.

Ещё в 40-х годах XVI в. во Франции начал распространяться кальвинизм. Сначала эта буржуазная церковь не имела здесь {276} большого успеха. Ведь французская буржуазия была гораздо слабее английской или голландской. Но в последующие годы к кальвинистам присоединилось много мелких и средних дворян и знати. Большинство их было недовольно усилением королевской власти и завидовало огромным богатствам католической церкви. Наибольшим успехом пользовался кальвинизм в южных и юго-западных провинциях. Эти области были присоединены к французскому королевству позже других, и ненависть к абсолютизму и като-

лической церкви была здесь особенно сильна. В 1562 г. вспыхнула гражданская война. Гугенотское дворянство, возглавляемое крупнейшими феодалами юга Бурбонами, делало попытку завоевать власть. Оно встретило ожесточённое сопротивление дворян-католиков, во главе которых стояли крупнейшие феодалы севера — родственники короля Гизы. Начались кровопролитные войны, которые вошли в историю под именем «религиозных». Несмотря на то, что обе стороны уверяли, что борьба ведётся в защиту католической или протестантской религии, на самом деле речь шла о существовании Франции как централизованного государства.

Файл ist277.jpg

Кувшин. *Бернар Палисси.*

Однако наряду с феодальными сеньёрами, мечтавшими вернуть себе былую самостоятельность, и обедневшими дворянами, для которых война была средством наживы, были среди гугенотов и такие люди, которые участвовали в борьбе по идейным соображениям. Именно таким человеком был Бернар Палисси, который одним из первых примкнул к «новой религии». Злоупотребления королевских чиновников и гнёт католической церкви давно возмущали смелого мастера. Особенное негодование возбуждали в нём насилия властей над сторонниками новой религии. Несмотря на свою занятость (это было в самый разгар его работы над глазурью), Палисси активно участвует в общественной жизни родного города. Он становится одним из самых горячих сторонников веротерпимости, т. е. права каждого чело-{277}века свободно выбирать себе религию. Когда власти города Сента решили арестовать одного из проповедников-кальвинистов, Палисси не побоялся явиться в городское управление и потребовать отмены смертного приговора. В то время, когда людей посылали на костёр за малейшее подозрение в «ереси», это было неслыханной смелостью.

В 1562 г. католические войска вступили в город Сент, и среди приверженцев кальвинистов начались аресты и казни. В числе многих других был приговорён к смертной казни и Бернар Палисси. От смерти его спасло вмешательство одного знатного вельможи — большого почитателя его таланта. По его ходатайству Палисси был даже присвоен титул «изобретателя сельских ваз короля и королевы-матери». Вскоре после этого его освободили.

Выйдя на волю, Палисси не решился оставаться в Сенте, где по-прежнему хозяйничали католики, и переехал в Ла Рошель. В Ла Рошели он снова открыл свою мастерскую и создал много замечательных произведений. В свободное от работы время Палисси занимался научными исследованиями и работал над своей первой научной книгой. Спустя несколько лет он по приглашению матери короля Екатерины Медичи переселился в Париж. Здесь на него дождём посыпались заказы от короля, королевы и знатнейших придворных столицы. Так, по поручению Екатерины Медичи Палисси соорудил в дворцовом парке Тюильри великолепный грот.

Однако в 1572 г. жизнь Палисси снова подверглась опасности. В ночь на 24 августа Париж пробудился от звуков набата. Толпы вооружённых людей врывались в дома, отмеченные меловыми крестами, и убивали их обитателей. Несколько тысяч гугенотов было перебито в эту ночь предательски напавшими на них католиками. Но и на этот раз, по счастливой случайности, Палисси уцелел.

Несколько лет спустя, на перекрёстках и площадях Парижа появились афиши. Они сообщали, что некий Бернар Палисси прочтёт «учёным и любознательным мужам» цикл лекций. Первая лекция будет посвящена свойствам и действиям воды, вторая — теориям алхимиков, третья — различным явлениям природы. Послушать Палисси пришли крупнейшие учёные столицы, в том числе знаменитый хирург Амбруаз Паре́. В числе слушателей было и несколько придворных, которых заинтересовало, чему может научить учёнейших людей своего времени «простой ремесленник». Но тех, кто пришёл на лекцию в надежде посмеяться, ожидало жестокое разочарование. Ни на первой лекции, ни на последующих не нашлось человека, который возразил бы лектору. Несмотря на то, что Палисси назначил за вход довольно высокую плату, на его лекциях присутствовало свыше тридцати человек — по тому времени немалая цифра.

Но каким образом «простой гончар» сумел стать одним из {278} крупнейших учёных своего времени? Ведь мы знаем, что он никогда не учился ни в школе, ни в университете и не знал греческого и латинского языка, на которых были написаны учёные книги? Разгадка заключалась в том, что главным учителем Палисси была природа. Во время своих юношеских странствований и позже, будучи уже известным художником, Палисси обошёл и объехал всю

Файл ist279.jpg

Лекция Бернара Палисси. С *картины неизвестного художника.*

Францию и значительную часть Нидерландов и Германии. Всюду, где ему приходилось бывать, он внимательно изучал почву, климат и недра страны, знакомился с её производством и земледелием. «У меня не было другой школы, кроме известной всем книги неба и земли, а эту прекрасную книгу может читать и изучать каждый», — рассказывал он. Таким образом, благодаря врождённой наблюдательности и замечательным способностям Палисси сумел приобрести солидные познания в химии, физике, геологии и агрономии. В отличие от большинства своих современников, которые изучали эти науки, не выходя из своих кабинетов, Палисси знал их из практики. «Сорок лет я копался в недрах земли, чтобы узнать, какие вещи она производит», — с гордостью писал он. Его любимым занятием было собирание камней и минералов причудливой окраски и формы, кусков окаменелого дерева и других редких вещей. В скором времени у него образовался подлинный геологический музей, который он охотно показывал всем желающим. Коллекции этого музея были большим подспорьем в его научной работе. В занятиях Палисси химией большую роль сыграла его почти двадцатилетняя работа над тайной глазури. Она помогала ему изучить химические свойства веществ и минералов и действие их друг на друга. Не следует думать, что, изучая со страстным увлечением природу, Палисси пренебрегал книгами. Напротив, он внимательно следил за всеми работами, выходившими на французском языке, и неоднократно сетовал на то, что их издаётся так мало. Таким путём ему удалось ознакомиться с некоторыми трудами древних и средневековых учёных. {279}

Немалую роль в расширении научного кругозора Палисси сыграло, по-видимому, и общение с такими выдающимися учёными того времени, как хирург Амбруаз Парэ́, врачи Себастьян Колани́ и Франсуа Шуане́н и другие. Все они были большими друзьями Палисси, делились с ним результатами своих научных наблюдений и неизменно присутствовали на его лекциях.

Нелегко приходилось гениальному самоучке, который должен был, по своему собственному выражению, буквально вырывать знания зубами. Одним из самых больших его врагов была бедность. Недаром на первой своей книге, изданной в 1563 г., т. е. в зените своей славы, он поместил изображение мальчика, который поднимает к небу руку с крыльями, как бы собираясь взлететь, в то время как другая его рука прикована к земле огромной тяжестью — бедностью.

Палисси приходилось много работать, и на занятия почти не оставалось времени. Но сильная воля, замечательные способности и неистощимое трудолюбие, которые так ярко проявились во время его работы над глазурью, и тут взяли своё. «Необразованный ремесленник» стал одним из самых выдающихся учёных своего времени.

В эпоху Возрождения новая наука одержала блестящие победы. Коперник, Бруно, Галилей и другие титаны научной мысли ниспровергли существующие представления об устройстве вселенной и заложили основы новой механики и астрономии. Однако такие отрасли естествознания, как физика, химия и геология, продолжали оставаться в плену у предрассудков, охраняемых церковью. Так, например, даже в XVI в. считалось бесспорной истиной, что земля и всё существующее созданы богом за шесть дней и с тех пор оставались неизменными. Растения и животные, горы и долины, реки и моря, недра земли и её поверхность — всё это, по мнению почти всех учёных того времени, было таким же, как в день творения. Именно эти отрасли естествознания привлекли к себе внимание Палисси. Его неоспоримой заслугой является то, что он впервые поколебал господствовавшие здесь с незапамятных времён заблуждения. Наряду с другими крупнейшими учёными эпохи Возрождения Палисси был одним из основателей нового революционного естествознания.

Революционный характер научных воззрений Палисси особенно ярко выступает в его философских высказываниях.

В противоположность учёным, считавшим, что земля и всё существующее были созданы богом в том самом виде, в каком они находятся сейчас, Палисси высказывал мысль, что бог создал не самые вещи, а лишь их «семена», из которых в результате бесконечных изменений образовались окружающие нас вещи. «Бог создал вещи в шесть дней, — поясняет свою мысль

Палисси, — но он создал их не для того, чтобы оставить в бездействии... Нет такой вещи под небом, которая находилась бы в состоянии по-{280}коя. Всё работает, все вещи создаются и распадаются, нередко меняя форму и цвет».

Этот правильный взгляд на природу, как на нечто беспрестанно изменяющееся, позволил Палисси сделать ряд чрезвычайно важных открытий в геологии. Так, он первый среди учёных Западной Европы доказал, что на поверхности и в недрах земли идёт неустанная работа. «Земля, по-видимому, никогда не находится в покое, — читаем мы в сочинениях Палисси. — Всё, что в ней естественным образом потребляется, тут же возобновляется и в той или иной форме преобразуется... Подобно тому как поверхность земли рождает в неустанном труде разные вещи, точно так же и чрево земли ведёт беспрерывную созидательную работу. В иных местах оно производит весьма полезный уголь, в других рождает железо, серебро, свинец, олово, золото, мрамор, яшму и прочие виды минералов и глины.

...Беспрестанным изменениям подвергается также и поверхность земли... Если бы все камни были созданы богом в день творения, то сегодня от них ничего бы не осталось». Под действием ветров, дождей, морозов, рек и морей камни разрушаются и создаются. Вода и ветры превращают их в пыль и переносят эту пыль на новые места. Наслаиваясь друг на друга, пыль цементируется водой и создаёт новые камни и целые горы. В свою очередь, существующие горы, а подчас и целые территории опускаются в результате землетрясений.

Постоянно меняются и очертания морей, которые то вторгаются в сушу, то отступают. Там, где теперь суша, некогда были «большие озёра солёной воды». В этих озёрах, или точнее морях, водились вымершие ныне породы морских животных. Об этом свидетельствуют окаменелые остатки рыб и морских животных, находимые вдали от моря.

Интересно, что современники Палисси объясняли нахождение этих окаменелостей самым фантастическим образом. Некоторые из них приписывали их появление действию звёзд, другие уверяли, ссылаясь на библию, что они остались со времён всемирного потопа. Возражая последним, Палисси доказывал, что во время штормов моллюски обычно присасываются к подводным скалам и поэтому не могли быть занесены на сушу волнами. За несколько десятков лет до Палисси мысль о том, что в тех местах, где находят раковины, были когда-то моря, высказал знаменитый итальянский художник и учёный Леонардо да Винчи.

Таким образом, Палисси не только утверждал, что «земля всегда находит себе работу во вне и внутри» и что там, где теперь суша, некогда были моря, но допускал при этом, что прежде существовали такие породы рыб и морских животных, каких теперь уже нет. Следовательно, он первый из западноевропейских учёных допускал возможность изменяемости животного мира.

Заслуга Палисси как геолога тем более велика, что не только почти для всех его современников, но и для учёных, живших {281} несколько столетий спустя, земля оставалась символом косности и неподвижности. Остаётся лишь удивляться наблюдательности и научному чутью Палисси, который во многом предвосхитил открытия позднейших учёных.

Другой большой заслугой Палисси как учёного и мыслителя было то, что он энергично протестовал против слепого подчинения каким бы то ни было авторитетам и отстаивал право учёного на независимость. «Я знаю, что многие будут смеяться надо мной, — писал он, — и скажут, что с моей стороны большая дерзость высказываться против мнений стольких славных и древних философов, которые... наполнили своей мудростью всю землю... На это я отвечу, что древние были такие же люди, как нынешние, и так же могли ошибаться, как и мы». Не искать подтверждения своим взглядам в трудах богословов и древних учёных, а наблюдать и изучать природу на практике — вот в чём, по мнению Палисси, заключаются обязанности истинного учёного.

«Не позволяй своему духу опьяняться наукой, созданной в кабинетах учёными-фантазёрами, — предупреждает он читателя. — Остерегайся верить мнениям тех, кто говорит, что теория породила практику... Осмелюсь заметить к стыду сторонников этого взгляда, что они не сумели бы сделать себе башмаки, или хотя бы каблуки для башмаков, даже если бы в их распоряжении имелись все теории мира. У тех, кто придерживается этого мнения, я спрошу: допустим, что они проведут пятьдесят лет за изучением книг по космографии и морской навигации и что в их распоряжении будут карты всех областей и морей, астрономические инстру-

менты и компас. Смогут ли они после всего этого повести корабль так, как это сделает человек практически опытный?»

Не освящённые веками авторитеты и оторванная от жизни наука, а сама природа должна быть «наставницей и образцом» учёного. Надо научиться помогать природе, подражая ей, и тогда господство человека над природой обеспечено. «Подражая природе, искусство может творить то, что многие считают вымыслом».

Все эти истины кажутся нам совершенно очевидными и само собой понятными. Сейчас никто не стал бы возражать против этого. Но во времена Палисси мысль о том, что учёный должен руководствоваться не авторитетом священного писания и Аристотеля, а самой природой, была новой и смелой. Не менее смелым был и призыв Палисси к учёным покинуть душные кабинеты и помогать природе. Ведь в XVI в. нельзя было и мечтать о преобразовании природы, без которого немыслимо истинное господство человека над природой. Такое преобразование природы возможно лишь в социалистической стране.

Придерживаясь своего правила неустанно наблюдать и изучать природу, Палисси сделал много ценных открытий. Так, например, он первый подметил, что почва состоит из нескольких {282} слоев, что сталактиты образуются из солей, содержащихся в воде, что горячие источники — результат подземного тепла. Любопытное объяснение дал он таким явлениям природы, как вулканические извержения и землетрясения. Не гнев божий обрушивает на людей раскалённую лаву, как внушали простым людям церковники, а подземный огонь, встречаясь с подземными водами, образует пар, поднимающий землю и камни. Интересно, что здесь Палисси правильно подметил огромную силу пара.

Глубокое негодование возбуждают в Палисси досужие вымыслы некоторых средневековых «учёных» о «волшебных» свойствах драгоценных камней. Утверждения этих средневековых геологов о том, что алмаз приносит победу и делает того, кто его носит, сильным и могущественным, что опал охраняет от опасностей на море, а яшма останавливает кровь, Палисси с возмущением объявляет ложными.

Средневековых учёных давно занимал вопрос, откуда берутся подземные источники. Многие из них считали, что они образуются в подземных пещерах благодаря сгущению воздуха. Возражая им, Палисси впервые высказал мысль, что подземные источники — результат скопления под почвой атмосферных осадков. Вода, выпавшая в виде дождя и снега, просачивается сквозь землю, пока не наталкивается на водонепроницаемый слой камней или глины, и тогда она образует подземные ручьи. Эта теория Палисси имела большое значение для устройства водоёмов и рытья колодцев.

Верный своему взгляду, что всё существующее непрерывно движется, Палисси первый установил и круговорот воды в природе. «Не желая оставить что-либо в праздности, господь приказал им [водам] двигаться туда и сюда и производить, что они беспрерывно делают... Лучи солнца и высасывающие влагу ветры, ударяющие о землю, подымают большие массы воды, которая собирается в воздухе и образует тучи. И когда богу угодно, чтобы тучи эти, которые являются не чем иным, как скоплением воды, рассеялись, пары превращаются в дождь и падают на землю».

Бернар Палисси намного опередил своих современников и в другом отношении — он самым отрицательным образом относился к алхимии. Алхимики — либо шарлатаны, либо безумцы, так как они хотят добывать золото и серебро не из чрева земли, и, что ещё хуже, они не знают веществ, из которых те состоят, говорил Палисси. Длительные наблюдения над разными веществами навели его на мысль, что в природе большую роль играют соли. Ничто не может существовать без солей, соли необходимы для произрастания растений — таков был его вывод.

Низкий уровень развития тогдашней науки не мог не отразиться на научных взглядах Палисси. Многое в них неправильно и наивно. Но природная наблюдательность и чутьё учёного помогли ему угадать и многое такое, что было открыто сотни лет {283} спустя. Так, например, Палисси замечает, что кипящая вода занимает большее место в котелке, чем холодная. Эти высказывания свидетельствуют о том, что Палисси стоял на грани открытия закона расширения тел и жидкостей при нагревании.

Крупным достоинством Палисси как учёного является его неустанное стремление поставить науку на службу людям. В своих работах он не только объясняет те или иные явления природы, но даёт одновременно практические указания, как использовать их в интересах лю-

дей. Наука должна научить людей умножать и увеличивать богатство, не раз говорил он. Его первая книга так и называлась «Подлинный рецепт, по которому жители Франции научатся умножать и увеличивать свои богатства». В этой книге Палисси предлагал провести ряд мер, которые должны были содействовать развитию сельского хозяйства. Интересно, что здесь он впервые обосновал необходимость научных методов земледелия.

«Вести сельское хозяйство без философии (под философией Палисси подразумевал науку) значит ежегодно насиловать землю и вещи, которые она производит», — говорит он. Отсталость сельского хозяйства вызывает в нём глубокое возмущение: «Я удивляюсь тому, что земля и плоды, ею производимые, не мстят своим невежественным и неблагодарным осквернителям, которые только и делают, что портят и уничтожают деревья и растения без всякой пользы», — с горечью замечает Палисси. Цель его книги — научить земледельцев «философии» сельского хозяйства, побудить их «стать достойными людьми и полюбить праведный труд... Так как я вижу, что земля обрабатывается чаще всего людьми невежественными... я вставил в свою книгу много поучений», — говорит он в предисловии.

Основываясь на своём непоколебимом убеждении, что задача науки — помогать природе, Палисси предлагал осуществить меры, которые могут поднять уровень сельского хозяйства. Прежде всего нужно покончить с небрежным отношением к удобрениям. У современников Палисси были самые туманные представления о действии удобрений. Так, например, большинство их считало, что навоз полезен для семян только потому, что своим теплом согревает землю. Иного мнения был Палисси, исходивший из своей теории о необходимости солей для растений. «Вынося навоз на поле, ты делаешь это затем, чтобы возместить частично отнятое у него», — говорил он. Навоз, который является не чем иным, как перегнившим зерном и соломой, возвращает почве те самые соли, которые растения извлекли из неё во время своего роста. «Если кто-нибудь будет засевать своё поле, не унавоживая его, — писал Палисси, — семена извлекут из земли соли, необходимые для их произрастания, и земля не сможет больше производить. Поэтому нужно или унавозить её, или дать ей несколько лет отдохнуть». Таким образом он впервые научно обосновал необходимость удобрений и пара. {284}

К числу удобрений Палисси относил не только навоз, но и золу. Крестьяне в Арденнах, которые ежегодно выжигают и засевают новый участок леса, повышают урожайность не тем, что согревают почву (как думали они сами), а тем, что в золе сожжённых деревьев и растений содержатся соли.

Обосновав научно необходимость удобрений, Палисси тут же делает практический вывод. Хранить навоз нужно не под открытым небом, как это сплошь и рядом делают крестьяне, а в крытых, выложенных камнями ямах. Таким образом дожди не будут вымывать из него питательные вещества и навоз сохранит свои ценные свойства.

Большое значение для развития сельского хозяйства и промышленности имеют, по мнению Палисси, леса. Хищническое истребление лесов неминуемо приведёт к самым пагубным последствиям. «Мне кажется, — пишет Палисси, — что нет на свете большего сокровища и ничто не должно пользоваться большим уважением, чем маленькие побеги деревьев и растений, пусть даже самых презираемых. Я уважаю их гораздо больше, чем золотые и серебряные россыпи. Размышляя о ценности крохотного побега дерева или тернового куста, я не перестаю удивляться великому невежеству людей, которые думают сегодня, по-видимому, лишь о том, как бы вырубить и уничтожить эти великолепные леса, так заботливо охранявшиеся нашими предками. Я не осудил бы вырубку лесов, если бы вслед за этим где-нибудь насаждались новые. Но люди совершенно не думают о будущем и не видят огромного вреда, который сами же уготовляют своим детям».

С уничтожением лесов исчезнут все ремёсла, так как нет такого ремесла, которое не требовало бы дерева. С уничтожением лесов прекратится и рыбная ловля, исчезнет лесная дичь и понесёт урон скотоводство. Чтобы избежать этой беды, земледельцы должны засевать часть своих полей каштанами и орехами, которые, помимо своей общественной пользы, принесут им «лёгкий доход». Другая мера, которая должна повысить урожайность сельского хозяйства, это искусственные водоёмы. Исходя из своей теории образования подземных источников, Палисси предлагает земледельцам вымащивать часть своих полей на некоторой глубине камнем. Просачиваясь сквозь землю, покрывающую камни, осадки натолкнутся на непроницаемый для воды каменный слой, устроенный наклонно, и соберутся в специальных водоёмах.

Большим препятствием к развитию сельского хозяйства Палисси считал несовершенство сельскохозяйственных орудий. «Я не мог не бранить самого себя, — пишет он, — при виде их [крестьян] громоздких орудий. Мне кажется, что следовало учредить специальные должности, почести и награждения для тех, кто изобретёт какое-либо хорошее земледельческое орудие. Если бы это было так, все стали бы в погоне за этими наградами {285} изобретать орудия... и подобно тому, как теперь презирают устарелые моды, так тогда презирали бы устарелые орудия...»

Все эти меры, будучи проведены в жизнь, должны, по мнению Палисси, повысить урожайность на четыре миллиона буасс (старинная мера ёмкости). Таким образом, в агрономии, так же как и в других науках, Палисси стремился не только доискаться до причин того или иного явления, но во всеоружии знания и опыта помочь людям практическими указаниями. Несмотря, однако, на то, что он сделал всё от него зависящее, чтобы его советы стали достоянием всех земледельцев Франции, ему не удалось добиться осуществления своей мечты. Причина его неудачи коренилась в общественных условиях того времени, в господствовавших тогда феодальных порядках. Ведь сельское хозяйство феодальной Франции было основано на подневольном труде крепостных и зависимых крестьян, в большинстве своём нищих, забитых и невежественных людей. Обречённые на изнурительный и отупляющий труд, они не могли и помышлять о применении научных методов обработки земли.

Лишь в XVIII в., когда французская буржуазная революция смела феодальный строй и отобрала у помещиков земли, открылись возможности для развития сельского хозяйства. Но, хотя земледелие и сделало при капитализме большие успехи, этими успехами воспользовались только капиталисты да горсточка кулаков. Огромное большинство крестьян в капиталистических странах слишком бедно, чтобы применять дорогостоящие удобрения и сложные машины. Только в Советском Союзе и других странах, свергнувших ярмо капитализма, возможен подлинный расцвет сельского хозяйства, о котором четыреста лет назад мечтал старый мастер. Только здесь агрономическая наука, поднятая на недосягаемую высоту трудами гениальных русских учёных — Докучаева, Тимирязева, Мичурина, Лысенко, — имеет все возможности для коренного переустройства сельского хозяйства.

Стремясь как можно шире распространить свой опыт, Палисси в течение двух с лишним лет читал в Париже свои лекции. В 1580 г. вышла из печати его вторая и последняя книга — «Замечательные рассуждения о характере воды и источников, как естественных, так и искусственных, о металлах, солях, солеварнях, камнях, землях, огне, глазури и других замечательных тайнах природы». Это как бы расширенное издание его лекций. Дальнейшая жизнь Палисси вплоть до его ареста в 1588 г. нам почти неизвестна. Можно лишь догадываться, что причиной ареста Палисси были не только его протестантские убеждения, но и смелые научные выводы, расходившиеся с учением церкви.

В Бастилии Палисси — тогда уже восьмидесятилетний старик — содержался в самых тяжёлых условиях. Тёмная камера с сырыми стенами, плохая пища, издевательства и побои — всё это вконец подорвало его здоровье. Но как ни тяжелы были {286} условия, как ни близка угроза смерти, ничто не могло поколебать несокрушимое мужество этого замечательного человека.

Однажды, когда исхудалый и оборванный Палисси лежал по своему обыкновению на соломенной подстилке, заменявшей ему постель, дверь его камеры распахнулась и в камеру вошёл король. Он хотел спасти жизнь своему придворному гончару и просил только одного: отказаться от своих убеждений. «В противном случае я вынужден буду покинуть вас и вы умрёте», — уговаривал он старика.

Но Палисси был не из тех людей, которых можно испугать угрозой смерти. «Вам не удастся заставить гончара преклоняться перед статуей [т. е. перед изображением католического святого], — ответил он королю, — я сумею умереть». И действительно, болезни, нужда и дурное обращение скоро свели его в могилу. В 1590 г. Палисси умер. Так окончил свою жизнь один из тех «титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености» (Э н г е л ь с), которых породила эпоха Возрождения.

* *
*

Так же как другие художники эпохи Возрождения, Палисси требовал от искусства правдивого изображения действительности. Это стремление сделать свои произведения как можно более реалистичными помогло ему создать выдающиеся по своей красоте и жизненности вещи. Наряду с полотнами Леонардо да Винчи и скульптурами Микеланджело, блюда и вазы Палисси можно найти в лучших музеях мира, в том числе и в нашем Эрмитаже. Перед творениями великого гончара останавливаются тысячи людей, привлечённых свежестью красок и совершенством исполнения.

Так же как другие выдающиеся учёные эпохи Возрождения, Палисси не был кабинетным учёным. Он не просто исследовал то или иное явление природы, но всегда ставил перед собой практические цели. В своём трактате о воде он не только раскрывает механику образования подводных источников, но даёт указания относительно устройства водоёмов и колодцев. В своей книге «Подлинный рецепт» он не только исследует роль солей в произрастании растений, но даёт советы по агрономии. В своём трактате «О металлах» он не только доискивается до процесса образования металлов, но и борется с ложными учениями алхимии.

Так же как другие видные деятели эпохи Возрождения, Палисси не замыкался в мире науки и искусства. Подобно им, он принимал самое активное участие в политической борьбе своего времени; он принадлежал к той части гугенотов, которые участвовали в религиозных войнах не из-за личных, шкурнических интересов, а в силу своей непримиримой ненависти к душительнице всего живого — католической церкви. {287}

Но в сравнении с другими крупнейшими представителями эпохи Возрождения у Палисси много и своеобразного. В отличие от многих учёных, писателей и художников того времени, вышедших из недр буржуазии или дворянства, Палисси происходил из небогатых крестьян. Вынужденный с ранних лет бороться за существование и полагаться лишь на самого себя, добившийся всего собственными силами и учившийся по «книге природы», Палисси решительнее, чем другие его современники, разрывал со старым. Авторитет библии и древних писателей, представления о неизменности природы и оторванность средневековой науки от жизни — всё это подвергалось его ожесточённым нападкам. Не теория рождает практику, а практика рождает теорию, впервые сформулировал он принцип новой науки.

Крестьянское происхождение Палисси ещё сильнее сказывается в тех местах его книг, где он касается своих политических убеждений. В своих произведениях Палисси бичует алчность и продажность священников, для которых сутана служит источником наживы. Вместе с тем он сурово порицает и паразитов-дворян, проводящих свои дни при дворе в праздности и роскоши, вместо того чтобы «есть лук со своими держателями и учить их правильно жить». Буржуа, которые накапливают огромные богатства и покупают должности, вместо того чтобы вкладывать свои деньги в сельское хозяйство, и продажные чиновники, злоупотребляющие своим положением, — все они вызывают ненависть Палисси. Его симпатии целиком на стороне крестьян и трудовых людей. «Земледелие — праведное и достойное занятие, заслуживающее всяческой похвалы и почёта», — пишет он. Палисси удивляет, что находятся земледельцы, которые, едва разбогатев, сразу же начинают стыдиться своего звания и воспитывают своих детей как баричей. «Мне кажется, что если бы люди вкладывали в обработку земли такое же рвение, с каким они приобретают должности, бенефиции и почести, то на землю и труд того, кто её обрабатывает, снизошло бы благословение». Земледелие не только самое достойное, но и самое нужное и полезное занятие. Без него немыслима жизнь. Развитие земледелия повысит материальное благосостояние населения и принесёт большую пользу всей Франции.

Эти строки знаменательны, так как они показывают, что даже в годы наибольших успехов Палисси не забывал о людях, среди которых родился и вырос. Недаром современники называли его «ажанским крестьянином» (Ажан — округ в Перигоре, где, как предполагают, родился Палисси), а сам он любил говорить о себе как о «необразованном ремесленнике». В нашей памяти Палисси останется не только как создатель «сельской посуды» и автор замечательных научных трудов, но и как человек, осмелившийся защищать достоинство одного из самых презираемых сословий того времени — крестьянства. {288}

ГОРОД СОЛНЦА

Кампапелла и его современники.

— Вы слышали, уважаемый коллега, в нашем городе появилась замечательная книга «Город Солнца». Говорят, она издана впервые у нас в Германии, во Франкфурте. Я уверен, она способна перестроить мир, — возбуждённо говорил высокий и худой человек, с ясными глазами и лихорадочным цветом лица, одетый во всё чёрное, как одевались в начале XVII в. представители учёной корпорации. Произношение его выдавало уроженца Вюртемберга.

— А кто автор этой книги и чем она, собственно, замечательна? — угрюмо проворчал второй собеседник. Ничто на его лице не отражало действительного интереса к затронутому вопросу.

Не замечая этого, вюртембержец продолжал:

— Автор итальянец, католик-монах, но...

— Да о чём же тогда говорить ещё, господин Иоган Шульц, если вы, вы — последователь истинного евангелического учения, протестант, приходите в восторг от каких-то писаний католика, — оборвал разговор второй собеседник и, небрежно кивнув головой, неторопливо удалился.

Не ожидавший такого конца беседы, Иоган Шульц как-то беспомощно оглянулся вокруг. Он стоял в полутёмном зале старого университетского здания и не сразу заметил, что к его беседе с профессором юриспруденции господином Моллером прислушивалось несколько студентов. Теперь они подошли ближе, и один из них, крепкий юноша лет двадцати, с пышными белокурыми волосами, смелым и даже задорным выражением глаз, вежливо обратился к обескураженному рассказчику.

— Не можете ли вы, многоуважаемый профессор, поделиться с нами вашими мыслями о «Городе Солнца» и подробнее рассказать о его авторе. Мы уже имели счастье прочитать это замечательное произведение, все мы, здесь присутствующие, — и он широким жестом указал на притихшую группу товарищей, тесно окруживших своего профессора. — Может быть, вы нам не пове-{289}рите, но нас день и ночь преследует мысль, нельзя ли осуществить на деле всё то, о чём говорится в «Городе Солнца». И правдив ли слух, что автор и сейчас находится в тюрьме?

— Если вас в самом деле интересует вдохновенный автор этой книги, Кампанелла, этот великий человек и великий мученик за идею наилучшего устроения человечества, пойдёмте ко мне домой, и я смогу рассказать вам подробно о Кампанелле. Я многое знаю о нём от моего друга — Товия Адами, который лично знаком с Кампанеллой, посетил его несколько раз в тюрьме и теперь первый издал «Город Солнца» (это произошло в 1623 году), — сказал обрадованный профессор. — Более того, я расскажу вам об одной удивительной вести, дошедшей до меня из моего родного Вюртемберга, — профессор остановился, оглянулся, но затем продолжал с тем же воодушевлением, — я скажу вам всё, я ведь знаю, вам можно доверять; так вот, говорят, в Вюртемберге появилась небольшая община, которая хочет жить так, как советует всем жить Кампанелла!

— Значит это уже не только книга, это сама действительность, то, о чём и мы думаем! — подхватил молодой студент.

— Может быть, и мы когда-нибудь сможем присоединиться к этой общине, — заговорил другой студент.

— Тише, что вы, разве можно говорить здесь об этом! Идите же ко мне!

Небольшая группа собеседников двинулась по узким улицам старого университетского города. Шли они медленно, то и дело останавливаясь. Нетерпеливый рассказчик и не менее нетерпеливые слушатели, не дожидаясь прихода домой, то и дело заговаривали о Кампанелле. Ещё в пути начался рассказ о жизни и страданиях Джиана Доменико Кампанеллы, принявшего в монашестве имя Фомы (Томас по-немецки, Томмазо по-итальянски),

Так уже при жизни Кампанеллы, едва только вышли в свет его произведения и среди них получившее наибольшую известность «Город Солнца» (в то время, когда сам автор ещё томился в мрачных застенках испанской инквизиции), — слава о нём распространилась по многим странам Европы, особенно в Германии, ещё более чем Италия раздираемой на части

иностранными завоевателями и бесконечными внутренними распрями. Там, где людям жилось тяжело, где они лихорадочно искали выхода из невыносимого положения, там находила живой отклик мечта Кампанеллы о лучшем будущем человечества.

Студенты слушали своего профессора, и вот что он им рассказал о судьбе одного из самых смелых учёных и борцов далёкого прошлого...

Кампанелла — учёный и поэт, философ и активный противник деспотизма, патриот своего отечества, пытавшийся поднять знамя восстания против ига чужеземцев, и человек, мечтавший облагодетельствовать всё человечество, создал проект такого государства, которое, по его мысли, должно было освободить {290} всех людей, создав такие условия жизни и работы, когда человек стал бы поистине царём природы.

Прислушаемся — о чём сейчас говорит старый профессор Шульц, а потом сами добавим то, о чём он не знал или в чём неправильно разбирался.

Биография Кампанеллы.

Кампанелла родился 5 сентября 1568 г. в селении Стеньяно, около города Стило, в Калабрии. Эта часть Италии уже долгие десятилетия (с 30-х годов XV в.) находилась под тяжким игом Испании.

Не по годам развитой мальчик (он уже в 13 лет свободно импровизировал стихи, мог произнести речь на любую тему) рано узнал о страданиях родины, раздираемой на части чужеземцами, и научился ненавидеть всяческое насилие.

Увлекающийся юноша решил стать проповедником. Он надеялся воздействовать на людей своим словом, искоренить этим зло и насилие, помочь освобождению родины.

Отец послал Кампанеллу в Неаполь к своему родственнику, профессору права, с тем чтобы под его руководством юноша смог стать юристом. Но Кампанелла решил иначе, ему казалось, что за стенами монастыря лучше готовиться к избранной им деятельности проповедника, и вопреки воле отца 15 лет он поступает в доминиканский монастырь.

Файл ist291.jpg

Томмазо Кампанелла. {291}

Там Кампанелла много работает, изучает философию, богословие. Вскоре, принимая участие в философских диспутах, он прославился как великолепный оратор и чрезвычайно опасный противник. Он выходил из всех диспутов общепризнанным победителем.

Слушатели, сначала смущённые его молодостью, потом восхищённые его красноречием и убедительностью доказательств, всё дальше распространяли молву о Кампанелле. Но этот успех, эти блестящие словесные победы вооружили против Кампанеллы монахов из других духовных орденов, особенно иезуитов. И неудивительно, ведь Кампанелла открыто восстал против ордена иезуитов, требовал его уничтожения. Он не побоялся прямо заявить, что иезуиты «искажают чистое евангельское учение, чтобы заставить его служить деспотизму властителей».

Иезуитов и других церковников равно возмущали как прямые нападки на них Кампанеллы, так и его борьба с церковными авторитетами.

Свободный ум Кампанеллы уже в то время не мог удовлетвориться сухой, схоластической наукой, которая господствовала в монастырях.

Всё больше сомнений вызывают у него работы Аристотеля (как они истолковывались схоластами), Альберта Великого, утверждения которых не были основаны на непосредственном изучении природы.

Кампанелла заявлял, что общепризнанные авторитеты его не удовлетворяют; он сам хочет познать законы природы, непосредственно изучая самоё природу. И он все силы употребляет на то, чтобы читать самую замечательную книгу — книгу природы. Одновременно Кампанелла знакомился с трудами тех учёных, которых не признавала монастырская схоластическая наука, — с трудами греческих и римских учёных и философов: Платона, Плиния, Галена, стоиков, последователей Демокрита, а главное — с трудами своего соотечественника и современника, учёного и философа — Телезия, считавшего опыт основным путём к познанию природы и познанию истины. Встретиться с Телезием Кампанелле так и не удалось; более того, ему приходилось скрывать от монастырских властей даже то, что он знаком с трудами Телезия,

запрещёнными церковью; тем более ополчились бы они против попытки личного знакомства с опасным мыслителем.

Кампанелла стремится знать всё больше и больше. Вот что говорит он в одном из своих сонетов:

«Все книги, существующие в мире, не могут удовлетворить моей жажды знаний. Сколько их я уже проглотил и всё же умираю от недостатка питания. {292}

Изучение вселенной даёт мне лучшую пищу, и всё же мой голод не уменьшается. Алчущий и жаждущий, я исследую вселенную во всех направлениях, и чем больше я узнаю, тем меньше знаю».

Как ярко в этом небольшом стихотворении сказался характер Кампанеллы, лучшие стороны его ума. Он изучает то, что было написано до него, неудовлетворённый, изучает различные отрасли науки, исходя из непосредственных наблюдений над явлениями природы, и скромно признаёт, что область непознанного, неизведанного ещё чрезвычайно велика.

Кампанелла не довольствуется больше деятельностью только проповедника. Что такое слово, произнесённое вслух? Оно живёт недолго и не всегда достигает цели, размышлял юный философ. Ведь не всегда тот, кто слышит проповедь, разумеет её, а многие и не услышат. Насколько могущественнее слово печатное. Оно летит дальше стрелы, разит сильнее меча.

Вскоре Кампанелла претворяет в жизнь своё намерение. Он пишет свой первый научный труд, в котором защищает взгляды Телезия, взгляды, которые он разделял с такой пылкостью. Красной нитью через всю работу проходит мысль, что только опыт, изучение природы может служить мерилом истины. Ощущения человека отражают действительный мир, нельзя слепо верить даже наиболее крупным авторитетам, даже самому Аристотелю. Эта работа Кампанеллы, написанная им по-латыни и носившая название «Philosophia sensibus demonstrata» (философия на основе опыта), свидетельствовала о том, что Кампанелла о ряде явлений думал как материалист, хотя одновременно, будучи человеком своего времени, он верил во многое, во что в наше время не поверят даже маленькие дети. Так, например, он верил, что, астрология — это действительная наука, что по звёздам можно предсказать судьбу людей.

Но не этими заблуждениями определялась деятельность Кампанеллы. Он вновь и вновь возвращался к разработке своих передовых воззрений, писал новые работы.

Жадно следившие за Кампанеллой враги его воспользовались выходом в свет его книг и тем, что он смело пользовался любыми книгами монастырской библиотеки (о чём сообщили шпионившие за Кампанеллой монахи), не испрашивая на это особого разрешения у папы, а это «преступление» наказывалось в то время очень сурово, вплоть до отлучения от церкви. Они донесли на Кампанеллу папе. Его арестовали и отвезли в Рим. Там он попал в застенки инквизиции. Его обвиняли в ереси, в колдовстве. Не знали просто, в чём бы ещё обвинить. Оклеветать его оказалось трудно, Кампанелла смело защищался, умел распутывать уловки врагов. На этот раз иезуитам не повезло. Кампанелле удалось освободиться. Папа лишь запретил ему проповедовать и приказал монастырским властям следить за ним. {293}

Проходит несколько лет. Кампанелла не устаёт работать, враги не устают преследовать его. Опять на него возводят клевету, опять летят доносы. Иезуиты не очень заботятся о здравом смысле, лишь бы погубить Кампанеллу. Его даже обвиняют в написании еретического произведения, о котором заведомо известно было, что оно написано ещё до рождения Кампанеллы. Клеветники переусердствовали. Это даже помогло Кампанелле — заведомая нелепость обвинения способствовала его оправданию.

Кампанелла продолжал много работать, писать. У него зреет мысль, которую он в разных формах, иногда нарочито туманных, иначе опять начнутся преследования, выражает в своих сочинениях, что должно быть создано такое мировое государство, которое бы могло бороться со всеми существующими правительствами, а главное — с деспотизмом Испании. Для Кампанеллы делается всё более и более ясным, что Италия погибает под гнётом многочисленных правителей.

В 1597 г. Кампанелла вновь поселился на родине, в Калабрии, в монастыре, в Стило. Теперь он не только борется при помощи пера за свои идеи, он пытается претворить в жизнь свои планы, освободить страну от гнёта Испании.

Он готовит восстание против испанского правительства; он верит, что пришло время, когда он освободит свой измученный народ.

У Кампанеллы зреет смелая мысль, что нужно не только прогнать иноземных угнетателей. Нужно создать совсем иное государство, где бы не было власти тиранов, где бы сам народ смог установить справедливое управление, где бы господствовали свобода и равенство.

Наивный мечтатель, страстно верующий в конечное торжество справедливости, Кампанелла полагал, что восстание, которое он подготовлял, будет успешно и не только положит начало освобождению Италии, но явится сигналом для мирового переворота.

Он готов был принести себя в жертву для блага человечества.

В Калабрии у Кампанеллы нашлось много сочувствующих. Его призыв нашёл отклик среди разных слоев итальянского населения, среди крестьян, измученных непосильным — двойным и тройным — гнётом, среди дворян, недовольных засильем испанцев, среди многочисленных изгнанников и калабрийских разбойников.

Не все калабрийские разбойники были просто грабителями, жаждавшими лёгкой жизни и быстрой наживы, зачастую это были отчаявшиеся в возможности спокойно работать выходцы из народа, которые не видели другого исхода, как взяться за оружие и насилием добиться того, чего лишала их власть испанцев или своих феодальных властителей, — свободы и возможности безбедно существовать.

Кампанелла горячо взялся за подготовку восстания. Он неутомимо призывал людей свергнуть ненавистную власть феодалов и {294} прелатов, проводил всю организационную работу, сплачивая воедино недовольных людей, столь различных по своему положению и происхождению. Привлекая, как уже было сказано, дворян, изгнанников и разбойников, он рассчитывал позднее увеличить число восставших, разбив двери тюрем и освободив заключённых. Дела заключённых должны были быть сожжены.

У Кампанеллы было довольно много помощников; это были рядовые монахи, мелкие рыцари. Они разъезжали по всей Калабрии, передавая призывы Кампанеллы, привлекая к заговору всё новых и новых участников. Среди помощников Кампанеллы особенно выделялись своим красноречием и приверженностью к делу монах Дионисий Пончио и Маурицио де Ринальди.

Пончио подготовлял восстание в провинции Катанцаро. Призывая народ подняться, он предсказывал, что Кампанелла «установит свободу и освободит народ от притеснений посланцев испанского короля, которые торгуют человеческой кровью и притесняют бедных и слабых». Так мы видим, что в призывах к восстанию ясно звучат нотки социального протеста.

Несмотря на большое количество участвующих в заговоре, всё, казалось, совершалось в полной тайне.

Уже была определена дата восстания — 10 сентября 1599 г. Но за несколько дней до начала восстания в Калабрии появились правительственные войска. Главари готовившегося восстания были схвачены. Всё дело погибло из-за двух предателей. Рассчитывая на богатое вознаграждение, они известили правительство, что против него готовится грозное восстание.

Захваченных подвергли пыткам и мучительной казни. Кампанелла попытался бежать, но был вскоре застигнут и посажен в тюрьму. От немедленной казни его спасло то, что, кроме обвинения в подготовке восстания, ему было предъявлено и обвинение в ереси. А по этому делу должны были судить власти духовные.

Испанские власти должны были переслать его в Рим. Но они не выпустили его из своих застенков. Подстрекаемые иезуитами, они повели сами следствие. За свою революционную попытку низвержения власти Кампанелла поплатился 27 годами тюремного заключения и перенёс жесточайшие пытки.

Вот что рассказывает сам Кампанелла о своих мучениях (он пишет об этом в предисловии к одной из своих книг):

«Я пребывал в заключении в пятидесяти различных тюрьмах и семь раз подвергался жесточайшим пыткам.

В последний раз мучения продолжались сорок часов. Меня душили туго затянутыми верёвками, которые прорезали мясо до костей, и затем, связав руки за спиной, повесили над острым колом, так что кровь моя текла ручьём. Через сорок часов решили, что я мёртв, и мучениям был положен конец; одни поносили меня и, чтобы усилить мои мучения, дёргали верёвку, на кото-{295}рой я был подвешен, другие же шёпотом славили мое мужество. Ничто не

могло поколебать меня, и от меня не могли добиться ни слова. Пятнадцать раз представал я перед судом».

В другой раз Кампанелла пишет в «Городе Солнца», вспоминая о своих страданиях, — «философа, несмотря на мучения, которым подвергали его в течение сорока часов враги, нельзя было принудить произнести хоть звук относительно того, о чём он решил молчать».

Непоколебимое мужество дало силы Кампанелле претерпеть все мучения, не издав стона, не произнеся ни единого слова, не выдав никого из соучастников движения.

Как только к Кампанелле возвращались силы, он и в тюрьме продолжал творить. Вначале заключение было очень строгим, ему не разрешали ни писать, ни читать. Но есть ли преграды для свободной души?

В это время он обдумывал свои будущие крупные труды, создавал чудесные стихи, которые он записал, как только ему, в конце концов, дали возможность работать.

В одном из его сонетов ярко выражено чувство духовной свободы:

«Закованный в цепях и всё-таки свободный, предоставленный одиночеству, но не одинокий, покорный и вздыхающий, я посрамляю своих врагов... Угнетённый на земле, я поднимаюсь в небеса с истерзанным телом и радостной душой, и когда тяжесть бедствий повергает меня в бездну, крылья моего духа поднимают меня высоко над миром».

Он не терял надежды освободиться и опять соединиться со своими единомышленниками. «...На челе моём запечатлена любовь к истине; я уверен, что со временем достигну тех мест, где я буду понят, даже не произнеся ни слова».

А это много значило — не потерять надежды, бодрости духа там, где, казалось, витало изречение, созданное гением Данте, якобы начертанное на вратах ада: «Оставь надежду, всяк сюда входящий».

Как понятны советскому человеку эти черты характера Кампанеллы, как ценим мы этого свободолюбивого мученика! И в тюрьме Кампанелла не боялся обличать своих противников — феодалов, как светских, так и духовных:

«Сильные мира сего топчут ногами тела людей и превращают души их в пленных птиц... страдания и слезы людей услаждают их преступную жестокость, из человеческих костей они делают рукоятки для орудий пытки, которыми нас мучают; наши вздрагивающие члены служат им шпионами и лжесвидетелями, обвиняющими нас, даже когда мы не виновны...»

Каким мужеством нужно было обладать, чтобы в те времена, когда ещё так мало было борцов против существующей власти, находясь в мрачном застенке, заклеймить и светских властелинов, которые «топчут тела людей», и духовных лиц, пытающихся {296} затемнять сознание людей и превращать их в покорных слуг тех же властей — «превращать души их в пленных птиц», а затем разоблачить всю жестокость, с которой обращались с побеждёнными.

Кампанелла страстно призывает народ прозреть, понять, что вся сила ведь находится в его собственных руках, что покоряется он жестоким правителям только потому, что сознание его ещё спит и он не знает сам себя. Горечь чувствуется в некоторых словах Кампанеллы, горечь человека, потерпевшего неудачи, человека, которого не поддержали в решительную минуту его собратья. Этим чувством и вызваны некоторые упрёки, которые обращены к народу. Кампанелла не отдаёт себе отчёта, что в неудаче его восстания виноват был не народ, задавленный нуждой, а то, что реальная сила была ещё пока на стороне его противников. Познакомимся и мы с этим сонетом:

НАРОД.

> «Народ — ...сам не знает своих сил и терпеливо переносит самые жестокие удары и тягости; он позволяет управлять собой слабому дитяти, которое мог бы одним толчком сбросить на землю.
>
> Но он боится этого дитяти и служит ему во всех его капризах. Он не знает, как сильно его боятся, не знает, что его господа приготовляют для него волшебный напиток, который делает его глупым.
>
> Невиданное зрелище! Народ побивает и заковывает сам себя, собственными руками, он борется и умирает за каждый карлино [1], который доставляет королю.

[1] *Карлино* — мелкая монета в Неаполе.

Всё, что находится между небом и землёю, принадлежит ему, но об этом он не знает, и, если кто-нибудь откроет ему его права, он побивает того на смерть камнями».

В этих сонетах и других стихотворениях Кампанелла, правда, в завуалированной форме, но всё же довольно настойчиво проводит мысль, что народ пытаются одурачить при помощи религии,

Кампанелла не ограничился только такими намёками, он написал большую работу, названную им «Побеждённый атеизм» («Atheismus triumphatus»). Изданная в 1631 г., эта книга послужила для противников Кампанеллы поводом для новых гонений против автора её. Они утверждали (и, надо сказать, на этот раз с полным основанием), что Кампанелла лишь из осторожности назвал её «Побеждённым атеизмом», что по-настоящему ему нужно было бы назвать своё сочинение «Торжествующим атеизмом» («Atheismus triumphans»), такие убедительные доводы вложил Кампанелла в уста атеистов и так слабо возражал им. {297}

В течение своего долголетнего заключения Кампанелла написал ещё несколько работ, в том числе замечательный исторический труд «Об испанской монархии», а главное — своё самое знаменитое произведение, пережившее уже века — «Город (или как иначе переводят — «государство») Солнца» («Civitas Solis»).

В этих работах, особенно в последней, отразилась вся пылкая душа Кампанеллы, неутомимого борца за человеческое счастье, стремившегося сначала на практике осуществить свои заветные идеи, а когда это не удалось, выразившего их наиболее полно в виде сообщения о уже существующем якобы государстве, где достигнуто полное равенство людей, где живут разумно и счастливо. Он показал себя в этом произведении настоящим социальным реформатором, человеком, пролагающим новые пути. Кампанелла стремился доказать людям, что при условии их дружной работы, доброй воли и знаний можно добиться осуществления их самых заветных чаяний — полной свободы и справедливого государственного строя. Во всём этом, конечно, проявилась наивность Кампанеллы, свойственная и другим великим утопистам, выразившаяся, главным образом, в том, что Кампанелла и другие утописты полагали, что достаточно только захотеть изменить государственный строй, чтобы добиться этого мирным путём. Они не представляли, какой предстоит ещё долгий путь развития производства и общества, пока не вырастет и не созреет рабочий класс, который в жестокой борьбе опрокинет старый строй и создаст новый.

Тем не менее заслуга Кампанеллы велика уже тем, что он показал, что угнетение и бесправие вовсе не вечны, что возможно и дóлжно добиваться лучшей жизни.

Прежде чем познакомить читателя подробно с «Городом Солнца» и жизнью соляриев (жителей «Города Солнца»), проследим, как протекала дальнейшая, многострадальная жизнь Кампанеллы.

Несколько раз пытался Кампанелла бежать из тюрьмы, но всё неудачно. Один раз уже всё было подготовлено, был назначен точно день и час побега, когда приготовления были открыты всполошившимися тюремщиками. Иезуиты не переставали мстить Кампанелле, они неустанно следили, чтобы участь Кампанеллы не была облегчена.

После неудачной попытки бегства Кампанелла был переведён в другую тюрьму, строгости усилились.

Но где бы ни скрывали Кампанеллу, его находили там приверженцы его таланта. С ним переписывались даже некоторые короли (например, король английский Яков I), папы, многие учёные-философы.

Пап и королей привлекала, конечно, не слава Кампанеллы — учёного, борца за лучшее будущее людей. Их влекло как раз другое — единственное заблуждение этого великого ума — увлечение Кампанеллы астрологией. А суеверие было настолько ши-{298}роко распространено в Европе, что предсказыватель будущего был нужен многим.

В конце концов астрология помогла Кампанелле тем, что папа освободил его из неаполитанской тюрьмы, желая приблизить к своему двору Кампанеллу-астролога и противника Испании (папой в это время был Урбан VIII, враждовавший с испанским двором). Но даже папе не удалось прямо освободить Кампанеллу из цепких лап иезуитов. Он объявил, что собирается судить Кампанеллу в Риме судом «святой инквизиции» как еретика, и перевёл его в 1626 г. в Рим. Долгое время Кампанелла и здесь не имел свободы, он лишь получил право печатать свои

произведения, правда, после проверки их церковной цензурой. Наконец, его освободили, хотя продолжали следить за ним. Двадцать семь лет заключения не сломили смелости Кампанеллы. Хотя он знал, как злобно подстерегали его соглядатаи-иезуиты, он отважно выступил в защиту Галилея (в 1632 г. начался процесс Галилея). Положение Кампанеллы ухудшилось, а тут его подстерегало обвинение в новом заговоре против Испании. Папа больше не хочет покровительствовать Кампанелле. Попытки скрыться в других городах Италии потерпели крах, и Кампанелле пришлось бежать во Францию. Там его встретили хорошо. Ведь Ришелье — заклятый враг Испании. Помогла и слава астролога. Последние годы жизни Кампанеллы прошли сравнительно мирно, хотя он и сильно нуждался.

В 1639 году 21 мая Кампанелла умер 71 года от роду.

«Город Солнца». Познакомимся же теперь с «Городом Солнца». Сначала мы пройдем по прекрасным улицам города-государства, названного в честь светила, зародившего на земле жизнь (в это твердо верил Кампанелла), — солнцем; потом познакомимся с его жителями, смелыми, великодушными и свободолюбивыми соляриями; узнаем, как они жили, какое управление было у них, как воспитывали они своих детей, как трудились и отдыхали и как, в случае необходимости, воевали, отстаивая независимость своего государства.

На острове Тапробана [1], на плодородной равнине расположен чудесный семиярусный город (окружность его равна семи милям, в поперечнике он простирается свыше чем на две мили). Большая его часть лежит на высоком холме, остальная — на равнине. Город разделён на семь поясов или кругов, и из одного круга в другой можно попасть по четырём мощёным улицам, сквозь четверо ворот, обращённых на четыре стороны света. Выстроен он так для лучшей защиты города. В случае нападения на город, каждый пояс пришлось бы брать отдельно; но почти невозможно захватить и первый круг — «настолько широк окружающий его земляной вал и так укреплён он бастионами, башнями, бомбардами и рвами». {299}

А главное, этот город защищает самоотверженное и храброе население, воюют одинаково мужчины и женщины.

Между стенами — ровное пространство, шириной в семьдесят шагов. Со стеной второго круга соединены палаты. «На половине высоты этих палат идут сплошные арки, на которых находятся галереи для прогулок и которые поддерживаются снизу прекрасными толстыми столбами, опоясывающими аркады, наподобие колоннад... Снизу входы в эти здания имеются лишь с внутренней, вогнутой стороны стены; в нижние этажи входят прямо с улицы, а в верхние — по мраморным лестницам, ведущим в подобные же внутренние галереи, а из них — в прекрасные верхние покои с окнами как на внутреннюю, так и на наружную сторону стены и разделённые лёгкими перегородками. Стены расписаны великолепной живописью».

Подъём устроен так, что можно подняться до самого верха по ровному пути, лишь между воротами в стенах есть лестницы, весьма отлогие.

На вершине горы находится открытая и просторная площадь, на ней возвышается храм солнца, воздвигнутый с изумительным искусством.

На алтаре этого храма стоят два глобуса: один с изображением неба и другой с изображением земли. На своде купола храма нарисованы звёзды. Пол храма блистает ценными камнями. Над храмом возвышается нечто вроде флюгера, указывающего направление ветров. Жители «знают, и какой год предвещают какие ветры и какие перемены на суше и на море, но лишь в отношении своего климата».

Как же возникло это чудесное государство? После разорения Индии монголами одно индийское племя бежало на этот остров и образовало своё особое государство. «Народ ... этот ... решил вести философский образ жизни общиной». Их правление таково, что все жители равны между собой. Называются они соляриями, по названию государства их — Город Солнца.

Во главе их общины равных стоят правители, избранные из числа граждан, наиболее сведущих во всех науках. Их четверо. Называются они: «Солнце», «Мощь» (Пон), «Мудрость» (Син) и «Любовь» (Мор).

Верховным правителем является «Солнце» (или Метафизик). Он выносит окончательное решение по всем вопросам. Остальные являются его соправителями. «В ведении Мощи

---

[1] Старинное название одного из островов Индийского океана; возможно, Цейлона или Суматры.

находится всё касающееся войны и мира: военное искусство, верховное командование на войне; но и в этом он не стоит выше Солнца. Он управляет военными должностями, солдатами, ведает снаряжением, укреплениями, осадами, военными машинами, мастерскими и мастерами, их обслуживающими.

Ведению Мудрости подлежат свободные искусства, ремёсла и всевозможные науки, а также соответственные должностные лица и учёные, равно как и учебные заведения... {300}

И есть у них всего одна книга, под названием «Мудрость», где удивительно сжато и доступно изложены все науки».

«В ведении Любви находится воспитание новорождённых, врачевание, изготовление лекарств, посевы, жатва и сбор плодов, земледелие, скотоводство, стол и вообще всё, относящееся к пище, одежде.

Метафизик же наблюдает за всем этим при посредстве упомянутых трёх правителей, и ничто не совершается без его ведома. Все дела их республики обсуждаются этими четырьмя лицами, и к мнению Метафизика присоединяются во взаимном согласии все остальные». Правителям подчиняются многочисленные должностные лица, так называемые наставники и наставницы, выполняющие все указания правителей.

Всё имущество, все жизненные блага этой общины являются достоянием всех. «Распределение всего находится в руках должностных лиц; но так как знания, почести и наслаждения являются общим достоянием, то никто не может ничего себе присвоить...» «Жители утверждают, что когда они отрешились от себялюбия, у них осталась только любовь к родине. Между собой все жители связаны крепкой дружбой. Эта дружба не вызвана какой-либо корыстью, они даже подарков друг другу не преподносят, так как всё, в чём они нуждаются, они получают от общины, и должностные лица тщательно следят за тем, чтобы никто не получал больше, чем ему следует, никому, однако, не отказывая в необходимом. Дружба у них проявляется на войне, во время болезни, при соревновании в науках, когда они помогают друг другу и взаимно делятся знаниями; а то в похвалах, словах, при исполнении обязанностей и во взаимном одолжении необходимого».

Все сверстники называют друг друга братьями; тех, кто старше их на двадцать два года, зовут они отцами, а тех, кто на двадцать два года моложе, — сыновьями. И должностные лица внимательно следят за тем, чтобы никто не нанёс другому обиды в этом братстве.

Дети у них воспитываются и обучаются всем наукам под наблюдением опытных наставников и наставниц, мальчики и девочки совместно. Когда им исполняется два года, они учатся говорить, в три года — обучаются азбуке, гуляя вокруг стен домов. Ведь дома и стены города служат им учебниками. На них изображено всё то, чему дети обучаются. Во-первых, там находится изображение звёзд и земли в целом, «затем карты всевозможных областей, при коих помещены краткие описания в прозе обычаев, законов, нравов, происхождения и сил их обитателей; также и алфавиты, употребляемые во всех этих областях, начертаны здесь над алфавитом Города Солнца». Далее на внутренних стенах кругов города изображены различные драгоценные и простые камни, минералы и металлы (а рядом с изображениями помещены их образцы), с пояснениями в стихах. На выступах {301} стен стоят сосуды с различными лекарствами, маслами, винами и прочими жидкостями; около сосудов сделаны надписи, указывающие на происхождение, качества и свойства любой жидкости.. Изображены и разъяснены на стенах и явления природы: град, снег, гроза; затем все виды деревьев, трав (отдельные из них посажены рядом); животные, рыбы, птицы всего земного шара. «Ремёсла и орудия нарисованы рядом с портретами их изобретателей». Портреты мудрецов, учёных, поэтов и других выдающихся деятелей всех стран и описание их работ и открытий также нашли место на стенах этого чудесного города. Соляриям только потому удалось изобразить так хорошо открытия великих учёных всего мира, что они знают все языки и «постоянно отправляют по всему свету нарочных разведчиков и послов для ознакомления с обычаями, силами, образом правления и историей отдельных народов и со всем, что есть у них хорошего и дурного, и для донесения затем своей республике...» Им известно, например, что китайцы раньше европейцев изобрели огнестрельное оружие и книгопечатание.

Гуляя по городу, дети легко, как бы играя, знакомятся со всеми науками наглядным путём. Помогают детям уяснить все науки их наставники, четыре учёных старца. Их четверо по числу групп, на которые распределены все дети. Эти же старцы занимаются с детьми гимна-

стикой, бегом, метанием диска и прочими упражнениями и играми, в которых равномерно развиваются все их члены. При этом до семилетнего возраста дети ходят всегда босиком и с непокрытой головой.

Одновременно с обучением детей водят в мастерские к сапожникам, пекарям, кузнецам, столярам, живописцам и т. д. для уяснения наклонностей каждого.

На восьмом году жизни, после начального обучения основам математики по рисункам на стенах, дети начинают посещать лекции по всем естественным наукам. Для каждого предмета имеется по четыре лектора; и в течение четырёх часов все четыре отряда слушают их по очереди, так что в то время, как одни занимаются телесными упражнениями, или исполняют общественные обязанности, другие усердно занимаются на лекциях.

Затем все они приступают к изучению более отвлечённых наук: математики, медицины и других знаний, постоянно и усердно дополняя услышанное обсуждениями и спорами.

«Они отправляются на поля и на пастбища наблюдать и учиться земледелию и скотоводству; и того почитают за знатнейшего и достойнейшего, кто изучил больше искусств и ремёсел и кто умеет применять их с большим знанием дела».

Солярии издеваются над теми народами, которые называют мастеров неблагородными, а благородными считают тех, кто не знаком ни с каким мастерством, живёт праздно и держит множество слуг для своей праздности, отчего, как из школы пороков, {302} и выходит на погибель государства столько бездельников и злодеев.

Солярии легко усваивают множество наук, изучают несколько языков и успевают за один год изучить больше, чем другие народы за десять лет, ибо эти последние изучают науки только по книгам.

Занятия и отвлечёнными науками и ремёслами являются у соляриев общими как для мужчин, так и для женщин, с одним только различием: наиболее тяжёлые ремёсла и загородные работы исполняются мужчинами, так: пахота, сев, сбор плодов, молотьба, да и сбор винограда. Но для дойки овец и приготовления сыра обычно назначаются женщины; точно так же они выходят недалеко за черту города собирать травы и работать в садах; кроме того, они прядут, ткут, шьют, изготовляют лекарства. Они же готовят и накрывают на стол. Прислуживают же за столом мальчики и девочки. Вся молодёжь прислуживает старшим, т. е. тем, кому минуло сорок лет. Друг другу молодые люди прислуживают сами, и горе уклоняющимся.

По окончании ученья все получают должности в области тех наук или ремёсел, где они преуспели больше всего, — каждый по указанию своего руководителя.

Более высоких должностных лиц избирают четыре главных правителя (Солнце, Пон, Син и Мор) и руководители соответственных наук и ремёсел, хорошо знающие, кто наиболее пригоден заведовать тем или иным мастерством или ведать той или иной отраслью науки.

«И никто не выступает сам в качестве соискателя, а предлагается на Совете должностными лицами, где каждый на основании своих сведений высказывается за или против избрания определённого лица».

«Но никто, однако, не может достичь звания «Солнца», кроме того, кто знает историю всех народов, все их обычаи, религиозные обряды, законы, все республики и монархии, законодателей и изобретателей наук и ремёсел и строение и историю неба. Также почитается для этого необходимым ознакомиться со всеми ремёслами. Надо знать и науки физические, и математические, и астрологические и многие другие. Уже задолго известно, кто станет «Солнцем» (ведь все знают наиболее отличившегося в науках). Но никто, однако, не возводится в это звание ранее достижения тридцатипятилетнего возраста. Должность эта несменяема до тех пор, пока не найдётся такого, кто окажется мудрее своего предшественника и способнее его к управлению. Тогда сам «Солнце» охотно передаёт своё звание мудрейшему».

«Такие образованные люди гораздо более пригодны к управлению, чем те, кого избрали лишь потому, что они либо принадлежат к владетельному роду, либо избраны господствующей партией, как то имеет место в других государствах».

Троим же соправителям Солнца полагается изучать лишь те {303} науки, которые относятся к их области управления: с другими, общими для всех, они знакомятся только наглядным способом, свои же знают в совершенстве и, естественно, лучше всякого другого...

Но, кроме того, эти правители непременно должны быть и философами, и историками, и политиками, и физиками. Три соправителя, так же как и Солнце, несменяемы и лишь сами могут передать свою должность людям, оказавшимся более способными.

«Все солярии без всякого исключения трудятся, называя всякую службу учением, и утверждают, что всякая работа одинаково почтенна. Поэтому каждый, на какую бы службу он ни был назначен, исполняет её как самую почётную. Рабов, развращающих нравы, у них нет: труд соляриев не только достаточен для удовлетворения всех потребностей, но и даёт излишки. Каждому солярию приходится работать не больше четырёх часов в день; остальное время проводится в приятных занятиях науками, собеседованиях, чтении, рассказах, письме, прогулках, развитии умственных и телесных способностей; играют там в мяч, лапту, обруч, борются, стреляют в цель из лука, аркебузов, мечут копья и т. д.».

В результате такого образа жизни среди соляриев нет безобразных ни мужчин, ни женщин, ибо благодаря их занятиям у всех образуется и здоровый цвет кожи, и тело развивается, и они делаются статными и живыми; а красота почитается у них в стройности, живости и бодрости. «Поэтому они подвергли бы смертной казни ту, которая из желания быть красивой стала бы носить обувь на высоких каблуках, чтобы казаться выше ростом, или длиннополое платье, чтобы скрыть свои дубоватые ноги». Но и при желании никто не смог бы достать такую одежду, ведь все солярии носят платья (мужчины до колен, а женщины — чуть ниже колен), удобные для работы и развлечений.

Своё государство защищают и мужчины и женщины, их этому обучают с детства. Все умеют отлично стрелять, отражать нападение и отучаются от всякого страха, тем более что проявление трусости жестоко наказывается. Через каждые два месяца солярии делают смотр войску, и ежедневно производят военное ученье или в поле (при кавалерийском ученьи), или в самом городе. Сторожевую службу днём несут женщины, ночью — мужчины. Соляриям приходится думать об обороне, так как их государство окружено другими царствами, сильно им завидующими. Ведь население этих царств хочет жить подобно соляриям и не подчиняться своим царям. Солярии всегда выигрывают войну, у них есть прекрасное оружие, военные машины, неизвестные врагам, все жители хорошо обучены военному искусству и умеют применять всякие военные хитрости, заманивая врага в ловушки, притворно отступая и подвергая неприятеля неожиданным нападениям. Перед началом военных действий «Мощь», если это нужно, советуется с другими соправителями и всеми {304} гражданами, достигшими двадцатилетнего возраста. Поэтому все солярии знают точно, за что сражаются, и беспрекословно подчиняются своим начальникам, действующим согласно заранее выработанному плану.

Победителей торжественно чествуют, полководца венчают лавровым венком, а храбрым воинам раздают почётные награды и на несколько дней освобождают от общественных работ. Но последнее они не любят, так как не привыкли быть праздными, и поэтому помогают своим друзьям.

Наоборот, побеждённые по собственной вине или упустившие возможность победы встречаются с позором, и первый, обратившийся в бегство может избежать смерти лишь в том случае, если за сохранение ему жизни ходатайствует всё войско... Но это снисхождение применяется редко и лишь при наличии ряда смягчающих обстоятельств.

Вовремя не оказавший помощи союзнику или другу наказывается розгами; не исполнившего приказаний бросают в ров на растерзание диким зверям. «При этом ему вручают дубинку; если он одолеет окружающих его львов и медведей, что почти невозможно, то получает помилование».

Всё имущество покорённых или добровольно сдавшихся городов немедленно переходит в общинное владение. Города получают гарнизон и должностных лиц из соляриев и постепенно приучаются к обычаям «Города Солнца», общей их столицы, куда отправляют учиться своих детей. Солярии великодушно относятся к своим врагам. «Если постановлено разрушить неприятельские стены или казнить кого-нибудь из неприятелей, то это производится в самый день победы над врагами, после чего они непрестанно оказывают им благодеяния, говоря, что целью войны является не уничтожение, а совершенствование побеждённых».

Если между соляриями возникает ссора за какое-нибудь оскорбление или по другому какому-либо поводу (а спорят они друг с другом почти исключительно по вопросам чести), то правитель и подчинённый ему начальник наказывает виновного тайно, если оскорбление нане-

сено действием в пылу первого гнева; если же нанесено словесное оскорбление, то решение откладывается до сражения, так как они считают, что гнев надо извергать на неприятелей; и тот, кто больше отличится на войне, и считается выигравшим дело и восстановившим истину, а противник его этим удовлетворяется. Наказания воздаются по справедливости и соответственно проступку, но поединки не допускаются: тот, кто желает доказать свою правду, пусть доказывает её на войне.

Тюрем у соляриев нет, за исключением башни для заключения мятежных неприятелей. Судят там за невоенные преступления все главные мастера, и приговор выполняется сразу, за исключением тех случаев, когда обращаются за помилованием к верховным правителям. Строго различается при вынесении при-{305}говора, совершено ли преступление в состоянии запальчивости или по заранее обдуманному намерению. В первом случае наказание незначительно, во втором по принципу — око за око, зуб за зуб. К смертной казни приговаривают только в том случае, если обвиняемый признал, что он заслуживает этого наказания, в противном случае обвиняемый не подвергается наказанию.

«Законы соляриев немногочисленны, кратки и ясны. Они вырезаны все на медной доске у дверей храма. Там же начертаны определения всех добродетелей».

Солярии стараются так жить, чтобы все требования добродетели удовлетворялись, науки бы развивались, а человек становился всё совершеннее, ибо, — доказывают они, — человек, бесспорно, свободен и ничто не может заставить его действовать вопреки его решению.

* *
*

Значение «Города Солнца».

Мы познакомились с вами, читатели, с несколькими отрывками из «Города Солнца». Чем замечательно это произведение, почему до сих пор мы с интересом читаем о фантастическом государстве, существовавшем только в воображении великого мученика за лучшее будущее человечества?

Как только «Город Солнца» был издан впервые во Франкфурте-на-Майне, с этим произведением поспешили познакомиться почти во всех странах Европы, а позднее, в последующие века, его переиздавали, перечитывали, более того — оно вызвало много литературных подражаний. Была даже совершена (в Германии) попытка организовать общину, подобную общине соляриев, где были бы равны между собой все члены общины, не существовало бы частной собственности, угнетения человека человеком. Но это начинание было заранее обречено на неудачу, даже если бы его осуществлению не помешала Тридцатилетняя война. Не могла маленькая община, окружённая со всех сторон феодальным миром, полным дикой вражды к любой попытке освободиться от его власти, противостоять этому миру. Только тогда, когда на исторической арене появился и окреп рабочий класс, когда выросла партия, сумевшая возглавить рабочий класс и помочь ему осуществить революцию, только тогда смогла осуществиться вековая мечта угнетённых и лучших представителей других классов об осуществлении на земле справедливого государства трудящихся.

Почему же в таком случае мы ценим труд Кампанеллы, почему он имел такое длительное влияние на умы людей последующих поколений? Потому что Кампанелла более ярко и определённо, чем кто бы то ни было до него, выступил против частной собственности и провозгласил, правда, ещё в наивной, утопической форме, господство коммунистических принципов. Но {306} как построить коммунистическое общество? Этот вопрос Кампанелла не смог правильно решить. Он полагал, что можно мирным путём, без борьбы установить социалистический строй и покончить с обществом, в котором господствует имущественное неравенство, богатство немногих, с одной стороны, и нищета большинства населения — с другой. В этом и сказался утопизм взглядов Кампанеллы. Мы знаем, что просто убедить власть имущих отказаться от своего господствующего положения (как это полагал возможным Кампанелла) нельзя. С ними нужно бороться, и только сломив сопротивление господствующего класса, можно установить более справедливый общественный строй. Кампанелла не понимал также, что для построения бесклассового общества нужен несравненно более высокий уровень производительных сил, чем тот, который существовал при господстве феодального строя, нужен сложившийся рабочий класс, окрепнувший в борьбе со своими эксплуататорами, в борьбе, которой руководит передовая партия.

Только в наше время, когда в стране социализма мы достигли огромных производственных успехов, возможно достижение дальнейшей цели — построения коммунистического общества.

Но несмотря на все недостатки, всю несбыточность в то время взглядов Кампанеллы, он многое предугадал, о многом писал правильно, опередив на столетия своих современников.

Его государство — это государство равных в политическом и экономическом отношении людей. Кампанелла идёт дальше, чем другой великий утопист — Томас Мор. У Мора в его «Утопии» тяжёлые работы выполняют рабы. В «Городе Солнца» Кампанеллы всякий труд благороден и является почётным. Наоборот — чем тяжелее труд, тем он почётнее. Рабов у соляриев нет, существование рабства развращает людей, говорит Кампанелла устами своего повествователя.

Протест против рабства, возвеличение труда — это огромная заслуга смелого мыслителя, пошедшего в своих воззрениях наперекор установившимся веками взглядам. Трудовое воспитание детей — другая передовая идея Кампанеллы, тесно связанная с предыдущей. Как смело для того времени решает Кампанелла задачу совместного воспитания детей. Мальчики и девочки получают одинаковое воспитание, одинаковые трудовые навыки и физическую закалку. Кампанелла идёт ещё дальше — он во всём приравнивает женщину к мужчине. Она может заниматься любым ремеслом или наукой (только щадя силы женщины, её освобождают от более тяжёлых работ), она наравне с мужчинами защищает родину.

В нашей свободной стране мы воспринимаем равенство мужчин и женщин как нечто само собой разумеющееся. Не так было в прошлые времена, не так это и теперь в капиталистических странах. Во времена же Кампанеллы всерьёз рассуждали, что женщина по природе своей существо неполноценное, подобное {307} «быстро растущей сорной траве». «Женщина родится для того, чтобы всегда оставаться под игом своего господина и повелителя, ибо природа предназначила его к господству, дав ему то превосходство, которым она во всех отношениях одарила мужчину», — говорили даже самые учёные представители того времени. У Кампанеллы же хватило мужества отказаться от всех этих укоренившихся в обществе взглядов и приравнять во всём женщину к мужчине.

Хотя у Кампанеллы во главе его государства стоит всего несколько человек, но это вовсе не значит, что власть принадлежит только им. Выдвинувшиеся благодаря своим знаниям, объединяющие в своём лице учёных, государственных деятелей и своеобразных руководителей, они правят лишь с общего согласия общины равных. Важнейшие вопросы, связанные с объявлением и подготовкой войны, солярии решают совместно. На собрании присутствует всё взрослое население, начиная с двадцатилетнего возраста.

Любые должности занимаются только теми людьми, которые выказали свою способность и знания, дающие право руководить другими людьми. Кампанелла всё время высмеивает установившиеся в то время в Европе порядки. Он едко отмечает, что «благородство» происхождения вовсе не является гарантией, что данный человек способен быть хорошим правителем. И он подчёркивает, что только глубокое изучение всех отраслей науки и прикладных ремёсел способно подготовить к занятию поста верховного правителя.

Кампанелла жил в эпоху бесконечных военных столкновений, господства грубой военщины, засилья чужеземцев в его родной стране. Поэтому так много внимания уделяет он обороне своего любимого «Города Солнца». Повествование прямо начинается с того, что город этот прекрасно укреплён и взять его практически невозможно. Семь раз пришлось бы атаковать город, притом город, защищаемый прекрасно обученным воодушевлённым населением, с детства умеющим обращаться с любым оружием. На протяжении всего своего повествования Кампанелла не раз возвращается к военным вопросам, показывая, что свободный народ, народ, знающий, за что он борется, — завоевать невозможно.

В произведениях Кампанеллы много наивного и ошибочного: и его представление, что достаточно написать об идеальном, с его точки зрения, государстве, чтобы оно было осуществлено, и стремление создать единое мировое государство, которое он представлял под главенством папы, и увлечение ложной наукой — астрологией и много других неправильных представлений. Но прекрасная мысль Кампанеллы о том, что народ создан быть свободным и что он может и должен этого добиться, заслуживает нашего признания и нашей благодарной о нём памяти. {308}

ДЖОРДАНО БРУНО

Шла весна 1543 г. Перед старой башней на окраине Фрауенбурга (Пруссия) тревожно переговаривались кучки людей. Там, наверху, в затемнённой плотными занавесями комнате умирал местный каноник Николай Коперник. Только что пробило полдень, когда дверь, ведущая в комнату больного, тихо отворилась, и на пороге показался человек с книгой в руках. «Твоя книга вышла, Николай, — сказал он, подойдя к постели умирающего, — вот она». — И, осторожно, приподняв холодеющие руки, вложил в них переплетённый в кожу том.

Эта книга, вышедшая за несколько дней до смерти автора и полученная им в последние минуты своей жизни, была знаменитым трактатом «Об обращении небесных тел». Гениальный польский астроном подверг в ней всесторонней критике тогдашние представления об устройстве вселенной и впервые на основе научных наблюдений доказал, что не Земля, а Солнце является центром солнечной системы. Естественным центром, вокруг которого движутся планеты и с ними Земля, является Солнце, утверждал Коперник.

Несмотря на то, что Коперник не был последователен до конца и не решился уничтожить сферу неподвижных звёзд [1], за которой якобы обитал бог, его книга нанесла тяжёлый удар церкви. Она не только поставила под сомнение данные священного писания (достаточно вспомнить библейскую легенду о том, как Иисус Навин остановил солнце), но фактически провозгласила право учёных руководствоваться наблюдениями и собственным опытом, а не авторитетом древних и священного писания.

Неудивительно поэтому, что церковники всех направлений, и прежде всего католическое духовенство, объявили приверженцам новой теории беспощадную войну. Для того чтобы победить ненавистного врага и уничтожить опасное учение, они употребили все средства, вплоть до мощного аппарата инквизиции. Но {309} те времена, когда церковь безраздельно господствовала над умами и душами людей, отошли в прошлое; «...вместе с расцветом буржуазии шаг за шагом шел гигантский рост науки. Возобновились занятия астрономией, механикой, физикой, анатомией, физиологией. Буржуазии для развития ее промышленности нужна была наука, которая исследовала бы свойства физических тел и формы проявления сил природы. До того же времени наука была смиренной служанкой церкви, и ей не позволено было выходить за рамки, установленные верой: короче — она была чем угодно, только не наукой. Теперь наука восстала против церкви; буржуазия нуждалась в науке и приняла участие в этом восстании» [2].

Как и всякое восстание, это восстание молодой буржуазии против феодальной науки выдвинуло своих героев. Это были мужественные и смелые люди, «...которые умели ломать старое и создавать новое, несмотря ни на какие препятствия, вопреки всему» [3], сказал о них товарищ Сталин. В ряду бесстрашных и самоотверженных борцов за новую науку, которые, невзирая на угрозы и насмешки, на нужду и преследования, отстаивали свои научные убеждения, стоит гениальный итальянский учёный, философ и поэт Джордано Бруно.

Со смерти Николая Коперника прошло не более пяти лет, как в маленьком итальянском городке Нола родился его будущий продолжатель Филипо Бруно. Хотя семья его была небогатой — отец был отставным военным — Филипо сохранил о своём детстве самые приятные воспоминания. Белые домики родного города с его живописными окрестностями и дымящейся вершиной Везувия навсегда запечатлелись в его памяти как олицетворение любимой Италии.

Но эта, как называл её позже Бруно, «благословенная небом» страна переживала во второй половине XVI столетия тяжёлые дни. Беспрерывные войны, опустошавшие на протяжении последних пятидесяти лет её территорию, окончательно разорили крестьянство и подорвали торговлю. К тому же во всей Италии, и в особенности на родине Филипо — в Неаполитанском королевстве, феодалы настолько усилили эксплуатацию крестьян, что обездоленные люди вынуждены были покидать свою землю и уходить в города. Но когда-то богатые итальянские города давно уже утратили своё былое могущество и не могли прокормить даже своих

---

[1] См. статью «Николай Коперник», стр. 233.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. произведения, т. II, М., 1952, стр. 93.

[3] И. В. Сталин, Речь на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 г. М., 1938 г., стр. 2.

собственных ремесленников и рабочих. В поисках пропитания толпы отчаявшихся людей собирались в разбойничьи шайки и нападали на путешественников, торговые караваны и населённые пункты.

Одновременно с этим под гнётом католической реакции начала чахнуть и вырождаться богатая культура Возрождения. Ка-{310}толическая церковь, напуганная успехами реформа-

Файл ist311.jpg

Джордано Бруно.

ции, собрала все свои силы, чтобы любыми средствами поддержать падающую веру. Оживилась заглохшая было деятельность инквизиции, начала ткать свою паутину незримая армия иезуитов, разрослась и расширилась сеть чудовищного шпионажа.

Особенно тяжело было положение родины Филипо — Южной Италии, где ко всем этим бедам присоединился гнёт иностранного порабощения. Испанские короли, захватившие эту некогда богатую и цветущую область, не только изнуряли её непосильными налогами и субсидиями, но установили здесь господство испанской инквизиции со всеми её ужасами. Достаточно было малейшего вольнолюбивого слова или легчайшего отступления от принципов католической веры, чтобы человек очутился в страшных застенках, одно упоминание о которых вселяло ужас в самых храбрых.

Но маленький Филипо ещё ничего не знал об этом. Смышлёный и бойкий мальчик вместе со стайкой своих сверстников бегал по окрестностям Нолы, карабкался по склонам Везувия и купался в море, не подозревая, что настанет день, когда ему придётся померяться силами с инквизицией.

Когда Филипо исполнилось десять лет, его отвезли в Неаполь {311} и отдали в школу при местном доминиканском монастыре. Способному мальчику легко давались грамматика, риторика и другие довольно сухие предметы, из которых состояла школьная премудрость того времени. «Из него выйдет великий богослов», — пророчили учителя-доминиканцы, удивляясь красноречию и уму своего воспитанника.

В 1563 г. Филипо, наконец, окончил школу и решил постричься в монахи. Ему было всего пятнадцать лет, когда он принял это решение, наложившее отпечаток на всю его жизнь. Трудно было предположить, что человек с его живым характером и бьющей через край энергией сможет ужиться в затхлой атмосфере старого монастыря. Однако Филипо пошёл на это потому, что хотел посвятить себя науке. У него не было средств, чтобы продолжить своё образование в университете, а обеспеченная жизнь в монастыре оставляла много свободного времени для занятий.

Таким-то образом Филипо стал послушником доминиканского монастыря, переменив своё имя на Джордано. Он не случайно выбрал именно доминиканский монастырь, так как слышал, что здесь, больше чем в других подобных заведениях, поощрялись занятия наукой. Ведь доминиканский орден ставил своей целью подготовлять сведущих в богословии и философии людей, которые отстаивали бы учение церкви от нападок еретиков и вольнодумцев. Недаром на гербе ордена была изображена собака с горящим факелом в зубах, которая должна была вынюхивать и выжигать ересь. Поэтому из среды «псов господних» (так называли себя сами доминиканцы) вышло немало докторов философии и богословия, занимавших руководящие посты в большинстве западноевропейских университетов.

В своей борьбе с ересью доминиканцы не ограничивались, впрочем, «духовным оружием», но принимали активное участие также в физическом истреблении «еретиков», возглавляя и направляя инквизицию. Джордано Бруно, который пришёл в это осиное гнездо, исполненный страстной жаждой знаний, скоро убедился, что в мертвящей атмосфере монастырской жизни нет и не может быть места для подлинного научного исследования. «Святые» отцы не только требовали от него отчёта в мельчайших поступках и следили за каждым его шагом, но, что самое худшее, навязывали ему мнения, с которыми он не был согласен, и запрещали читать книги, осуждённые церковью. «Служители зависти, рабы невежества, холопы злобы, они надеялись подчинить меня гнусному и тупому лицемерию», — писал позже Джордано Бруно про свою жизнь в монастыре.

Однако, как ни опытны были эти «уловители» человеческих душ, им не удалось подчинить своему влиянию энергичного и самостоятельного юношу. Несмотря на неблагоприятные

условия, Джордано сумел ознакомиться с произведениями всех крупнейших философов, не останавливаясь перед тем, чтобы читать за-{312}претные сочинения гуманистов нелегально. Необычайные способности и замечательное трудолюбие позволили ему за те четырнадцать лет, которые он провёл в монастыре, стать одним из образованнейших людей своего времени.

Наряду с наукой Джордано Бруно горячо увлёкся и литературой, проявив незаурядный талант и в этой области. Помимо значительного количества стихотворений, главным образом на философские темы, он написал в это время комедию «Светильник» и сатирический диалог «Ноев ковчег», где высмеивались суеверия, алхимия и даже католическая церковь.

Вот почему, несмотря на свои блестящие способности, Джордано не оправдал надежд своих наставников, предсказывавших, что когда-нибудь он станет «светочем церкви». Его живой и пытливый ум не находил пищи в бесплодной игре словами, к которой сводилась выродившаяся философия средневековья. Недаром, высмеивая этих учёных-буквоедов, он вывел в одном из своих произведений осла, который рассуждал, что лучше — человек, превратившийся в осла, или осёл, превратившийся в человека, С другой стороны, рано проснувшееся критическое чувство помешало ему принять на веру те бесчисленные нелепицы и фантастические измышления, которыми были переполнены «священные» книги. Чем глубже становились его знания, чем больше знакомился он с произведениями учёных и гуманистов, тем дальше отходил он от учения церкви, тем самостоятельнее становилась его мысль.

И вот настал, наконец, день, когда окончательно рухнули заблуждения, внушавшиеся с детства, когда исчезли безвозвратно старые представления о мире и вселенной. В этот день Джордано Бруно тайком прочитал книгу Коперника «Об обращении небесных тел». Сразу же подтвердились все сомнения, вынесенные из чтения и наблюдений, сразу же стала наглядной несостоятельность взглядов Птолемея и Аристотеля, и дальнейший компромисс с церковью оказался невозможным.

Монастырское начальство с тревогой следило за занятиями молодого священника. Искреннему и порывистому Джордано все труднее становилось скрывать свои истинные взгляды от шпионивших за ним монахов. «Он насмехался над братом Монтальчино, читавшим книгу о радостях пресвятой девы», «он вынес из своей кельи все иконы и оставил одно лишь распятие», «он сомневался в учении о троичности божества и сравнивал богочеловека Иисуса Христа с кентавром», — ежедневно доносили настоятелю.

В конце концов доносы на Джордано Бруно начали поступать в таком количестве, что ими заинтересовалась местная инквизиция. В 1573 г. против него было возбуждено обвинение в ереси, состоявшее ни более ни менее как из 130 пунктов. Понимая, что ему нечего рассчитывать на милость испанских судей, Джордано решил поехать в Рим, надеясь обжаловать их решение. {313} Однако достаточно ему было пробыть в Риме несколько дней, чтобы убедиться, что папская инквизиция не менее сурова к еретикам, чем испанская. Получив извещение, что дела принимают «скверный оборот, Джордано в ту же ночь сбросил монашескую рясу и бежал в Геную. Новое, давно не испытанное чувство свободы переполняло его грудь, и, вспоминая свою затворническую жизнь, он чувствовал себя узником, вырвавшимся на свободу.

Уйдя из тесной, сумрачной пещеры,
Где заблужденье век меня томило
Там оставляю цепи, что сдавила
На мне рука враждебная без меры.

В Северной Италии Джордано Бруно задержался ненадолго, угроза преследования заставила его переехать в Женеву. Женева в то время находилась в руках кальвинистов, и Джордано надеялся, что протестанты, которые сами страдали от притеснений католиков, окажутся более терпимыми к новым идеям. Но предположение Бруно, что в Швейцарии он будет ограждён от преследований и сможет открыто проповедовать свои убеждения, не оправдалось. В первые же дни своего пребывания в Женеве он убедился, что кальвинисты, которые на словах проповедуют свободу совести и, убеждений, на самом деле не менее жестоко, чем католики, расправляются со свободомыслящими. С гневом и болью выслушал он рассказ о судьбе замечательного врача Михаила Сервета, которого кальвинисты двадцать лет назад сожгли на медленном огне. Единственной виной этого замечательного учёного было то, что он осмелился высказать взгляды, противоречившие учению Кальвина.

А некоторое время спустя Джордано на самом себе почувствовал нетерпимость и жестокость приверженцев «новой веры». За непочтительный отзыв о книге одного из видных кальвинистов он был арестован, а издатели, осмелившиеся издать его книгу, — оштрафованы.

В тюрьме женевские власти предложили Джордано перейти в кальвинизм, угрожая в противном случае выслать его из города. Но Джордано слишком хорошо раскусил ханжеский и лицемерный характер этой религии, чтобы согласиться на подобную сделку. «Если кто от какой угодно веры и исповедания перейдёт к этой, то сделается из щедрого — скупым, из кроткого — дерзким, из скромного — гордым, из дающего своё — похитителем чужого, из доброго — лицемерным, из искреннего — притворным, из простого — злобным, из знающего себе цену — самым заносчивым, из доброжелательного и любознательного — готовым на всякое зло и невежество, из плохого — самым худшим», — писал он.

В поисках места, где можно было бы открыто пропагандировать свои взгляды, изгнанный из Женевы, Джордано направляется в Тулузу (Южная Франция). Здесь, наконец, исполнилась {314} его заветная мечта — ему удалось сдать экзамен на доктора философии и стать профессором Тулузского университета.

Тулузский университет был в то время одним из крупнейших учебных заведений Западной Европы. Достаточно сказать, что при Джордано там училось десять тысяч студентов. В четыре часа утра тысячи студентов собирались в университетской церкви, чтобы отслушать обедню. По окончании обедни они расходились по аудиториям со свечами и книгами в руках, и начинались лекции. Особенно много народу собиралось на лекции нового итальянского профессора, который читал об Аристотеле. Остроумный и пылкий итальянец поражал студентов не только своими гневными нападками на церковь, но также смелостью и новизной своих научных воззрений. Как непохожи были эти блестящие по форме и богатые мыслями лекции на бессодержательную болтовню других профессоров! В живой и остроумной форме Джордано Бруно доказывал несостоятельность старой философии, которая давала людям «скорлупу слов вместо зёрен вещей», и знакомил студентов с новым учением о строении вселенной.

«Великий Коперник доказал, что утверждения Птолемея и его последователей, будто бы Солнце и планеты вопреки законам природы и здравому смыслу движутся вокруг земного шара, являются нелепостью, — говорил он. — Однако недостаток научных данных не позволил Копернику отрешиться от ошибочного мнения, что в центре вселенной находится Солнце, а сама вселенная ограничена сферой неподвижных звёзд. В действительности нет только одного мира, только одной Земли, только одного Солнца, — продолжал он. — Существует, множество других солнц, других земных шаров, других миров, подобных нашему. И невозможно себе представить, чтобы все эти бесчисленные миры были лишены обитателей, подобных жителям земли. Да, на других мирах тоже обитают живые существа, которые возделывают их так же, как это делаем мы на нашей планете. И подобно тому, как нам кажется, что другие миры движутся вокруг Земли, жителям этих миров представляется, что Земля движется вокруг них. Вселенная бесконечна и не имеет ни центра, ни начала, ни конца».

Таким образом Джордано Бруно не просто усвоил основную мысль Коперника, заключавшуюся в том, что Земля и другие планеты вращаются вокруг Солнца, но развил её дальше, отбросив ошибочные положения Коперника. Бруно, следовательно, впервые была высказана мысль, что Солнце с окружающими его планетами отнюдь не является центром вселенной, но представляет собой всего-навсего одну из бесчисленных звёздных систем. Не меньшее значение имели и другие выводы молодого учёного, а именно, что вселенная бесконечна и не имеет ни начала, ни конца, что звёзды — такие же солнца, как наше, и что на планетах других миров тоже возможна жизнь. Этим он окончательно разоблачил фантастические измышления церковников, {315} которые утверждали, что вселенная создана богом для людей и что грешная несовершенная Земля является полной противоположностью совершенному небу — месту, где обитает бог и куда возносятся души праведников. Оказалось, что Земля лишь мельчайшая пылинка, затерянная в бесконечных просторах вселенной, которая вообще не имеет ни центра, ни границ, что живые существа могут быть и на других планетах и что неба, как его понимает церковь, вовсе не существует, а есть лишь необъятное пространство, по которому мчатся бесчисленные миры.

О впечатлении, которое производили на современников эти захватывающие по своей широте и смелости мысли, можно судить хотя бы по воспоминаниям знаменитого немецкого

астронома Кеплера, который жил несколько позже. «Когда я читал сочинения Джордано Бруно, — пишет Иоганн Кеплер, — меня охватывало головокружение, и я испытывал тайный трепет, представляя себе, как я вместе со всей Землёй блуждаю в пространстве, где нет ни центра, ни начала, ни конца».

Огромной заслугой Джордано Бруно было то, что он нарисовал такую картину мира, в которой совершенно не оставалось места для бога. И в самом деле, если неба, как его изображает религия, вовсе не существует, «если Земля наша не может иметь иной природы и обнаруживать иных свойств, чем окружающие её небеса и звёзды», то где же тогда находится бог? Раньше богословы помещали его за последней сферой неподвижных звёзд, которую не решился уничтожить Коперник, куда поместить его теперь? И, если верно, что вселенная существовала и будет существовать вечно и что живые существа имеются не только на Земле, но и в других мирах, то слушатели должны были сделать вывод, что Земля и люди не были созданы богом, как о том учит церковь.

Особенно беспощадные насмешки вызывали у Бруно россказни священников о «божественном промысле», без которого якобы «с головы человека не падает ни единый волос». Прибегая к аллегорической форме, выводя бога под видом Юпитера, Бруно писал: «Юпитер распорядился, чтобы у Лауренсы, когда она станет чесаться, выпало 17 волос, 13 порвалось и из них за три дня 10 вновь отросли, а семь — никогда более; собаке Антонио Саволино — принести пятерых щенят; троим из них дожить до своего времени, двум — быть выброшенными, а из первых трёх — одному быть в мать, другому отличаться от матери, третьему же быть частью в мать, частью в отца. Как раз в это время закуковать кукушке и так, чтобы её слышно было в доме, и прокуковать ей ровно 12 раз, а затем вспорхнуть и полететь на развалины замка Чикалы на 11 минут, а оттуда на Скарванту... Из досок кровати Константина вылезть и поползти на подушку 17 клопам, семи большущим, четырём малюсеньким и шести так себе; а что с ними будет сегодня вечером при свете свечи — о том позаботимся позже». {316}

Едко высмеивая поповские басни, Джордано открыто и смело заявлял своим современникам, что вселенная вообще не нуждается в боге, который создавал бы миры и приводил их в движение, что всё движется в силу внутренних причин. «Вы должны понять, — говорил он поражённым студентам, — что все бесчисленные миры вселенной движутся вокруг собственных центров или вокруг какого-либо другого тела в силу внутреннего принципа. Нет надобности принимать существование духовного тела [т. е. бога] за пределами восьмой или девятой сферы, которое действительно увлекало бы столько тел и заставляло бы их вращаться вокруг земли».

Так говорил с кафедры Тулузского университета невысокий худощавый человек с чёрными проницательными глазами и шапкой густых каштановых волос. Он не мог не знать, что инквизиция жестоко карала даже за небольшие отступления от учения католической церкви, но это не мешало ему во всеуслышание заявлять, что «мнение о существовании какого-то первого движущего, какого-то высшего, охватывающего все небеса существа, является не более, как пустой выдумкой».

Как и следовало ожидать, смелые выводы молодого учёного с самого начала были встречены в штыки католической церковью и привели в бешенство благонамеренных профессоров Тулузы. Зато эти выводы нашли горячий отклик среди студенчества, которые толпами стекались на лекции Джордано Бруно. Но, несмотря на любовь и преклонение учащейся молодёжи, положение итальянского профессора становилось всё более невыносимым. «Мерзкие» и «богопротивные» идеи, проповедуемые с кафедры одного из крупнейших университетов Европы, начали привлекать на свою сторону слишком много молодых горячих голов, чтобы пресмыкающиеся перед церковью профессора могли относиться к этому спокойно. Разъярённые «схоластики», которых к тому же задевал за живое успех этого «итальянского выскочки», начали досаждать Джордано Бруно всеми доступными им способами. «Если бы я управлял плугом, пас стадо, обрабатывал сад или чинил одежду, — с горечью пишет об этой травле Бруно, — то никто не обращал бы на меня внимания, немногие наблюдали бы за мной, редко кто упрекал бы меня, и я легко мог бы угодить всем. Но я измеряю поле природы, мечтаю обработать ум и исследую навыки; вот почему, кто на меня смотрит — тот угрожает мне, кто наблюдает за мной — нападает на меня, кто меня догоняет — кусает, кто хватает — пожирает, и это не один или немногие, а многие и почти все».

Но, как ни велика была ярость врагов, Джордано не пожелал сдаваться без боя. «Я всякий раз с тем большей силой стремлюсь побороть бурный поток, чем очевиднее для меня, что извилистое глубокое и наклонное русло придаёт ему большую силу», — говорил он про себя. С бичующим сарказмом обрушивается он на своих врагов, высмеивая их ограниченность, неве-{317}жество и боязнь истины. «О святая глупость, святое невежество! О достопочтенная тупость и благочестивая набожность! Вы делаете души людей столь добродетельными, что перед ними ничто ум и всякое знание!» — гневно восклицает он. И насмехаясь над косными сторонниками Птолемея, сравнивает их с подслеповатыми кротами, которые лишь только почувствуют свежий воздух, как снова «углубляются в землю и устремляются к своим родным тёмным тайникам».

Но все эти выпады и сарказмы ещё больше разжигали ярость его противников и обостряли взаимную вражду. В мае 1580 г. вражда эта приняла такие резкие формы, что Джордано Бруно вынужден был покинуть Тулузу и переехать в Париж.

Не успел он как следует устроиться на новом месте, как узнал, что его вызывает король. Король Франции Генрих III был пустой, легкомысленный и самовлюблённый человек, который совершенно не интересовался религией, но любил выдавать себя за покровителя наук и искусств. Наслышавшись о необычайной памяти и учёности Джордано Бруно, он пожелал узнать, каким образом тот достиг таких результатов и не замешаны ли здесь магия и волшебство. Красивый, живой и остроумный итальянец сумел понравиться королю и в особенности королеве-матери, которая была итальянкой и покровительствовала при дворе всем итальянцам. Посвятив королю свою книгу «О тенях идей», Джордано окончательно добился расположения короля, назначившего его профессором Парижского университета.

Хотя Джордано и не прочь был принять предложение короля, он тотчас же отказался от него, как только узнал, что профессора Сорбонны должны обязательно посещать католические богослужения. Слишком искренний и принципиальный, чтобы идти на сделки со своей совестью, Джордано предпочёл уехать в Англию, надеясь, что в этой стране, которую англичане восхваляли как «цитадель свободы», он сможет, наконец, беспрепятственно распространять свои взгляды. Заручившись рекомендательным письмом Генриха III к его послу в Англии Мишелю де Кастельно, Джордано в 1583 г. очутился в Лондоне.

Несмотря на хороший приём, оказанный ему в Англии, благодаря посредничеству Кастельно, Джордано сумел очень быстро раскусить истинную сущность английских порядков. Он понял, что красивые слова о свободе мнений и справедливости прикрывают в действительности ещё большую узость мысли и нетерпимость, чем те, которые господствуют на континенте. «В этом счастливом отечестве царствует созвездие упрямейшего педантического невежества и самомнения, смешанного с деревенской невоспитанностью, которые заставили бы отступить многотерпеливого Иова» (легендарного праведника, отличавшегося своей терпеливостью), писал он.

Новые идеи, которые Бруно начал было проповедовать с кафедры Оксфордского университета, привели английских про-{318}фессоров в едва ли не большее бешенство, чем французских. И это нетрудно понять, если принять во внимание, что здесь до сих пор штрафовали профессоров, которые позволяли себе отклоняться от учения Аристотеля. Поэтому Оксфордский университет влачил в XVI в. самое жалкое существование и был вполне справедливо назван Бруно «вдовой науки».

Лекции Джордано Бруно были восприняты враждебно ярыми приверженцами Аристотеля. Но успех Бруно у студенчества был настолько велик, что твердолобые профессора не на шутку встревожились. «Надо во что бы то ни стало разбить этого чужестранца, который распространяет такие опасные бредни», — решили они. И вот, в июне 1583 г. в Оксфордском университете состоялся научный диспут. В нём приняли участие лучшие знатоки богословия и философии, в том числе известный профессор Нундиниус. Нечего и говорить, что Бруно одержал над ними блестящую победу и, по собственному выражению, «раз пятнадцать посадил как цыплёнка в паклю одного бедного доктора, которого точно короля выставил университет». В результате, отношения между Джордано и другими профессорами настолько испортились, что вскоре он должен был отказаться от преподавания и покинул университет.

Лишённый возможности пропагандировать свои идеи устно, Джордано Бруно всё же не признал себя побеждённым.

Жестокосердье, злобные желанья
Не в силах, беспрерывно нападая,
Глаза мои задёрнуть пеленою
И солнца скрыть волшебное сиянье, —

писал он в одном из своих стихотворений, выражая решимость любой ценой отстоять истину. В течение последующих двух лет он издал ряд работ, где в живой и остроумной форме изложил принципы нового учения. В этих работах, рассчитанных на самый широкий круг читателей (они были написаны не по-латыни, а на разговорном итальянском языке), Джордано не только сформулировал свои взгляды на строение вселенной, он подверг жесточайшей критике церковь и косную средневековую науку. В них он выступил как борец за новое буржуазное мировоззрение, как сторонник свободы мысли.

Будучи твердо убеждён в том, что религия и церковь представляют собой самое серьёзное препятствие на пути развития новой науки, Джордано Бруно уделял в своих произведениях большое место их разоблачению. Как истинный безбожник, он не отдавал предпочтения ни одной из известных ему религий и одинаково осуждал католическую, протестантскую и иудейскую веру. «Глупцы мира были творцами религий, обрядов, закона, веры и правил жизни», — любил говорить он. Ему были одинаково ненавистны и католические священники, которые «хуже гусениц, жадной саранчи и гарпий», и протестантские богословы, которые «по милости неба реформируют безрассудную и испорченную {319} веру, лечат язвы прогнившей религии». И те и другие — «величайшие ослы мира», никогда не исследующие тайны природы.

Файл ist320.jpg

«Его святейшая ослиность»
Карикатура XVI века на папу.

«Смотрите, разве их беспокоят или когда-нибудь побеспокоят скрытые причины вещей? — с возмущением спрашивал Бруно. — Разве они пощадят государства от распада, а народы от рассеяния? Что им пожары, кровь, развалины и истребление! Пусть из-за них погибнет весь мир, лишь бы была спасена бедная душа, лишь бы воздвигнуто было здание на небесах, лишь бы умножилось сокровище в том блаженном отечестве. Они не заботятся о чести, удобствах и славе этой бренной и неверной жизни ради иной самой верной и вечной». И в своём сатирическом диалоге «Тайна Пегаса» Джордано беспощадно высмеивал церковников всех мастей (выведенных там под видом ослов), в самой издевательской форме восхваляя их тупость, невежество и страх перед истиной.

Священная ослиность [1], святое отупенье,
О глупость пресвятая, блаженное незнанье,
Одна ты нашим душам даруешь назиданье,
Ведь не приносят пользы ни ум, ни обученье.
Бесплоден труд познанья, бессильно вдохновенье,
Философов мудрейших бессильно созерцанье,
И в небеса проникнуть напрасно их старанье,
Там для тебя, ослиность, готово помещенье.

Любители науки! А вам-то что за горе?
Зачем вы знать стремитесь, каков закон вселенной,
И есть ли в сфере звёздной земля, огонь и море?
Священная ослиность в невежестве блаженна,
Упавши на колени, с покорностью во взоре,
Пришествия господня с молитвой ждёт смиренной.

Смело и открыто протестует Джордано Бруно против порабощения науки церковью, отстаивая право учёного «исследовать и постигать тайны природы». В гневных сатирических красках рисует он ограниченность богословов и раболепствующих перед ними учёных, которые «перестали двигаться, сложили и опустили руки, закрыли глаза, осудили всякую человеческую мысль, от-{320}реклись от всякого естественного чувства и в конце концов уподобились ослам». «И те, которые не были ими раньше, преобразились в этих животных, подняли, навострили и удлинили уши и все силы души направили на то, чтобы только слушать, внимать и

[1] Ослиностью Джордано называл богословие.

верить. Они повёртываются направо или налево, следуя только уроку или указанию, которые даются им вожжой или уздой на их шее или морде, и идут лишь тогда, когда их погоняют».

Стараниями этих людей университеты и другие учебные заведения превращены в подлинные «ослиные академии», «где читают лекции о том, как надо населиться, чтобы получить блага не только в здешней временной жизни, но и на том свете». Там «укрощена и попрана» надменная светская наука, которая осмелилась поднять голову к небу, там учёные, которые «не обладают ослиными способностями и не причастны к ослиному совершенству, исключаются, изгоняются и подвергаются поношению».

В своей статье Джордано обращается с ироническим призывом ко всем, кто ещё не успел превратиться в ослов, «отречься от гибельной гордыни сердца» и «погрузиться в нищету духа», так как это единственный путь завоевать расположение бога. «Принизьте мысль, откажитесь от разума, погасите жгучий свет ума, который воспламеняет, сжигает и испепеляет вас. Бегите от тех степеней знания, которые лишь увеличивают ваши горести, отрекитесь от всякого смысла, станьте пленниками святой веры! Эти безумства, ослиности и дурачества суть не что иное, как мудрость и героические деяния в глазах нашего господа, который называет своими птенцами, своим стадом, своими овцами, своими младенцами, своими глупышками, своим ослёнком, своей ослицей всех тех, кто верит в него, любит и следует за ним. Итак, старайтесь, старайтесь сделаться ослами, вы, которые ещё являетесь людьми. А ставшие уже ими, учитесь, заботьтесь, приспособляйтесь действовать всё лучше и лучше, чтобы достигнуть тех пределов, тех достоинств, которые приобретаются не знанием и делами, как бы велики они ни были, а верой, и теряются не вследствие невежества и дурных дел, хотя бы даже и чрезмерных, но неверия. Если вы будете так поступать, то вымолите милость у этой воинствующей церкви и получите славу в будущей торжествующей, в которой живёт и царствует господь во веки веков».

Зло издеваясь над религиями и духовенством всех направлений, Джордано Бруно призывал всех современников покончить с «тёмной и мрачной ночью заблуждений» и выработать в себе новое, свободное от религиозных предрассудков миросозерцание. «Если мы хотим преобразовать общество, мы должны сначала изменить самих себя», — таков его вывод. Но вместе с тем он слишком хорошо знал своих противников, чтобы предположить, хотя бы на минуту, что духовенство и в первую очередь католическая церковь без боя уступят свои позиции. Старое мировоззрение не отомрёт само собой, «торжествующего зверя» надо {321} изгнать, призывал он в своих произведениях. И даже, «если невозможно достигнуть цели», всё равно нужно бороться до последнего вздоха, смиряя «кичливое и лягающееся невежество».

Джордано Бруно понимал необходимость конфискации земельных владений церкви, как предпосылки уничтожения её могущества. Нужно отобрать огромные поместья духовенства, так как «священники должны питаться лишь теми плодами, подаяниями и пособиями, которые приносят им верующие», — писал он к великому ужасу церковников.

Само собой разумеется, что эти выпады Джордано Бруно против религии и пресмыкающейся перед ней науки сделали его ещё более ненавистным в глазах духовенства. Поэтому, когда в 1585 г. французский король отозвал из Англии своего посла, Бруно был вынужден вернуться во Францию, так как с отъездом посла Бруно лишился покровительства в чужой стране и дальнейшее его пребывание там становилось опасным.

Сейчас же по приезде своём в Париж Джордано решил, что пора дать генеральное сражение старой философии и послал Парижскому университету свои тезисы.

По правилам того времени, Джордано не имел права защищать своё учение сам, но должен был поручить его защиту одному из своих учеников. Его выбор пал на французского студента Жана Геннекена, красноречивого и талантливого юношу, преданного ему всей душой. И вот 25 мая 1586 г. при огромном стечении публики на кафедру поднялся молодой человек и звучным голосом произнёс вступление. В этом вступлении, написанном рукой Джордано Бруно, он предлагал своим противникам отрешиться от старых заблуждений и «склонить свою голову перед величием истины». В последовавшем затем горячем споре ученик Джордано наголову разбил профессоров Сорбонны и снова продемонстрировал перед публикой превосходство нового учения.

Вынужденный после диспута снова покинуть Францию, Джордано Бруно решил попытать счастья в Германии, и в июне 1586 г. приехал в город Марбург. Здесь он сделал попытку устроиться профессором Марбургского университета, но повторилась та же история, что в Же-

неве. Кальвинистские профессора не меньше, чем католические попы, боялись смелого учёного, и Бруно пришлось перебраться в Виттенберг. Однако и в Виттенберге ему не удалось задержаться надолго, и снова начались бесконечные скитания. Всё чаще и чаще вспоминается ему прекрасная солнечная Италия, всё жарче разгорается в нём желание вернуться на родину. «Нола, милая Нола! Твои мирты и виноградники, тёплый запах козьего молока и пахучих трав твоих лугов, когда я вернусь к вам?» — вопрошает он в своих стихотворениях. И вдруг от венецианского книготорговца Чьотто он узнаёт, что им заинтересовался знатный венецианец Джованни Мочениго. {322}

«Он предлагает вам приехать в Венецию, чтобы обучать его искусству упражнения памяти и гарантирует вам полную безопасность и своё покровительство», — уговаривал его Чьотто.

Трудно было представить себе более опасный шаг, чем возвращение Бруно в Италию, где бесконтрольно хозяйничала инквизиция. Однако тоска по родине была слишком сильна, чтобы Джордано отказался от этого предложения. И вот в ясный весенний день 1592 г. он перебрался через швейцарскую границу и вступил на землю Италии.

Теперь установлено, что приглашение Мочениго было ловушкой, расставленной иезуитами и инквизицией. Недаром коварный, мелочный и подозрительный венецианец заранее посвятил в свой план своего духовника-иезуита и с самого начала заверил его в том, что хочет лишь «выжать из Джордано как можно больше, чтобы вернуть затраченные на него деньги и предать его затем в руки инквизиции». По совету того же самого духовника он вёл дневник, в котором аккуратно записывал содержание своих бесед с Джордано и всячески поощрял его высказываться на «опасные» темы.

После первых же бесед с Мочениго Джордано понял, что его нового ученика интересуют отнюдь не упражнение памяти и система Коперника, а магия и алхимия. Наслышавшись толков о сношениях Бруно с нечистой силой, суеверный венецианец вообразил, что Бруно умеет изготовлять золото. Этим и объяснялась «великодушная» помощь этого вообще скупого человека — он надеялся, что в благодарность за покровительство его посвятят в тайны алхимии.

Нечего и говорить, что Джордано наотрез отказался разговаривать с ним на эти темы. Подозрительный Мочениго тотчас же истолковал это, как нежелание открыть ему свою тайну. Разозлившись, он начал упрекать Джордано Бруно в том, что он не выполняет своих обещаний. Тут только Джордано окончательно понял, что доверился человеку, на которого нельзя положиться. Видя, что дальнейшее пребывание его в Венеции становится опасным, он 21 мая объявил Мочениго, что научил его всему обещанному и должен вернуться в Германию. В ответ на это Мочениго начал его убеждать остаться ещё на некоторое время, уверяя, что он ещё не всему научился. Тем не менее Джордано настоял на своём и на следующий день отправил вперёд свои вещи. Он рассчитывал выехать назавтра утром, но промедление оказалось роковым.

Поздней ночью к нему постучался Мочениго и попросил разрешения переговорить в последний раз. Джордано кое-как накинул на себя одежду и отворил ему дверь. Тотчас же в комнату ворвались шестеро гондольеров под предводительством самого Мочениго и, несмотря на отчаянное сопротивление, связали ему руки и отвели на чердак. Вскоре туда пришёл Мочениго и потребовал, чтобы он немедленно посвятил его в тайны алхимии, {322} угрожая в противном случае выдать его инквизиции. Но уговоры и угрозы не могли испугать Бруно. Он не захотел даже говорить с предателем; на следующий день 23 мая Мочениго сдал Бруно «святому» судилищу.

Великого учёного бросили в одну из тех страшных камер, которые расположены были непосредственно под свинцовой крышей. Днём воздух накалялся здесь до такой степени, что невозможно было дышать. Около года продолжалась эта мучительная пытка солнцем, но венецианской инквизиции не удалось сломить мужество узника. Как ни старалась она заставить его отречься от своего «гибельного» учения, Джордано твердо стоял на своём. Тогда в феврале 1593 г. его дело было передано папской инквизиции, а сам он отправлен в Рим.

Семь лет провёл Джордано Бруно в застенках римского инквизиционного трибунала, семь лет его уговаривали, запугивали и пытали, но ничто не могло поколебать его твёрдости. А между тем стоило ему сказать одно слово, и он не только был бы отпущен на свободу, но со временем мог бы занять выдающееся положение в католической церкви. Ибо, как видно из протоколов следствия, даже его злейшие враги-инквизиторы признавали в нём «одного из ред-

чайших гениев человечества» и не прочь были сделать этого закоренелого «грешника» верным слугой Ватикана. Недаром, вопреки своему обыкновению как можно скорее кончать дела подобного рода, «святая» инквизиция растянула его процесс на семь лет и давала ему одну отсрочку за другой. До последней минуты инквизиторы и папа надеялись, что он испугается и из непримиримого врага церкви сделается её послушным орудием.

Но Джордано Бруно был слишком смелый и честный человек, чтобы предать своё дело и очернить свою память в глазах потомства. Недаром говорил он в своих стихах, что «славен не только тот, кто побеждает, но также и тот, кто не умирает трусом и подлецом» и что «смерть в одном столетье дарует жизнь во всех веках грядущих». На все предложения покаяться в своих заблуждениях он отвечал, что «не раскаивается ни в чём и ни в чём не хочет раскаяться и что нет ничего такого, что он мог бы взять обратно».

Видя, что им не удастся преодолеть его упорство, инквизиторы 8 февраля 1600 г. вынесли, наконец, приговор. По этому приговору Джордано Бруно лишался священнического сана, отлучался от церкви и отдавался в руки светских властей, которые должны были предать его «самой милосердной казни без пролития крови» (так лицемерные католические попы называли тогда сожжение). Джордано выслушал приговор совершенно спокойно и ответил своим палачам словами, вошедшими в историю: «Вы произносите приговор, пожалуй, с большим страхом, чем я его выслушиваю». {324}

Приговор не сразу был приведён в исполнение, так как инквизиторы ещё не теряли надежды запугать Джордано Бруно угрозой мучительной смерти. Но на этот раз так же, как и прежде, надежды их оказались тщетными. И вот 17 февраля 1600 г. толпы народа собрались на Площадь цветов, где должна была состояться казнь. Был ясный солнечный день, по-праздничному звонили колокола, и всё было обставлено крайне торжественно. На почётном месте восседал сам папа, окружённый пятьюдесятью кардиналами, духовенство пришло в полном парадном облачении.

Внезапно толпы народа расступились, образовав широкий проход, и показалась процессия, ведущая осуждённого. Впереди шёл знаменосец с огромным красным стягом в руках, затем священники, распевавшие гимны, и, наконец, закованный в цепи Джордано Бруно. За время своего заключения он неузнаваемо изменился — его волосы поседели, щёки впали, отросла длинная борода, но взгляд был такой же смелый и неукротимый, как прежде. По обычаю того времени, на нём был одет бесформенный жёлтый балахон с намалёванными на нём чёрной краской чертями, поджаривающими грешников, а капюшон увенчивала фигурка человека, охваченного языками пламени. За осуждённым несли распятие, повёрнутое к нему обратной стороной,— знак того, что от него отступилась церковь. Далее следовали священники, монахи, чиновники и дворяне, одетые в праздничные одежды, и, наконец, инквизиторы, вынесшие приговор.

Вот процессия медленно приблизилась к костру с торчащим посередине столбом, вот Джордано Бруно сам поднялся на костёр, его привязали к столбу, вот вспыхнули первые языки пламени. Несмотря на страшную боль, Джордано сохранял присутствие духа до самого конца и не испустил ни звука, хотя находился в сознании. Когда всё было кончено, на обугленные брёвна поднялся палач и развеял пепел гениального учёного по ветру.

* *
*

«Храбро боролся я, думая, что победа достижима. Но телу было отказано в силе, присущей духу, и злая судьба подавляла мои стремления. Однако было во мне всё же то, в чём не откажут мне грядущие века. «Страх смерти был чужд ему, — скажут потомки, — силою характера он не уступал никому и смерть в бою предпочёл безмятежной жизни».

Так охарактеризовал себя сам Джордано Бруно, и его смерть показала, что это не были пустые слова. Несокрушимое мужество и преданность идее сочетались в нём с исключительными способностями и разносторонними познаниями, которые поражали даже его врагов. «Это один из выдающихся и редчайших гениев, какие только можно себе представить, человек, обладающий совер-{325}шенно исключительным образованием и универсальными знаниями», — писал про него один из его судей.

С этой оценкой нельзя не согласиться, если вспомнить, какие замечательные открытия сделал Бруно, не имея в своём распоряжении ничего, кроме собственной наблюдательности да «ничтожных заржавевших обломков древности». Достаточно напомнить, что он первый установил, что земля сплющена у полюсов, что солнце вращается вокруг своей оси, что звёзды такие же солнца, как наше, что воздух, окружающий землю, вращается вместе с ней.

Но особенно интересен вывод Бруно, что вселенная не является неизменной. «Миры возникают и гибнут, поверхность земли меняется через большие промежутки эпох и столетий и моря превращаются в континенты, а континенты в моря. И все части и атомы находятся в бесконечном течении и движении и испытывают бесконечные перемены как по форме, так и по месту. Юноши не обладают тем же телом, какое они имели в детстве, а тело стариков не то, какое оно было в юности», — писал он. А между тем почти все современники Джордано Бруно считали, что земля и вселенная остаются такими же, какими их сотворил бог, и должна была пройти не одна сотня лет, пока не было окончательно установлено, что всё существующее беспрерывно изменяется.

Подобно большинству других выдающихся деятелей эпохи Возрождения, Джордано Бруно не был кабинетным учёным. Вся его жизнь была беспрерывной и напряжённой борьбой с реакционными силами феодального общества и прежде всего с католической церковью. «Жизнь человека на земле есть не что иное, как состояние войны. Он должен поражать низость бездельников, обуздывать наглость и предупреждать удары», — не раз говорил он. И Бруно с полным правом называл себя тем, кто «будит спящих и поражает кичливое и лягающееся невежество». Весь свой яркий и многогранный талант он посвятил борьбе за новое мировоззрение и науку, борьбе за свободу мысли. Этой цели он служил не только как учёный и философ, но и как писатель и поэт. Недаром Энгельс назвал его в числе тех титанов по силе мысли, страсти и характеру, многосторонности и учёности, которые основали новое революционное естествознание.

Неудивительно, что католическая церковь употребила все доступные ей средства, чтобы поставить себе на службу этого опасного врага, а, потерпев неудачу, обрекла его на смерть. Но хотя ей и удалось убить Джордано Бруно, его идеи, так же как идеи Коперника, оказались бессмертными. Подхваченные и развитые Галилеем, Кеплером, Ньютоном, Ломоносовым и многими другими учёными, они вышли победителями в борьбе со своим смертельным врагом — церковью и в конце концов рассеяли мрак вековых заблуждений. {326}

Файл ist327.jpg

Памятник Джордано Бруно в Риме.

Даже мёртвый, Джордано Бруно продолжал воевать со своими врагами, которые запретили произносить его имя и печатать его сочинения, но не могли уничтожить в сердцах людей память о великом мученике науки. Ненависть церковников к этому замечательному учёному так велика, что когда в XIX в. возник проект сооружения ему памятника, Ватикан и его приспешники сделали всё от них зависящее для того, чтобы помешать его осуществлению. Но несмотря на их яростное сопротивление, в сборе средств на сооружение монумента приняли участие люди всех национальностей и в том числе русские. 9 июня 1886 г. в Риме состоялось открытие памятника человеку, который «поднял свой голос за свободу мысли для всех народов и осветил эту свободу своей смертью».

Джордано Бруно был изображён стоящим во весь рост с книгой в руках, в одежде монаха-доминиканца. На постаменте были {327} размещены барельефы с различными эпизодами из его жизни — диспут в Оксфордском университете, произнесение приговора, сожжение на костре — и портреты предшественников и продолжателей. «Джордано Бруно от столетия, которое он провидел, на месте, где был зажжён костёр», — гласила надпись.

Загнивающая буржуазия в своей борьбе с пролетариатом пытается использовать то же самое оружие, которое когда-то употребил против неё умирающий феодализм. Это оружие — католическая церковь. Давно отошли в прошлое и стали историческим преданием те времена, когда представители ещё молодого и уверенного в себе класса требовали свободы мысли во имя нового буржуазного миросозерцания; «...наступил такой исторический момент, когда командующая буржуазия, из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает

все отсталое, умирающее, средневековое» [1], — писал Ленин. И вот потомки тех самых мракобесов, которые когда-то отправили на костёр Джордано Бруно, теперь посягают на его память и пытаются опорочить его идеи. Одни из них стараются доказать, что вселенная не бесконечна, другие подсчитывают, что мир создан богом два миллиарда лет назад, а третьи договариваются до того, что инквизиционный трибунал, осудивший Джордано Бруно, действовал «в строгом соответствии со своими правами и обязанностями» и что вынесенный им приговор «сохраняет силу и в наши дни».

Но как ни стараются эти изуверы оправдать перед лицом истории католическую церковь, как ни хлопочут они о том, чтобы фальсифицировать науку и воскресить ту самую «тёмную ночь заблуждений», против которой Джордано Бруно боролся всю свою жизнь, им и их хозяевам — англо-американским империалистам — не удастся вернуть человечество к временам средневековья. На решающую битву с разлагающейся культурой буржуазного Запада, на защиту идей, за которые отдали свои жизни лучшие сыны человечества, выходят свободолюбивые люди всех стран, возглавляемые самой передовой в мире наукой Советского Союза. {328}

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

Ганс Гриммельсгаузен и его Симплициссимус.

Шла Тридцатилетняя война. Немецкую землю топтали солдаты императорской армии и наёмники протестантских князей, долгие годы её разоряли отовсюду нахлынувшие иноземные завоеватели: датчане, шведы, затем французы. Всех их влекла сюда жажда добычи и безнаказанность грабежа, неразлучного спутника жестокой и разорительной войны. Не раз прославленные и некогда богатые города изнемогали в кольце осады, не раз взятый с боя город отдавался на поток и разграбление, а достояние мирных жителей становилось добычей ворвавшихся в город победителей.

Год от году росло разорение страны: тяжкой данью облагались города и провинции, в населённых пунктах размещались гарнизоны, вольготно жившие за счёт крестьян и горожан. На большой дороге купеческое добро захватывали обнаглевшие грабители. Конницей и пехотой вытаптывались нивы, угонялся крестьянский скот, беспощадно расхищались запасы и пожитки деревенского люда. Год сменялся годом, не принося облегчения. Всё так же бушевала нескончаемая война, всё так же бесчинствовали драгуны и кирасиры, пешие ландскнехты и отбившиеся от армии вооружённые мародёры. Повсеместно росла горькая нужда, пустели некогда многолюдные деревни, жители их разбегались, становясь бездомными скитальцами или примыкая к бесшабашной вольнице, охотно принимавшей в свои ряды выносливых и крепких людей. И по мере того как пустели деревни, пахотные поля зарастали сорняками, а вслед за сорняками шли в наступление кустарники и леса, завладевая обширными пространствами. На одичавшей земле множились волчьи стаи.

Об этом зловещем времени повествуют исторические документы, представляющие летопись походов и вражеских вторжений, сражений и осад. О пережитых страной бедах с негодованием и болью говорят «летучие листки», дневники и воспоминания современников. О чёрной године Тридцатилетней войны {329} рассказывает нам её участник — замечательный

Файл ist330.jpg

Нападение рыцарей на деревню.

писатель и пламенный патриот, крестьянин по происхождению, Ганс Гриммельсгаузен. Десятилетним мальчиком, потерявшим семью, он примкнул к одному из многочисленных отрядов, чтобы затем в роли слуги, денщика, солдата, мушкетёра исходить длинные, немеренные дороги воины, изведать опасности и невзгоды, познать тяжкую долю наёмного солдата, вынужден-

[1] В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 19, стр. 77.

ного вместе со своими товарищами по оружию ежедневно рисковать жизнью, терпеть лишения и раздобывать пропитание насилием и хитростью.

В ту пору насилие и беззастенчивый грабёж были неразрывно связаны с существованием наёмной армии, с бытом её солдат, чаще голодных, чем сытых, всегда готовых завладеть чужим добром и вознаградить себя буйным хмельным разгулом за дни вынужденных лишений. Глядевшие ежечасно смерти в глаза, сра-{330}жавшиеся неведомо за что, участники многолет-

Файл ist330.jpg

Битва ландскнехтов. *Гольбейн Младший.*

ней кровавой войны являлись в то же время её жертвами. Эти полусолдаты-полуразбойники были тёмными, суеверными и невежественными людьми. Отвыкшие за годы бродяжнической и лагерной жизни от полезного труда, забывшие семью, они порой утрачивали человеческий облик, не зная меры ни в творимых ими жестокостях, ни в неукротимом пьяном буйстве — единственной доступной им утехе. Но даже среди них находились люди, не желавшие мириться ни со своей судьбой, ни с судьбой своего истерзанного и разграбленного отечества.

Одним из таких людей и был Ганс Гриммельсгаузен (1625—1676) — солдат поневоле, писатель по призванию, патриот по убеждению. Крестьянский сын, плоть от плоти трудового народа Германии, он не мог равнодушными глазами взирать на сожжённые селения, на трупы детей и женщин, на одичавшую землю и одичавших сынов горячо любимой родины. Наряду с многими другими, такими же солдатами поневоле, он вместе с бременем растущей солдатской усталости ощущал и бремя гнетущих впечатлений, бремя невысказанных и неразрешённых сомнений. «Зачем ведётся долголетняя война?», «Почему с одинаковым усердием разоряют страну и соотечественники и чужеземцы?» — подобные вопросы иной раз возникали в минуту раздумья у тлеющего лагерного костра, но бойцы-собеседники не находили на них ответа. Однако картины виденного и годы пережитого убеждали бывалых ветеранов в том, что война ведётся отнюдь не ради веры, отнюдь не во имя торжества католической или лютеранской религии. Ни речи фанатичных католических по-{331}пов, ни елейные проповеди протестантских пасторов не могли успокоить разбуженную совесть, не могли подавить возникшего сомнения.

Ганс Гриммельсгаузен облёк свои впечатления и думы в форму замечательной книги, героя которой он заставляет пройти через такие же испытания, каким подвергался сам. Его герой — мальчик, жизнь которого искалечена войной, становится солдатом. За наивное простодушие, за ребяческую неосведомлённость деревенского мальчугана, неожиданно попавшего в водоворот войны, прозвали «Симплициусом», что означает «простак». Но за этой бросавшейся в глаза кажущейся простотой скрывался недюжинный ум. Простодушный и лукавый, необычайно находчивый и наблюдательный, он подмечал все уродливые стороны окружающей его действительности. Язвительно и метко, с неотразимой убедительностью он вскрывал возмутившее его несоответствие между словами и делами современников, всегда готовых прикрыть лицемерно-благочестивой фразой свои разбойничьи поступки.

Повесть о приключениях «Симплициуса Симплициссимуса» (в переводе с латыни «простака простейшего») представляет собой яркое осуждение грабительской войны. Герой книги, устами которого говорит автор, бессилен найти объяснение войне, но с тем большей иронией показывает он её жестокость и уродство. Мягкий юмор рассказчика не умаляет его возмущения, когда он говорит о скорбной участи простого человека, кормильца Германии — крестьянина, которого тиранят и грабят участники войны.

Симплициссимус рассказывает об уничтожении родного очага

«Отец сделал меня пастухом. Он доверил мне сначала свиней, потом коз и, наконец, целое стадо овец, чтобы я пас его и при помощи волынки оберегал от волков. Но в те времена я имел о волках такое же слабое представление, как и о своём невежестве, а потому отец с жаром взялся за моё обучение. Он сказал: «Ты смотри, мальчонок, не давай овцам очень-то разгуливать. Да повеселей играй на своей волынке, чтобы волк не подошёл да не сделал чего. Это, знаешь, такая скверная четвероногая шельма, да и вор притом, — тащит и людей и скот... Ну, так вот смотри! Если будешь сидеть развесив уши — я тебе спину-то начищу...» Я отвечал ему со

своей обычной готовностью: «Отец, ты мне скажи только, как волк-то выглядит: я же его не видел ещё ни разу!..»

«Ах, ты, старый осёл, — возразил он, — ещё ни разу! Ещё ни разу ты не был ничем, кроме дурака. Удивляюсь, как это тебя ещё земля носит. Вон какая дубина выросла, а не знаешь, что за дрянь четвероногая этот волк». {332}

Он добавил ещё несколько подобных же разъяснений, а потом ушёл, ворча себе под нос.

Итак, я принялся скрипеть и визжать на своей волынке. От этих звуков жабы могли околеть в своих канавах, и я обрёл уверенность в полной безопасности от таинственного волка. Потом я вспомнил ещё, как мать часто боялась, как бы куры не подохли от моего пения, и поэтому принялся горланить её любимую песню:

Эх ты силушка мужицкая,
От тебя зависят баре да князья.
Не вспахал мужик бы поля своего —
Не было б на свете ничего.
Мясо-то откудова? Твоё.
Надо пить — сготовишь и вино,
И совсем земля бы опустела,
Если б рук твоих не захотела.
Вот король — пусть бог его даёт,
Но ведь он от рук твоих живёт;
А ты кормишь и солдат и всех,
Потому вокруг и слышишь смех!

Когда же я дошёл до этих слов, меня вместе со стадом внезапно окружил отряд кирасиров, которым моя громкая музыка помогла выбраться из лесу, где они было заблудились. «Ого, — подумал я, — вот это и есть, должно быть, те четвероногие шельмы и воры, о которых говорил отец». Потому что для меня тогда человек верхом на лошади казался одним четвероногим существом. Я сейчас же схватился за волынку, но только успел протрубить один раз, как один из них схватил меня за шиворот и так неистово бросил на одну из лошадей, что я сейчас же перевалился на другую сторону и, падая, придавил волынку. Она отчаянно завизжала, точно хотела разжалобить весь свет. Но ничего не помогло. Мне всё же пришлось очутиться на лошади, которая затрусила по направлению к отцовскому дому. Самые странные мысли приходили мне в голову. Я решил, что все эти четвероногие существа выскочили только для того, чтобы по-

Файл ist333.jpg

Насилия солдатчины в Тридцатилетнюю войну. {333}

Файл ist334.jpg

Разграбление бюргерского дома.

мочь мне загнать овец: овцы, действительно, как одна, бежали по дороге к дому. Поэтому я ждал, что отец и мать сейчас с радостью выйдут к нам навстречу. Но напрасно: вместе с маленькой Урсулой, дочкой моего отца, они убежали через задние ворота, не дожидаясь гостей.

Приехав, всадники сейчас же принялись за дело. Одни из них принялись кромсать, варить и жарить, словно тут должна была произойти весёлая пирушка. Другие стремительно шныряли по дому сверху вниз и даже заходили в самые неподходящие места. Некоторые свёртывали в громадные тюки сукно, платья и всякий домашний скарб, точно собирались открыть торговлю старьём. Они тыкали в сено и солому свои шпаги, как будто им мало было работы с заколотыми овцами и свиньями. Они вытрясали перья и пух из перин и набивали туда сало, сушёное мясо и посуду, как будто на этом мягче было спать. Они ломали печи и окна, точно с их приездом должно было наступить вечное лето. Они жгли кровати, столы, стулья и скамьи, хотя на дворе стояли поленицы дров, и били горшки и другую посуду, потому ли что не собирались здесь обедать больше одного раза или вообще ели только жареное на вертелах. Работника они связали, положили на землю, распялили ему рот куском дерева и влили в него полведра жидкого навоза, называя это «шведским напитком». Этим способом они заставили его

провести часть их отряда в ближайшее потайное место, откуда затем пригнали на наш двор укрывавшихся людей и скот. Вместе с ними вернулся домой отец, мать и Урсула.

Тогда «железные» начали стрелять из пистолетов, обрывая пальцы у мужиков. Одного из пойманных они запихали в трубу и подтопили снизу, так как он упорно не желал в чём-то признаваться. Другому обвязали голову толстой верёвкой и закручивали её при помощи палки, пока у него не брызнула кровь из носа, рта и ушей. Вообще каждый из них изобретал что-нибудь {334} новое. Моему отцу, как мне показалось, тогда очень посчастливилось: он «признавался» с хохотом, а другие со стонами и криками. Железные посадили его к огню, связали и натёрли подошвы мокрой солью. Наша старая коза потом её слизывала. От этого ему, должно быть, было так щекотно, так щекотно, что он прямо задыхался от смеха. Я нашёл это очень забавным и тоже смеялся, — не то за компанию, не то потому, что ничего другого не оставалось делать. Хохоча, отец сознался, что у него в саду зарыт клад — золото, жемчуг и разные драгоценности, — так много всего, что даже странно было для простого крестьянина. Посреди всего этого ужаса я должен был вертеть на огне жаркое и помогать поить лошадей».

Люди и нравы в оценке Симплициссимуса

Ганс Гриммельсгаузен делает маленького Симплициссимуса сначала воспитанником сурового отшельника, а затем превращает его снова в бесприютного бродягу, которого после неудач и скитаний принимает к себе в услужение комендант небольшого городка Ганнау. Рассказ Симплициссимуса позволяет читателям увидеть неприглядные нравы глазами юного героя, который правдиво говорит о своих современниках, невежественных хищниках, глубоко развращённых долгой грабительской войной. Наблюдательный мальчуган вынужден не только воспринимать впечатления и факты действительности, но и сопоставлять их с уроками наивного отшельника, пока, наконец, он не приходит к выводу, что поступки окружающих его людей, их побуждения и стремления стоят в разительном противоречии со всем тем, чему учит церковь.

«Я читал, — говорит юный Симплицисслмус, — что все люди братья, и вот, особенно много зависти, злобы и крика, попрёков, я встречал как раз между братьями, сестрами и всякими родственниками, в особенности же, когда приходилось делить наследство. Ремесло и труд презирались. Я сделал также наблюдение, что за любовь к врагам никто не бывает награждён, но зато очень жестоко наказан за любовь к друзьям. Всюду царил обман и злобное насилие, даже там, где должна была быть особенная любовь. Многие подлые хозяева обсчитывали своих работников и старались недодать и без того ничтожное пропитание. Торговцы вперегонки с ростовщиками выколачивали свои доходы, а для этого тысячами хитросплетений высасывали из мужика его тяжёлый пот.

Однажды я увидел солдата, который дал другому здоровую затрещину. Я сообразил сдуру, что побитый сейчас же подставит другую щеку (я ещё ни разу не присутствовал при драке). Но я ошибся: обиженный обнажил шпагу и нанёс обидчику рану в голову. Я закричал во всё горло: «Друг, что ты делаешь!» — {335} «А я дурак, что ли, — отвечал он. — Да, чёрт меня дери, я умру скорее, чем спущу ему это».

Хуже всего было мне, когда эти горлодёры хвастались своими постыдными делами: «Чёрт возьми, как мы вчера нализались!» — «Чёрт возьми, как мы мужиков вздули...» — «Я его долбанул...» — «Я его исчекрыжил», и т. д., и т. д.

Если же я приходил с моими книжками и старался их уговаривать, меня считали идиотом и так высмеивали, что я в конце концов решил молчать и не говорить ни одного слова. Наконец, я пошёл к священнику и всё ему рассказал и поведал мысли, приходившие мне в голову. Он ответил: «Конечно, они христиане, и я не советую тебе называть их иначе». — «Но как же это может быть!» — воскликнул я. Когда я указываю тому или другому его несправедливый поступок, меня только высмеивают». «Не удивляйся этому», — сказал священник. О, дурак! я не понимал тогда, о чём рассуждаю, потому что как только я вошёл в жизнь, я увидел, что у каждого человека совершенно особый бог, а у некоторых и по многу богов, так что если их всех сложить, то получится больше, чем у язычников прошлых и нынешних времён, взятых вместе. Некоторые держали своего бога в кошельке, другие при дворе, и большей частью он сказывался в таких случаях проходимцем так же, как и поклоняющийся ему, вся его торжест-

венность зависела от апрельской переменчивости какого-нибудь принца. Были и такие, у которых бог сидел в собственном животе, и они приносили ему ежедневно обильные жертвы».

Шли годы. Симплициссимус возмужал. Он вырос в условиях походной жизни, научился делить со своими соратниками их бранные труды и горести, научился, подобно им, раздобывать припасы и при случае промышлять грабежом. Но Симплициссимус, ставший как будто на диво отчаянным и дерзким хищником, усвоивший ремесло разбойника-солдата, действует не как простой наёмник. Всеми своими поступками он доказывал, что солдат — сын своей родины может и должен быть человечным. Он решительно отказывался обездолить небогатого человека, стремился не только щадить бедняка, но при случае помочь последнему. И это не единственный урок, который даёт Симплициссимус. Герой-патриот непримиримо относится к иноземным захватчикам-шведам и, отклоняя их соблазнительные предложения, с непреклонной решительностью сохраняет верность германскому знамени.

Горькие впечатления Симплициссимуса — это дошедшие до нас впечатления одного из сотен тысяч простых людей Германии, потрясённых мрачными картинами разорения и упадка родной страны... Это голос совести немецкого народа, глубоко возмущённого жестоким хищничеством, творимым чужеземными завоевателями, своекорыстными немецкими князьями, авантюристами-военачальниками и разнузданными мародёрами, опустошившими Германию, в дальнейшем обреченную на двухвековую раздроб-{336}ленность, хозяйственную отсталость и зависимость от более сильных европейских держав.

Как вооружались и воевали в начале XVII века.

Изобретением огнестрельного оружия был вызван решительный переворот в военном деле. Появление пороха знаменовало гибель рыцарства. На полях сражений стали господствовать пехота, вооружённая огнестрельным оружием, регулярная конница и артиллерия. Все эти роды войска по своему вооружению и организации были разительно непохожи на современное войско.

Огромные литые пушки едва сдвигались усилиями многих коней или волов. Ядра летели на небольшое расстояние, и на противника оказывал воздействие не столько причинённый ему ущерб, сколько устрашающий грохот и дым, застилавший поле битвы. Громоздкие орудия не могли сопровождать пехоту в походе. Стремясь к созданию полевой артиллерии, шведский король Густав-Адольф ввёл в действие облегчённые, так называемые «кожаные пушки», утончённые металлические стволы которых во избежание перегрева снаружи охватывались плотным слоем кожи.

Наиболее распространённым оружием пехоты был мушкет, тяжёлое ружьё, кончавшееся у дула раструбом. Мушкет причинял своему хозяину-мушкетёру много неприятностей. Он был настолько тяжёлым, что дуло его при выстреле должно было покоиться на специальном приспособлении — «сошке», деревянной палке, сверху раздвоённой наподобие рогатки и втыкаемой острым концом в землю. Порох засыпался в дуло сверху и воспламенялся зажжённым фитилём. При ветре порох сдувался до воспламенения, в дождливую погоду он не загорался вовсе. Отдача при выстреле была очень сильной, а дальность стрельбы — {337} незначитель-

Файл ist337.jpg

Пушки времён Тридцатилетней войны. {337}

ной. Операция заряжания тянулась томительно долго. Бесперебойность стрельбы обеспечивалась поэтому особым боевым порядком, — «караколе». Пока стреляла передняя шеренга, вторая заряжала мушкеты, затем обе шеренги менялись местами.

Позднее стали применять две смены стрелков по три шеренги в каждой. Выстрел одной смены производился одновременно: три шеренги палили залпом — одна лёжа, другая с колена, третья стоя. После этого место занимали три других шеренги воинов, успевших зарядить свои мушкеты. Всему этому противник часто успевал помешать, так как не ожидал, пока в него будут прицеливаться. Стрельба по движущейся цели подчас становилась невозможной. Ещё хуже было то, что мушкет никуда не годился в качестве оборонительного оружия. При натиске кавалерии некогда было заряжать мушкеты, и роль защитника стрелков брал на себя «пикинер» — пеший боец, вооружённый 18-футовой пикой. Когда сомкнутый строй пикинеров, образуя замкнутый квадрат, ощетинивался ежом, выставляя со всех сторон навстречу коннице лес копий, — такое построение оказывалось неприступным, но разрозненные пикинеры плохо ору-

довали своими длинными громоздкими пиками, а тяжесть этого оружия замедляла походное движение. Весёлый друг Симплициуса Шпрингинсфельд говорил недаром, что ему никогда не доводилось видеть человека, убитого пикой.

Многочисленные недостатки тогдашней пехоты и артиллерии ограничивали её применение, и поэтому главной ударной силой становилась кавалерия. Кавалерия XVII в. резко отличалась от рыцарской конницы. Средневековый рыцарь был воином-одиночкой, подвижной крепостью, самостоятельной боевой единицей. Новая кавалерия состояла из одинаково вооружённых всадников, сражающихся в определённом боевом порядке под командой своих начальников.

Появление огнестрельного оружия, способного пробить железные доспехи, далеко не сразу привело к упразднению этих доспехов. Долгое время, напротив, пытались утяжелить обычные латы, добиться того, чтобы их нельзя было пробить пистолетной пулей. О судьбе тяжёлой конницы во второй половине XVI в. венецианец Контарини писал: «В бою с рейтарами-пистольерами она утяжеляет свои латы, пока ни, лошади, ни люди не могут выдержать их тяжести».

О том же свидетельствует и француз де-ла-Ну: «Хотя у них и были основания сделать свои латы более прочными и надёжными, чем раньше, ввиду той опасности, которую представляют пистолеты и пищали, но всё же они впали в такую крайность, что большинство их нагружает на себя не латы, а целую наковальню».

Неимоверный груз утяжелённых лат делал всадника неповоротливым, быстро устающим. Современники утверждали, что, {338} не в пример рыцарям прошлого, в тяжёлых доспехах нового образца никто не может оставаться более двух-трёх часов кряду.

В изменившихся условиях обнаруживалась и непригодность старинного рыцарского копья как основного оружия конницы. При ударе в утолщённые латы лёгкое копьё разламывалось, а тяжёлое массивное копьё слишком утомляло руку копейщика и, кроме того, при малейшей неточности удара оказывалось опасным для него самого.

Основным оружием всадника становился пистолет. Французский маршал Таванн писал, что за время, необходимое копейщику для нанесения одного удара, пистольер успевает сделать 6—7 выстрелов. Недаром уже Мориц Оранский, полководец последнего периода Нидерландской революции, устраняет копьё, служившее при его отце — Вильгельме Оранском — основным оружием конницы.

К XVII в. создались различные виды конницы. Тяжёлая конница по внешнему виду ещё напоминала рыцарей. Над шлемами развевались пёстрые султаны. Грудь и плечи всадников облекали панцири, руки и бёдра также были защищены железными полосами. Но щит отсутствовал (тяжёлое копьё приходилось держать обеими руками), а железные поножи сменились суконными шароварами и кожаными сапогами со шпорами. Полутяжёлой конницей стали «кирасиры», получившие своё наименование от круглого панциря — «кирасы», охватывавшей грудь и спину всадника.

Однако новой силой, всё чаще решавшей исход сражений, явилась лёгкая конница, свободная от железных доспехов, завоевавшая огромное преимущество своей подвижностью, быстротой своих коней. В XVI в. лёгкую конницу ещё представляли вспомогательные отряды — албанские стратиоты, венгерские гусары, конные ландскнехты. Но со временем эту лёгкую конницу начали формировать из дворян, вооружённых пистолетами и палашами (короткими саблями) и составивших эскадроны лёгкой кавалерии — колонны в 15—20 шеренг глубиной.

Основным оружием «рейтаров» — лёгкой конницы — явился кремнёвый пистолет, которым, несмотря на его изрядную длину и тяжесть, всё же можно было пользоваться одной рукой. Оружие это было весьма несовершенным: воспламенение заряда было ненадёжным, замок быстро покрывался трудно счищаемым нагаром, кремень быстро снашивался, и поэтому рейтару всегда было необходимо иметь под рукой несколько запасных пистолетов, которые держали в седельных кобурах, а иногда и за широкими голенищами сапог.

Рейтаров учили целиться в голову или бедро противника, либо в лопатку лошади. Сразить противника было возможно лишь на короткой дистанции, и поэтому ещё в XVI в. полагалось стрелять только на таком расстоянии, на котором явственно различаются белки глаз противника. Это правило как строгое пред-{339}писание повторил во времена Тридцатилетней

войны шведский король Густав-Адольф.

Огнестрельное оружие сделало сражения более кровопролитными. Маршал Таванн замечал: «Прежде сражались 3—4 часа и из 500 человек не было 10 убитых. Теперь за час всё кончается!..»

Можно ли было от наёмников-рейтаров ждать отваги и самоотверженности? Опыт убеждал в том, что сражавшиеся под чужим знаменем и за чужие интересы рейтары отнюдь не склонны рисковать собой. Недаром тот же Таванн писал: «Капитан, который проскачет 15 шагов, не обращая внимания на своих солдат, рискует тем, что атакует противника в единственном числе и похоронит себя среди неприятелей...» О том же писал и другой автор: «Часто из 100 всадников едва 25 действительно дорвутся до неприятельского фронта, а заметив, что их никто не поддерживает, они, переломав свои копья, нанесут 2—3 удара мечом и повернут назад, если их ещё не успели сразить».

Полководцы конца XVI — начала XVII в. видели выход в том, чтобы решающая кавалерийская атака производилась не цепью, а глубокой колонной, с тем, чтобы задние ряды атакующих, напирая на передних бойцов, не давали им возможности остановиться, уйти в сторону или отступить.

При этом действовать пистолетом могли лишь находившиеся в переднем ряду атакующих, и, соответственно этому, создавался тот же порядок «караколирования», что и в пехоте. Первая шеренга, оказавшись перед противником, стреляла, затем сворачивала влево, открывая дорогу второй шеренге, которая, в свою очередь оказавшись перед противником, стреляла и, подобно первой, затем также сворачивала влево, уступая место третьей шеренге...

Уходившие влево бойцы, если они не оказывались подстреленными противником, объезжали строй своего эскадрона, на ходу перезаряжая пистолеты или заменяя их запасными, а за-{340}тем, совершив круговой объезд, пристраивались в хвост собственной атакующей колонны.

Такой боевой порядок казался полководцам самым надёжным, так как они не доверяли своим бойцам и не считали наёмников способными вломиться в ряды врагов и, опрокинув их, в рукопашной схватке холодным оружием решить исход боя. Располагая наёмниками, всегда подозреваемыми в готовности к отступлению и бегству, полководцы считали наиболее целесообразным вести в атаку свои эскадроны не галопом и не широкой рысью, а лишь самым медленным аллюром, так как только при таком замедленном темпе атаки наиболее надёжным образом сохранялась связь между идущими вперёд шеренгами и тем самым предотвращалась опасность бегства или «отставания» отдельных шеренг.

Командуя наёмниками, полководцы надеялись достичь успеха при помощи сплочённости и дисциплины, которой, поневоле, и в походе, и в бою, связана громоздкая масса глубокой эскадронной колонны.

Несмотря на то, что при подобной тактике оставались неиспользованными возможности регулярной кавалерии, оставалась неиспытанной мощь холодного оружия в стремительной атаке и прорыве рядов противника, всё же кавалерия всё более и более приобретала роль решающей ударной силы войска.

Конные стрелки, вооружённые аркебузами — «аркебузьеры», играли лишь роль вспомогательной силы. Существовала и полупехота — «драгуны», — первоначально конные мушкетёры, кони которых служили, главным образом, для передвижения бойцов, чаще всего сражавшихся в пешем строю. Лишь впоследствии драгуны превратились в разновидность конницы.

Смелое преобразование кавалерийской тактики стало делом двух выдающихся полководцев Тридцатилетней войны — Валленштейна и Густава-Адольфа, короля шведского.

Ещё в начале Тридцатилетней войны отношение конницы к пехоте было как один к пяти, вскоре оно возросло до отношения одного к трём. А в конце войны конница по численности стала превосходить пехоту.

С тех пор как последовал коренной переворот в военном деле, основной фигурой вместо рыцаря стал наёмный солдат. Война требовала новых армий, которые в сравнении с совре-

менными армиями кажутся нам ничтожными, но которые людям XVII в. представлялись чудовищно большими. В XVII столетии численность армии редко превышала 40 тыс. человек, и только Валленштейн собрал почти 100-тысячную армию. Наёмная армия обходилась очень дорого. Подсчитано, что содержание пехотного полка в 3 тыс. человек обходилось в 540 тыс. гульденов в год — сумма по тому времени огромная.

В 1619 г. даже курфюрст Саксонский, финансы которого находились в более или менее благоприятном состоянии, оказался {341} всё же не в состоянии оплачивать свою полуторатысячную армию. Чтобы составить сколько-нибудь значительное войско, приходилось делать займы. Когда католической лиге удалось получить 1200 тыс. гульденов взаймы у генуэзских купцов, это было сочтено за необычайную удачу.

Скудные финансы государей XVII в. и их потребность в значительной армии оказывались в неразрешимом противоречии. Из этого тупика тщетно искали выхода. Его усматривали прежде всего в отказе от постоянной армии. Действительно, в мирное время армии фактически не существовало. На пороге предстоящей войны генералам давали «поручения» набрать армию. Генералы давали такие же поручения полковникам, полковники — капитанам. Все эти офицеры на время превращались в вербовщиков, разъезжавших с места на место в поисках добровольцев, готовых стать в ряды их рот и батальонов.

Дело не обходилось без надувательства. Каждый начальник получал деньги по числу завербованных солдат. В определённый день мимо столика княжеского или императорского казначея развёрнутым строем проходило набранное войско. Казначей старательно просчитывал количество проходивших мимо него шеренг и множил эту цифру на число солдат в шеренге. Помощник казначея, вооружённый гусиным пером, поспешно записывал полученное произведение. При этом случалось, что плутоватый командир не раз заставлял одни и те же шеренги обойти широкий круг и снова продефилировать перед казначейским столиком, чтобы таким образом получить деньги на «мёртвые души».

Наспех собранная, не прошедшая длительного обучения армия была не всегда боеспособной. Она быстро таяла, не столько от боевых потерь, сколько от болезней и дезертирства. Люди, составлявшие эту наёмную армию, большей частью не знали, за что они должны сражаться, а потому не проявляли никакого героизма.

Даже вынужденный отказ от постоянной армии не избавлял тогдашних государей от безвыходных финансовых трудностей.

Германия на рубеже XVI и XVII веков.

Со времени «Аугсбургского религиозного мира» 1555 г. Германия резко отличалась от соседних европейских стран. В Испании давно утвердилась власть короля, во Франции быстро исчезали пережитки феодальной вольности, и дворянство в его собственных интересах поддерживало неограниченную власть короля. Англия шаг за шагом прокладывала себе дорогу к тому, чтобы стать первой морской и торговой державой мира. В Швеции её король сплачивал вокруг себя алчное дворянство и, обещая ему добычу, намеревался превратить Балтийское море в шведское озеро.

Во всех этих государствах раздробленность ушла в прошлое. В Германии она, напротив, сохранилась. Император из дома Габсбургов оставался по-прежнему носителем звучного титула и {342} по-прежнему его реальная политическая власть не простиралась за пределы его фамильных владений.

Фактическими хозяевами Германии были многочисленные мелкие властители, среди которых выделялись семь князей-курфюрстов. Все эти князья были мелкими хищниками-деспотами, и независимо от размера своих владений и наличия силы, какой они располагали, все они заботились лишь об увеличении своих личных доходов. Создавая свои маленькие дворы, они стремились превзойти друг друга в придворных увеселениях и показной роскоши, в обилии слуг, экипажей и коней, и для этого они состязались в обирательстве собственных подданных, день ото дня умножая их тяготы.

Многочисленные владетели крупных, мелких и крохотных княжеств готовы были ежечасно драться друг с другом из-за спорных клочков территорий, на которые они предъявляли сомнительные притязания, подкреплённые ссылками на наследственные, брачные и сеньёриальные права.

Куча мелких государств и куча мелких деспотов в пределах одной страны — это означало множество внутренних границ и таможенных застав, рассекавших на части живое тело Германии, это означало застой торговли и упадок промышленности.

Аугсбургский религиозный мир 1555 г. не только узаконил, но даже и усугубил старинную раздробленность Германии.

Этот мир облагодетельствовал князей, признав за ними права на захваченные церковные земли. Он, кроме того, предоставил каждому князю возможность устанавливать в своих владениях религию, обязательную для его подданных. Таким образом, этот мир даровал протестантским князьям не только новые земли, но и новые права: отныне князь-протестант в роли духовного предводителя становился начальником послушных ему и хорошо вышколенных пасторов. С помощью своих подручных пасторов князья протестантского севера могли удерживать подданных в повиновении. Недаром Маркс писал о Саксонии, что там «...лютеранство стало *новым папством»* [1].

На юге Германии католическая вера сохранилась не только потому, что этого желали духовные сеньёры, но и потому, что феодалы немецкого юга, смертельно напуганные великой грозой 1525 г., грозой крестьянской войны, считали, что только католическая вера могла окончательно уничтожить опасные идеи Томаса Мюнцера. Они хотели, чтобы мужик не рассуждал об истинах веры и справедливости, а слепо повиновался и слепо верил. И католические попы кадили и проклинали, подвергая гонению всё, что казалось опасным. Они гноили в тюрьмах и жгли на кострах еретиков.

В угнетении простого люда от католических попов не отставали и протестантские пасторы. В угоду своим хозяевам в одном {343} только протестантском Лейпциге они сожгли на костре 20 тыс. женщин, обвинённых в том, что они ведьмы... При этом перед толпой, глядевшей на зрелище казни, теми же пасторами была 53 раза публично прочитана библия.

Служители протестантской религии на севере, служители католической религии на юге и западе с одинаковым усердием помогли князьям и землевладельцам смирить народную массу и этим укрепить их господство.

В начале XVII столетия положение германских феодалов оказалось гораздо более прочным, чем в середине XVI в., и по мере того, как отодвигалась непосредственная опасность народного восстания — обострялись вновь противоречия внутри самого господствующего класса и прежде всего стало снова выдвигаться на первый план противоречие между императором и своевольными германскими князьями.

Возникновение войны.

Энгельс так определил резкое столкновение непримиримых интересов, которое в первой половине XVII столетия вылилось в напряжённую борьбу двух лагерей внутри Германии:

После неудачи крестьянской войны в Германии «...борьба, — писал Энгельс, — выродилась в грызню между отдельными князьями и центральной имперской властью...» [2].

Немецкие князья ревниво следили за императором. Ставя свои мелкодержавные интересы выше общегерманских интересов, они не желали допускать ни малейшей попытки расширения императорских полномочий, способной умалить их собственное почти неограниченное полновластие.

Но сколько бы ни боролись друг с другом немецкие князья и дворяне, сплотившиеся во враждебную императору протестантскую «евангелическую унию» и в «католическую лигу», временно поддерживавшую императора, — борьба двух этих лагерей внутри Германии никогда не разрослась бы в беспримерно долгую и кровопролитную войну, Германия никогда не оказалась бы обречённой на неслыханное разорение и неизбежный последующий застой, если бы в эту борьбу не вмешались соседние государства.

Трагедия Германии и всего немецкого народа в том и заключалась, что сильные государства, являвшиеся соседями Германии, стремились использовать в своих собственных интересах начавшуюся внутри Германии войну и прежде всего не допустить превращения раздробленной и слабой Германии в сплочённую и сильную державу.

---

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. VIII. стр. 110.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 296.

Скандинавские государства — Дания и Швеция — рвались к захвату немецких земель и гаваней на берегах Северного и Балтийского морей; Франция, Англия и Голландия готовы были {344} поддержать любых противников императора с тем, чтобы не допустить создания сильного германского государства.

Германские императоры хотели превратить пустой титул владык Священной Римской империи в реальное звание подлинных правителей обширной и централизованной державы, добиться того, чего добились государи соседних Франции, Испании, Англии. В начале XVII столетия австрийские Габсбурги, носители императорской короны, попробовали ещё раз подчинить себе немецких князей. Но для успешной борьбы за создание единодержавного государства нужны были надёжные и верные союзники, действительно заинтересованные в устранении хозяйственной разобщённости немецких областей, в преодолении политической раздробленности, в ограничении и обуздании сильных и своевольных хищников.

В ту пору в Германии ещё не сложился новый класс буржуазии, готовый бороться за единый общенациональный рынок, за сметение всех и всяческих внутренних барьеров, за единство закона, монеты, меры и веса, за торжество свободной конкуренции над цеховой замкнутостью и местными привилегиями полуобособленных хозяйственных мирков.

Габсбурги, не имея лучших союзников, пытались опереться на тех феодалов и дворян, которые всё ещё оставались верны католицизму.

Если бы император решился открыто посягать на политические права всех германских князей, если бы он дерзнул ребром поставить вопрос о превращении раздробленной Германии в единое государство, он неизбежно встретил бы единодушное сопротивление многочисленных противников. Поэтому Габсбурги стремились прежде всего замаскировать свои подлинные цели, прикрыть их завесой религиозных намерений. Они, кроме того, должны были во что бы то ни стало разъединить немецких князей и дворян с тем, чтобы привлечь значительную их часть на свою сторону соблазном заманчивой добычи.

Какое же религиозное знамя было целесообразнее и удобнее избрать?

Для Габсбургов в этом вопросе не могло быть колебаний. Разве в своих фамильных владениях они не поддерживали католическую веру? Разве со времён Карла V они не видели главного противника государственного единства в лице сильных протестантских князей севера, разве, наконец, нельзя было прельстить тысячи алчных соратников переделом той самой добычи, которой князья-протестанты завладели в годы реформации?

Помимо всего этого, защита католической веры была самым удобным предлогом для того, чтобы воспользоваться помощью испанской католической державы, видевшей в сильном германском императоре ценного союзника против Франции...

Чтобы немецкий дворянин с вечно «дырявым карманом и длинной шпагой» охотно стал под боевое знамя императора, {345} чтобы тысячи жадных авантюристов сплотились в огромную армию, надо было предложить добычу, захват которой казался бы нетрудным. Такой первоочередной добычей стала маленькая героическая Чехия. В XVI в. она признала своим королём Фердинанда I Габсбурга. Это было сделано лишь для того, чтобы вместе с германскими силами сообща отразить завоевателей-турок. В XVII в. чехи тяготились господством чужеземной династии, засилием иностранцев в своей стране. Они добивались политической самостоятельности Чехии и независимости чешской церкви.

Габсбурги наводняли Чехию своими чиновниками и католическими попами, они оскорбляли национальное чувство чехов и неуклонно вели к тому, чтобы толкнуть Чехию на восстание, а затем бросить против маленькой страны орды завоевателей и во славу императора утолить хищников чешской добычей...

Разгром и разграбление Чехии должны были явиться лишь началом завоеваний. Вслед за этим молодой император Фердинанд II намеревался разбить своих врагов на севере. Именно здесь, во владениях протестантских князей, он рассчитывал отобрать у протестантов церковные земли, раздать их своим сторонникам, после чего на шею ограбленным протестантским князьям должны были быть посажены епископы и иезуиты, способные подчинить их суровому контролю.

Но планы строил не один только Фердинанд II. За каждым шагом императора следили десятки внимательных и подозрительных глаз. Это были глаза протестантских властителей Германии, не желавших быть застигнутыми врасплох. Князья-протестанты сколотили «еванге-

лическую унию», собирали сторонников под её знамя и ждали помощи от католического Парижа.

Французская монархия и планы Ришелье.

Немецкие протестанты не ошиблись в своих расчётах. «Христианнейший король Франции» и его первый министр — кардинал Ришелье не могли мириться с военными и политическими успехами немецких католиков и, покровительствуя немецким протестантам, готовились свести на нет успехи императора, в тот самый момент, когда этот последний торжествовал свою победу над порабощённой Чехией. Именно в этот момент они собирались навязать ему долгую борьбу с новыми противниками, втянутыми в войну при содействии французского золота и французской дипломатии.

Ещё в середине XVI в. католический король Франции Генрих II помог немецким протестантским князьям нанести поражение императору Карлу V. Как «добрый католик», Генрих II травил и преследовал французских протестантов, как хитрый политик, он добивался поражения германского императора, и, став опорой немецких протестантов, дерзко объявил себя «защитником немецкой свободы». Немецкие князья в благодарность за оказанную поддержку отдали французскому королю три важных пограничных крепости: Мец, Туль и Верден. В первом десяти-{346}летии XVII в. другой католический король Франции Генрих IV снова вступил в союз с протестантскими князьями Германии, и лишь кинжал подосланного убийцы помешал ему ввести в Германию свои войска.

В 1624 г. на пост первого министра Франции вступил Ришелье. Он провозгласил безраздельное господство «государственного интереса», за которым для Ришелье скрывалось укрепление могущества феодально-абсолютистской Франции, возведённой в роль первой европейской державы.

За десять лет до вступления на высокий пост, на Генеральных штатах 1614 г. Ришелье говорил: «У государей есть одно верное средство увеличить своё могущество: оно заключается в том, чтобы обогатить своих подданных и разорить соседей... и только в том случае им нечего бояться вступать в борьбу с могущественными врагами, если силы последних разъединены и ослаблены».

В этих словах была выражена задача, которую Ришелье затем осуществлял в течение своего 18-летнего правления (1624—1642 гг.).

Ближайшими соседями французской монархии являлись Испания и Германия. Эти два государства, управляемые двумя родственными ветвями Габсбургского дома, Ришелье желал разъединить и ослабить прежде всего. Он не спешил воевать с ними. К однажды поставленной цели Ришелье предпочитал идти не прямым путём, а извилистыми тропами и при этом возлагать бремя главных усилий и военных тягот на иноземные силы, вовлечённые в орбиту влияния Франции.

Ришелье пугал европейских политиков призраком возрождения единой и могущественной испано-германской державы Карла V.

Борясь с императором и противодействуя его планам сплочения Германии, Ришелье шаг за шагом объединял европейские державы в блок антигерманских сил. Королей Дании и Швеции можно было прельстить территориями немецкого севера и военной добычей. Голландии и Англии, как торговым державам, поражение императора и сохранение германской раздробленности обещало открытый и широкий рынок, невозбранно наводняемый иноземными товарами.

Для всех этих государств вмешательство в германские дела облегчалось тем, что обеспечение собственных интересов можно было прикрыть «сочувствием» немецким протестантам.

Во всех этих замыслах и планах центральное место занимали немецкие протестантские князья, постепенно низводимые от роли союзников к роли наёмных агентов иностранной державы.

Поясняя их роль недогадливому Людовику XIII, Ришелье вразумлял его: «Если король, — писал он, — станет на сторону протестантских князей Германии против австрийского дома, — они отдадут ему всю территорию до Рейна». {347}

Но с захватом прирейнских земель Ришелье отнюдь не торопился. Охлаждая воинственный пыл своих соратников, кардинал считал, что подобным захватом лучше кончить, чем

начать большую игру. Вместо того чтобы французскими захватами вызывать беспокойство сильных соседей, Ришелье предпочитал побуждать этих соседей к борьбе против императора. Франции, руководимой Ришелье, предстояло выступить перед Европой не в обличье алчного захватчика, а в одеянии хранителя мира, великодушно спасающего от тирании императора бедных немецких князей, а заодно и милую им «немецкую свободу».

Меч завоевателя был до поры до времени скрыт пальмовой ветвью мира. Маскарадное одеяние ревностного миротворца и сердобольного защитника слабых призвано было избавить Францию от опасных подозрений. Оно устраняло возможность возникновения тех грозных антифранцузских коалиций, которые во время итальянских войн XVI в. всякий раз сводили на нет все результаты, добытые завоеваниями французских королей.

Когда закончился первый акт трагедии и окровавленная Чехия стала добычей победителей, когда избранный восставшими чехами король бежал и скитался, тщетно рассчитывая на обещанную английскую помощь, когда императорская конница преследовала разгромленные протестантские отряды, — Ришелье, как опытный режиссёр, подал знак, положивший начало второму акту войны.

Англия и Голландия, вступив в союз с датским королём Христианом IV, дали ему деньги, необходимые для вторжения в Германию. «Спасая» немецких протестантов, Христиан IV торопливо выкраивал для себя и своих сыновей новые владения в северной Германии... А когда датчане были побеждены императорским полководцем Валленштейном, — тот же Ришелье открыл шлюзы шведского вторжения, положив этим начало третьему, самому опустошительному периоду войны.

Предоставляя покуда германский театр войны своим немецким и датским наёмникам, Ришелье готовил им смену в лице шведского короля. Пока с этим королём шли переговоры, Ришелье решал другую задачу. В данный момент одна небольшая точка на карте Европы была для Ришелье важнее заманчивых рейнских территорий, о которых без умолку болтали французские офицеры. Это была сжатая альпийскими хребтами крохотная протестантская Вальтелина, от которой, наподобие огромного паука, расходились во все стороны линии границ, разделявшие императорский Тироль, Миланское герцогство, принадлежавшее Испании, и вольные кантоны Швейцарии. Именно здесь легко мог быть проложен коридор, по которому поток испанских войск устремился бы на помощь императору. Сюда, действительно, ворвались испанские войска, чтобы мечом убедить вальтелинских еретиков в преимуществах католической веры. Ришелье только и ждал этого. Он не замедлил вступиться за обиженных протестантов, {348} явив этим невиданный пример «беспристрастия» католического кардинала и вместе с тем пример пылкой заинтересованности французского министра и деловитой распорядительности бывшего полковника.

Французское оружие помогло вальтелинцам избежать инквизиции и испанского ига, оно превратило Вальтелину в неотъемлемую часть Швейцарии. Тем самым рукой Ришелье между Испанией и Австрией был прочно вбит швейцарский клин. Испанская пехота уже не могла прийти на выручку императорской армии. Королю Испании пустая казна мешала оказать денежную помощь своему союзнику и не позволяла ему вербовать наёмников для императора.

Возвышение Валленштейна.

Альбрехт Венцеслав Валленштейн, смолоду воевавший с турками, прошедший суровую школу войны, был одним из лучших знатоков и военных организаторов того времени. Он стал крупным полководцем.

Острая наблюдательность позволила этому офицеру с самого начала его карьеры подмечать и запоминать сотни фактов и мелочей, из которых складывалось понимание законов войны и создавался никем ещё не обобщённый военный опыт его века. Накопленные познания не были кладом, погребённым в тайниках памяти. Размышляя о причинах боевых неудач, об ошибках и промахах военачальников, Валленштейн учился сравнивать и сопоставлять, делать выводы, проверять эти выводы новыми наблюдениями и, наконец, решать вопрос о том, как должна быть перестроена армия, как лучше всего её обучить и привести к победе. Одним из таких выводов стала уверенность Валленштейна в том, что современная ему армия состоит из чрезмерно крупных, громоздких частей.

Придавая большое значение маневренности войска, быстроте передвижения, неожиданности удара, Валленштейн считал необходимым создать небольшие, но хорошо управляе-

мые боевые единицы, обладающие тактическими возможностями, которых не знали прежние, слишком большие и малоподвижные войсковые части.

Секрет задуманного Валленштейном преобразования заключался, однако, не в этой перестройке. Валленштейн не принадлежал к числу тех полководцев, которые получали своё место в силу происхождения и придворных связей. Титулованные полководцы, до мозга костей пропитанные аристократической надменностью, не замечали тех, кем они командовали. Они не снисходили до наблюдений за солдатской массой. Совершенно иным полководцем был мелкий чешский дворянин, упорно пробивавший себе дорогу и постепенно поднимавшийся с одной служебной ступени на другую. Безмерное честолюбие, побуждавшее его настойчиво искать новых путей к победе, заставляло внимательно изучать того самого солдата, от которого в конечном счёте зависел успех войны. Ему приходилось убеждаться не раз в порази-{349}тельной неустойчивости бойцов на поле сражения. Он видел, что бойцы с готовностью

Файл ist350.jpg

Валленштейн. *Масло. Ван-Дейк.*

наступают против слабого противника и с не меньшей готовностью спешат отступить при встрече с сильным противником. Кавалерия, сбитая атакой противника со своих позиций, поспешно покидала поле боя. Если же атакующая кавалерия бывала отбита при первом натиске, она не перестраивала свои ряды и не повторяла своего нападения вторично. Такое поведение объяснялось не отсутствием храбрости, не малодушием. Наёмный солдат проявлял полнейшее равнодушие к государству, которое его нанимало, к войне, которая ему была навязана, к победе, которая обычно ему ничего не сулила.

Задолго до Валленштейна случалось, что военачальники отдавали захваченную местность на разграбление солдатам. Чаще всего это делалось в чужой стране, которую не щадил завоеватель. Но обычно полководцы старались присвоить себе и честь победы и её плоды, завладевая львиной долей добычи и контрибуций, возложенных на провинции и города, и вознаграждая своих солдат лишь грошовой прибавкой к их скудному жалованью.

В отличие от этих полководцев, Валленштейн решил быть щедрым с солдатами, щедрым за счёт ограбленного населения тех мест, через которые шёл путь его армий. Старый разбойничий обычай он готовился превратить в неписаный закон войны, чтобы жаждой узаконенной добычи преодолеть то равнодушие к войне, которое было искони присуще наёмному солдату. Государи XVII в. нуждались не только в отважном, готовом рисковать собой солдате. Не в меньшей мере им была нужна дешёвая война.

Военные преобразования Валленштейна призваны были решить обе задачи: создать новое, боеспособное войско и вместе с тем удешевить ведение войны.

Фердинанд II увидел в этом предложении спасительный выход. Идея Валленштейна оказалась чрезвычайно простой. Отказываясь от финансовых требований, обращённых к казне, он заявлял: «Война кормит войну!» Эти слова знаменовали перемену. Прежде отсутствие денег грозило бунтом неоплаченных наёмников, роспуском армий, военным поражением. Отныне сол-{350}датам предлагалось рассчитывать на самих себя, раздобывать вооружённой рукой

Файл ist351.jpg

Сожжённая деревня.

припасы, смотреть на взятый с бою город, как на свою добычу, и этой добычей возмещать всё: и не выплаченное жалованье, и ратный труд, и грозившую жизни опасность. Полководец учил своих подчинённых сживаться с войной, как источником наживы, вести войну ради неё самой, во имя трофеев, достающихся победителю.

Валленштейна нельзя было заподозрить ни в любви, ни даже в простом сочувствии к наёмному бойцу. Как и другие полководцы его века, он, не колеблясь, был готов пролить кровь тысяч наёмных солдат ради целей, продиктованных личным честолюбием.

Но в отличие от других военачальников, более наблюдательный и хитрый, Валленштейн строил свои расчёты на уменьи подчинить себе солдатскую массу. Валленштейн знал, как никто другой, недостатки и слабости этих простых людей: их удаль и доверчивость, их грубость и простодушие. Он говорил с солдатами языком простым и остроумным, языком доб-

рожелателя и собрата, умеющего и позабавить крепкой шуткой и посетовать о горестях походной жизни. Он мастерски умел представить эти горести смешными и смягчить остроту солдатских переживаний. Он умел припомнить и расхвалить подвиг бойца, отметить его словом признания перед притихшим отрядом, а затем увлечь своих слушателей рассказом о предстоящем походе и заманчивой добыче.

Валленштейн добился того, что ему стали верить, как верят разбойники испытанному атаману. Эту популярность должно было оплачивать разоряемое население Германии, изведавшее неисчислимые беды, которые ему принесла разнузданная солдатчина. Впрочем, Валленштейн был непрочь перенести арену битв подальше, за черту Германии, и в его рассказах о богатствах, ожидающих в скором времени немецкого солдата, стали всё чаще мелькать названия далёких стран. {351}

Этот католик, не веривший ни в бога, ни в чёрта, разгневавшись на папу, потворствовавшего врагам империи, однажды заявил своему войску:

«Город Рим не предавался ограблению с 1527 года, а с того времени Рим стал гораздо богаче».

На вере солдат в удачу полководца, способную доставить добычу, покоился огромный успех Валленштейна, сумевшего в короткий срок собрать под своим знаменем большую армейскую силу и бросить её в бой с датскими захватчиками. В войне с датским королём Христианом IV развернулись и проявились полководческие дарования Валленштейна, ошеломлявшего противника смелостью неожиданного манёвра, силой натиска послушных полков. Борьба завершилась изгнанием датских войск из Германии.

В 1629 г. Христиан IV был вынужден подписать Любекский мир, сводивший на нет первоначальные успехи датского оружия. На равнинах немецкого севера разместилась 100-тысячная армия Валленштейна, вышедшая к просторам Балтики.

Валленштейн выдвигает план создания единого Германского государства.

Победоносный полководец императора продолжал держать свою огромную армию под боевыми знаменами с явным намерением использовать его в ближайшем будущем.

Действия и планы этого всемогущего полководца одних изумляли, другим внушали сильнейший страх. В Германии и за её пределами неотступно следили за каждым шагом выскочки-солдата, который именовался теперь генерал-фельдмаршалом, герцогом Фридляндским, и к этому званию желал прибавить новые звания: то звание герцога Мекленбургского, то новый и странно звучавший титул «Адмирала Немецкого и Балтийского морей»! Почти никто не понимал, почему предводитель больших сухопутных сил хочет во что бы то ни стало считать себя адмиралом несуществующего флота и почему с таким яростным упорством он пытается овладеть всеми портовыми городами Балтийского побережья. Штурмуя Штральзунд, Валленштейн заявлял, что он возьмёт этот город даже в том случае, «если бы он оказался прикованным цепями к небу». В этих из уст в уста переходивших словах не чувствовалось большого благочестия, зато в них проявлялась непреклонная решимость добиться своего.

Грозный адмирал несуществующего флота говорил всюду, что настало время возродить угасшую мощь «великой Ганзы», которой надо вновь отдать первое место в морской торговле. С этими словами плохо сочетались тяжкие пошлины, платимые жителями ганзейских городов. И вот однажды любекские купцы обратились к самому адмиралу с жалобой на поборы, грозящие задушить и без того захиревшую морскую торговлю. Купцов принял сам Валленштейн. Не дав им распространяться, он прервал их речь с неожиданной горячностью: «Я не мешаю вам, я помогаю вам {352} своими пошлинами!.. Вы стали прислужниками английских и голландских купцов, товары которых я облагал и буду облагать ещё сильнее. Ваши гавани, — кричал хриплым голосом разгневанный генерал, — стали воротами, настежь раскрытыми перед любым иноземцем! Повернитесь спиной ко всем заморским купцам, захлопните дверь перед их носом и вывозите немецкие товары... Сделайте это — и тогда приходите ко мне за помощью!»

Мысль о новой и сильной Ганзе, способствующей развитию германской промышленности, крепко засела в упрямой голове Валленштейна, но ещё настойчивее завладела им другая, более широкая и увлекательная идея, идея создания единого и сильного германского государства, управляемого таким же образом, как управлялась тогдашняя Франция. К этой идее

Валленштейна приводили не только сравнения и понимание очевидной слабости империи. К этой идее его привели собственные головокружительные военные успехи, господство над тысячами солдат, готовых идти на бой по знаку полководца.

Честолюбие и пылкая фантазия, окрыляющее ощущение удачи, растерянность противника, преданность войска, пьянящее сознание силы — всё это толкало Валленштейна к смелому, замыслу, контуры которого становились день ото дня яснее. Превратить Германию из сборища жалких владений в единую державу, сделать императора носителем такой же власти, какой обладает король Франции, возродить немецкую торговлю, превратить Германию в сильнейшую европейскую державу — всё это казалось Валленштейну прямым продолжением начатых им дел. С чего же начать? — спрашивал себя полководец и ответ возникал сам собой: необходимо, думал он, положить конец затяжной внутригерманской распре, унять зарвавшихся мародёров, положить конец солдатским бесчинствам, успокоить встревоженное население захваченных армией областей, а главное, — объединить под одним знаменем сегодняшних противников — католиков и протестантов, и для этого увлечь их всех вместе планом большой завоевательной войны, ведомой за пределами Германии, войны под императорским знаменем.

Валленштейн не сомневался в том, что заманчивая заморская добыча будет единственным средством, способным заставить тысячи немецких дворян быстро забыть их раздоры в общем для всех захватническом предприятии. Будет ли противником — Англия и Голландия, торговые соперники Германии, станет ли им Франция или, быть может, удастся, поладив с Францией, при её поддержке, затеять гигантский общий поход против Турции — на все эти вопросы у Валленштейна пока не было готового ответа. Он собирался найти нужный ответ в ходе тех переговоров с европейскими державами, в которые безбоязненно вступал этот офицер, на время ставший самым сильным человеком в государстве. {353}

Планы Валленштейна не долго оставались тайной. Молва об этих планах распространялась быстро, порождая сомнения и тревогу, укрепляя ненависть многочисленных врагов.

В самом существовании полководца, наделённого широчайшими командными полномочиями и сильного доверием солдат, таилась явная угроза для немецких князей.

Слова полководца о том, что император в Германии должен быть так же силен, как король во Франции, звучали для мелкодержавных государей как смертный приговор. Когда Валленштейн заговорил о том, что настала пора упразднить старые «земские чины», когда он заявил, что император должен быть наследственным государем, не нуждающимся в избрании князей, — это было воспринято курфюрстами как объявление войны, как неслыханное посягательство на их власть и на «немецкую свободу».

Вопли отчаяния и досады исходили от католических князей, недавних союзников Валленштейна. Для них сохранение их княжеского полновластия было важнее судьбы Германии. Проклиная дерзкого полководца, они искали спасения в объятиях Франции.

Ришелье пристально следил за событиями в Германии. Он вёл переговоры со шведским королём, ободрял протестантских князей и, усматривая серьёзную опасность в широких планах Валленштейна, готовился ещё более восстановить против него католических князей Германии.

В Германию был отправлен личный представитель кардинала — отец Жозеф, который под скромной личиной босоногого нищенствующего монаха скрывал дарование ловкого дипломата.

Отец Жозеф говорил мало. Он слушал, и это уменье слушать своего собеседника с выражением почтительного внимания и превосходно разыгранного искреннего восхищения подкупало и располагало в его пользу чванных, но недалёких людей, доверие которых завоёвывал этот с виду робкий капуцин, с потупленным взором перебиравший чётки. «Серое преосвященство», так прозвали отца Жозефа, направился прежде всего в лагерь Валленштейна. Он привёз туда привет кардинала и изъявление его расположения к великому полководцу. Лестное признание крупнейшего политика понравилось, и лесть была вознаграждена доверием. Валленштейн приоткрыл краешек завесы, скрывавшей его военные и политические планы.

Смиренный капуцин не мог скрыть своего восторга, услышав о возможном походе христианских держав против безбожной Турции. Он называл богоугодным делом примирение немецких протестантов и католиков и, качая головой, сокрушался, слыша о помехах, чинимых Валленштейну католическими князьями. Донесения точные, почти дословные неукоснительно

отправлялись отцом Жозефом в Париж, и всякий раз вызывали ответные указания в шифрованном письме кардинала. {354}

Подготовка шведского вторжения.

Тем временем продолжались переговоры Ришелье с королём шведов Густавом-Адольфом. Эти переговоры он начал сразу же после своего вступления на пост первого министра. Ришелье стремился к тому, чтобы шведская армия под предлогом помощи немецким протестантам вторглась в Германию и уничтожила все успехи императорской армии, а с ними и все надежды на создание единой империи.

Густав-Адольф, отважный полководец и недюжинный политик XVII в., готов был идти навстречу намерениям Ришелье. В 1617 г. он заключил мир с Русским государством, а в 1618 открыто заявил шведскому сейму, что дальнейшая война с Россией не сулит шведам ничего хорошего, и потому войну следует перенести на берега южной Балтики.

«О храбрости русских, — говорил Густав-Адольф, — можно судить по множеству покорённых ими народов: казанского, астраханского, сибирского... Турки не раз испытали на себе их силу... Русские, народ, силой которого нельзя пренебрегать».

Россия, вышедшая из полосы временных внутренних раздоров, неодолимо сильная держава, с которой необходимо установить дружбу — таков был вывод Густава-Адольфа.

Шведские войска были брошены в Пруссию, где они отвоёвывали у польской короны береговые земли Балтики.

Густава-Адольфа давно прельщала широкая северо-немецкая равнина, как новый театр войны и захватов, но воевать одновременно и с Польшей и с императором он отказывался наотрез.

Год за годом лучшие французские дипломаты старались примирить Польшу и Швецию. Они достигли этого, наконец, в 1629 г. Склоняя Польшу к примирению со Швецией, эти дипломаты сумели доказать, что Россия неминуемо начнёт войну ради возврата временно отторгнутой у неё Смоленщины, и тогда Польша окажется перед лицом двух противников — России и Швеции, между молотом и наковальней.

Польско-шведское перемирие явилось новым свидетельством значения России. Вместе с тем, оно было, бесспорно, крупной, удачей французской дипломатии, принявшей самое деятельное участие в организации шведского вторжения в Германию.

Почитатели кардинала говорили, что, выдвинув в лице шведского короля новую и сильную фигуру на шахматной доске войны, Ришелье объявил: «Шах императору!»

Не меньшей победой кардинала Ришелье явился его сговор с папой Урбаном VIII.

Папа — пособник немецких протестантов и их союзник.

Чтобы в преддверии грозного шведского вторжения окончательно изолировать императора, Ришелье решился лишить его поддержки католических союзников и в первую очередь поддержки папы. Французские дипломаты стали убеждать святого отца в том, что чрезмерно сильное влияние испанской {355} короны в Италии угрожает папским интересам. Обширные владения Испании в Южной и Северной Италии давно являлись бельмом на глазу у папы. К страху, который папа испытывал перед Испанией, присоединялся страх, внушаемый независимой политикой североитальянских государств. Могущественная поддержка Ришелье давала папе возможность захватить герцогство Урбино с семью городами, тремя сотнями замков и плодородными полями.

Как верховный глава католической церкви, папа, конечно, был обязан поддерживать и испанских и немецких католиков; как расчётливый итальянский государь, папа поступил наоборот: он проявил себя противником испанской католической державы и по указке Ришелье молчаливо примирился со шведским вторжением, став, таким образом, пособником немецких протестантов, поскольку немецкие католики в их борьбе со шведами оказались лишёнными всякой поддержки «святого престола».

В лице Урбана VIII владыка Папской области оказался сильнее духовного отца всей католической церкви.

Когда через два года после начала шведского вторжения находившийся в катастрофическом положении император просил папу спасти Германию и немецких католиков, когда он убеждал папу, что ещё не всё потеряно и у шведского завоевателя не более 30 тыс. солдат, папа с ледяной холодностью ответил императорскому послу:

«С тринадцатью тысячами Александр [Македонский] завоевал весь свет».

Перейдя от роли завоевателя к новой роли правителя захваченной территории, Валленштейн изменил свою тактику. Разорять область, превращённую в собственное владение, явно не имело смысла. Теперь Валленштейн старался, насколько это было в его силах, унять мародёрские страсти своих подчинённых. Слова о правах и безопасности мирных жителей, неожиданно зазвучавшие в приказах командующего, имели и другое объяснение. Валленштейн ожидал, что не сегодня-завтра братоубийственная война внутри страны сменится войной вне Германии, и поэтому не следовало, как он думал, ожесточать население завоёванного протестантского севера и углублять и без того глубокую трещину, разделившую потерпевших поражение протестантов и победителей-католиков.

Совсем, не так думали главари католической лиги. Им вовсе не нужно было умиротворение Германии. Им грезились тучные земли протестантских князей, к этим землям настойчиво тянулись их жадные руки.

В противовес вожакам католической лиги, Валленштейн не желал превратить свою недавнюю победу в торжество католических монахов и попов, спешивших отобрать все те земли, которыми сотни протестантов завладели во время реформации. Он не сомневался в том, что подобная мера приведёт к полному и окон-{356}чательному разрыву между северным и южным дворянством Германии.

Добиваясь такого разрыва и действуя наперекор ненавистному им полководцу, Ришелье и папа заставили императора подписать «реституционный эдикт», требовавший обязательного возврата церкви всех её прежних земель, захваченных после 1552 г.

При всей своей популярности полководец не мог росчерком пера уничтожить императорский эдикт. Он был бессилен убедить своих офицеров и солдат в ненужности и вредности эдикта. Бойцы, воспитанные в традициях грабительской войны, не могли и не желали понять, для чего нужно щадить побеждённого противника и зачем ради сомнительной завтрашней добычи сегодня отказываться от того, что само собой попадает в руки.

Свора жадных монахов, попов, иезуитов, как стая коршунов, устремилась в земли протестантского севера, вызывая гнев, ненависть, ярость протестантов, побуждая их искать спасения в объятиях Густава-Адольфа и его покровительницы — французской монархии. Планам Валленштейна был нанесён меткий удар.

Шведский король Густав-Адольф мог теперь смело решиться на вторжение в Германию, где он готовился объявить себя не завоевателем, а лишь спасителем и защитником обиженных германских протестантов, с помощью которых он рассчитывал вскоре создать большую армию и при содействии которых он надеялся прибрать к рукам немецкие земли.

Регенсбургский сейм.

Местом, где решалась судьба Германии, был тихий дунайский город Регенсбург. В нём, в самый канун грозного шведского вторжения, собрались на сейм имперские князья.

Могло казаться, что опасность иноземного вторжения объединит всех участников сейма в общем стремлении дать шведам отпор, подобный тому, какой дан был туркам, осадившим в 1529 г. Вену. Этого не произошло. Судьба Германии тревожила хозяев империи гораздо меньше, чем судьба их непосредственных владений, судьба их собственной мелкодержавной власти, которой, как им казалось, явно угрожало чрезмерное могущество императора и необыкновенные планы его дерзкого полководца. Сметёт ли шведское нашествие с политической карты Германии владение того или иного князя — было неизвестно, как неизвестно было место, где остановится этот завоеватель. Но императорское единодержавие страшило всех: и могущественного курфюрста, и спесивого обладателя сотни подданных.

Дрожавшие за свою власть и землю князья и князьки прикидывали, что лучше: война ли с ворвавшимся в страну врагом или спасительный нейтралитет, поддержка императора или выклянчивание подачек у нового хозяина...

Полное равнодушие к немецкой родине и жалкая боязнь прогадать и просчитаться делала каждого из участников сейма {357} уступчивым и легковерным, готовым слушать чужеземного советчика.

Таким советчиком оказался скромный, босоногий капуцин, в котором показная кротость сочеталась с необычайной осведомлённостью и самым благожелательным отношением к князьям, с которыми он объяснялся на почти безупречном верхненемецком языке.

Его спрашивали, стоит ли избирать императорского сына римским королём, и капуцин советовал сохранить императорский престол за Габсбургами при одном обязательном условии: отставке Валленштейна — этого опасного смутьяна и заклятого противника «немецкой свободы». Рассказы капуцина, побывавшего в лагере «чудовища», переполошили князей и усилили их страхи. Требование отставки Валленштейна стало непременным условием избрания императорского сына.

«Серое преосвященство», этот «вонючий монах» сумел прекрасно выполнить все те задачи, которые поставил перед ним Ришелье, а именно: отвлечь силы католической лиги от императора, побудить императорских союзников к нейтралитету, что облегчило бы возможность дальнейшего шведского завоевания.

Отец Жозеф, не повышая голоса, уверенно, спокойно разъяснял, что торжество Валленштейна, так же как и победа императора над шведами, будет означать не только окончательное поражение протестантов, но и безусловное подчинение всех князей могущественному государю, способному превратить военную победу в попрание княжевластия и «немецкой свободы».

Вовремя отступиться от императора — значило, по словам Жозефа, дать ему суровый урок и этим путём сохранить старое соотношение сил в стране.

Смягчая голос до самых вкрадчивых интонаций, капуцин доказывал, что шведский завоеватель никогда не прорвётся в южно-немецкие земли, никогда не затронет интересов Баварии, и поэтому последней не следует опасаться нейтралитета.

Глава католической лиги — курфюрст Максимилиан Баварский — дорожил своим положением независимого властителя и вовсе не дорожил интересами Германии. Поэтому он легко согласился, с тем, что военное поражение, нанесённое шведским королём императору, окажется весьма полезным для южно-немецких князей, полновластью которых уже не сможет угрожать побеждённый император.

Как глава немецких католиков, Максимилиан Баварский должен был бы выступить против «спасителя» немецких протестантов Густава-Адольфа, но он решил, что если уж сам святой отец в Риме отказался осудить шведское вторжение, то баварскому курфюрсту и подавно можно заботиться только о самом себе. К тому же посланец кардинала Ришелье самым убедительным образом заверял, что Бавария останется не затронутой новой войной. {358}

Накануне шведского вторжения участники Регенсбургского сейма заставили императора уволить в отставку Валленштейна, который перед отъездом в своё дальнее поместье объявил о роспуске собранной им большой армии.

Тайный договор Франции с Баварией обязал последнюю к соблюдению нейтралитета и тем самым лишил императора поддержки католических князей, столь необходимой ему в преддверии новой войны.

Так замкнулась цепь интриг, обмана и предательства, и в грозный час своей истории Германия оказалась лишённой защитников и обречённой на бедствия нового вторжения и долголетних опустошений.

Регенсбургский сейм заседал недолго. Он не выдвинул ни одного крупного деятеля, не породил ни одного замысла, полезного для истерзанной страны. Своими позорными решениями этот сейм облегчил шведскому завоевателю захват немецких земель и надолго парализовал возможность активного вооружённого сопротивления иноземным захватчикам.

Политика Регенсбургского сейма ясно показывает, как предавали и продавали Германию её внутренние враги — упорные противники единства Германии — реакционные немецкие князья, оказавшиеся в данном случае жалкими политическими марионетками, которых ловко использовал Ришелье при помощи своего клеврета — отца Жозефа.

Окончание войны.

Успех завоевателя-полководца Густава-Адольфа был подготовлен заранее. Под его знамя с готовностью стали немецкие протестанты севера, озлобленные попыткой католиков отнять у них часть некогда захваченных церковных земель.

Император, потерявший армию Валленштейна, оставленный своими союзниками — католическими князьями, не был способен оказать сильное противодействие силам Густава-Адольфа.

Пал Магдебург, у стен которого был смертельно ранен императорский полководец Тилли. От Магдебурга шведский завоеватель следовал всё дальше. Он завладел Бранденбургом, Саксонией, Франконией, Швабией...

Поток шведского завоевания захлестнул не только северную, но и среднюю и южную Германию, он захлестнул, наконец, и Баварию, которая, вопреки коварным заверениям посланца Ришелье, увидела на своих полях шведские отряды. Из Баварии Густав-Адольф намеревался идти в Австрию. Поход шведских войск в Австрию и взятие столицы Габсбургов Вены грозили окончательным крушением империи.

Снова понадобился Валленштейн для того, чтобы в кратчайший срок опять собрать большую армию и бросить её навстречу шведам. Призывая Валленштейна, император был вынужден дать ему неограниченные полномочия и даже предоставить право ведения самостоятельных переговоров с иностранными державами. {359}

В битве при Люцене (1632) сошлись армии Густава-Адольфа и Валленштейна. После ожесточённой сечи, длившейся целый день, успех стал склоняться на сторону шведов. Но к вечеру Густав-Адольф, в сгустившемся тумане спутав направление, наткнулся на немецких кирасиров и в схватке с ними был убит.

Валленштейн не воспользовался растерянностью противника, потерявшего полководца. Он вскоре совсем приостановил военные действия, на диво всем окружавшим его офицерам, превратившись из полководца в дипломата, всецело поглощённого бесконечной перепиской и переговорами.

Секрет этого неожиданного превращения заключался в том, что Валленштейн вовсе не хотел воевать ради интересов католических князей (снова под влиянием шведского урока, ставших союзниками императора), которых он справедливо считал своими врагами.

По-прежнему он упрямо желал осуществить свои смелые планы создания единой и сильной Германии, в которой сам он играл бы роль некоронованного правителя, похожую на ту роль, которую играл во Франции Ришелье.

Внезапного охлаждения к войне не могли простить своему полководцу офицеры, жаждавшие добычи и трофеев. За спиной этих офицеров стояли давние противники выскочки-солдата — немецкие католические князья, желавшие похоронить заодно с Валленштейном и его планы государственного сплочения Германии. Валленштейн был убит заговорщиками...

Война возобновилась... год за годом, день за днём шли боевые действия, разорялась страна и к шведскому вторжению присоединилось французское.

Франция вступила в войну последней, когда растрачены были боевые силы прежних участников войны, когда преимущество свежих сил и накопленных запасов должно было облегчить завоевание и обеспечить французской монархии решающую роль в минуту мирных переговоров.

Итоги войны. В 1636 г. из рук в руки переходил анонимный памфлет, носивший название «Немецкий Брут». Безвестный немецкий патриот разоблачает мнимых «спасителей» протестантизма — шведов, к которым обращены его упрёки: «Сами вы, со своей стороны, обнаружили сугубое своекорыстие... оно проявилось прежде всего в произвольно повышенных вами пошлинах на Балтийском море... Вы вымогали не только от 15 до 30, но даже до 40 и 50 процентов, и такое высасывание крови удручило сердца. И так как улучшения не последовало, и торговля, напротив, оказалась вследствие всего этого оттеснённой, многие честные люди были плачевным образом доведены до нищенской сумы. Сознание людей преисполнилось горечи, и ваши лучшие друзья превратились в жесточайших врагов. Много, очень много ваших поступков рассматривалось сквозь пальцы, и дока-{360}зательством преданности

Файл ist361.jpg

Ландскнехты в швабской деревне.

вам оказалась утрата значительной доли достояния и жизни, добра и крови, даже вольности и самой религии. Это свидетельствует Регенсбург, это оплакивает Аугсбург, об этом все они вместе сокрушаются... Я умалчиваю о том, что вы исторгли у ваших врагов, в их владениях. На что затрачены деньги? Они пошли на чрезмерную роскошь и презираемые мужами излишества. Всё это молча созерцалось, и нужда была превращена в добродетель... В Магдебургской епархии в герцогстве Брауншвейгском и в других местах было вымолочено всё зерно, горы его

были вывезены из страны и за большие деньги проданы, и эти деньги были вами использованы ради собственного блага. Бедным солдатам ничего не заплатили, сельское население замучили до смерти, уморили голодом...»

Автор бросает упрёк в безмерной расточительности и роскоши предводителю шведских хищников — канцлеру Оксеншёрна. «До нынешней войны, — восклицает он, — Швеция была деревянной и покрытой соломой. Теперь она каменная и оснащена великолепно...»

Говоря о муках окровавленной Германии, он замечает: «Валленштейн нанёс раны, а вы, врачи, — вместо елея исцеления, наложили вытяжные пластыри и, высосав кровь, присосались к мясу, как раки».

Безыменный автор, как и сотни его исстрадавшихся современников, превосходно понимали, что во всех несчастиях его родины {361} повинны разброд и полное отсутствие един-

Файл ist362.jpg

Лагерь в эпоху Тридцатилетней войны.

ства внутри Германии: «Всякий, кем бы он ни был, искал лишь своего собственного блага; по этой причине Магдебург лежит в грудах пепла, Висмар представляет собой кучи камней, Нюрнберг в смертельной нужде, Ульм в каждодневной лихорадке, Страсбург у французов, и вся империя изнурена...»

Страшными были итоги войны. Население Чехии, в 1618 г. достигавшее 3 млн. человек, сократилось к концу войны до 780 тыс. Из 34 700 чешских деревень сохранилось всего 6 тыс. В Саксонии только за два года шведской войны, с 1630 по 1632 г., погибло 934 тыс. человек. В провинции Лаузиц вместо 21 деревни, существовавшей до войны, уцелело лишь 299 крестьянских хозяйств.

В другом округе Саксонии — Виттенбергском — на 74 квадратных километра приходилось 343 брошенных поселения. В Пфальце из полумиллиона жителей в 1618 г. к 1648 г. осталось 48 тыс. В Вюртемберге ещё в 1634 г. насчитывалось 313 тыс., а к 1645 г. осталось всего 65 тыс.

Зверства завоевателей оставили гибельный след. Один из шведских генералов — Пфуль — похвалялся тем, что самолично сжёг 800 деревень. Спутниками войны были голод и болезни, уносившие множество жителей. Жестокую долю изведали немецкие города. В 1632 г. у стен Нюрнберга встретились силы Густава-Адольфа и Валленштейна, и это стоило городу 1800 тыс. гульденов. На следующий год бушевавшая вокруг города война {362} принесла опустошение и невиданный дотоле голод, от которого уже нельзя было откупиться гульденами, и в этот зловещий год, как повествуют хроники, в городе скончалось 1300 супружеских пар. 1840 покойников, оставшись непохороненными, догнивали в своих жилищах. В следующем, 1634, году умерло ещё 9689 нюрнбержцев. К концу войны в прославленном Аугсбурге вместо 80 тыс. было всего 16 тыс., а в Кёльне вместо 60 тыс. — всего 25 тыс. жителей. О понесённых потерях, восстановить которые потребовались столетия, свидетельствуют следующие цифры: в одном из округов Тюрингии — Геннебергском, насчитывалось в 1634 г. 1773 семейства. К 1649 г. уцелело всего 316 семейств, и лишь через 200 лет, в 1849 г., количество семейств достигло в этом округе 1916, едва превысив, таким образом, цифру 1634 г.

В Ганновере шведы беспощадно вырубили леса, распродав весь корабельный материал в Голландии и Бремене, зато в обезлюдевшей и утратившей своих пахарей Саксонии зашумели дремучие леса, в которых привольно чувствовали себя волки. Это доставило возможность курфюрсту Иоанну Георгу Саксонскому за 45 лет застрелить 3500 волков и 200 медведей, обложив по этому случаю всех уцелевших подданных «волчьим налогом».

Обезлюдение достигло таких размеров, что во Франконии католическая церковь обязывала крестьян иметь двух жён.

В 1640 г. в отчёте берлинской городской думы было написано: «Дел нет, нечем жить! Бывает, что на расстоянии целых четырёх миль пути не встретишь ни человека, ни скотины, ни собаки, ни кошки. Ни пастухам, ни школьным учителям больше не платят. Многие утопились, удавились или зарезались. Другие с жёнами и детьми пропадают в нищете». Эти слова были написаны за восемь лет до окончания войны, завершение которой старательно отодвигали завоеватели.

Один из документов, хранящихся в шведском государственном архиве, повествует о планомерном разрушении железных, проволочных и литейных заводов и рудных копей Германской империи и о выселении рабочих в Швецию. В нём говорится: «Люди, особенно из чешских медных и серебряных гор, в бесчисленном множестве перевезены в Швецию, так что если бы их собрать вместе, они оказались бы в таком чрезмерном количестве, что будь все шведские горы из чистой меди, то этих бедных людей для работы в них было бы более чем достаточно».

В 40-х годах даже завоеватели почувствовали, что необходимо окончить войну. Страна обезлюдела, её богатства были расхищены. Сколько-нибудь значительное иноземное войско не находило, как прежде, достаточных припасов. Поле войны сужалось. Немецкие князья спешили любой ценой поладить либо с шведскими, либо с французскими покровителями, император терял союзников и силы. И покуда уцелевшие немецкие крестьяне, впрягаясь в плуги, пытались заменить перебитых коней, покуда покинувшие города ремесленники искали пропитания, возделывая {363} клочки огорода, — немецкие князья искали удачи в двух вестфальских городах — Мюнстере и Оснабрюке, где нарядные и надменные иноземные вельможи неторопливо толковали о будущем мире, разглядывая похожую на пёструю мозаику карту раздробленной Германии.

Вестфальский мир и послевестфальская Германия.

Участники Вестфальского конгресса готовы были заново перекроить карту Германии.

Швеция была вознаграждена, в дополнение к тому, чем она сама себя вознаградила, — большими владениями на немецком побережье Балтики. Значительная часть Померании, устья Одера, Эльбы и Везера достались Швеции. Шведский король становился господином Балтики. Морская торговля старых ганзейских городов были отныне в его руках. С помощью произвольной пошлины он мог отнимать львиную долю купеческой выручки.

Германия оказалась как бы отодвинутой от моря, на берегах которого властвовали чужеземцы.

Новый руководитель внешней политики Франции кардинал Мазарини, подобно своему учителю Ришелье, видел основную свою задачу отнюдь не в резком расширении французской территории за счёт побеждённой Германии. Он понимал, что захват обширных германских владений неизбежно затронул бы интересы немецких князей и повлёк бы за собой появление многочисленных новых врагов Франции в самой Германии и за её пределами.

Удовлетворившись присоединением к Франции клочков эльзасских земель, вкрапленных в гущу мелких княжеств Рейнской долины, Мазарини тем самым избегал опасных упрёков и подозрений в попытке создать гигантскую Французскую монархию. Он предпочёл такой неосуществимой идее фактическое господство Франции над жадными и недальновидными немецкими князьями.

В самом начале вестфальских переговоров император тщетно пытался доказать, что именно он должен представлять интересы побеждённой Германии. Представители Франции и Швеции тотчас же ответили, что они не приступят к переговорам, покуда на Вестфальском конгрессе не появятся княжеские представители.

Вскоре французские дипломаты торжественно провозгласили, что они требуют такого устройства империи, которое защитило бы немецких князей от произвола императора.

Вершители судеб Германии делали вид, будто они не замечают нищеты, разорения и голода, будто они не видят плачевной слабости Германии. Чем очевиднее была немощь залитой кровью империи, чем мрачнее выглядели её разрушенные города, чем горестнее становилась судьба опустевших жалких деревень, тем обстоятельнее, многозначительнее говорили иностранные дипломаты о необходимости оградить европейский мир от лютой опасности, исходящей от германского императора. С деловитой серь-{364}езностью они обсуждали меры обуздания Габсбургов, и мнимой заботой о всеобщей безопасности и княжеских правах прикрывали свои собственные интересы. Все их стремления были направлены к тому, чтобы всемерно ограничить в правах и полномочиях носителя центральной власти, к тому, чтобы сохранить нерушимость хвалёной «немецкой свободы», любезной сердцу немецких князей, и навсегда увековечить политическую раздробленность, мелкодержавное княжевластие, политиче-

скую и военную слабость Германии, по-прежнему представляющей совокупность почти самостоятельных государств.

По воле Вестфальского конгресса Германия должна была и впредь оставаться Священной Римской империей, т. е. соединением 297 княжеств и многих мельчайших, но независимых владений. По воле творцов Вестфальского мира, каждый из многочисленных князей отныне получал невозбранное право вести свою собственную, вполне самостоятельную внешнюю политику, и эта независимость простиралась до возможности заключать договор или вступать в союз с любой иностранной державой.

Подобные права, предоставляемые немецким князьям, казались необычайно «щедрым» подарком держав-победительниц — Франции и Швеции, так как правители этих победоносных держав в своих собственных монархиях давно объявили внешнюю политику делом только самого короля, лишив всякой политической самостоятельности феодалов своей страны. Твёрдо укрепляя собственное государство, они стремились, наоборот, ослабить Германию. Французские политики провозгласили независимость нескольких сотен немецких князей, наделяя каждого из них правом вести войну и вступать в договорные соглашения не только со своими соседями, но и с лежащими за пределами Германии европейскими державами. Защита княжевластия и сохранение раздробленности Германии обеспечивали не только слабость Германии, но и господство французского влияния, которому всё более подчинялись германские князья.

Империю возглавлял имперский сейм, без одобрения которого император не мог провести ни одного решения. В этом сейме меньшинство никогда не подчинялось большинству и для принятия любого серьёзного решения было необходимо единодушие 202 постоянных членов сейма, т. е. согласованная воля многочисленных немецких государств, а этого император почти никогда не мог добиться.

В распоряжении императора не было ни общеимперских военных сил, ни общеимперских финансов. Сейм отпускал императору лишь 8 тыс. талеров, ровно столько, сколько сам император платил своему австрийскому гофмейстеру. При таких условиях планы государственного преобразования и усиления Германии оставались для императора несбыточными мечтами. Князья, как и встарь, вели друг с другом войны, нередко прибегая к иноземной помощи. Ни императорский придворный суд, ни {365} соперничавшая с ним имперская судебная камера не могли разрешить жестоких споров. Немцы горько шутили, говоря, что и стороны и судьи успевали умереть ранее, чем выносилось судебное решение.

Так как имперский сейм ни по одному серьёзному вопросу не мог прийти к согласованному решению, князья вскоре перестали являться на его заседания, где их заменили княжеские чиновники. Упадок значения сейма нашёл отражение в обсуждаемых вопросах. Так, детально обсуждался «важнейший» вопрос о том, должно ли кресло курфюрстского представителя стоять во время заседания на разостланном посреди зала ковре всеми своими четырьмя ножками или оно должно касаться бахромы ковра только двумя передними ножками. Это обсуждение вызывало удовлетворение и при дворах немецких князей и при дворах их иностранных покровителей.

Странным и уродливым был политический облик Германии. В Вестфальском округе на 1200 квадратных миль приходилось 52 государства, во Франконии и Швабии на каждые 8 квадратных миль приходилось отдельное государство (во Франконии на 485 квадратных миль — 29 государств, в Швабии на 729 квадратных миль — 89 самостоятельных владений). Один из подобных «государей» бургграф Рейнен имел один замок и 12 нищих подданных.

Все эти феодалы, возведённые в ранг государей, так же как и более сильные князья, постоянно стремились округлить свои владения, враждовали друг с другом и наперебой заискивали перед иноземными покровителями, выклянчивая французские, шведские или английские подачки.

«Немецкие князья, — писал Энгельс, — наживаются на Вестфальском мире, соревнуясь между собой в том, кто выгоднее продаст себя загранице» [1].

Иноземные покровители охотно поощряли безудержное своеволие немецких князей, разжигали их соперничество испытанной приманкой «немецкой свободы», чтобы тем легче покупать их и помыкать ими.

---

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 345.

Преемник Ришелье Мазарини ухитрился поставить князей немецкого запада под команду Франции, создав особый «Рейнский союз», члены которого объявили себя хранителями Вестфальского мира, сберегателями княжевластия в противовес «деспотизму» императора.

«Раздробленность Германии..., — писал Энгельс, — была для прежней французской политики неотчуждаемым сеньориальным правом Франции...» [2]. Слова Энгельса свидетельствуют о том, что раздробленная Германия, надолго превращённая в скопище мелких и мельчайших самостоятельных владений, была поставлена {366} в фактическую зависимость от более сильных соседних государств, и в первую очередь в зависимость от Франции, подкупившей и подчинившей западногерманских князей.

В послевестфальской Германии, отсечённой от моря шведскими владениями, расторгнутой на сотни княжеств, не существовало ни власти, ни силы, способной защитить немецкую промышленность от иностранной конкуренции. *«Шерстяная мануфактура* (*городская* промышленность), — писал Энгельс, — страдала от английских, французских, голландских покровительственных пошлин, запрета, наложенного Англией на вывоз необработанной шерсти...» [3].

Проникновение английских и голландских товаров в Германию и постепенное удушение немецкой промышленности явилось тем результатом, который вполне вознаградил обе торговые державы: Голландию и Англию, за расходы по оплате датского вторжения.

Экономическое положение послевестфальской Германии Энгельс ясно выразил в нескольких словах: «Отношение к мировому рынку чисто пассивное... полное бессилие перед лицом разбойничьих государств...» [4].

Если, как писал Энгельс, «...Германия на 200 лет была вычеркнута из списка политически активных наций Европы» [5] — то к этой участи её привели реакционные внутригерманские силы — её князья и, выступавшие их опорой, иноземные хищники. Наиболее характерным примером сговора двух этих сил являлся Регенсбургский сейм.

Так как создание централизованного и сильного Германского государства было одинаково ненавистно и немецким ратоборцам мелкодержавного княжевластия и правителям тех европейских государств, в которых централизация давно возобладала над раздробленностью, то нет ничего удивительного и в том, что союз двух этих чёрных сил сначала привёл Германию к бессилию перед лицом вторгавшихся в неё иноземных армий, а затем и к позорному Вестфальскому миру, способствовавшему сохранению на целых два столетия раздробленности и хозяйственному застою страны.

* *
*

И сегодня иноземные хищники стремятся, как 300 лет назад, расчленить Германию.

Империалистические разбойники стремятся и сегодня использовать услужливых немецких реакционеров, готовых торговать своей родиной и перекраивать её по указке заокеанских хозяев. {367}

К этим людям, пытающимся расчленить и поработить Германию, с полным правом можно отнести то, что сказал Энгельс о германских князьях: «Но наиболее позорное их преступление — самый факт их существования» [6].

Но сегодня всем попыткам реакционеров расчленить Германию, поработить её и задержать её развитие противостоят сложившиеся в Германии общественные силы, кровно заинтересованные в единстве, целостности и прогрессивном развитии обновлённой, подлинно передовой, демократической Германии, идущей в ногу со своим великим и славным восточным соседом, другом всех народов и всех трудящихся. {368}

ФРАНЦУЗСКОЕ

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 459.
[3] Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 303—304.
[4] Там же, стр. 346.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 296.
[6] Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 347.

ПОСОЛЬСТВО В МОСКВЕ

В сентябре 1629 г., в царствование Михаила Фёдоровича Романова, в Москве была получена отписка (докладная) от псковского воеводы, сообщавшего, что к русской границе прибыло посольство французского короля Людовика XIII. Во главе посольства находился французский дипломат Людовик де-Гé барон Курменен.

Ещё до прибытия в Московское государство барон Курменен стал известен как ловкий и умелый дипломат. Французское правительство, во главе которого стоял тогда кардинал Ришелье, не раз посылало его с важными поручениями в иноземные государства. Он побывал в Турции, Дании и Швеции.

Какова же была цель приезда французского посла в отдалённую Россию?

Ещё в самом начале своего царствования, в 1615 г., царь Михаил отправил к королю французскому Людовику посланников Ивана Кондырёва и Михаила Неверова. Царь хотел установить дружеские сношения с такой сильной западной державой, какой была Франция. Однако из-за неурядиц и гражданской войны, которые свирепствовали во Франции в начале царствования Людовика XIII, французскому правительству было не до того, чтобы устанавливать дружеские отношения с далёкой Россией. Перед ним стояли более неотложные задачи: подавить внутренние беспорядки, усмирить непокорных вельмож и французских протестантов — гугенотов.

Но после прихода к власти дальновидного и умного дворянского политика, кардинала Ришелье, дела приняли иной оборот. Мятеж вельмож был подавлен; королевская власть окрепла.

В феодально раздробленной Германии в это время свирепствовала длительная, так называемая «Тридцатилетняя война». Война сразу же получила общеевропейское значение. Вели борьбу, то открытую, то скрытую, две большие коалиции. Во главе первой стояли король Испании и император Австрии, оба из династии Габсбургов. Габсбурги под знаменем католической реакции желали установить своё мировое господство и подавить усиливавшихся соперников: Англию, Францию, Голландию, Да-{369}нию и Швецию. Эти последние государства в свою очередь начали постепенно объединяться в антигабсбургский союз. Эта общеевропейская война переплеталась с внутренней гражданской войной в Германии, войной между католиками и протестантами. Немецкие католики были тесно связаны с габсбургской коалицией, а протестанты — с антигабсбургской.

Таким образом, Франция, несмотря на господство в ней католической религии, была в союзе с иноземными протестантами.

В то же время дальновидные политики западных держав стали обращать свои взоры в сторону Московского государства. В начале XVII в. в России шли гражданские войны, восстания крестьян. Иноземные захватчики, поляки и шведы, воспользовались этим и вторглись в её пределы. Поляки захватили важнейшие русские города, в том числе Москву и Смоленск; шведы — Новгород Великий и ряд других городов и областей.

Благодаря геройской борьбе великого русского народа иноземные захватчики были изгнаны из Москвы и многих других мест. На Земском соборе в 1613 г. царём был избран Михаил Романов, и Московское государство вновь стало крепнуть, вновь стало обращать на себя внимание Западной Европы. Кардинал Ришелье, дальновидный политик, конечно, не мог упустить из виду этого важного обстоятельства.

Уже в 1625 г. в Москву поступило известие от одного иностранного наблюдателя, что «король французский хочет посла своего послать к русскому царю».

Однако это посольство задержалось. Кардиналу Ришелье пришлось подавлять независимую гугенотскую республику, вести войну с другими державами.

В 1628 г. многие французские купцы решили основать компанию для торговли с Московским государством. В своём докладе, поданном правительству, купцы доказывали всю выгодность для Франции этой торговли, которая, по их словам, процветала ещё шестьдесят лет назад, но была, к сожалению, прервана во время гражданских войн.

Французские купцы предполагали вместе с тем, что рост торговой связи приведёт вообще к усилению французского влияния в России и даже облегчит распространение там католической религии. И, наконец, они указывали даже на то, что в России после падения Византийской империи сохранилось большое количество редчайших греческих рукописей, которые можно было бы со временем приобрести.

Настал 1629 г. Борьба двух европейских коалиций обострилась. Протестанты и их союзник датский король Христиан IV, которого поддерживала антигабсбургская коалиция, терпели в Германии поражение за поражением. В то же время не бездействовал союзник Габсбургов и один из главных представителей европейской католической реакции — польский король Сигизмунд III, непримиримый враг как России, так и Швеции, {370} желающий завоевать оба эти государства. Однако героическая борьба русского народа вынудила его отказаться от своих захватнических планов в отношении России. Польский король вынужден был в самом начале Тридцатилетней войны заключить четырнадцатилетнее перемирие с Россией и ограничиться войной с Швецией, которая, в свою очередь, мечтала укрепить своё господство над всем побережьем Балтийского моря. Война между Швецией и Польшей велась в то время на территории Пруссии. Польше помогала Австрия. В мае датский король, силы которого были разгромлены, вынужден был заключить мир с императором. Франции нужны были новые сильные союзники против Габсбургов.

Такого союзника французское правительство видело прежде всего в шведском короле Густаве-Адольфе, знаменитом полководце, на которого Ришелье возлагал очень большие надежды и позже в своих «Воспоминаниях» именовал «восходящим солнцем». Но Швеция воевала с Польшей, союзницей Габсбургов. И вот французские дипломаты начали посредничать между Густавом-Адольфом и Сигизмундом, стараясь помирить их. Задача эта была облегчена тем, что поляки в конце июля понесли большое поражение от шведов. Сигизмунд стал искать мира со Швецией. Французская дипломатия достигла, в конце концов, своей цели. Переговоры, начавшиеся одновременно в Швеции и Польше в июле, уже к концу сентября привели к заключению перемирия на десять лет между Швецией и Польшей. Перемирие это имело весьма большое значение. Шведский король в следующем году смог вмешаться в Тридцатилетнюю войну, нанося сильные поражения сторонникам габсбургской коалиции. Это было выгодно Франции. Были ещё и другие обстоятельства, столь же благоприятные для Франции: с одной стороны, в апреле был заключён мир между Францией и Англией и, с другой — в самой Франции был положен конец гражданской войне. Ларошель и другие города, находившиеся в руках гугенотов, были взяты войсками правительства, и независимой гугенотской «республике» был положен конец.

Французское правительство в это время лелеяло и другие, далеко идущие планы: оно пожелало втянуть в антигабсбургскую коалицию и Московское государство или же, воспользовавшись его враждой к Польше, разжечь эту вражду и, создав тем самым угрозу Польше с востока, сделать польского короля Сигизмунда более уступчивым по отношению к Швеции. Вместе с тем французское правительство желало заключить выгодный для себя торговый договор с русским правительством и обеспечить за собой чрезвычайно важную в глазах французских и вообще западных купцов торговлю шёлком с Персией. Об этих планах мы можем судить по докладной записке Курменена, поданной им впоследствии канцлеру Дании. В ней французский посол писал следующее: «Французские купцы торгуют шёлком, пряно{371}стями, москательными и другими товарами ежегодно на сумму в шесть миллионов ливров. Эти товары возят караванами восточные купцы в сирийский город Алеппо. Там у них товары закупают французские купцы и увозят в провансальский город Марсель. Но теперь персидский шах, находясь во вражде с турецким султаном, не желает обогащения казны этого своего врага торговой пошлиной, составляющей восемь сотых от стоимости товаров [восьмипроцентная пошлина]. Вот почему шах препятствует свободному прохождению караванов по направлению к владениям султана. Кроме того, французских купцов беспокоят североафриканские мавританские пираты. И вот, по совету персидского шаха, французские купцы задумали вывозить персидские товары через Московское государство. Французский король также с своей стороны одобрил это намерение купцов». Было предположено провозить товары через Каспийское море и Астрахань, далее по Волге и Северной Двине на Архангельск и Белое море, либо через Нарву и Балтийское море. Французские купцы подсчитали, что дорожные издержки

на провоз товаров таким путём были не более тех, которые приходилось нести при странствовании через Турцию.

Вот главные причины отправления в Москву барона Курменена. Ещё в апреле была написана грамота французского короля Людовика к царю Михаилу.

По пути в Россию посол должен был, по поручению своего правительства, заехать в Данию и Швецию.

Путешествие это подробно описано одним из спутников Курменена. 28 мая посол в сопровождении своей свиты, — которая во время прибытия посольства в Россию насчитывала двадцать человек, — отправился из Парижа сухим путём и 1 июня прибыл в Дьепп, город, знаменитый своими мореплавателями. Ещё за 43 года до того дьеппский мореплаватель Жан Соваж побывал, обогнув по морю Скандинавию, на беломорском побережье, в России, и рассказал о русских городах, о Холмогорах и об Архангельске в своём описании этого интересного путешествия. Это был один из первых французских путешественников, который прошёл такой путь.

6 июня на корабле, именуемом «Святой Андрей», водоизмещением в 60 тонн и вооружённом восемью пушками, при прощальных выстрелах из дьеппской гавани, Курменен со своими спутниками собрались было отплыть из Дьеппа.

Однако ввиду неблагоприятного ветра они вынуждены были вскоре бросить якорь на рейде. Столь же неудачна была попытка отплыть из Дьеппа и на следующий день. Так они простояли целую неделю. Затем началось плавание. Слева, в туманной дали был виден берег Англии. По пути, во время вынужденных стоянок спутники выходили на берег, гуляли, охотились на зайцев. 17 июня быстро проплыли пролив Па-де-Кале. Через пять дней им повстречался военный корабль голландцев. При-{372}близившись, он выстрелил из пушки, давая знать, что желает говорить с французами. Голландцы хоть и являлись союзниками французов, однако им неприятны были всякие торговые соперники, поэтому они с беспокойством запросили: «Имеете ли товары?» Последовал ответ французского капитана: «Нет! я везу посла французского короля в Данию».

По-видимому, удовлетворившись ответом, голландцы повернули корабль к своей земле, не сказав даже приветственного слова в честь столь важного лица.

— Грубияны, — говорили про них французы из свиты посла.

23 июня с северной стороны заметили высокий берег Норвегии. Виднелись скалы и снежные вершины.

Началась буря, которая свирепствовала в течение шести часов. Путешественники промокли до нитки, ибо на корабле не оказалось такого места, где можно было бы укрыться от неистовых потоков ливня.

— Вот уже шестьдесят лет как служу на море, — сознался один восьмидесятилетний моряк, — а такой бури никогда не приходилось видывать...

Проплыли ещё несколько дней вдоль берегов Дании, которые были знакомы Курменену и некоторым из его спутников.

В начале июля Курменен прибыл в столицу Дании Копенгаген и начал вести переговоры с датским правительством. Он с почестями был принят датским королём Христианом IV.

Переговоры имели весьма благоприятные последствия для интересов французской торговли. Датский король выдал 14 июля послу жалованную грамоту, писанную, как это было тогда принято в западных странах, по-латыни.

Французские купцы, по сравнению с купцами других наций, получили большую льготу: они должны были, проезжая Зундский пролив по направлению к Нарве и России, уплачивать лишь одну сотую стоимости провозимых товаров (однопроцентную пошлину). Другие купцы платили в пять и шесть раз больше. Вот почему король Дании дал французам эту льготу лишь на восемь лет, обещав послу на словах продление льготы по истечении этого срока. Французский посол пробыл в Дании до второй половины августа.

В Дании же Курменен встретился с английским послом. Несмотря на внешнюю учтивость и взаимные, посещения, эти два посла питали друг к другу неприязнь и какую-то зависть. Взаимная неприязнь была обусловлена, с одной стороны, дипломатическим соперничеством: и французская и английская дипломатия стремились к одной и той же цели: к заключению мира

между Швецией и Польшей и к ослаблению габсбургской коалиции; однако они соперничали в том, кому должно было принадлежать первенство.

А с другой стороны, для англичан, — которые со времён русского царя Ивана IV пользовались большими льготами и преиму-{373}ществами в Московском государстве, имели в

Файл ist374.jpg

На сторожевой границе Московского государства. *С картины С. В. Иванова.*

Москве, Архангельске и в некоторых других русских городах свои торговые дома, — было неприятно соперничество купцов других наций. Им не давали покоя успехи ловких и умелых в торговле голландцев, а тут ещё им угрожало появление новых соперников в лице французских купцов.

Получив жалованную грамоту от датского короля, французский посол столь же преуспел и в Швеции. Курменен шесть дней пробыл в военном лагере Густава-Адольфа под Мальборгом в прусской земле. Шведский король со своей стороны обещал благоприятствовать провозу французских товаров через Нарву, которая в то время находилась в руках шведов.

Прибыв морским путём в Пернов, а оттуда следуя сухим путём, 10 сентября Курменен очутился уже, как сказано выше, на русской границе.

С нетерпением спешил он в столицу незнакомого государства. Лишь понаслышке посол мог знать что-либо об отдалённой «Московии». Возможно, однако, что ему было известно описание этого государства, которое вышло в свет ещё при жизни французского короля Генриха IV, года за двадцать два до прибытия Курменена в Россию.

Описание это принадлежало известному французскому капитану и авантюристу Жаку Маржрэ или, как его называли в Москве, Якову Маржерету, который несколько лет прожил в России, служил сначала царю Борису Годунову, а затем изменил {374} русским и перешёл на сторону поляков и их ставленников, русских изменников.

Французского посла на границе приветствовал русский пристав, который затем неотлучно следовал за ним всюду. 3 октября Курменен со своей свитой подъехал к Пскову, где был встречен с большими почестями.

На церемониалы в то время обращали большое внимание как в России, так и в западных странах. Курменен, например, ни за что не хотел ехать по левую сторону русского пристава, как того требовал последний, действуя согласно русским обычаям. Долго не могли решить, этот спор. Как посол, так и пристав твердо стояли на своём. Наконец, договорились: помощник пристава поехал по другую руку посла, а сам пристав всё-таки ехал по той стороне, на какой настаивал с самого начала.

Пробыв четыре дня в Пскове, посол со своей свитой поехал дальше в сопровождении псковских приставов, целовальников, детей боярских, стрельцов и казаков.

Русское правительство хорошо позаботилось об иноземных гостях. Французы с самого вступления на русскую землю находились на царском иждивении. Доставляемые им пища и питьё были весьма обильными.

Лично послу ежедневно выдавали по 2 хлеба, 2 калача, гуся, утку, две курицы, 6 чарок доброго вина, полторы кружки рейнского вина, более полуведра различных медов, по полуведра пива доброго.

Каждому из девяти французских дворян выдавалось ежедневно: по одному хлебу и калачу; всем вместе по 2 гуся, 3 утки, 5 кур и каждому из них по 2 кружки доброго мёду, по 2 кружки пива доброго, кроме того, изрядное количество вина. Их слугам, каждому, из 11 человек: по одному хлебу, по 2 чарки вина, по кружке мёду, по 2 кружки пива.

Кроме уже перечисленных продуктов, им выдавали ежедневно по два барана, шесть гривенок коровьего масла, пятьдесят яиц, соли, круп, капусты, чесноку, свеч восковых и сальных, уксусу, сметаны, яблок, патоки, перцу.

Согласно царскому наказу, полагалось ещё выдавать тетеревов, зайцев, ветчины; однако, за неимением таковых продуктов, псковские воеводы не смогли их выдать.

Впрочем, французы были весьма довольны снабжением их съестными припасами и ничего более не просили. Только по приезде в Москву Курменен попросил выдавать ему вместо русских напитков французские вина, так как он-де не привычен к русскому питью.

Кроме обильной пищи, послу были даны из Пскова до Новгорода подводы, 20 верховых лошадей и 15 телег.

По дороге французы держали себя весьма распущенно: «чинили насильства и обиды» русским людям, а посол их не унимал и не останавливал. {375}

Файл ist376.jpg

Приезд голландского посольства в Москву. *Рисунок немецкого художника.*

В Новгороде Курменен встретился с прославленным русским героем, одним из вождей русского народного ополчения — Димитрием Михайловичем Пожарским, который в то время был новгородским воеводой. Услышав жалобы пристава на бесчинства французов, Пожарский значительно увеличил русскую свиту (доведя её до 50 человек), которая по существу должна была охранять не столько французов, сколько русское население от бесчинств французов. В связи с этим количество подвод, не считая кормовых, увеличили до пятидесяти.

Быстро проехав Новгород, Торжок и Тверь, через две недели после отъезда из Пскова, Курменен в последних числах октября приехал в Москву, где был встречен с особой пышностью.

Перед самой Москвою к Курменену подъехали два московских пристава в одеждах из золотой парчи и высоких собольих шапках, на прекрасно убранных белых лошадях. Вместо поводьев у лошадей были большие серебряные цепи. Цепи эти при движении лошадей звенели.

Пристава подвели с собой под уздцы лошадей для посла и членов его свиты. Вместе с приставами посла встречали разодетые по-праздничному стряпчие, стольники, большие дворяне и дьяки всех приказов, всего было встречных 200 человек.

Пристава от имени царя приветствовали Курменена, который ответил на их приветствие и сел на царского коня, покрытого вышитым седлом и украшенного разными уборами. Для посольских дворян были подведены ещё девять белых лошадей с сёдлами, покрытыми золотой парчой.

В сопровождении двух приставов Курменен въехал в Москву.

Столица встретила его толпами любопытствующих. {376}

Посла со свитой поместили на посольском дворе, в большом доме, убранном по-праздничному. Угощение было удвоено.

Посольский двор охранялся стрельцами, так что никто из свиты Курменена не мог выйти без разрешения приставов. Последние часто заходили, посещали посла, справлялись, не нуждается ли он в чём-нибудь.

Послу был придан, кроме приставов, ещё и переводчик, проживающий в России француз, который прекрасно знал и русский язык. В Москве в смысле переводчиков и толмачей дело обстояло куда лучше, чем в других странах. В одном только посольском приказе служило их несколько десятков, получая постоянное денежное и поместное жалованье и подённые корма от русского правительства.

Курменен весьма удивил русских, заявив, что царю от короля не было прислано никаких даров, что-де у французских королей не в обычае посылать дары другим государям. Но узнав в немецких городах, что к царю приносят дары, он преподносит дары лично от себя. Даров этих было весьма мало: 3 кубка с кровлями да постав.

Исполняя просьбу Курменена, царь Михаил принял его 1 ноября.

Послу и дворянам его были доставлены нарядные царские кони. Французы в плащах, но без шпаг (хотя Курменен и просил разрешить ему явиться перед царём со шпагой) сели на коней и отправились в Кремль. Пристава ехали по обе стороны Курменена, позади посла следовала французская свита; впереди — конюхи, дворовые люди и 50 подьячих из разных приказов, все разодетые в нарядные платья.

От посольского двора до «золотой палаты» Кремля были расставлены в большом количестве стрельцы по обе стороны пути с пищалями (мушкетами), тесно примыкая друг к другу. Французы проехали сквозь их строй. Собралось огромное количество народу, чтобы поглазеть на это зрелище.

Проехав угол Архангельской паперти, французы спешились и пошли Благовещенской папертью. Их ввели в «среднюю золотую подписную палату», где обычно принимали иноземных послов. Палата эта представляла собой четырёхугольное каменное сводчатое помещение,

покрытое снизу и по сторонам красивыми коврами и сверху украшенное рисунками из библейской истории, изображёнными золотом и разными красками. Царский трон у стены поднимался от пола вверх на три ступени, был окружён четырьмя серебряными позолоченными колонками, на которых покоился балдахин. С каждой стороны балдахина стояло по серебряному орлу с распростёртыми крыльями.

На троне восседал царь Михаил в кафтане, осыпанном драгоценными камнями и вышитом крупным жемчугом. На голове царя был венец, покрытый крупными алмазами; в руках царь держал золотой скипетр. По обе стороны трона стояло по два {377} рынды (юноши из знатных фамилий) в белых платьях, в шапках из рысьего меха и белых сапогах; на груди у них крестообразно висели золотые цепи. Каждый из них держал на плече серебряный топорик. Справа и слева от царя стояло по двое вельмож.

У стен кругом, слева и напротив царя, неподвижно сидели бояре, окольничьи и большие дворяне, в золочёных платьях и в высоких чёрных лисьих шапках.

В нескольких шагах от трона вправо стоял думный дьяк Ефим Телепнев.

Как только посол вошёл в «золотую палату», он тотчас же был поставлен против царя в нескольких шагах от трона. За ним стояли французские дворяне из посольской свиты. Двое из них держали в протянутых руках грамоту французского короля.

Переводчик стал по левую сторону от посла.

Окольничий представил посла царю через думного дьяка. Царь изволил позвать посла «к руке».

Приложившись почтительно к руке царя, что считалось большой честью, Курменен поздравил его от имени своего короля, при этом подробно произнося титулы обоих государей, как этого накануне потребовали у него пристава.

Царь, немного приподнявшись, спросил о здоровье короля и затем посол подал царю королевскую грамоту, которую принял Телепнев.

Затем Михаил через думного дьяка спросил о здоровье посла, велел Курменену сесть на скамейку, покрытую ковром, и подозвал к своей руке французских дворян из посольской свиты. Когда они, один за другим, стали подходить, царь, ласково улыбнувшись, взял скипетр в левую руку, протянув правую для поцелуев. Французы целовали её, не трогая своими руками. После этого думный дьяк объявил послу о пожаловании его от царского стола яствами и питьём.

После всех этих обычных церемоний Курменен со своей свитой были отпущены на посольский двор. С ними вместе поехал в прекрасном платье, верхом на разукрашенном коне царский стольник с пожалованными яствами и напитками. Слуги его накрыли стол длинной белой скатертью и поставили на неё серебряную солонку с солью, серебряные кружечки с уксусом, несколько чар, чаш золотых и серебряных, длинный нож и вилку.

Стольник сам пил и французов поил, сначала за здоровье царя, а затем за здоровье французского короля Людовика. На стол подали несколько десятков различных кушаний. С подарком посла стольник отправился назад в Кремль.

В тот же день, как царь принял Курменена, грамота Людовика была переведена на русский язык и представлена на рассмотрение Боярской думы. Главную роль в ней тогда играл отец царя, патриарх Филарет, наиболее приближёнными советниками которого являлись: «ближний боярин» Иван Борисович Черкас-{378}ский, один из самых влиятельных сановников

Файл ist379.jpg

Приём польских послов русским царём (XVI—XVII вв.) *С картины В. М. Максимова.*

царя Михаила; знаменитый организатор геройской обороны Смоленска против польского короля Сигизмунда — боярин Михаил Борисович Шеин, побывавший вместе с Филаретом в польском плену; прославленный своей опытностью думный дьяк Ефим Телепнев и другие.

Дума ознакомилась с верительной грамотой; король писал в ней, что посылает к царю послом человека, который хорошо ведает о всяких делах, происходящих в Европе, и что он много раз был посылаем послом в разные государства.

«И просим Ваше величество, — писал король, — чтобы во всём подлинно верили ему [послу]... так же, как нашей собственной персоне».

Начало грамоты французского короля вызвало большое неудовольствие и даже негодование Боярской думы. Король по небрежности или, быть может, с умыслу, — как предполагали в думе, — совершенно пренебрёг титулом царя и вместе полного царского титула, в котором должны были быть перечислены все владения России, царь именовался в грамоте лишь как «Превысочайший и пресветлейший, величайший и храбрейший князь, цесарь всея Русии, великий князь и властитель, государь Московский».

В те времена подобным вопросам придавали особое значение, {379} пропустить какой-нибудь титул значило умалить значение государя, уронить его достоинство. Бояре недоумевали: король уверяет в своей грамоте, что желает быть в дружбе с царём, а сам умаляет его титул!? Что это значит? Чему это приписать? Ведь нельзя это объяснить незнакомством с полным титулом царя, так как в грамоте, присланной от короля Людовика с Иваном Кондыревым, титул царя был приведён полностью.

5 ноября Курменена вторично вызвали во дворец, устроив ему столь же торжественный приём, как и в первый раз. Устами думного дьяка Курменену было заявлено, что с ним будут вести переговоры от имени царя пять человек: три боярина и два думных дьяка, в том числе вышеупомянутые Черкасский, Шеин и Телепнев.

Боярам, для того чтобы подчеркнуть важность их назначения, как и в других подобных случаях, были даны почётные, пышные, по существу ничего не значащие титулы «наместников Казанского, Тверского и Брянского».

Курменена пристава ввели в «Ответную палату», где обычно происходило собеседование иноземных послов с уполномоченными русского правительства. Здесь его встретили бояре и думные дьяки. Бояре были одеты в великолепные одежды: платья их были из золотой парчи и вышиты крупным жемчугом и драгоценными камнями, большие золотые цепи крестообразно висели у них на груди. На головах у бояр были надеты вышитые крупным жемчугом чёрные меховые шапочки с драгоценным камнем на верхушке. Дьяки были в высоких чёрных лисьих шапках.

Подав друг другу руки, все сели по местам. Бояре сидели на лавке в «Большом (высшем) месте» от Москвы-реки у окна, против них, на другой лавке у стены, сидел посол, а думные дьяки заняли места на скамейке подле бояр, против посла. Посреди них стал переводчик. Люди из свиты посла, пристава и все прочие вышли из палаты. Остались только подъячие и писари для записи речей.

Бояре и дьяки держали листы, изготовленные заранее в посольском приказе, по которым поочерёдно говорили с послом от имени царского совета.

Начал Черкасский.

— Царь (при упоминании царя каждый раз перечислялись все царские титулы), — сказал он, — велел перевести на русский язык и выслушать грамоту короля, но в ней царского величества имя и титулы не писаны, а другие все государи и христианские и мусульманские к великому государю нашему пишут, упоминая полностью царского величества имя и титулы. И наш великий государь тому подивился: государь ваш король Людовик называет великого государя нашего своим добрым другом и приятелем и впредь хочет быть с ним в крепкой и сердечной дружбе и любви, а имени и титула его царского величества не описал. {380}

Курменен ответил, что то не входит в обычай короля, который не пишет ни своих, ни чужих имён и титулов.

— Но ведь в грамоте, присланной королём Людовиком с Иваном Кондырёвым, царского величества именованье и титулы были описаны сполна, — возразили бояре.

— То король сделал по просьбе вашего посланника, а сам он не пишет ни своих, ни чужих титулов, — ответил посол.

— Король волен, сам как хочет, так пусть и пишет своё имя и титулы, — заявили решительно бояре, — но царское имя и титулы так писать не годится, да и никто так не пишет.

Чтобы покончить с этим вопросом, Курменен вынужден был дать твёрдое обещание от имени короля, что впредь король Людовик велит писать царское имя и титулы по его царскому достоинству да ещё попросил выдать ему образец, по которому следует писать, а что касается титулов короля, то он оставит здесь их перечисление, чтобы и русское правительство писало так же. Бояре дали на это своё согласие.

Перешли к делу. Бояре и дьяки попросили Курменена изложить цель своего посольства.

— Наказано мне, — сказал посол, — объявить от имени короля, что прежде всего король Людовик велел поклониться царю и передать, что он с ним хочет быть в крепкой дружбе и любви и предлагает установить впредь добрые отношения и «ссылку» (т. е. установить связь). Готов оказывать царю всяческую помощь...

— В чём будет выражаться эта помощь? — прервали его бояре, — в ратных людях или в чём другом?

— Король готов оказать всяческое содействие царю, — ответил Курменен. — Что же касается солдат, то король и за этим не постоит, буде царю они понадобятся.

Далее Курменен перешёл к пространному изложению своих предложений, а после изложения их устно подал на них письменную докладную записку. Вот что передал он от имени своего короля русскому правительству:

1. Французский король хочет заключить торговый договор с тем, чтобы французским купцам было предоставлено право беспошлинной торговли в России, точно так же, как одно время разрешено было компании английских купцов при царях Иване IV и Фёдоре Ивановиче. Король просит также предоставить для французских купцов право свободно ездить по всей России как водным, так и сухим путём; вывозить во Францию любые товары; иметь собственные дворы в русских городах и вообще, чтобы они пользовались всеми теми вольностями, какими пользовались тут местные русские купцы.

2. Король просит разрешить французам держать при себе римско-католических священников и монахов для церковной службы и чтобы их вере не было никакого стеснения и бесчестия. {381}

3. Французский король просит предоставите ему право утверждать в Москве выбранного самими французскими купцами начального человека или консула, который должен судить спорящих между собой французов (в случае же ссоры между русским и французом их должен судить царский судья).

4. Король просит для французских купцов права вести через Московское государство торговлю с Персией. При этом предлагалось три способа на выбор: либо французским купцам ездить самим в Персию через Россию (Курменен уверял, что в Персии в то время находилось около двух тысяч французских купцов), либо вывозить персидские товары русским купцам и продавать их в России исключительно одним только французам; либо же, наконец, разрешить французским купцам скупать в России у приезжающих сюда персидских купцов персидские и другие восточные товары, особенно шёлк-сырец, в вывозе которого французы были особенно заинтересованы. При этом Курменен просил разрешения вывозить русские и персидские товары через Нарву (Ругодив), утверждая, что путь через Нарву и Балтийское море в четыре раза короче, чем через Архангельск и Белое море. Это последнее пожелание было вполне понятно: как мы видели, посол ещё до приезда в Россию выхлопотал у датского и шведского королей значительные льготы, и теперь, конечно, он стремился к тому, чтобы направить торговлю через Балтийское море, т. е. по пути, на котором французы имели значительные преимущества по сравнению с англичанами и голландцами. В беломорской же торговле французским купцам чрезвычайно трудно было соперничать с голландцами и англичанами, которые уже давно вели эту торговлю и хорошо с ней освоились.

Посол всячески старался доказать боярам и дьякам, что торговля французов с Персией выгодна для самой России. Он перечислял те французские товары, которые могут иметь сбыт в России: соль, красные французские вина и всякие заморские напитки; суконные, шерстяные и шёлковые материи; тянутое и листовое золото.

Эти товары, писал Курменен в своей докладной записке, до сих пор возят из Франции в Россию англичане и голландцы, а в случае заключения франко-русского торгового договора их станут возить сами французы, что гораздо дешевле будет обходиться и для русских.

5. И, наконец, в случае принятия всех вышеупомянутых условий, Курменен предлагал русскому правительству заключить политический союз против общих врагов — Габсбургов и их союзников — поляков. Подобный союз, по словам посла, мог не только усилить внешние связи обоих государств, но и укрепить в них самодержавный абсолютистский порядок.

Посол излагал свои предложения настолько пространно, что ему, наконец, самому показалось, что бояре устали его слушать. Он приостановился и, помолчав, сказал: {382}

— Наказано мне говорить и об иных делах, только ныне не говорю, так как скучно вам стало.

— Скучать нам нечего, — возразили бояре, внимательно слушавшие все речи посла. Они просили Курменена продолжать речь. Однако посол отговорился, что мол ни о каких иных делах не наказано говорить, но что хотел бы он о тех же статьях говорить ещё, просторнее, да не стоит, так как и без того бояре смогут уразуметь его предложения.

Все встали. Курменен стал выражать неудовольствие на «тесноту и неволю», которую он терпел по дороге к Москве, да и в самой Москве от приставов; он жаловался на то, что его и его людей со двора никуда не пускают, а пустив, за ними ходят, следят и воли ни в чём не дают.

Боярам удалось его успокоить ссылкой на древний русский обычай, объяснив, что то делается не для стеснения послов, а для их обереганья.

— Недоверия тут нет никакого, — сказали они Курменену.

— Коли таков обычай, — сказал посол, — я ничего не желаю делать помимо воли государевой.

Предложения Курменена, устные и письменные, были обсуждены в Боярской думе.

9 ноября произошла вторая встреча бояр и дьяков с Курмененом. За этим последовала третья и четвёртая встречи — 11 и 12 ноября.

Однако русское правительство мало изменяло свою позицию и в основном оставалось при первом своём решении.

Каков же был его ответ на предложения французского посла? В главном требовании — в предоставлении права торговли с Персией — французам было отказано, точно так же, как вообще отказывали в этом прежде всем иноземцам, не считая отдельных случаев, имевших место при Иване IV (когда государь давал это право англичанам).

Русское правительство, естественно, не желало передавать эту выгодную статью торговли из рук русских купцов в руки иноземцев. Что касается езды в Персию, такое право московское правительство готово было предоставить, но одним лишь французским послам, посланникам и гонцам, а отнюдь не купцам. Последним было лишь разрешено свободно закупать персидские и другие восточные товары, но опять-таки только у русских купцов, а не у персов. Да и в самом Московском государстве французы свободно могли закупать у русских купцов не все персидские товары. «Заповедные товары», в том числе и белый шёлк-сырец, который особенно интересовал французов, они могли покупать лишь от царской казны, у царских «гостей».

Отказано было им и в беспошлинной торговле, так как это могло вредно отразиться на отечественной торговле. Не раз уже раздавались жалобы русских купцов на большие льготы, дарованные правительством иностранным купцам. Правительство не {383} могло не считаться с этими жалобами, а также с интересами казны, которая могла сильно пострадать от падения отечественной торговли.

Что же касается торговли через Нарву, либо через Архангельск, то таковая была разрешена французам с условием уплаты обычных торговых пошлин.

В отношении торговли московское правительство готово было предоставить французам большие права: они могли свободно ездить для торговли в Москву, Архангельск, Псков, Великий Новгород и другие города Московского государства. Такие права иноземцы получали лишь в редких случаях. Обычно они имели право приезжать лишь к приморским городам, но не вглубь России.

Не добившись права беспошлинной торговли, Курменен стал домогаться того, чтобы с французов взимали однопроцентную пошлину, подобно той, которую французы должны были платить в Дании. Бояре не уступали. В России с проданных товаров взималась обычно четырёх- или пятипроцентная пошлина, и царская казна не желала поступаться в пользу французов таким доходом.

Однако перед самым отъездом посла русское правительство в этом вопросе пошло на некоторую уступку, обещав взимать с французов двухпроцентную пошлину.

Что касается двух остальных требований французов: насчёт консулов и права отправления публично католического богослужения, то первый вопрос не вызвал никаких возраже-

ний, и требование французов было удовлетворено. Что же касается второго вопроса, они получили решительный отказ.

В России, как известно, не преследовалась никакая вера, в противоположность некоторым западным странам, где в то время имели место религиозные гонения, религиозные войны. Однако в начале XVII в. римско-католическая религия сделалась знаменем польских захватчиков и польской интервенции. Поляки пробовали покорить Русское государство и искоренить религию русского народа — православие. Вот почему русские люди видели в католическом духовенстве агентов и лазутчиков иноземных захватчиков, а в публичном их богослужении — «соблазн» для народа.

Что же касается веры французов, приезжающих в Россию, то русское правительство обещало не стеснять свободы их совести, или, как ответили бояре Курменену, «быть всякому в своей вере».

Ввиду того, что русское правительство не приняло части важных для французского правительства предложений, главным из которых было право торговли с Персией, посол не стал продолжать переговоров на счёт заключения политического союза и решил уехать, сделав вид, что он удовлетворён достигнутым.

После четвёртой встречи с боярами и дьяками царь 12 ноября призвал Курменена к себе. Состоялся торжественный отпуск {384} французского посла. Отпуск был обставлен таким же пышным церемониалом, как и приём.

Царь Михаил вручил Курменену свою грамоту к Людовику, писанную 12 ноября. Грамота эта была опубликована в издаваемом тогда французском журнале «Французский вестник» № 16 от 1629 г. под заглавием: «Союзный договор между его христианским величеством [французским королём] и императором Московии».

В ней подробно излагались все те пожалования и льготы, которые даровались царём французским купцам.

На отпуске же царь пожаловал свои дары послу и посольским дворянам: соболями стоимостью в 350 рублей.

Так окончилось это первое знаменательное французское посольство в Россию. Оно способствовало оживлению связей, чрезвычайно ослабевших в начале XVII столетия между Московским государством и Францией.

В Московское государство стали прибывать французские военнослужащие и купцы. Оживились и дипломатические взаимоотношения. С обеих сторон стали ездить послы, посланники и гонцы с различными государственными делами, и по мере того как Московское государство становилось всё более могущественным, крепли его связи с иноземными государствами, всё более веской в международных делах становилась роль великого государства востока Европы. {385}

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО
И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА
в XV—XVII в.в.

В конце XV в. перед европейскими государями, привыкшими считаться только с силой, предстало государство, образовавшееся на восточных границах Европы. Это была далёкая «Московия», где правил великий князь Иван III.

«В начале своего княжения Иван III все еще был данником татар. Власть его еще оспаривалась другими удельными князьями. Новгород, стоявший во главе русских республик, господствовал на севере России. Польша, Литва стремились к завоеванию Москвы, а ливонские рыцари все еще не были сокрушены. К концу своего княжения Иван III становится совершенно независимым государем, женой его становится дочь последнего императора Византии. Казань лежит у его ног, а остатки Золотой Орды стремятся к его двору. Новгород и другие республики приведены к повиновению. Литва ущемлена, и великий князь ее — игрушка в руках Ивана III. Ливонские рыцари побеждены. Изумленная Европа, которая в начале княжения Ивана III едва подозревала о существовании Москвы, зажатой между литовцами и татарами, была огорошена

внезапным появлением колоссальной империи на ее восточных границах. Сам султан Баязет, перед которым трепетала Европа, услышал впервые высокомерную речь московитянина» [1].

С самого начала своего существования Русское государство всегда проводило самостоятельную политику, неуклонно защищая свои права и достоинство народа, которые тогда рассматривались господствующим классом как права и достоинство государя. Поэтому русские дипломаты, вынужденные отстаивать эти права перед лицом завистливых, недоброжелательных иноземных государей, обращали самое серьёзное внимание не только на существо переговоров, но и на форму их, на точное соблюдение всех правил и обычаев, принятых при русском дворе. Переговоры только на равных началах — таково было первое основное правило московской дипломатии. Недаром, когда посол германского {386} императора Н. Поппель в 1489 г. предложил Ивану III от имени императора королевский титул, он услышал в ответ гордые слова, свидетельствовавшие о том, что Иван III не считал себя ниже императора, а тем менее его вассалом [2]. «А что еси нам говорил о королевстве..., — отвечал Иван III, — то мы, божию милостью, государи на своей земле изначала от первых своих прародителей... а постановления как есмя наперед сего не хотели ни оттого, так и ныне не хотим...»

Образование Русского централизованного государства.

Во второй половине XV в. при Иване III (1462—1505) основная часть русских земель объединилась вокруг Москвы и образовалось мощное Русское государство.

Создание Русского централизованного государства происходило приблизительно в одно время с образованием централизованных государств в Западной Европе (XV в.), но при несколько иных обстоятельствах.

Объединение русских земель ускорялось необходимостью обороны от нападений кочевых народов; именно это обстоятельство требовало «...незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия» [3]. Это не означало, что в русских землях не происходил процесс, определявший создание централизованных государств в Западной Европе.

Основной общей причиной ликвидации феодальной раздробленности являлся рост средств производства, экономическое развитие страны, т. е. развитие городов, ремесла, товарообмена между отдельными областями, в результате чего разрушалась прежняя обособленность замкнутых феодальных хозяйств.

На основе этих успехов Москва смогла стать центром объединённого государства, центром складывавшейся нации. «Заслуга Москвы, — пишет И. В. Сталин, — состоит, прежде всего, в том, что она стала основой объединения разрозненной Руси в единое государство с единым правительством, с единым руководством. Ни одна страна в мире не может рассчитывать на сохранение своей независимости, на серьезный хозяйственный и культурный рост, если она не сумела освободиться от феодальной раздробленности и от княжеских неурядиц. Только страна, объединенная в единое централизованное государство, может рассчитывать на возможность серьезного культурно-хозяйственного роста, на возможность утверждения своей независимости. Историческая заслуга Москвы состоит в том, что она была и остается основой и инициатором создания централизованного государства на Руси» [4].

С объединением русских земель усиливалась внутренняя торговля и вслед за ней развивалась и внешняя торговля. Русские купцы уже в XIV в. всё чаще и чаще стали появляться в «за-{387}морских» странах. В XV в. их можно видеть в Средней Азии, в странах Ближнего Востока, в Крыму, в Валахии, Молдавии, Венгрии, Литве, на Каспийском, Чёрном и Балтийском морях и даже в далёкой Индии (Афанасий Никитин).

Русское централизованное государство со второй половины XV в. активно участвует в международной жизни Европы.

---

[1] Так писал о России XV в. Карл Маркс в своей работе «Тайная дипломатия XVIII века».

[2] Титул короля был ниже титула императора.

[3] И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 34.

[4] И. В. Сталин, Приветствие Москве, «Правда» от 7 сентября 1947 г.

Установление международных связей при Иване III и Василии III.

Иноземные дворы спешили завязать дипломатические отношения с далёкой «Московией». Они пытаются использовать её силу и богатства в своих интересах. Однако послы, приезжавшие в Москву, сразу же вынуждены были понять, что русские прекрасно разбираются в политических вопросах, твердо знают, что выгодно для их государства, и не поддаются на дипломатические уловки своих противников.

После свержения золотоордынского ига основной задачей Русского государства было объединение всех русских земель. Русское правительство никогда не отказывалось от своих прав на западные русские земли, захваченные некогда Литвой. Русским дипломатическим представителям за границей предписывалось заявлять, что «Великому князю с Литовским прочного мира нет; литовский хочет у великого князя тех городов и земель, что у него взяты, а князь великий хочет у него свои отчины, всей Русской земли».

Подготовка русского правительства к войне с Литвой осложнялась тем, что Литва находилась в династической унии с Польшей. Во второй половине XV в. Польша добилась крупных успехов. Окончательно разгромив в 60-х годах Тевтонский орден (1466), Польша стремилась к захвату Чехии, Венгрии, Молдавии. Такая политика Польши не могла не встревожить другие государства.

Отвергнув, как мы видели, притязания императора на подчинение ему Русского государства (1489), Иван III охотно согласился с его предложением о союзе против Польши, но при условии равноправия обеих договаривающихся сторон. В данном случае интересы как императора, так и Ивана III совпадали, однако дальше переговоров о союзе дело не пошло. Московское правительство очень скоро увидело, что император желал только использовать Россию и не оказывать ей со своей стороны помощи.

Имперское правительство было прежде всего заинтересовано в том, чтобы вовлечь Россию в антитурецкий союз. В 1453 г. турки взяли штурмом Константинополь, Византийская империя погибла. Грозная опасность нависла над центральными европейскими государствами. В 1526 г. турецкое войско султана Сулеймана Великолепного разгромило при Могаче чешско-венгерское войско, и вскоре Турция захватила бо́льшую часть Венгрии. Привлечь московское правительство к борьбе с турками стало в XV—XVI вв. главной целью западноевропейской дипломатии. {388}

Файл ist389.jpg

Московский Кремль при Иване III. *С картины А. М. Васнецова.* {389}

Одним из первых завязал дипломатические отношения с Русским государством римский папа. В Италии были хорошо осведомлены о политических переменах в Русском государстве, так как уже во второй половине XV в. итальянские купцы (в основном венецианцы) не только постоянно бывали в Москве, но даже имели там свою колонию. Римские папы с XIII в. поддерживали постоянные дипломатические отношения с татаро-монгольскими властителями и были осведомлены о военной силе их кочевых орд. Поэтому свержение татарского ига на Руси не могло не произвести в Западной Европе, и в Риме в частности, очень сильного впечатления.

Надеясь приобрести влияние на царя и вовлечь Русское государство в антитурецкий союз, папа римский и Венецианская республика способствовали браку Ивана III с наследницей византийского престола Софьей Палеолог (1472), проживавшей до того времени в Риме. Вместе с Софьей в Москву прибыл полномочный посол папы Сикса IV. С этого времени между Москвой и Римом налаживаются постоянные дипломатические отношения. Папский престол упорно старался соблазнить русское правительство возможностью сокрушить Турцию. Однако папское красноречие пропало даром. Упорное стремление подчинить русскую внешнюю политику иностранным интересам натолкнулось на умелое и гибкое сопротивление русских дипломатов. Попытка папского посла начать переговоры о соединении церквей и тем самым подчинить Русское государство была немедленно пресечена. Также ничего не смог добиться папский посол и относительно вступления Русского государства в антитурецкий союз — русское правительство вовсе не собиралось жертвовать своими интересами в ненужной в тот момент борьбе с Турцией; больше того, оно сумело очень ловко использовать против Польши своё сближе-

ние с императором; чтобы не обострить отношений с Римом, оно признало папу арбитром на случай осложнений с католическими государствами. В Риме появляются снабжённые подробнейшими инструкциями русские послы. В 1474 г. туда приезжал Толбузин. Позднее для переговоров о посредничестве папы при заключении перемирия с Польшей в Рим ездили Димитрий Ралев и Митрофан Карачаров. В начале XVI в. в Риме появляется русский посол Димитрий Герасимов, человек очень сведущий, побывавший до этого в Дании, Швеции и других странах. С его слов Павел Иовий в 1537 г. написал целую книгу о Русском государстве.

Дипломатические связи были установлены Иваном III и с другими противниками Польши — Венгрией и Молдавией. В 1482 г. к венгерскому королю Матвею Корвину ездил для утверждения договора о дружбе влиятельный московский дипломат дьяк Ф. Курицын. С Молдавией русские земли были связаны издавна. Русские купцы постоянно там бывали; знаменитый русский «землепроходец» XV в. Афанасий Никитин в своих записках {390} писал: «В Волошской земле также обильно, и дешево все съестное. Обильна всем и Подольская земля».

Общий враг ещё более сблизил эти государства. В 1497 г., когда большое польское войско во главе с королём Яном I Альбертом вторглось в Молдавию, молдавский воевода Стефан просил Ивана III удержать Литву от помощи Польше. Русские дипломаты добились этого; литовское правительство задержало уже готовые к походу войска. Не получив подкреплений, польские войска были разгромлены.

Дружественные отношения установил Иван III и с крымским ханом Менгли-Гиреем. В 1492 г. русское правительство, укрепив дружественные связи с рядом государств, смогло начать войну с Литвой за возвращение западнорусских земель. С небольшими перерывами эта борьба продолжалась до 1522 г.

В 1514 г. русские войска заняли Смоленск, это ещё больше упрочило международное положение Русского государства. Вскоре был заключён союз между Русским государством и императором Максимилианом I; последний, однако, тайно преследовал совсем иную цель: он надеялся удержать царя от дальнейшего разгрома Литвы и Польши; об этом свидетельствует его письмо магистру Ливонского ордена: «Нехорошо, если король [1] будет низложен, а царь русский усилится». В этих словах звучала явная тревога перед могучим Русским государством.

В 1515 г., опасаясь чрезмерного, на его взгляд, усиления Русского государства, Максимилиан I, заключив соглашение с польским королём Сигизмундом I, стал добиваться мирного урегулирования русско-литовской борьбы. Он надеялся, что ему всё-таки удастся втянуть Русское государство в войну с Турцией и таким образом ослабить оба государства.

Со своей стороны русское, правительство старалось использовать посредничество империи для заключения выгодного для себя мира с Литвой. В 1525 г. русское посольство во главе с князем Иваном Посечень Ярославским прибыло даже в далёкую Испанию, в Мадрид, так как императором после смерти Максимилиана I был избран король испанский Карл I (как император — Карл V).

Для того чтобы склонить русское правительство к мирному соглашению, имперское правительство дважды (в 1517 и 1526 г.) присылало в Москву своего посла Сигизмунда Герберштейна.

Герберштейн — высокообразованный для своего времени человек, побывавший с дипломатическими поручениями в Дании, Польше, Чехии, Венгрии, Испании, Нидерландах и при отдельных германских и итальянских дворах, — обладал необходимым для дипломата качеством — наблюдательностью. Будучи в России и понимая по-русски, Герберштейн постарался собрать возможно полные сведения о Русском государстве. Он использовал {391} летописи и другие древние документы, расспрашивал об истории нашего государства, об отдалённых городах и областях, где ему не удалось побывать самому. Он составил первое подробное описание Русского государства, которое до сих пор представляет интерес как для учёных, так и для всех интересующихся историей нашей родины.

Герберштейн убедился в неограниченном характере правления московских великих князей. По поводу Василия III он писал: «Властью, которую имеет над своими, он превосходит едва ли не всех монархов целого мира».

[1] Король польский — Сигизмунд I.

В записках Герберштейна мы находим интересные сведения о неоднократном плавании московских дипломатов Григория Истомы и Власия ещё в конце XV в. в Данию через Белое море и далее вокруг Скандинавского полуострова. Герберштейн сообщает и о приездах иностранных купцов в Русское государство: «Именно шведам, ливонцам и немцам из приморских городов позволено заниматься торговлей и торговать только в Новгороде, а туркам и татарам в городе по имени Холопий городок (около Углича), туда во время ярмарки собираются различные люди из самых отдалённых мест».

Действительно, правом торговать в Новгороде обладала вся Ганза, т. е. союз северогерманских городов, или, как его называли на Руси, — семьдесят три города.

Что же касается дипломатического поручения, то Герберштейн не достиг своей цели; ему удалось только добиться в 1527 г. продления перемирия ещё на шесть лет. Пытаясь произвести впечатление своей учёностью на Василия III и его приближённых, Герберштейн при переговорах произносил длинные цветистые речи с многочисленными историческими примерами, соответствующими, по его мнению, обстоятельствам данного времени. Однако все его ухищрения не произвели желаемого впечатления на московский великокняжеский двор. Наоборот, когда Герберштейн, пытаясь уговорить русских добровольно отдать Польше Смоленск, сослался на Ивана III, якобы добровольно отдавшего Казань татарам после её взятия в 1487 г., русские представители серьёзно возмутились этой ложной «исторической справкой», назвав рассуждения Герберштейна «непристойными речами».

Как и Иван III, Василий III прекрасно понимал, что борьба с могущественной тогда турецкой империей пока преждевременна. Московское правительство было в тот момент заинтересовано в мирных отношениях с Турцией и в развитии торговли с ней, хотя предвидело, что в будущем борьба с Турцией неизбежна. Оно собиралось начать её только тогда, когда это будет выгодно для России. Русское правительство выступает как защитник порабощённых Турцией православных народов Балканского полуострова. В переписке московского двора со Стамбулом этот вопрос занимал важное место. {392}

Идея о главенстве Русского государства над всем православным населением получила своё выражение в послании монаха Филофея к Василию III. В своём послании Филофей обосновывал значение Русского государства, как державы, объединяющей все православные (славянские) народы, и объяснял, имея в виду Флорентийскую унию 1439 г., причину падения Константинополя под ударами турок в 1453 г. изменой православию. Два Рима пали, писал Филофей, третий — Москва — стоит, а четвёртому не бывать. Филофей образно определил отношение московского правительства к славянским православным народам. Учитывая, что в то время вопросы, связанные с религией, были очень тесно связаны с политическими вопросами, становится ясно, какую силу уже в начале XVI в. представляло Русское государство, выступавшее от имени всего южного славянства.

Московское правительство постоянно хлопотало о православном населении и духовенстве в Турции, которое после распространения турецкого владычества видело в Русском государстве единственного и единоверного защитника. Недаром современник отмечал: «Все народы Болгарии, Сербии, Боснии, Мореи и Греции весьма преданы московскому великому князю, с которым соединяет их единство вероисповедания, и вполне готовы взяться за оружие и восстать, чтобы освободиться от турецкого рабства и подчиниться его [московского князя] власти».

Между Россией и другими славянскими странами происходили оживлённые сношения. Посланцы с Балканского полуострова появлялись в Москве — из Белграда, Филиппополя, Адрианополя, Скопле, Охрида, Тырнова, Силистрии, Афона, Стамбула и других мест. Обычно путь из Москвы на Балканский полуостров шёл через украинские земли, Молдавию и Валахию или по Дону и далее через Азовское и Чёрное моря.

Иноземцы, выехавшие из Молдавии и южнославянских стран, находили в Москве радушный приём; с другой стороны, и русские люди приезжали туда; например, известный дворянский публицист Иван Пересветов служил при дворах венгерского, польского, чешского королей и молдавского воеводы.

Устанавливались связи Русского государства и с балтийскими государствами. Без выхода к Балтийскому морю Русское государство не могло непосредственно торговать с западноевропейскими государствами. В Новгород издавна привозились иноземные товары, в том чис-

ле знаменитые фландрские сукна. Но эта торговля находилась в руках ганзейских купцов. Ливонские власти, Швеция и Ганза всячески стремились помешать выходу к морю Русского государства. Владычество Ливонского ордена и Швеции в Прибалтике создавало постоянную военную опасность для Русского государства.

В 1482 г. Иван III в устье реки Наровы выстроил каменную крепость и назвал её своим именем — Ивангородом. Одновременно с этим русское правительство установило дружественные {393} отношения с Данией, давней соперницей Ганзы, Швеции и Ливонии. Иван III неоднократно посылал своих послов в Копенгаген. Датское же правительство находило нужным обучать своих агентов, отправляемых в Москву, русскому языку и просило русское правительство найти для них учителей. В 1493 г. с Данией был заключён союзный договор, направленный против Ганзы, Швеции и Литвы.

Усиление Русского государства очень беспокоило Ливонский орден. Его представители пытались обратиться за помощью к папе римскому, чтобы организовать крестовый поход на Русь, однако в этот момент папский престол был заинтересован в сближении с Русским государством. На свой страх и риск вмешавшись в русско-ливонскую войну* (1500—1503) на стороне Литвы, орден потерпел страшное поражение у крепости Гельмед и вынужден был обязаться выплачивать ежегодную дань за Юрьевскую землю, принадлежавшую ещё киевским великим князьям.

Борьба за выход к Балтийскому морю при Иване IV (1533—1584).

Россия была заинтересована в установлении прочных экономических и культурных связей с более развитыми государствами Западной Европы. Польша, Литва и Ливония, боявшиеся усиления Русского государства, по-прежнему чинили всякие препятствия всем попыткам России наладить эти отношения. Проезд через владения этих государств был сопряжён с всевозможными затруднениями. Искусных мастеров и опытных военных, нанявшихся на русскую службу, не пропускали к русским границам.

Но прежде чем начать войну с западными соседями, необходимо было обезопасить свои восточные границы. Для этого Иван IV должен был разгромить Казанское, Астраханское и Крымское ханства. Пользуясь сильной поддержкой Турции, татарские ханы постоянно нападали на русские владения, уводили огромный «полон», разоряли и уничтожали население. С взятием (1552) Казани и Астрахани (1556) непосредственная угроза на Востоке была ликвидирована; весь волжский путь целиком перешёл под власть Русского государства, и купеческие караваны могли беспрепятственно следовать в Каспийское море. Оживлённая торговля с восточными странами, откуда шли шёлк, шёлковые и бумажные ткани, пряности и другое, делала Москву уже международным торговым центром.

Одновременно с обеспечением границ на востоке Иван IV не забывал и о том, что на западе Россия должна выйти к морю. Он правильно считал это насущной задачей Русского государства.

В 1553 г. англичане, тщетно пытавшиеся проникнуть северным путём к заманчивым, сулящим несметные барыши восточным рынкам, впервые прибыли в Россию через Белое море. Английские купцы понимали, как выгодна для них торговля с Русским государством. Они настойчиво стремились упрочить эту тор-{394}говлю, а также добиться проезда по Волге и Каспийскому морю в восточные страны.

Англо-русская торговля была выгодна и для русских.

Уже в 1555 г. в Москву прибыло первое официальное английское посольство во главе с Ченслером, Киллингвортом и Греем. В обратный путь вместе с ними отправился русский посол Осип Непея с русскими товарами на 20 тыс. фунтов стерлингов. Непея был принят в Лондоне с невиданным почётом. Для того чтобы облегчить себе борьбу за выход к Балтийскому морю, Иван IV стал настойчиво добиваться у английской королевы Елизаветы заключения политического союза между обоими государствами. Однако английское правительство, заинтересованное только в русском рынке и в путях на Восток через территорию Русского государства, не пошло на предложения Ивана IV о политическом союзе.

---

* Так напечатано. Ливонский орден вмешался в Русско-литовскую войну 1500—1503 гг. на стороне Литвы.— *Ю. Ш.*

Русские послы всякий раз, когда поднимался этот вопрос, встречали в Лондоне холодное «непонимание». В 1570 г. Иван IV с присущей ему прямотой презрительно писал Елизавете: «у тебя мимо тебя люди владеют и не токмо люди, но мужики торговые, и о наших государских головах и о частях и землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков. А ты пребываешь в своем девическом чину как есть пошлая девица» (т. е. обыкновенная женщина. — *Прим. ред.).* Со свойственной ему проницательностью Иван Грозный отметил господство в политике внешних торговых интересов и зависимость королевской власти от «торговых мужиков».

Однако английское правительство слишком было заинтересовано в торговых связях с Русским государством, чтобы обижаться на прямолинейность Ивана IV. За время с 1553 г. и до конца столетия Елизавета обменялась с Иваном IV и его преемниками 98 письмами.

С каждым годом число английских кораблей, приходивших в Белое море и пристававших в Холмогорах [1], увеличивалось.

Тем не менее связи через замерзающее на долгие месяцы Белое море не могли удовлетворить растущих экономических и культурных запросов Русского государства.

В 1558 г. Иван Грозный попытался мирным путём разрешить балтийский вопрос, добиваясь у Ливонского ордена права свободной торговли через прибалтийские порты. Ливонские власти хитрили, изворачивались, но упорно не соглашались. Вопреки стремлению большинства бояр начать войну с Крымским ханством и отвоевать южные степные просторы, Иван IV наметил иную задачу — решительную борьбу за Балтику. В январе 1558 г. русские войска перешли ливонскую границу. Так началась знаменитая Ливонская война, а вместе с ней и сложнейшая дипломатическая борьба не только всех прибалтийских государств — {395} Польши, Швеции, Дании, северогерманских городов, но и Англии, Испании, Франции, Голландии, Австрии. Слишком важной позицией на Балтийском море была Прибалтика, чтобы Швеция, Польша, Дания, Германия спокойно могли отнестись к присоединению и её к Русскому государству. Со своей стороны русское правительство справедливо считало, что прибалтийские земли, некогда входившие в состав Киевской Руси, по праву должны входить в состав русского государства. Русские дипломаты говорили папскому послу А. Поссевино: «Та лифляндская земля издавна прародителей их государских... и доныне та земля в его государской державе, а к королевству польскому и государству литовскому она не подлежала... и для того (государству русскому) всея моя земли поступиться невозможно». Раздираемая внутренними противоречиями, Ливония не могла оказать сопротивления. В 1560 г. русские войска овладели уже Нарвой, Дерптом (Тарту), Мариенбургом, Феллином и подходили к Ревелю (Таллин). Теперь уже иностранные корабли могли идти за русскими товарами прямо в русский порт Нарву. Возможность покупать товары непосредственно у русских купцов привлекала всё больше и больше английских, голландских, шотландских, французских, северогерманских купцов. Одних голландских кораблей приходило ежегодно в Нарву от 200 до 300. Из Германии купцы приезжали из Гамбурга, Висмара, Данцига (Гданска), Аугсбурга, Нюрнберга, Лейпцига и других городов.

Появление русских на Балтийском побережье вызвало за границей большое волнение. Польско-литовское государство, Швеция и даже Дания активно выступили против России. Польско-литовское государство приняло Ливонию под своё покровительство, Ревель отдался под власть Швеции, а остров Эзель — Дании. Шведские корабли стали захватывать купеческие корабли, идущие в Нарву. Польский король Сигизмунд-Август предъявил Ивану IV ультиматум.

С другой стороны, северогерманские города, вытесняемые Англией с международных рынков, были заинтересованы в новом источнике товаров. Представители Любека на рейхстагах и съездах германских князей восторженно отзывались о выгодах русской торговли. Германские же князья были очень обеспокоены усилением Русского государства. В 1570 г. рейхстагу был представлен целый трактат под названием: «О страшном вреде и великой опасности для великого христианства, а в особенности германской империи и всех примыкающих королевств и земель, как скоро московит утвердится в Ливонии и на Балтийском море».

Автор этого сочинения, оставшийся для нас неизвестным, давал довольно точный прогноз возможностей Русского государства: «Всего же опаснее то обстоятельство, что многие

[1] Архангельск был основан в 1584 г.

правительства доставляют московитам опытных кораблестроителей, знающих морское дело, искусных в сооружении гавани, портов, {396} бастионов и крепостей; затем оружейных мастеров, которым хорошо знакомо Балтийское море, его течения, гавани и прочее. Все эти сношения Европы с царём придали ему мужество; теперь он стремится стать господином Балтики; достигнуть этого ему будет нетрудно, во-первых, ввиду изобилия корабельного леса в России, железа для якорей и различных других материалов для снастей и парусов, сала, дёгтя и пр. Его страна изобилует населением, и он легко наберёт людей для экипажа. Русские крепки, сильны, отважны и, наверное, будут отличными мореходами».

Не менее яркую характеристику Русскому государству дал известный гугенот Юбер Ланге, который писал около этого же времени: «Московский государь захватил почти всю Ливонию, взял города Нарву и Дарбат [Дерпт — Юрьев, ныне Тарту — *Прим. ред.*]. В Любеке снаряжают флот на средства саксонских городов для оказания помощи ливонцам. Но это не больше, как подготовка лёгкой победы Мосхуса [латинское название московского царя — *Прим. ред.*]. Он собирает от 80 до 100 тысяч конницы [таких больших армий на Западе в это время не бывало — *Прим. ред.*]. Король польский остаётся праздным зрителем этой трагедии. Но Мосхус выбьет из него эту лень, если займёт Ливонию, потому что Литва, Пруссия и Самогития граничат с ней. Да и не похоже, чтобы властитель московский успокоился. Ему 20 лет, он с малого возраста упражнялся в оружии. В недавнее время он жестоко напал на шведского короля, который только ценою больших денег смог купить себе мир. Если суждено какой-либо державе в Европе расти, так именно этой».

Ловко маневрируя между своими противниками и используя их противоречия, Иван IV сумел не только предотвратить вступление в войну против России Дании, соперничавшей на Балтике со Швецией, но и добиться даже большего дипломатического успеха.

В 1562 г. в Данию прибыл опытнейший дипломат Ивана IV дьяк Иван Михайлович Висковатый, начальник посольского приказа и хранитель печати. Он обсуждал с датским правительством ливонские дела и предлагал заключить союз. По-видимому, датско-шведская война, начавшаяся в 1563 г., связана как-то с приездом Висковатого в Данию. Обе воюющие стороны до 1570 г. были лишены возможности помешать Ивану IV. Неоднократные попытки австрийского императора склонить Ивана IV к прекращению войны и втянуть его в антитурецкий союз неизменно терпели неудачу.

Иван IV создал в Ливонии вассальное государство под главенством брата датского короля Магнуса. Для борьбы с шведскими кораблями, «стоявшими заставой на море», в 1569—1570гг. Иван Грозный нанял датчанина Роде, который организовал целую эскадру из нескольких десятков кораблей. Успех этого пред-{397}приятия был настолько велик, что Да-

Файл ist398.jpg

Московское посольство в Германии в 1576 г.
По рисунку современного художника.

ния (заключившая уже мир со Швецией) испугалась усиления русских на море и разоружила флот Роде. Тем не менее в 1578 г., т. е. совсем незадолго до наступления на Русское государство войск польского короля Стефана Батория, Иван IV добился от Дании признания за собой Лифляндии и согласия на будущее присоединение Курляндии. После смерти в 1572 г. польского короля Сигизмунда-Августа Иван IV выдвинул кандидатуру свою и своего сына Фёдора на польский престол. Одновременно с этим он вёл переговоры с императором Максимилианом II о том, чтобы Литва и Ливония отошли к Русскому государству. Когда кандидатура Ивана Грозного на польский престол не прошла и новый польский король Стефан Баторий, по словам одной русской повести того времени, «на Псков град со многою горделивой силой великою устремися» и его наёмные войска, составленные из венгров, поляков, немцев, шотландцев, «саблями же своими яко молниями бесчисленными на град сверкающи», Иван IV сумел предпринять дипломатический манёвр, который помог ему выйти из тяжёлого положения. Вспомнив про жадность римского папы, старавшегося подчинить себе русскую православную церковь, и его давнюю мечту втянуть Русское государство в антитурецкий блок, Иван IV решил использовать влияние главы католичества и при его содействии добиться мира. Русский посол Истома Шевригин через Прагу экстренно выехал в Италию. Возможность проникновения католического влияния в Россию была настолько заманчива, что папа Григорий XIII согласился

на посредничество. Но когда папский посол Антоний Поссевино прибыл в Россию и начались переговоры, то он вскоре принуждён был убедиться в том, что о допущении католических церквей или каких-либо учреждений иезуитов в Москве не могло быть и речи, не говоря уже о том, что манившее Григория XIII вступление Москвы в лоно католичества и в антитурецкий блок оставалось столь же туманным, как и раньше.

Героическая оборона Пскова ускорила заключение перемирия на 10 лет с Польшей (1582). Вскоре было заключено перемирие и со Швецией (1583) ценой временного отказа от земель вдоль Финского залива. Русское государство сумело отстоять свою землю в борьбе с Польшей и Швецией. {398}

Борьба за Прибалтику показала всей Западной Европе, что Россия является крупнейшим государством, с которым необходимо считаться в международных политических и торговых отношениях.

Тяжёлая Ливонская война не смогла нарушить культурных и торговых отношений между русским народом и народами Балканского полуострова. В середине XVI в. в Сербии и Венеции довольно много печаталось славянских книг. Оживлённая деятельность южнославянских типографий не случайно совпадает с началом книгопечатания в Москве. В 1564 г. московский печатный двор выпустил первую (с обозначением года издания) книгу «Апостол». Однако имеются данные, что задолго до 1564 г. московские типографии печатали в большом количестве книги, которые по своим украшениям близки к южнославянским. Об этом свидетельствует то, что ещё в пятидесятых годах XVI в. датский король Христиан III предлагал Ивану IV прислать в Москву библию и ещё две церковные книги с тем, чтобы их здесь перевели и напечатали в нескольких тысячах экземпляров. Хотя царь не разрешил печатать протестантских книг, но сама мысль об издании в Москве такого количества книг весьма показательна.

В конце XVI в. в Москву приезжал митрополит Тырновский Дионисий. Его приезд был вызван крупным освободительным движением, которое в то время охватило южнославянские страны. Это движение в 1594—1595 гг. вылилось в открытое восстание в Болгарии с центром в Тырнове. После разгрома восстания турецкими войсками участники его спасались в России.

Значения России не могли не признать представители других государств. Всё чаще в Москве появляются иностранцы — послы, купцы, военные люди, различные искусные мастера, представители католической церкви, и в их записках и описаниях путешествий сплошь и рядом проскальзывает страх перед Русским государством. Англичанин Ричард Ченслер в своём сочинении «Книга о великом и могущественном царе» прямо ставил вопрос перед своими соотечественниками: «Спрошу я вас, много ли найдётся между нашими хвастливыми воинами таких, которые могли бы пробыть с ними в поле хотя бы один месяц».

Ликвидация последствий польско-шведской интервенции. Борьба за Украину и Белоруссию.

В конце XVI и начале XVII в. страна пережила тяжёлый внутренний кризис, которым воспользовались Швеция и Польша. Они вторглись в нашу страну, разоряя всё на своём пути. В результате польско-шведской интервенции 1609—1612 гг. успехи борьбы с Польшей и Литвой фактически были сведены на нет. Смоленск и его округа вновь перешли под власть Польши, а выход к Финскому заливу был заперт шведскими гарнизонами.

Однако новое русское правительство не собиралось отказываться от своих временно утраченных владений. В 1613—1615 гг. {399} оно ведёт оживлённые дипломатические переговоры. Русские послы отправлялись в Турцию, Англию, Голландию, Францию, Данию, Австрию, собирали сведения об европейских делах, восстанавливали прерванные за годы польской интервенции отношения, старались выяснить, какие противоречия сейчас назревают между отдельными государствами, пытались соблазнить и Австрию и Англию антитурецким союзом; словом, делали всё, что бы могло способствовать быстрейшему заключению мира с Польшей и Швецией. Усилия московских дипломатов увенчались успехом. Англия и Голландия, заинтересованные в возобновлении торговых отношений с Россией, выступили посредниками между Россией и Швецией. Английский король Яков I снарядил посольство в Россию во главе с Джоном Мерриком (1614), Голландия — посольство Ван-Бредероде, Баса и Иоахима. Поражение под Псковом, с одной стороны, и напряжённая обстановка в Германии перед Тридцатилетней

войной — с другой [1] заставили шведского короля Густава-Адольфа поторопиться с заключением мирного договора с Россией. В 1617 г. был подписан Столбовский договор, по которому освобождался Новгород, но за Швецией оставались все русские города у Финского залива.

В 1615 г. при посредничестве германского императора начались переговоры России и Польши. Однако польские паны сделали ещё одну попытку захватить Москву. Осенью 1618 г. королевич Владислав осадил Москву, но потерпел поражение. В конце 1618 г. в селе Деулине было подписано и русско-польское перемирие на четырнадцать с половиной лет.

Оправившись от последствий интервенции, русское правительство уже в 20-х годах XVII столетия снова начинает вести энергичную внешнюю политику, мечтая в первую очередь о возобновлении борьбы с Польшей с тем, чтобы ликвидировать тяжёлые последствия Деулинского перемирия. Международное положение в это время благоприятно складывалось для Русского государства. В 1618 г. началась в Западной Европе Тридцатилетняя война.

Склоки между католическими и протестантскими владетельными князьями, национально-освободительная борьба Чехии против Габсбургов привели к всеобщему европейскому взрыву. Против католической агрессивной Австрии стала образовываться коалиция.

Русское правительство, во главе которого фактически стоял патриарх Филарет, внимательно следило за развёртыванием событий. Разгоравшаяся европейская борьба давала Москве надежду на успешную борьбу один на один с Польшей. Оба враждебных лагеря западноевропейских государств, со своей стороны, уделяли Русскому государству немалое внимание. В 1626 г. на Брюссельском съезде представители держав габсбургского ла-{400}геря даже обсуждали проект о посылке испанский эскадры в Белое море с целью захвата и уничтожения голландских и английских торговых судов, приходивших за короткое северное лето в Архангельск и вывозивших оттуда лён, пеньку, смолу, канаты, т. е. всё необходимое для оснащения военного флота. Особое внимание уделялось также вывозу из России в Швецию, Данию и Голландию такого важного продукта, как селитра (селитра шла на изготовление пороха). В 1627 г., например, Голландия получила от русского правительства 3 тыс. пудов селитры. Если к этому прибавить, что через Русское государство шли удобнейшие пути на Восток, о котором западноевропейские купцы мечтали и во сне и наяву, то станет вполне понятна их заинтересованность в нём. Английское государство, купечество которого было заинтересовано в вывозе из России сельскохозяйственных продуктов и сырья, с 1628 по 1631 г. обменялось с московским правительством 16 письмами, добиваясь разрешения на вывоз хлеба в Англию. О том же просили и Дания, и Голландия, и Швеция, и Франция. Швеция ещё с 1618—1620 гг., а Голландия в 1621 г. стараются заключить союз с Русским государством, обещая помощь в борьбе с Польшей.

Однако русское правительство не торопилось; оно прекрасно понимало, что все эти предложения вызваны их собственными затруднениями. Русские знали, что для своего выступления они должны выбрать наиболее удобный момент, когда враг будет не так силен и меньше понадобится проливать крови своих воинов. В 1620 г., когда началась турецко-польская война, русское правительство готово было выступить против Польши. В начале 1621 г. московское правительство отправляет в Германию, Францию и Англию посла Юрия Родионова с казалось бы невинной целью — найти невесту для Михаила Фёдоровича. Однако цель этого посольства была совсем иной. Русскому правительству нужно было выяснить позицию Англии и Франции и узнать, будет ли Австрия оказывать помощь Польше.

Сведения, полученные Родионовым, оказались благоприятными. Ободрённые этим, Михаил Фёдорович и патриарх Филарет решились было возобновить борьбу с Польшей, но, узнав о поражении турецкой армии под Хотином от польских войск, вновь стали выжидать.

Благоприятная обстановка наступила к 30-м годам, когда в Тридцатилетнюю войну вступила Швеция и её сильная армия появилась в северной Германии. Шведский посол в России все силы прилагал к тому, чтобы вовлечь, наконец, Россию в войну с Польшей. Он утверждал в 1629 г., что «если государь [Михаил Фёдорович] войны с польским королём не начнёт, то государю нашему [т. е. шведскому королю] против цесаря, стоять будет тяжело, потому что цесарю помогают испанский король, папа римский и король польский». {401}

[1] См. статью «Тридцатилетняя война».

Ещё в 1626 г. Густав-Адольф через своих послов сообщил русскому правительству о планах Польши и Австрии. Русское правительство сознавало, что планы шведского короля Густава-Адольфа зависят от позиции России. Поэтому оно решило рекомендовать шведскому королю «выразуметь и взять себе в мысль крепко», что только в случае русско-польской войны польский король не сможет помогать императору.

Активно поддерживал Густава-Адольфа и фактический правитель Франции кардинал Ришелье. В 1629 г. французский посол Курменен с большой свитой прибыл в Москву, что вызвало большое волнение в польских правящих кругах. «Его царское величество, — рассыпался в комплиментах де Курменен, — глава и вождь в восточных странах греческой веры; Людовик, король французский, глава и вождь в полуденных странах. Когда царь и король Франции установят меж собой добрую дружбу и полное согласие, тогда у враждебных им государей много силы убудет». Московский двор сдержанно отнёсся к предложениям французского посла о союзе [1]. Однако, сохраняя нейтралитет, московское правительство охотно поддерживало противников габсбургского блока. В 1626—1629 гг. в Данию было вывезено 109 тыс. четвертей хлеба. С 1628 г. экспорт русского хлеба особенно усиливается в Швецию (за 1628—1633 гг. более 400 тыс. четвертей). Вывозимый хлеб затем перепродавался на международных рынках, а вырученные средства шли на содержание армии.

Шведы начали боевые действия в Германии против императора, и только тогда, когда они одержали решительную победу над имперскими войсками при Брейтенфельде (17 сентября 1631 г.) и умер польский король Сигизмунд III (апрель 1632 г.), а вслед за этим в Польше начались обычные неурядицы, сопровождавшие каждые новые выборы короля, русские войска в 1632 г. перешли в наступление против Польши и осадили Смоленск. Но готовиться к войне в Москве начали задолго до этого. Начиная с 1626—1627 гг. в Россию из Голландии, Швеции, Англии шёл поток военных материалов, московские представители все эти годы старались о том, чтобы в этих государствах разместить, как мы сейчас бы сказали, военные заказы. Ещё в начале 1631 г. специальными грамотами английский и датский короли и штатгальтер Нидерландов были извещены о готовности Русского государства выступить против Польши. Русское правительство ссылалось при этом на общий план Австрии и Польши покорить другие государства, подчёркивая этим, что оно выступает борцом против католичества, «да и то нам ведомо, что королевич Владислав хочет доступати нашего Московского государства, и разорить государство и веру нашу христьянскую, а свою еретическую папешскую проклятую веру ввести и утвердить по {402} умышлению папы римского и по совету цесареву и короля Шпанского и короля Литовского». О Габсбургах, которые стояли во главе этой коалиции, в грамоте было сказано: «они злым своим советом и умыслом хотят Датцкое и Свейское королевства и иных государей евангелицкие веры государства их разорить, а потом и над нашим Московским государством тоже учинить».

Начатая война с Польшей оказалась неудачной. Швеция не оказала военной поддержки. Русские войска дошли во всех пунктах до старой русско-польской границы, но войско воеводы Шеина, осаждавшее Смоленск, попало в окружение к подошедшим польским подкреплениям и сдалось. В 1634 г. был заключён Поляновский мирный договор, ничего не изменивший в границах. После этой неудачи московское правительство отказалось от активной внешней политики почти на 20 лет, что в значительной степени было обусловлено обострением классовой борьбы внутри государства. Русский представитель в Швеции Д. Францбеков покинул Стокгольм, «потому что ему быть не для чего», как объясняло московское правительство.

Торговые сношения, однако, по-прежнему развивались. Русские вывозили за границу лён, пеньку, кожи, поташ, дёготь, икру, сукно, полотно, хлеб, сало и др. Число иностранных кораблей, в основном английских и голландских, приходивших в Архангельск, с каждым годом увеличивалось. В некоторые годы прибывало до ста кораблей. В отличие от прошедших лет окрепнувшее русское купечество всё чаще и чаще стало настойчиво добиваться уничтожения привилегий иностранных купцов, особенно англичан в России. Эти привилегии сильно раздражали русское купечество. Иностранные купеческие корпорации стремились вытеснить отовсюду русских купцов. Правда, английские и голландские конкуренты шпионили друг за другом, писали друг на друга доносы, ставили клейма своих противников на собственные пло-

[1] См. статью «Французское посольство в Москве».

хие изделия, и это облегчало русским купцам борьбу с ними. На протяжении 20—40-х годов XVII в. русские купцы неоднократно подавали правительству челобитные. Особенно интересна была челобитная 1646 г., в которой русские купцы очень образно описывали торговые приёмы английских и других купцов, всячески старавшихся нанести урон своим русским конкурентам. «И у Архангельского города русским людям товаров не учали продавать и на русские товары менять, а учали свои всякие товары к Москве и в иные городы привозить: и как который товар будет подороже, и они тот товар учнут продавать, а который товар подешевле, и на который товар походу нет, и они тот товар держат у себя в домах года по два и по три, да как тот товар подымется ценою, так и продавать учнуть...»

Дальше они писали о бойкоте иноземных купцов русского купца Антона Лаптева, отправившегося со своими товарищами в Амстердам: «Зговоряся и сослався о том заодно, у него Онтона, ничего не купили ни на один рубль...». Под давлением рус-{403}ских купцов англичане в 1649 г. были лишены привилегий. Охраняя доходы казны и интересы своего купечества, русское правительство упорно не шло на настойчивые просьбы западноевропейских посольств, хлопотавших в Москве о разрешении их купцам вести торговлю через Волгу и Каспийское море со странами Востока. В 30-х годах, например, этого упорно добивалось голштинское посольство, в составе которого находился известный тогда учёный и путешественник Адам Олеарий, написавший очень подробное сочинение «Путешествие Голштинского посольства в Московию и через Московию в Персию и обратно».

Стараясь ограничить права иноземных купцов в России, московское правительство, с другой стороны, часто использовало их в своих целях у них на родине. Так, при Алексее Михайловиче амстердамские купцы Клинк и Фогелар, живя в Амстердаме, исполняли различные поручения русского правительства. Прекрасно сознавая значение балтийского пути в Западную Европу, московское правительство не пошло на предложения шведов, тщетно предлагавших, чтобы русские товары шли вместо Архангельска к балтийским портам, принадлежавшим Швеции. Такой путь неизбежно поставил бы всю русскую торговлю под контроль шведов. Московское правительство, правильно оценив это предложение, отклонило его.

Развивались и культурные связи с Западной Европой. В 1650 г., например, Генеральные Штаты Голландии, зная о том, как интересуются русские географией, преподнесли царю Алексею Михайловичу огромный медный глобус в семь футов диаметром.

В середине XVII в., используя национально-освободительную борьбу украинского и белорусского народов под руководством Богдана Хмельницкого против панского гнёта, русские возобновили борьбу с Польшей. Ещё раньше польское правительство пыталось привлечь русское правительство к союзу против крымских татар; после вступления на престол Алексея Михайловича в Москву прибыл польский посол. «Великое королевство Польское... и великое государство Русское, — говорил он, — как два кедра ливанские, от одного корня созданы... из единой крови славянской и от единого языка славянского». Однако за этими справедливыми словами скрывался тайный, враждебный для Русского государства расчёт. Надеясь вовлечь русское правительство в войну с Крымом, польские паны надеялись усмирить вновь поднимавшиеся народные массы Украины и Белоруссии и удержать за собой западные русские области. Московские дипломаты не пошли на этот коварный план. Россия к этому времени была тесно связана с украинскими землями. Их объединяли и национальные, и культурные, и торговые интересы. Тысячи украинцев, спасаясь от панского террора, уходили в пределы Русского государства. Богдан Хмельницкий с начала восстания не раз обращался к русскому правительству за помощью; он {404} понимал, что Украина самостоятельно не может свергнуть иго панов. В начале 1649 г. украинское посольство в Москве официально просило о включении Украины в состав Русского государства.

Правительство царя Алексея Михайловича очень благожелательно относилось к предложениям украинских посольств; однако напряжённая классовая борьба внутри государства не позволяла ему немедленно согласиться на присоединение Украины и вступить в борьбу с Польшей. Но народные движения были подавлены. Русское феодальное правительство, заручившись поддержкой Земского собора (1653), заключило с Богданом Хмельницким договор о присоединении Украины к России на условиях автономии и признания прав казацкой старшины, городского населения и духовенства. На Переяславской раде 18—19 января 1654 г. было торжественно провозглашено присоединение Украины к Русскому государству. Присоедине-

ние к Русскому государству давало возможность Украине в братском союзе с великим русским народом развиваться более быстрыми темпами, спасало от опустошительных набегов крымских татар, национального и религиозного угнетения. В начавшейся войне с Польшей (1654—1667) русские войска сразу же перешли в решительное наступление на Смоленщину и Белоруссию.

Русские войска заняли Смоленск, Минск и дошли до Вильны. Война с самого начала стала приобретать общеевропейское значение. Воспользовавшись тяжёлым положением Польши, своего постоянного соперника на Балтике, боясь усиления России, шведское правительство в 1655 г. решило выступить против Польши. Шведские войска заняли Варшаву. В Западной Европе быстрый успех их произвёл большое волнение. Шведское выступление было отнюдь не в интересах России, так как «царского величества у ратных людей свейские ратные люди дорогу переняли». Образовалась антишведская коалиция — Империя, Дания, Бранденбург и Голландия. Эти государства немедленно стали побуждать русское правительство урегулировать отношения с Польшей и выступить против Швеции. Перед русским правительством вновь возник вопрос о возобновлении борьбы за Прибалтику и, следовательно, вопрос о войне со Швецией. Шведское правительство со своей стороны стремилось не только к захвату Польши, но и территорий, только что отвоёванных русскими войсками. В начавшейся войне со Швецией русские войска, продолжая одерживать победы, заняли Дерпт, Динабург и дошли до Риги. Воспользовавшись отвлечением русских сил, польское правительство, пользуясь посредничеством Империи, — предложило России перемирие, которое было заключено в Вильно (1656). Однако вскоре под Ригой русские войска потерпели поражение. Украинско-белорусский вопрос оставался открытым. Вести борьбу и с Польшей и со Швецией одновременно было трудно.

В русском правительстве боролись два течения — продол-{405}жать войну с Польшей или заключить с ней мир и попытаться пробиться к Балтийскому морю. Последний проект выдвинул и упорно защищал талантливейший русский дипломат XVII века А. Л. Ордин-Нащокин. Однако царь Алексей Михайлович склонился к сторонникам войны с Польшей. Отказавшись от всех отнятых у шведов земель в Прибалтике и заключив со Швецией мир в Кардисе (1661), русское правительство продолжало войну с Польшей. Империя, особенно заинтересованная в сохранении целости Польши, её обычной союзницы, неоднократно пыталась посредничать между воюющими сторонами. В 1661 г. в Москву приезжал посол императора Леопольда II барон Мейерберг, опытный дипломат, оставивший о своём путешествии в «Московию» интересные записки; однако добиться он ничего не смог

Только в 1667 г., наконец, было заключено Андрусовское перемирие. Левобережная Украина, Киев и Смоленск отходили к Русскому государству. Постоянная опасность со стороны Польши была ликвидирована.

Дипломатический успех этого перемирия, «свыше человеческой мысли», как тогда говорили, был достигнут в значительной степени благодаря талантам русского представителя А. Л. Ордин-Нащокина. Условия перемирия были закреплены в 1686 г. уже «вечным» миром с Польшей. После присоединения украинских земель из Киева в Москву приехало много учёных — богословов, философов, литераторов, в числе которых были известные учёные Епифаний, Славиницкий, Мелетий Смотрицкий, Симеон Полоцкий и другие, которые много сделали для развития русской культуры и просвещения.

Объединение русского и украинского народов обострило отношения России с Турцией и Крымом. Население Правобережной Украины стремилось также перейти под власть России. В этих условиях назревала новая борьба. Русское правительство это понимало. Оно серьёзно задумывалось, не начать ли борьбы с Турцией за южноукраинские земли, за выход к Чёрному морю. Московские дипломаты, представители при иностранных дворах, стремились теперь к созданию широкой антитурецкой коалиции. Более десяти лет хлопотали русские дипломаты. Генерал Менезий был отправлен в Бранденбург, в Вену, Венецию и к папе римскому; Андрей Виниус — во Францию и Испанию; Емельян Украинцев — в Швецию и Голландию; Чаадаев — в Англию и Францию; Кривой-Бутурлин — в Австрию и Бранденбург. Деятельность русской дипломатии увенчалась в 1686 г. успехом: была создана коалиция из Империи, Венеции, Польши и Русского государства. Впервые Русское государство по своему почину создало большой политический союз, направленный к тому, чтобы решить важную политическую за-

дачу. Русское правительство хотело не только возвратить южнорусские земли, но и помочь угнетённым народам Балканского полуострова. Представители славянского духовенства, как и прежде, постоянно приезжали с Балкан в {406} Москву, где горько жаловались на угнетение и истребление турками сербского и болгарского населения. Турецкие власти очень неодобрительно смотрели на это паломничество и прибегали к жестоким мерам, чтобы его прекратить. В 50-х годах XVII в. они обвинили в шпионаже сербского патриарха Гавриила, торжественно принятого в Москве, и повесили его после возвращения на родину.

Когда война с Турцией началась и австрийские войска заняли всю Сербию, сербское население обратилось к России с просьбой о помощи против австрийцев или, как оно их называло, «швабов», начавших искоренять православную веру. От имени сербского патриарха Черноевича и валашского господаря в Москву был послан архимандрит Исаия, чтобы убедить правительство царевны Софьи оказать балканским христианам помощь как против турок, так и против «папажников» (т. е. сторонников католической веры) — австрийцев. В Москве Исаия яркими красками обрисовал бедственное положение сербов. Когда Исаия возвращался на родину, то был арестован австрийскими властями и посажен в тюрьму.

Подводя итог нашему рассказу, мы можем сказать, что в XVII в. были упрочены политические и торговые отношения не только с западноевропейскими государствами. Огромное значение имели также постоянные сношения с Турцией, Кавказом, Персией; в 1689 г., согласно Нерчинскому мирному договору, были урегулированы русско-китайские политические и торговые связи. Окончательное же решение как черноморской проблемы, так и балтийской относится уже к XVIII в., ко временам правления Петра Великого и Екатерины II.

Дипломатические приёмы в Русском государстве.

В результате более чем двухвекового постоянного общения с другими государствами в Русском государстве выработался очень строгий, пышный и не лишённый известной последовательности дипломатический ритуал, появились свои талантливые дипломаты.

В многочисленных записках западноевропейских авторов уделено много места описанию дипломатических приёмов, устраиваемых в Москве в честь прибытия какого-либо иностранного посольства. Послы из Западной Европы ехали обычно в Москву через Польшу — Краков, затем через Литву — Вильно и далее через Ливонию и Новгород, или более короткой, но более трудной дорогой — через Минск, Оршу, Смоленск и Можайск. Подъезжая к московским рубежам, посольство должно было известить власти близлежащего русского города о своём приближении. Получив такое извещение с точным указанием ранга лица, возглавлявшего посольство, городские власти посылали в свою очередь донесение в Москву, а сами устраивали приём приезжим ещё до того, как они подъедут к городу. Посол должен был обязательно слезть с лошади или выйти из экипажа, и тогда про-{407}исходило предварительное знакомство с встречающими, которые очень зорко следили за тем, чтобы иностранец слез с лошади раньше их, и тем самым «государева честь» была бы сохранена. До тех пор, пока из Москвы не приходило ответа с разрешением посольству продолжать путь к Москве, посольство не имело права тронуться с места и находилось на попечении воеводы. Если посольство ехало от важного государя, то его встречали пушечной пальбой, членов посольства щедро угощали разными винами, мёдом и т. п. Дальнейшее содержание посольства принималось целиком на русский счёт, причём очень внимательно следили за тем, чтобы послы ничего не покупали. Таким же порядком, только гораздо пышнее, обставлялся и въезд посольства в Москву. Специальные уполномоченные царя встречали его неподалёку от Москвы, также внимательно следили за тем, чтобы посол первым обнажил голову и слез с лошади. Иностранцы, со своей стороны, старались, чтобы русские уполномоченные сделали это первыми: обе стороны долго хитрили, обманывали друг друга ложными движениями, отчего сплошь и рядом происходили шумные сцены. Например, посол Герберштейн, знавший русский церемониал, однажды, слезая с лошади, перекинул ногу через седло, но вместо того чтобы поставить её на землю, быстро принял прежнее положение; не ожидавший этого русский представитель не сумел последовать манёвру Герберштейна и очутился на земле первым к крайнему своему неудовольствию.

Встречающие осведомлялись от имени государя о здоровье государя, от которого ехал посол, о том, как посольство доехало, а затем обе стороны опять старались как можно быстрее первыми надеть головной убор и вскочить на лошадь. Тут опять не обходилось без всевозмож-

ных хитростей. Однажды турецкому послу подали такую горячую лошадь, что он никак не мог сесть на неё. Самый въезд в Москву обставлялся необычайно пышно. Прямой политический расчёт диктовал как можно сильнее поразить иностранных послов богатством вооружения, одежды, многочисленностью войска. Из царских кладовых на этот случай выдавались особые одежды, сделанные из дорогих тканей — парчи, бархата, как правило, ярких цветов, с драгоценными украшениями. Один из участников польского посольства в Москве в 1678 г. Б. Таннер писал в своих записках о встрече:

«Военачальники верхом на статных конях, на богатых персидских сёдлах в разнообразных одеждах красою и величественностью превосходили один другого. Подъехав к городу ближе, глядим — новый, невиданный дотоле отряд воинов! Цвет длинных красных одеяний был на всех одинаков; сидели они верхом на белых конях, а к плечам у них были прилажены крылья, поднимавшиеся над головой и красиво расписанные; в руках — длинные пики, к концу коих было приделано золотое изображение крылатого дракона, вертевшееся по ветру...

Мы проехали уже три четверти мили, когда встретили цар-{408}ских спальников в богатом наряде, мчавшихся на роскошно убранных иноходцах. Сознаюсь, что мне не под силу описать, как следует, убранство их, разнообразие одеяний и прочее великолепие всей этой вереницы — необычайную их пышность, красу и блеск можно разве вообразить! Впрочем, расскажу, как сумею что в изумлении я увидел.

На всадниках ловко сидели красные полукафтанья, а другие вроде длинного плаща мастерски вышитые, подбитые соболем были накинуты на шею, они называют их ферязями. На каждой ферязи на груди по обе стороны виднелись розы из крупных жемчужин, серебра и золота. Они носили эти ферязи, отвернув их у правого локтя и забросив за спину. Блиставшие на солнце каменьями, золотом и серебром шапки придавали ещё больше красы этой веренице и без того нарядных спальников. Сбруя тоже была великолепна: справа и слева от удил до передней седельной луки, в виде полукруга, висели серебряные, а иные так и золотые, испещрённые разными узорами цепи, толщиною в три пальца, их бряцание заставляло коней привскакивать... Конские ноги украшались подковами, тоже производившими звук от привешенных к ним серебряных цепочек, и дорогими наколенками. Словом, весь отряд их (думается, было их до двухсот) так и горел, как жар, своим светлым убранством».

В самом городе по сторонам улиц шпалерами стояли стрельцы, причём каждый стрелецкий полк или, как тогда назывался, приказ имел кафтаны особого цвета. Гремела музыка, огромные толпы народу заполняли оставшиеся свободными части улиц. Мейерберг в своих записках пишет по этому поводу, что можно было подумать, что ни одной души в это время не оставалось дома. В Москве посольству отводили особый дом. Немедленно оно снабжалось обильными запасами продовольствия на каждый день. Так, например, голштинское посольство в 1634 г., состоявшее из 34 человек, получало в день 62 каравая хлеба, четверть быка, 4 барана, 12 кур, 2 гуся, 1 зайца или тетерева, 50 яиц, свечи, четверть ведра испанского вина, 2 ведра мёда, три четверти ведра пива и несколько меньше водки; кроме того, на неделю выдавался пуд масла, пуд соли, 3 ведра уксуса. По воскресеньям этот «паёк» увеличивался.

Пышно обставлялся и первый приём у царя. Послы обязательно привозили многочисленные подарки в знак внимания и уважения. Эти подарки торжественно принимались, и послы наделялись в свою очередь подарками.

Западноевропейские послы подносили серебряную (позолоченную) посуду — «лохани», кубки, солонки, стопы, а также рукомойники, изображения животных, часы, дорогие материи — бархат, атлас. Послы из восточных стран — дорогое оружие, ковры, шёлковую материю, редких живых животных — слонов, попугаев, охотничьих соколов.

Так, например, 6 марта 1619 г. посланник английского короля {409} Якова I Томас

Файл ist410.jpg

Боярская дума. *С картины А. П. Рябушкина.*

Швил «ударил челом» царю Михаилу Фёдоровичу, т. е. преподнёс ему кубок. Как всегда, подарки немедленно приходовались в казну и описывались. Поднесённый кубок был описан следующим образом: «Кубок серебрян, золочен... по кубку и по покрышке изнутри выбиваны травы, ... под пузом 3 дуги литые завернулися, у них головы человечьи, пониже дуб репей на покрышке 3 дуги литые завернулися, у них головы человечьи, на дугах теремок, поверх теремка

яблоко, под яблоком три дуги литые завернулися, на яблоке человек литой крылат: в правой руке книга, а левую руку зжал».

Или 15 декабря 1620 г. английский посланник Джон Мерик преподнёс серебряного льва «...стоит на задних ногах, правая нога на поддоне, хвост между ног лежит по земле, правую лапу поднял вверх, левую прижал к себе». В ответ иностранные послы получали меха — собольи, бобровые, куньи, сукна, а иногда подарки, преподнесённые царю другими посланниками; так серебряный кубок, привезённый Томасом Швилом, уже 13 апреля 1619 г. был пожалован иерусалимскому патриарху Феофану.

После торжественного приёма начинались деловые заседания, менее пышно обставляемые, но доставлявшие иностранным послам больше всего неприятностей. Русские дипломаты, назначаемые специально по каждому особому случаю для переговоров, по единодушному признанию иностранцев, поражали их своим необычайным уменьем отстаивать принятые положения. Мейерберг, обвиняя русских в подозрительности и плохо скрывая досаду, откровенно признавал московских дипломатов очень серьёзными противниками: «Эти лица собирают вместе все тонкости {410} закоснелого лукавства, чтобы провести их [т. е. западноевропейских послов], либо выдавая ложь за правду [по мнению Мейерберга, конечно], либо умалчивая, о чём надобно сказать, и ослабляют обязательную силу всяких решений на совещаниях тысячью хитрых изворотов, дающих превратный толк им, так что они совсем рушатся... всё это делает для иноземных послов исправление возложенных на них дел до того тягостным, а успех их до того сомнительным, что они нередко раскаиваются, что взяли на себя такую должность».

Тщательно взвешивая не только каждое предложение иноземного посланца, но и каждую сказанную им фразу, московские дипломаты старались обезопасить себя от какого-нибудь неожиданного и неугодного им поворота мысли своего противника. Заседания затягивались иногда на много месяцев. Московские дипломаты искали в своих архивах всё, что могло им помочь при переговорах, ссылались на предыдущие переговоры, и обстоятельным знанием их привели в полное удивление папского посла Поссевино.

После переговоров, особенно, если они благополучно оканчивались, царь приглашал послов на обед, после которого они обычно уносили с собой сосуды, из которых пили, поэтому «для таких бессовестных послов деланы нарочно в английской земле сосуды медные, посеребряные и позолоченные».

Русские дипломаты за границей вели себя согласно строго выработанному обычаю. Подьячий Г. Котошихин, изменивший родине и бежавший в XVII в. в Швецию, написал там по поручению шведских властей подробное сочинение о Русском государстве. Несмотря на полную аморальность этого изменника, казнённого в конце концов в Швеции по обвинению в убийстве, его записки дают нам интересный материал, и в частности по организации русской дипломатической службы. Большим недостатком русской дипломатии до Петра Первого было то, что за границей не было постоянных русских дипломатических представителей. И в Москве иностранные представительства, если и были, то далеко не от всех государств и не постоянно. Все дипломатические сношения происходили при посредстве специальных посольств.

Г. Котошихин писал о том, куда они обычно отправлялись и кто их возглавлял, так как внешнеполитические связи определялись не только важностью и силой того или иного государства, но в большей степени заинтересованностью русского правительства в том или ином сотрудничестве.

«К цесарскому величеству римскому великие послы не посылываны давно, потому что дальний проезд... А посылаются к цесарю посланники роду середьнего, которые бывают в думных дворянах и в окольничих»; в то же время в Польшу посылались «великие послы, бояре болших родов первые статьи...», в Швецию — «великие послы, околничие другой статьи родов, которые {411} в боярах не бывают», в Англию — «столники первые статьи родов, кото-

Файл ist412.jpg

Спасские водяные ворота Китай-города у Москворецкого моста XVII в.
С картины А. М. Васнецова. {412}

рые из столничества бывают в боярех» и т. д. За границей русские послы неукоснительно должны были следовать «статейным спискам», т. е. инструкциям, которые им давались в Москве.

При иностранном дворе они прежде всего должны были «оберегать государеву честь», т. е. сохранять достоинство государства. «За государеву честь должно нам всем умереть», — говорили московские представители. «Оберегая честь государеву» и следуя своей инструкции, они проявляли огромное упорство в переговорах.

Много талантливых дипломатов было среди русских, не говоря уже о царях Иване III и Иване IV, обладавших большими дипломатическими способностями. При Иване Грозном выдвинулись Висковатый, по отзывам иностранцев «отличнейший человек, подобного которому не было в то время в Москве», и Андрей Щелкалов, по тем же отзывам «человек необыкновенно пронырливый, умный и злой» (т. е. неуступчивый). В середине XVII в. Посольский приказ возглавлял Ерофей Иванович Иванов (Алмаз), бывавший в странах Востока, где он изучил персидский и турецкий языки, в Стокгольме, Варшаве, и о котором иностранные представители при всём их высокомерии отзывались с большим уважением. Его современником был знаменитый русский дипломат Алексей Лаврентьевич Ордин-Нащокин, а несколько позднее, в конце XVII в., выделялся как опытный дипломат князь Василий Васильевич Голицын.

А. Л. Ордин-Нащокин происходил из захудалого рода псковских помещиков, но своими необычайными дарованиями добился высшего титула в тогдашней феодальной иерархии — боярина, и стал начальником Посольского приказа. Передовой человек для своего времени, хорошо образованный, знавший польский, немецкий, латинский языки, математику, любивший и собиравший книги, он лучше, чем многие его современники, видел, как важно для России установить тесные связи с государствами Западной Европы и пробивать выход к Балтийскому морю. Настаивая на скорейшей реорганизации русской армии, Ордин-Нащокин, управляя частью Ливонии, строил флот на Западной Двине, выступал сторонником славянского объединения (в том числе и с Польшей) для борьбы с Швецией. Участник почти всех дипломатических переговоров 50—60-х годов XVII в. с польскими и шведскими дипломатами, Ордин-Нащокин сумел заключить Андрусовское перемирие на очень выгодных для России условиях. Он предпринимал шаги к заключению торговых договоров с Францией и Испанией.

Ордин-Нащокин придавал большое значение дипломатической службе. «Посольский приказ — есть око всей великой России, как для государственной превысокой чести и здоровья, так и промысл и попечение имея со всех сторон», — писал он. {413}

При всём своём глубоком интересе к порядкам в странах Западной Европы, А. Л. Ордин-Нащокин отнюдь не был слепым подражателем.

«Да что нам за дело до иностранных обычаев, — говаривал Ордин-Нащокин, — их платье не по нас, а наше не по них».

Иностранцы, встречавшиеся с ним, отзывались о нём с глубоким почтением; англичанин Коллинс писал: «Он великий политик, очень важный и мудрый государственный министр, и может быть не уступит ни одному из европейских министров».

Таким же сторонником сближения с Польшей, ослабленной и не опасной уже для Русского государства, был и князь В. В. Голицын, начальник Посольского приказа в правление царевны Софьи. В 1686 г. он вёл переговоры в Москве с польскими послами о заключении между Россией и Польшей вместо перемирия, заключённого почти 20 лет назад в Андрусове, «вечного мира». Голицын добился заключения этого мира, что было очень важно в связи, как указывалось выше, с оформлением антитурецкого союза.

Таким образом, несмотря на польско-шведскую интервенцию в начале XVII в., Русское государство сумело не только ликвидировать последствия польской интервенции, но и частично разрешить украинский вопрос. Русское государство стало активным и постоянным участником европейских политических союзов. В Москве, особенно во второй половине XVII в., начали появляться более или менее постоянные представители почти всех западноевропейских государств, заинтересованных в постоянных политических и торговых отношениях с Россией. В свою очередь развивая свои дипломатические связи, Русское государство прежде всех заботилось о самостоятельности и последовательности своей внешнеполитической линии. {414}